

18+

ЮЛИЯ МАКС

ДАХШТАЙН

MAINSTREAM МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

ЮЛИЯ МАКС
ДАХШТАЙН

MAINSTREAM МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Annotation

В двадцать один год получить в наследство целый особняк в Праге. Мечта? Дэниэль – тринадцатый потомок чернокнижника доктора Фауста, обречен служить дьяволу и еще не знает об этом. Однако об этом знают ведьмы, Люцифер и тайный ватиканский орден. Все они начинают охоту за его душой и его наследием.

Сможет ли Дэн противостоять злу и выжить? Что если искушение настолько сладко, а сотворенные грехи настолько черны, что не оставляют права на искупление?

- [Юлия Макс](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Музыкальное послесловие от автора](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)

- [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
-

Юлия Макс Дахштайн

Mainstream. Мистический триллер

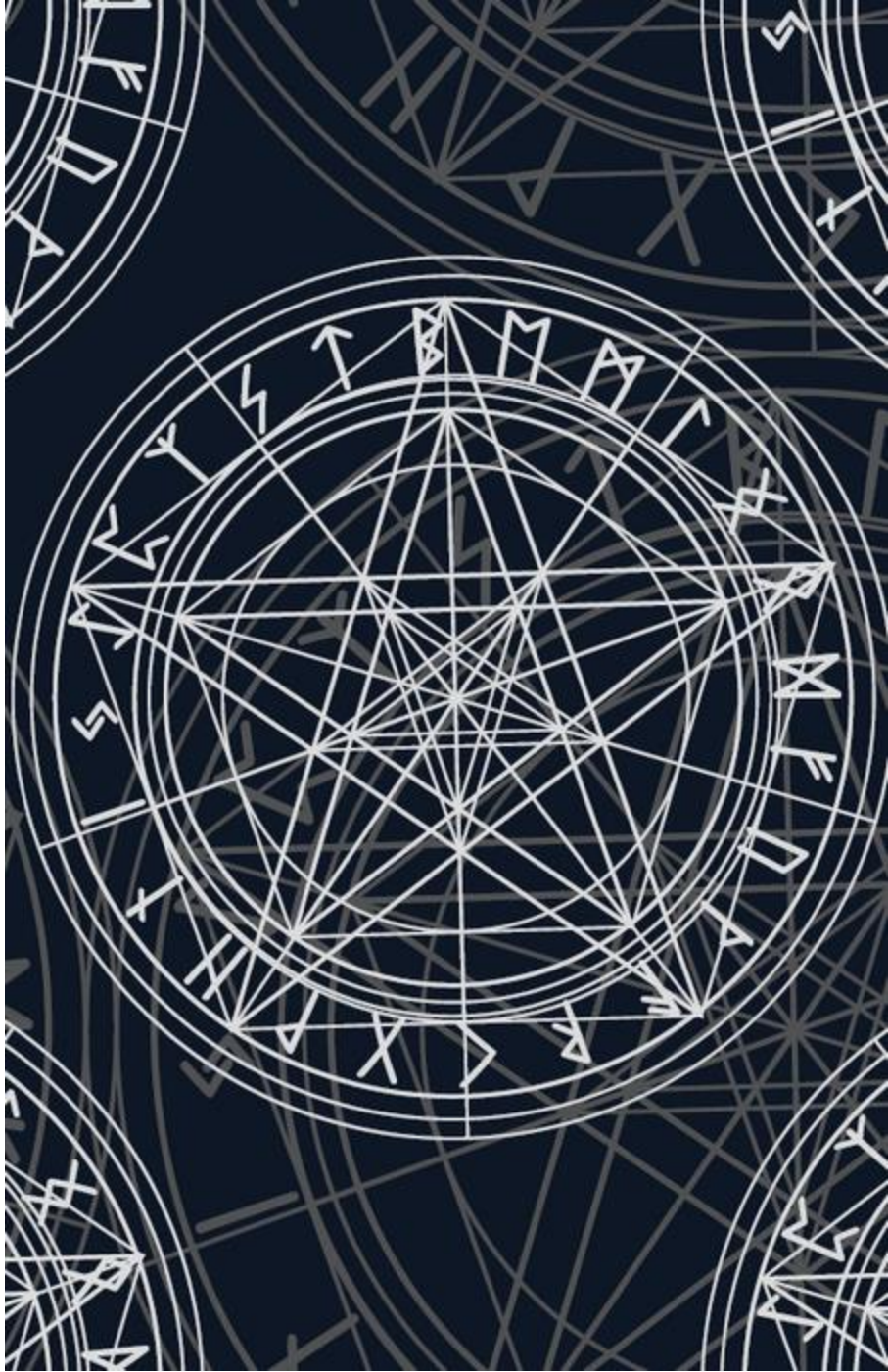
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Юлия Макс, 2023

© Яна Слепцова, иллюстрация на обложке, 2023

© Мария Вой, внутренние иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Aut inveniam viam aut faciam.

Или найду дорогу, или проложу ее сам.

Из окон старого корабля-отеля, навечно пришвартованного к пристани, я смотрел, как Влтава, переливаясь в ночных красках серебристой змеей, вползала под своды Карлова моста. Раздирая веревку на руках я понимал, что на этот раз мне не выбраться. Снаружи слышался гул забитых машинами улиц. Я представлял, как нормальные жители Праги празднуют Рождество и кладут подарки под

пушистые елки, дети на улице кричат: «Ежишек, приходи!», – а взрослые едят запеченного карпа и суют рыбью чешую в кошельки.

Колокол на соборе святого Вита пробил двенадцать раз, началась ночная месса, а значит, через полчаса полоумные фанатики принесут меня в жертву как какого-то ягненка.

Я задержался еще сильнее, пытаюсь освободиться, когда услышал медленные шаги по скрипучей деревянной палубе.

«А все началось с дурацкого сна», – только и успел подумать я, прежде чем дверь каюты распахнулась и в проеме показался высокий худой силуэт.

За три месяца до этого

Напротив зеркала стояла девушка с янтарными^[1] глазами и копной рыжих волос. Волнистые пряди падали, закрывая грудь, и виднелись только розовые соски. Вниз от пупка змеились ссадины и кровоподтеки.

Что чувствовала незнакомка, глядя в зеркало? Ужас? Или наслаждение?

Ее лицо застыло венецианской маской.

Парень за ее спиной разглядывал отражение. Поднял руку, ласково провел по девичьему плечу, задел рыжие локоны, а после со всей силы сжал горло.

* * *

Я выплыл из сна и вытер потный лоб, коснувшись гладкого шрама над бровью. Курить хотелось до зуда в горле. Сигарет не было – я ведь бросил.

Уже две недели мне снился один и тот же сон о девушке, которую я избивал, а затем душил. Провел рукой по всклокоченным волнистым волосам, резко выдохнул, успокаивая взбесившийся пульс. После первого сна проснулся в испуге, но спустя несколько дней начал испытывать возбуждение, наблюдая со стороны, как моя рука сжимает горло нагой красотки. Я начал думать, что со мной что-то не так. Может, пришло время записаться к психотерапевту?

Сон преследовал с тех пор, как я прилетел в Прагу из Калифорнии на съемки сериала. Помню, как был до смешного горд, что меня, выпускника Университета Лос-Анджелеса, сразу пригласили первым помощником режиссера.

– Почему они снимают в Праге? – глупо спрашивал я у сидевшего рядом друга. Глупо потому, что стоило самолету приземлиться, как меня прошибло восхищением. Казалось, средневековой готикой здесь был пропитан даже воздух. Я пропал – влюбился в город с первой минуты. Следующие дни посвятил погружению в живые декорации. Наслаждался прогулками по узким улочкам, вдыхал ароматы глинтвейна и сладкой выпечки, слушал орган в соборе Святого Вита. Старинная брусчатка казалась мне плитками шоколада, отполированными временем и тысячами пар ног восторженных туристов. До невозможности красиво!

Где-то под кроватью взорвался мелодией мобильный.

– Привет, – прокричал я, вставая.

– Дэн, бегом на студию! У нас ЧП! – как всегда энергично завопил Фил Митсон.

Я запустил руку в волосы и зевнул. Мне стало интересно, что такого могло стрястись за выходные. На студии с многонациональной командой и чешским руководством еще не привык то к слишком медленному ритму, то к четкому быстрому забегу, словно я снова в Америке. Чехи и в быту, и в работе были слишком медлительные, что шокировало меня в первые дни, а спустя время стало раздражать.

– Дэ-э-э-эн! Не спи, дружище! Проблема с главной актрисой: никто не видел ее со среды. Съемки горят. Приезжай! Главный рвет последние волосы и хочет вместе с тобой срочно присмотреть замену. Я позвонил в агентство, и все свободные актеры будут прослушиваться у нас пару дней.

Слушая друга, я прошлепал к холодильнику и застыл от удивления у открытой дверцы.

– Мира вроде собиралась в Альпы, покататься на лыжах с новым парнем, – вспомнил я счастливое щебетание актрисы, которая, будь ее воля, могла выдавать более ста тысяч слов в минуту, рассказывая о себе.

– Говорят, она не вернулась. Мобильный выключен, и парень пропал вместе с ней. Сегодня на киностудию звонили родители Миры.

Дэн, все серьезно, – звучал в трубке обеспокоенный голос Фила.

Странно. Девушка была ответственной и пунктуальной, чем похорошему бесила нас, творческих людей. Последний год я тоже стал более аккуратным и собранным, чего не скажешь про Фила, который любил хаос во всем.

– Буду через двадцать минут, – на ходу запрыгивая в джинсы пообещал я.

Меня поселили в квартиру-студию в районе Летняны, которая принадлежала «Баррандову». Минимализм я любил. В «быте»^[2] не было ничего вычурного, только самое необходимое: шкаф-купе у стены, рядом кровать. Комнату от кухни отделяла сквозная книжная полка, куда я успел купить несколько томиков по истории Праги на английском и учебник чешского для начинающих. Одно лишь зеркало, висящее в коридоре, выбивалось из общего стиля своей антикварной рамой.

Погладив по привычке гладкий крест серьги, которую подарила бабушка на восемнадцатилетие, я выглянул в окно. Чернильное пражское небо сегодня гремело тучами. Я весело хмыкнул. Поистине непредсказуемая погода в Чехии – дождь, жара и ветер могли сменять друг друга каждый час. В коридоре застрял, распутывая ненавистные длинные шнурки на кроссовках.

В зеркале мелькнула рыжеволосая тень. Невольно вздрогнул и подошел, вглядываясь в отражение. Показалось. Дурной сон, вот и мерещится всякое. Я состроил второму себе рожицу и показал язык. Очень взрослый поступок! Но никто ведь не видел, правда? На ободке старинной рамы я заметил то, чего вчера не было. Станный отпечаток, будто рука, тронувшая ее, была испачкана грязно-желтой гуашью. Провел пальцами по раме и понюхал. Похоже на серу. Хм-м... Может, зеркало привезли откуда-то с барахолки?

Я перестал гадать, когда увидел который час, и поспешил на работу. Меня не покидала надежда, что Мира объявится, ведь она идеально подходила на эту роль.

Этот же день, лечебница Сент-Мишель. Лос-Анджелес

– Guten Tag, Frau Faust^[3].

Лицо женщины дернулось от испуга, но она поспешила скрыть это. Грета поднялась, с достоинством отряхнув землю с колен. Она

пересаживала розы на лужайке перед зданием лечебницы. Садоводство входило в список разновидностей труда, рекомендованных людям с психическими проблемами. Недалеко прогуливался охранник, который следил, чтобы пациенты не навредили себе или другим.

– Добрый. Чем обязана? – спросила Грета на немецком.

Лицо мужчины казалось Грете знакомым, вот только где она его видела, не могла вспомнить.

– Фрау Фауст...

– Миссис Чейз, – поправила она.

– Прошу прощения. Я пришел, чтобы поговорить с вашим внуком, но не могу его найти в городе.

Как бы Грета ни готовилась к этому дню, она не смогла сдержать дрожи. Их все-таки нашли под другой фамилией, на другом конце света.

Покойному сыну повезло, на него Орден не успел обратить внимание. Теперь Дэну предстояло расплатиться вдвойне. Как себя вести и что сказать, она знала. Репетировала почти всю жизнь, сразу после прочтения дневников предка.

– Внук уехал путешествовать, мистер... Могу я узнать ваше имя? – она немного кокетливо улыбнулась, но мужчина не включился в игру.

Грета внутренне подобралась, ожидая от визитера чего угодно. Возможно, внука найдут в Праге. Главное, чтобы это произошло как можно позже. Дэниэлю двадцать один, нужно потерпеть полгода до следующего дня рождения и надеяться, что судьба будет к нему благосклонна. Миссис Чейз не хотелось посвящать Дэна в семейные тайны, но, похоже, она откладывала это так долго, что могла теперь и не успеть.

– Мистер Трим. Я представляю интересы одного итальянского общества. Думаю, вам известно его название. Скажите, пожалуйста, куда он уехал? Место, город?

– Вы же понимаете, что я не выдам местонахождение моего потомка?

Он сжал и без того тонкие губы так, что очертания рта почти пропали с хмурого лица.

– Вашего? Он потомок Фауста, и вы это знаете. Сына не уберегли, так дайте нам спасти Дэниэля.

– Это был несчастный случай! – вспыхнула Грета.

Открытие, что Орден следил за семьей, разбередило старые раны, которые с годами не заживали, грозясь поглотить миссис Чейз.

– Ну конечно!

– Дэн не нуждается в вашем спасении! Я защитила его.

– Сегодня я не настаиваю, но скоро за вами придут, и разговор примет совсем другой оборот. Даже стены сего заведения не смогут уберечь вас. Подумайте.

Он протянул визитку, задержав кусок картона в пальцах, когда Грета уже взяла ее.

– Надеюсь на ваше благоразумие. Времени почти не осталось.

Дэн

Утро понедельника в Праге – всегда нудные пробки, извивающиеся гигантским питоном. Я нервно стучал пальцами по рулю, слушая радио. Фразы диджея на чешском вызывали невольную улыбку.

– Venku je hnusně. Takže těšíme se na hezké počasí^[4].

Язык казался мне сложным, но отзывался внутри теплотой.

На время пробок я придумал личное развлечение: наблюдал за водителями и пассажирами соседних машин. Представлял по их внешности кто они, чем занимаются. Рисовал в голове своеобразные сценарии их жизни. Фил не понимал тяги воображать чужие драмы или комедии, а мне нравилось.

Я снова вернулся мыслями к пропавшей актрисе. Вспомнил, как друг ухлестывал за ней. Фил слишком много времени уделял охоте на девиц. Иногда я в шутку называл его маньяком, но надеялся, что исчезновение Миры не свяжут с Митсоном, все-таки они тесно общались, даже когда у девушки появился постоянный парень.

Неделю назад мы обедали в «Кнедлине», и я случайно стал свидетелем разговора, которого не должен был услышать:

– Мир? Ты приедешь сегодня? – хрипло шептал Фил, пока остальные киношники делали огромный заказ за столом.

Я как раз выходил из уборной, а они стояли возле, за тонким простенком.

– Не могу! Я же сказала, что вчера был последний раз. У меня есть Ван Ли, и он мне нравится, – рассерженно прошипела девушка.

Злилась она, вероятно, из-за того, что они расставались уже десятый раз.

– Да брось! Неужели он может быть лучше меня?!

– Отвали!

Я хмыкнул: «Ничего себе, страсти-то какие», – и, как заправская сплетница, продолжил подслушивать.

– Скажи, что совсем не хочешь меня! – потребовал уязвленный друг.

Послышалась возня, и до моих ушей донесся звук пощечины. Я с трудом удержался от смеха. Филу редко отказывали. Возможно, это к лучшему. Он словно пес на сене – серьезных отношений избегал и девушке не давал шанса на другого парня. Чертов эгоист! В душе я всегда немного завидовал его любовным похождениям, хотя осознавал, что не хотел бы такого. Это не имело смысла.

Павильон «Баррандова», пражской киностудии, сегодня оглушающе пустовал. Я успел лишь припарковаться и подтянуть сползающие без ремня джинсы, когда появился Фил. Он больше походил на боксера среднего веса, чем на парня из съемочной команды. Широкие плечи, квадратная челюсть и короткая стрижка лишь дополняли образ. Все это вкупе с сощуренными глазами цвета опавшей листвы притягивали к нему противоположный пол так сильно, словно Фил был последней моделью смартфона, которую ждали из года в год.

– Вот ты где! – хлопнул он меня по плечу, отчего я поморщился.

Мы были в разных весовых категориях. Если Фил – накачанный красавчик, знающий себе цену, то я в сравнении с ним – худосочная стеснительная мямля. «Красавец и тощее чудовище», – смеялась над нами стервозная бывшая Митсона.

Я тогда пожимал плечами – никогда не придавал большого значения своей внешности. Хотя кому я врал? Конечно, в свои двадцать один мне хотелось выглядеть мачо. Но не судьба!

Друг щелкнул пальцами перед моим носом:

– Ау! Земля вызывает Дэна. Где ты снова витаешь? Пошли, кастинг уже начался. А нет, подожди!

У меня была поразительная способность: любая обувь на шнурках бунтовала против завязывания. И всегда, всегда шнурки правой ноги развязывались через пару минут быстрой ходьбы. Что я только ни

делал, чтобы одолеть их, но все усилия были напрасны. Только Фила забавляло это еще с детства. И так уж повелось, что он чувствовал ответственность за меня, как за названного брата. Плевать, что кто думал: Фил всегда приседал на корточки и мастерски завязывал непослушные шнурки. Лишь после укрощения им те держались и какое-то время не бунтовали против законного хозяина.

Справившись со шнурками, мы поспешили на пробы.

Ни одна из девушек не была настолько хороша, чтобы подойти на роль. Главный режиссер страдальчески закатывал глаза и тихо матерился.

– Бездарности! Сплошные бездарности!

Он обернулся в сторону стажеров, потрясая руками.

– Вот раньше были актеры! – Главный от переизбытка эмоций активно жестикулировал. – Спецэффектов было ноль, а фильм держался на актерском мастерстве! Сейчас у каждого фильма качественные спецэффекты и монтаж, а таланта в людях ноль целых ноль десятых!

– Кхм... – отвлек нас робкий девичий голосок. Очередная актриса с порядковым номером в руках.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил я девчонку.

Она показалась мне мелкой, но стройной. Какой-то серенькой, похожей на воробья.

– Элишка Чернова, – бесстрашно заявила воробышек.

– Прочитайте, пани Чернова, реплики, которые лежат на столе, – вежливо попросил я, разглядывая ее.

Что-то в ней было. За, казалось бы, невзрачной внешностью скрывался омут таинственности. Создавалось впечатление, что она специально скрывает свою привлекательность до нужного момента.

Когда актриса стала не просто читать реплики, а именно играть роль, меня пробрало до мурашек. У ее английского был необычный акцент, не такой, как у чехов, что лишь добавляло остроты выступлению. Главный взволнованно подался вперед, стараясь не упустить эмоции, которые отражались на лице Элишки. Войдя в роль девушка преобразилась в драгоценность – таким ярким ощущался контраст между серенькой внешностью и мастерством. Едва пани Чернова закончила, все зааплодировали.

Меня настолько захватила ее игра, что нечаянно вырвалось:

– Вы приняты, пани.

Но потом я спохватился и, дождавшись одобрительного кивка от главного, повторил:

– Мы с радостью берем вас на эту роль! Поздравляю!

Пока Элишка заполняла необходимые документы для контракта, все суетились и обсуждали новый график съемок.

– Дэниэль, проведи экскурсию для новенькой, – хитро улыбаясь, главный сплавил меня, подозреваю для того, чтобы снова сделать замечание Филу.

И я догадывался почему. Друг не оставлял без внимания ни одну мало-мальски симпатичную актрису.

– Мисс Чернова, вы уже бывали на «Баррандове»? – вежливость наше все.

Воробышек суетливо запихала документы в рюкзак и помотала головой.

– Я из Словакии. Обычно снимаюсь в местных сериалах. В Праге впервые.

Девушка светло улыбнулась, и мое сердце забило быстрее. От улыбки на щеках у Элишки появились милые ямочки. Засмотревшись, я молчал как дурак.

– Если знаете интересные факты, я бы послушала про «Баррандов». Люблю истории мест, они придают им важность и шарм. И давай на «ты».

Я отмер и кивнул:

– Конечно, знаю. Пойдем.

Мы вышли из павильона для проб и не спеша двинулись по улочке.

– Киностудия была основана в тысяча девятьсот двадцать первом году, а само здание было построено в начале тридцатого года двумя братьями: Вацлавом и Милошем Гавел...

Элишка удивленно воскликнула:

– Вацлав Гавел же был президентом Чехии?

– А вот и не этот Вацлав, а его сын станет первым президентом Чехии. Сегодня «Баррандов» – одна из самых крупных и старых киностудий в Европе. Четырнадцать огромных павильонов, которые ты видишь впереди, построены по аналогу с Голливудом, даже место для студии братья выбрали из-за сходства.

– Ничего себе! Как интересно, – кивнула девушка, чем подбодрила меня, и я продолжил:

– Братья Гавел были хитрецами, на мой взгляд, потому что продумали все факторы при создании киностудии, – я жестикулировал, а воробышек жадно слушала, наивно хлопая ресницами.

– Расскажешь?

– Первый плюс – ландшафт студии. На территории есть ровные участки, есть холмы, поле с видом на лес и разрушенные многочисленными войнами стены замка – в общем, все, что только можно представить. Некоторые холмы созданы природой так, что если снимать их с определенного ракурса, то не будут видны линии электропередач или намеки на современность. Исторические фильмы на природе снимают спокойно без выезда куда-то за территорию киностудии. – Я остановился на минуту, чтобы оценить реакцию собеседницы, и снова продолжил: – Еще один плюс – расположение в черте города. Когда в фильмах участвуют большие звезды, они всегда живут в отелях Праги, а так как оплата у них немаленькая и почасовая – скорость, с которой они могут добраться от гостиницы до съемочной площадки, играет немаловажную роль.

– Согласна насчет плюсов. Ну, вот меня поселили, – она взглянула на визитку, которую держала все это время в руке, – в отеле на окраине Праги. Эх, значит, до большой звезды мне еще расти и расти, – пошутила она, и я засмеялся.

После кастинга намечалось собрание всей съемочной группы, чтобы утвердить новый график, поэтому, отбив положенное время, я решил вечер посвятить прогулке. Легенды Праги, иронично рассказанные случайно нанятым гидом днем, словно оживали с наступлением сумерек. Ночной город служил переходом между реальным миром и другим, мистическим. Не хотелось спешить домой – там все равно никто не ждал, да и особый повод пройтись по мрачным улочкам мне не требовался. Прага ночью словно оголялась, отбрасывая стеснение, притворство и мишуру.

Я понимал, почему в чешскую столицу зачастили американские киношники. Прага оказалась многолика, словно вобрала в себя все эпохи и стили мира, легко, будто по щелчку становясь тем городом, который хотел бы видеть зритель.

Странно, но мне все чаще мерещилась девушка из сна: в отражении витрин сувенирных магазинов, в автобусных окнах и даже на экране мобильного. Являлось ли это наваждением или так выражался стресс от переезда, я не знал, но, помня о болезни бабушки, решил записаться к психологу.

Чешская столица ассоциировалась с моей родственницей: мудрой и стильной. В детстве я представлял ба самым настоящим драконом, который испепелил все ужасы жизни, оградил меня от страданий. Прага напоминала ту же драконицу: черепичные красные крыши были ее крыльями, а брусчатка – гладким серым брюхом.

Я вдыхал запахи бурлящей Влтавы и мог подолгу наблюдать за смешными драками лебедей и уток, стремящихся получить кусок булки от щедрых туристов. За время, прошедшее с прилета, я исходил каждую улочку старого города. Иногда брел бездумно, теряясь в узеньких проходах, иногда двигался по навигатору, целенаправленно идя к костелу^[5] или другой достопримечательности.

Здесь я часто нырял в воспоминания о своем детстве. Возможно, в сравнении с тем, как жил сейчас, я вспоминал соседский стол на лужайке. На нем всегда стояли джем и свежие хлебцы. А я тогда часто ничего не ел сутками. Проходя мимо того стола, сглатывал голодную слюну. Стыдливо оглядываясь крался, чтобы зачерпнуть чайную ложечку джема. Но останавливался, зная, что воровать плохо, и, втянув аромат персиков, плакал и шел домой. То время прошло, но воспоминания о голодном детстве все еще терзали меня, поэтому теперь я покупал что-то вкусное, пока гулял, и всегда возвращался в съемную квартиру с едой про запас.

Глава 2

Mundus vult decipi, ergo decipiatur.

*Мир жаждет быть обманутым, так пусть он
будет обманут.*

Два дня спустя

Подземный архив Ватикана

Мужчина, сидевший за столом, окруженный книжными стеллажами и обложенный папирусами, походил на живую статую. Его лицо застыло. Он слушал собеседника, чей нервный баритон

раздавался из динамика телефона. Лишь некогда яркие синие глаза мужчины недовольно сузились, прежде чем он ответил:

– Ты должен был найти мальчишку, а не доводить миссис Чейз до срыва.

– Он в Праге. Все сложилось, как и должно было.

– Пришло время вручить Дэниэлю его наследство. Я вылетаю ближайшим рейсом...

Дэн

Новый день на киностудии принес странные новости. Все началось с короткой планерки и репетиции серии с пани Черновой. Элишка великолепно играла, а я, вместо того чтобы наслаждаться, прокручивал сон с рыжеволосой девушкой, которая вновь появилась с наступлением ночи. Тогда все казалось таким реальным. Я слышал прерывистое дыхание, когда сжимал тонкое горло, ощущал сладковато-дымный аромат ее локонов.

«Черт!» – я помотал головой и сел за аппаратуру, но не успел сделать ни одной правки, как раздался звонок с проходной.

– Мистер Чейз! Вас хотят видеть два пана. Говорят, они из адвокатской конторы.

– Эм... – растерялся я, перебирая в памяти сразу все свои нарушения правил на чешских дорогах. Стоп. Это же адвокаты. Не дорожная полиция. – Можете впустить, я встречу.

– Дэн, ты чего? – мечтательно улыбаясь, подошел Фил.

Похоже, игра мисс Черновой зацепила друга, и он уже строил планы на новый служебный роман.

– Сейчас узнаем, – кивнул я на сторожа, который вел двух мужчин в одинаковых похоронных костюмах. Отличие составляли лишь круглые очки на переносице одного и портфель в руках у второго.

– Дэниэль, Филипп, прошу, не задерживайтесь! Вы нужны на площадке, – крикнул главный, спеша на съемку.

От нас зависело многое, и когда спрашивали, в чем состояла работа на площадке, мне хотелось ответить: «Абсолютно во всем». Режиссер должен был продумывать ответы на вопросы: как выглядят герои в кадре, что происходит с их мыслями и эмоциями в этот момент, какая музыка будет звучать и когда. И это только часть. Еще нужно обсудить со всеми членами команды, как это реализовать. Умножьте

все вышеперечисленное на сто страниц сценария и получите приблизительное представление об объемах работы режиссера.

– «Людей в черном» напоминают, – шепотом прокомментировал друг, чем отвлек меня от размышлений.

Мужчины молчали, ожидая моих действий. Я смутился, впрочем, как и всегда, когда мне было не по себе.

– День добрый, господа. Чем обязан? – кивнул я им наконец.

– Мистер Чейз, полагаю? Дэниэль Чейз? – официальным тоном уточнил «портфель».

Я сдавленно кивнул. Сколько ни старалась ба, но меня трясло каждый раз, как я видел людей в строгих костюмах. Грета Чейз провела не один день в разговорах со мной, пытаюсь убедить, что страх – это нормально и естественно, как и мужество с ним встретиться.

– Можно ваше удостоверение личности? Хотелось бы говорить с вами конфиденциально, – произнес мужчина в очках.

Я замялся, а Фил выступил вперед, закрывая меня от них, точно адвокаты представляли для меня угрозу.

– По какому праву он должен вам что-то предъявлять?

– Филипп останется, – вставил я и оглянулся на друга, чтобы увидеть его легкий кивок. Чуть приободренный, я снова вернул внимание мужчинам.

Они переглянулись, словно общались на языке жестов. «Портфель» взял слово:

– Мы долго искали вас, мистер Чейз. На это ушли годы, поэтому очень хорошо, что вы оказались в Праге. Такая удача!

Коридор наполнился шумом: группа сценаристов вышла с планерки, мешая мне слушать адвоката.

– Прошу вас, пройдемте в кабинет, – попросил я, распахивая дверь в святая святых нашего шефа.

Пока они садились, я, стараясь не пялиться, исподтишка рассматривал юристов. Тот, что с кожаным портфелем, присев, поставил его на пол, а руки положил на стол, ладонями вниз. Мое внимание привлекла массивная серебряная печать на левой руке, которая очень выбивалась из сдержанного образа мужчины. Я не успел рассмотреть, что же на ней изображено, потому что, заметив мой интерес, юрист накрыл руку с перстнем второй.

– «Каплан и Ко», – представился он. Мне протянули визитку, перегнувшись через стол. – Мы представляем нотариальную контору, которая существует с шестнадцатого века. Сейчас мы лишь выполняем последнюю волю вашего предка.

Он вытянул из безупречно гладкого кожаного портфеля пачку скрепленных документов и протянул мне.

– Что это? – прозвучало слишком заинтересовано, и это не укрылось от их внимания.

– Читайте, – улыбнувшись уголком рта, попросил мужчина в очках.

Так я пробежал глазами первую страницу и нахмурился. Бабушка настояла на изучении немецкого языка, и я зубрил его, хоть он мне и не нравился. Весь текст первой страницы был на немецком, и я смог уловить суть.

– Дэн? – заинтересованно протянул Фил и сунул нос в документы.

Я сжимал листы дорогой плотной бумаги и думал. Фамилия бабушки по отцу – Фауст. Ба сменила ее на американскую, когда вышла замуж, да и не в почете тогда было все немецкое. То, что я, судя по бумагам, являюсь потомком знаменитого доктора Иоганна Фауста, о котором ходит столько небылиц, и представить не мог. Ну, фамилии одинаковые, такое часто встречается. В документах был мой университетский тест ДНК на этническое происхождение, который я сдавал в рамках научной работы соседа. Это было буквально перед отлетом в Европу. С ума сойти! Невероятно! Это как если бы я прямо сейчас полетел на Луну.

Я положил листы на стол, пальцы дрожали от волнения. Мне необходимо было успокоиться и еще раз прочитать странное завещание Фауста, – кто бы мог подумать, моего предка. Фил хмурился, он предпочел не нависать надо мной, а сесть рядом. Подтащил стул к продолговатому столу для собраний, взял листы у меня из рук и шепотом спросил:

– Ни черта не понимаю. Что в них?

– На двадцатой странице можете прочесть полное завещание, для удобства переведенное на английский, – отозвался мужчина в очках, обращаясь к Филу.

Я послушно нашел указанную страницу, вчитываясь и стопорясь от невероятности событий. Я тринадцатый потомок, указанный в

бумагах. Предок, судя по написанному, завещал мне старый особняк в Праге. Ох, неужели? Нет, не может быть! Быстро посмотрел адрес. Да, это был он. Знаменитая достопримечательность – мистический Дом Фауста.

Фил за моим плечом восхищенно присвистнул.

– Что, того самого Фауста? Вот круто! Но... как же налоги? Они, должно быть, бешеные.

«Портфель» заулыбался, словно ставил на этот вопрос и выиграл:

– Нам дали четкое распоряжение уплатить налог за наследника. На последних страницах документа это указано.

– Вот это уже отлично, – искренне улыбнулся Митсон, пнув меня под столом, чтобы я отмер и хоть что-то ответил.

– Да уж! – только и смог прошептать я.

Я ощутил необратимость происходящего. Словно наследство известного чернокнижника ложилось грузом мне на душу. Непонятная тревога скрутилась пружиной в животе, в горле пересохло, и меня начал душить кашель.

– Мистер Чейз? Вы принимаете наследство? Может, есть какие-то вопросы? – сдержанно поинтересовался мужчина в очках.

– Почему именно сейчас?

– Ваш возраст. Вы должны вступить в права наследования в возрасте двадцати одного года. Таково условие.

Я кивнул, принимая его объяснение. Моя голова была одновременно пустой и забитой мыслями, которые пока не складывались во внятные формулировки.

– Вопросы еще точно появятся, так как я не прочитал документы полностью. К тому же не каждый день человеку сообщают, что он наследник Фауста.

Юристы сдержанно хмыкнули, а я судорожно соображал, как поступить. Голодное детство оставило глубокую зарубку на психике. Я стал запасливым, словно хомяк, у которого зима длилась вечно. Плевать, как и почему Фауст завещал особняк в центре столицы. Он должен стоить сотни тысяч долларов. Посему я подавил желание послать их вместе с документами и растянул губы в наигранной улыбке.

– Я принимаю наследство, – заверил я их, убежденный, что глупо отказываться от целого дома в Праге.

После моих слов адвокаты повеселели и ответно заулыбались так, будто были детьми и увидели Санту, не меньше.

– Тогда прошу вас, поставьте подпись на двух экземплярах. И можете позвонить на неделе, мы договоримся о встрече, где ответим на все возникшие вопросы.

Я послушно поставил размашистую подпись, взяв предложенную ими перьевую ручку. Какая-то зазубрина на ней поцарапала палец, и маленькая капля из прокола упала на завещание.

– Черт! Прошу прощения. У вас кровожадная ручка, – неловко пошутил я.

– Пустяки! Это вы извините. Придется менять поставщика канцтоваров для фирмы, – пошутил один из адвокатов, лучась довольством.

Не пойму, чего они так обрадовались? Может, Дом Фауста должен городу денег за коммунальные услуги или еще что? Что-то не так, а я уже расписался, идиот!

– Оставляем вам копию. И вот, – адвокат выудил из недр кожаного портфеля связку ключей и протянул мне.

– Ключи от Дома Фауста?

Я внимательно рассмотрел связку, но это были совершенно обычные ключи.

– Да. Нужно же вам познакомиться с ним, – подмигнул мне второй, говоря об особняке так, будто он был живой.

Проводив странных распорядителей «Каплан и Ко», мы с Филом вернулись на съемочную площадку. Рабочий день пролетел, словно его и не было, а я все крутил в руках связку ключей.

– Ну что, Дэн? Мы посмотрим на твое наследство?

Митсон еле сдерживал любопытство и уже раз сто перечитал мой экземпляр завещания.

– Потом, друг, потом, – отмахнулся я, уже зная, что пойду туда один.

Не хотелось демонстрировать Филу свои страхи и опасения, он и так много лет оберегал и поддерживал меня. Плюс я эгоистично желал познакомиться с наследством в одиночку. Целый особняк. Нереально! Такое стечение обстоятельств казалось мне почти невозможным. Подобные совпадения бывают разве что в кино и ни в коем случае не происходят в жизни, по крайней мере, не в моей.

Спустя час я стоял напротив Дома Фауста. Вернее, уже моего дома. Особняк чернел окнами, словно огромными паучьими глазами. Ухоженный, по крайней мере, снаружи, он притягивал, заставляя рассматривать вычурные барельефы, потемневшие от времени и оттого еще более мрачные. К особняку номер пятьсот два на Карловой площади слева и справа прижимались другие дома. Казалось, соседи Фаустова Дома совсем не рады такому обстоятельству: стыки стен, где заканчивалось одно строение и начиналось другое, почернели и пошли трещинами.

«Просто взгляну на интерьер», – убедил я сам себя и шагнул ко входной двери. Только старинные двери обладали той самой эстетикой, которая недоступна современным образцам: наполовину деревянная, наполовину стеклянная. Стекло на правой створке оказалось грязным, а дерево на левой – бордовым, словно вымазанным давно засохшей кровью. Дерево начало рассыхаться, и на краске появились светлые прожилки. Я поднес связку ключей к замку, гадая, какой из них мог бы подойти, и случайно взглянул на свое отражение, чтобы тут же отшатнуться. В стекле был не я, а девушка из снов.

Я сделал шаг назад и чуть не навернулся с несчастных трех ступенек. Вернув телу равновесие, снова посмотрел на дверь. Никого, только фрагмент моего бледного лица.

– Эй, ты бы курил меньше! Тормоз! – меня сильно задела плечом, и я снова чуть не упал. Парень, прорывавший это, вел за руку спутницу. И тут я решил, что моя крыша точно поехала: у девушки были ярко-рыжие волосы и такое же ничего не выражающее лицо, как и у моей незнакомки из сна.

– Дэн?

Я обернулся. Элишка Чернова через дорогу от меня приветливо махнула рукой, смущенно улыбаясь и теребя кончик русой косы. Она выглядела невероятно элегантно в бордовом приталенном пальто, из воротника которого выглядывал черный свитер. Ноги в кожаных лосинах обуты в ботинки на толстом каблуке, наверное, размера тридцать пятого – очень изящные.

Я пересек разделяющее нас расстояние и ощутил, что настроение стремительно улучшилось.

– Тоже гуляешь?

Она кивнула, и на щеках появился милый румянец.

– Хотела понять, почему все так Прагу любят. – Элишка рассмеялась. – Но пока не поняла. Город как город.

Я притворно схватился за сердце, смешно, как мне казалось, гримасничая.

– Ты меня убиваешь! Как можно не любить ее? Пойдем! – взяв за ладошку, я потянул девушку в сторону Староместской площади.

Попутно шутил и рассказывал, как заблудился здесь в первый раз, свернув не туда на узких улицах. Элишка забавно морщила нос и смеялась над моими злоключениями.

– Слушай, а что ты там делал? Возле того старого дома?

– Эм... Ждал друга, а он не пришел, – соврал я.

– О! Так я помешала. Ты можешь позвонить ему, я совсем не против компании.

Я замялся, проклиная свой язык и Филя, хотя тот не был виноват. Пока нет. Пришлось звонить.

– Дэн? Все-таки хочешь, чтобы я сходил с тобой в Дом Фауста? – весело спросил Фил в трубку.

– Я сменил местоположение. Фил, подтягивайся к Пражским курантам. И я не один, а с мисс Черновой, – выпалил я.

На другом конце восхищенно зацокали, а я подавил раздражение, сжимая смартфон вспотевшими пальцами.

– Друг! Ну надо же! Вот это удача. Буду через двадцать минут, а может, и раньше.

Я скривился, но быстро взял себя в руки и повернулся к Элишке, уже широко улыбаясь.

– Фил скоро будет.

– Отлично! – восхитилась она, а я приуныл, ссутулившись.

– Красивые часы, – девушка достала мобильный из кармана пальто, чтобы сделать фото. Тонкие пальцы с овальными ноготками, окрашенными в цвет верхней одежды, быстро набрали пароль и защелкали камерой смартфона. Я заставил себя оторваться от ее рук, находя их самыми сексуальными из тех, что видел в жизни. Ветер, мерзавец, донес до меня запах духов Элишки: легкая сладость вишни и что-то древесное. Отступил на шаг и возмутился, уцепившись за ее последние слова.

– Красивые? Они уникальны! Самые старые астрономические часы из существующих в мире, которые до сих пор работают. Только

представь, они почти никогда не останавливались.

– Да ладно! – ахнула она.

– Лишь несколько раз. Поэтому существует предание: если останавливаются «орлои»^[6] – быть беде. Мастеру, который их создал, выкололи глаза, чтобы он не смог создать копию для другого заказчика. По легенде, конечно же.

Элишка коснулась рукава моей куртки и приоткрыла рот от изумления, а затем придвинулась ко мне, словно желая быть ближе и лучше слышать.

– Знаешь, никогда не любила легенды, но ты преподносишь их с такой страстью, что история цепляет.

Я польщенно улыбнулся, чувствуя, как сердце радостно колотится в груди, а само присутствие Элишки ударяет в голову, будто бокал шампанского.

– Обожаю историю и легенды. Моя бабушка привила любовь к ним.

Этот момент можно было назвать восхитительным – симпатичная девушка ловила каждое мое слово и в особо кровавых местах рассказа хватала в испуге за ладонь. Я чувствовал себя совершенно счастливым, но всего лишь полчаса.

– Вот вы где!

Фил приобнял меня и Элишку за плечи, сияя довольной улыбкой.

– Привет, – кивнула мисс Чернова.

– Так и знал, что найду вас возле какой-то архитектурной вычурности вроде этих часов. Эли, он тебя еще не заболтал своими историями?

– Он хорошо рассказывает, – Элишка сняла руку Фила со своего плеча. Меня это порадовало.

– Пойдем, выпьем чего-нибудь за знакомство? – друг лучился энергией, и мы слаженно кивнули.

– Как насчет «Абсентерии» – предложил Фил, бросая на меня предостерегающий взгляд. Он знал, что собутыльник из меня никакой. Алкоголь я переносил только в мизерных количествах.

– Ой, нет. Я точно не буду его пить, – девушка скривилась от отвращения.

– Кафе или ресторан?

– Кофейня, – уверенно заявила Чернова, чем понравилась мне еще больше. Кофе был и моей страстью.

– Тогда вперед. Дэн – кофейный маньяк и знает, где разжиться вкусным напитком.

Я засмеялся.

– Если честно, самый вкусный кофе рядом – в «Старбаксе» на Малостранской площади, поэтому предлагаю прогуляться туда.

Так мы дошли до Карлова моста, где Элишка застыла, рассматривая Староместскую мостовую башню.

– Тоже любишь готику? – спросил Фил, незаметно подмигивая мне.

– Не особо, – она пожала плечами, – но то, что вижу сейчас, мне нравится. А здесь всегда такие возбуждающие аппетит запахи?

Я кивнул. Пахло отлично. Свежий осенний бриз Влтавы смешивался с запахом корицы и ванили горячих трдельников, что продавали на каждом шагу. К этому запаху примешивался аромат жаренной свинины на вертеле, которую выставляли прямо на улице, привлекая клиентов в рестораны. Гастро-рай, как выразился Фил в первую нашу вылазку в город.

Мы вышли на мост, вливаясь в толпу туристов: громче всех галдели китайцы, итальянская барышня певуче восхищалась чем-то, перебрасывались репликами немецкие парни. Прелесть Карлова моста в том, что его можно рассматривать вечно и каждый раз находить новые детали, не замеченные ранее.

– Дэн? Расскажешь что-то интересное об этом месте?

Я помотал головой, показывая себе на уши. Слишком людно, а кричать я не любил.

– Позже. Давайте дойдем до противоположного конца.

Пока мы протискивались сквозь человеческое море, я задумался, рассматривая Элишку и Фила. Они шли немного впереди, друг взял девушку за локоть и что-то объяснял, наклоняясь близко к ее лицу, а Чернова не возражала. Похоже, у меня нет шансов. Сердце уныло ухало в груди. Появилось желание исчезнуть, чтобы побыть в одиночестве, но я спрятал руки в карманах и продолжал упрямо идти позади. Так мы шли какое-то время.

Я разозлился. Сколько можно спускать Филу то, что он околдовывает девушек, которые мне нравятся? Я догнал ребят и

пристроился сбоку от Черновой. Мы как раз достигли Малостранской башни на другом конце моста.

– Ты еще хочешь услышать историю про мост? – спросил я, почему-то ожидая, что Чернова меня сейчас небрежно пошлет, чтобы остаться с Митсоном наедине.

– Конечно! – радостно улыбнулась Элишка.

– Мост, на котором вы стоите, таит в себе множество легенд. – Я оживился и добавил в голос таинственности: – Вот самый занимательный факт о его создании: первый камень заложили в тысяча триста пятьдесят седьмом году девятого июля в пять тридцать один. Дата непростая, ее вычислил пражский астроном по приказу монарха. Король Карл четвертый верил в магию чисел и в то, что мост будет вечен. Числа читаются одинаково с обеих сторон, как палиндром.

– Восхитительно! Кажется, Карл оказался прав. И от статуй невозможно оторвать взгляд.

«Не от статуй. От тебя», – промелькнуло у меня в мыслях, и я потер губы, словно запечатывая слова внутри.

– Не все из них оригинальны, лишь несколько, остальные хранятся в казематах Вышеграда, – хрипло продолжил я.

– Оу! А почему?

Девушка и правда заинтересовалась. Элишка смотрела прямо на меня, и я ответил тем же. Ее кофейные глаза, опущенные черными густыми ресницами, околдовывали, и я на секунду забыл, о чем рассказывал.

– В Средние века их вытесали из песчаника, не самого прочного камня, – наконец произнес я.

– Хм. Даже я этого не знал, хотя курс по истории Праги мы слушали вместе, – Фил, как обычно, хлопнул меня по плечу, многозначительно подмигивая.

Ну уж нет! Я хотел съязвить насчет его посещаемости лекций, но запнулся, случайно заметив в толпе рыжие, словно пламя, волосы. По телу пронеслись сотни мурашек, дыхание сбилось, а сердце, замерев на мгновение, зашло во взволнованном стуче.

– Дэн? Идешь? – крикнул Фил, догоняя Чернову, которая ушла вперед, фотографируя мостовую башню.

Черт! Я действительно схожу с ума? Или меня так проняло из-за дурацкого сна?

Выйдя на Малостранскую площадь, мы, наконец, нашли любимый мной «Старбакс». Сделали заказ и заняли столик с видом на остановку красных трамваев.

– Эли, что тебе заказать? – Фил включил джентльмена. Не успела девушка ответить, как в игру неожиданно для себя вступил я.

– Стой! Не говори. Я попробую угадать: латте на соевом с сиропом?

– Почти. А сироп какой? – лукавая улыбка коснулась губ Черновой.

– Соленая карамель, – выдал я свой любимый вкус, и Элишка удивленно кивнула.

– Откуда ты узнал? В студийной анкете я этого не писала.

– Не пугайся. Угадал случайно. Соленая карамель нравится и мне, правда, не с латте, а с капучино.

Кофе приятно обжигал небо и нес вкус карамели и немного шоколада. Я прикрыл глаза, наслаждаясь напитком. Рядом счастливо простонала Элишка.

– Вкусно!

Фил взял себе эспрессо величиной с рюмку и цедил, иногда непроизвольно морщась от крепости. Он не любил ни кофе, ни горячий шоколад. Его привлекал только чай, но сейчас Фил не хотел выбиваться из нашей компании и мужественно пересиливал себя.

– Эли, а ты всю жизнь прожила в Братиславе?

– Да, но у меня русские корни по материнской линии, – девушка перекинула русую косу на плечо, а я залюбовался тем, как переливались на солнце ее волосы.

– Ты знаешь русский?

– Знаю, конечно. Я гостила у бабушки каждое лето, пока была маленькой.

Фил от удивления выпучил глаза и замахал руками.

– Вау! Мне кажется, что русский тот же китайский: никогда не выучить!

Я тоже восхищенно подался ближе к ней, чувствуя, как губы сами собой расплываются в улыбке.

– Элишка, ты знаешь стихи русских поэтов? Всегда хотел услышать их на языке оригинала.

– Несколько помню: Есенина, Маяковского, Северянина точно, – усмехнулась эта потрясающая девушка.

– Северянина, – выдохнул я и затаил дыхание.

Был у него один стих, что запал мне в душу, и я мечтал услышать его на русском вживую. Когда-то наткнулся на видео, в котором его цитировали русские. То, что произошло далее, нельзя назвать иначе, чем волшебство или судьба. Из сотни стихотворений она начала цитировать именно то, которое я любил всем сердцем:

– Мы живем, как во сне неразгаданном,
На одной из удобных планет.
Много есть, чего вовсе не надо нам.
А того, что нам хочется, нет...

В храме пахнет свечами и ладаном,
И струится загадочный свет.
Верим в то, во что верить не надо нам,
Ну а веры действительной нет.
И однажды покажется адом нам,
Душный шепот душевных бесед.
Говорим лишь о том, что не надо нам,
А о том, о чем хочется, нет.
Только жизнь ощущаю наградой,

Хоть в течении множества лет.
Снова делаю то, что не надо мне,
Ну а то, что мне хочется, нет^[7].

При первой встрече я назвал Чернову воробышком. А девушка предстала лебедем, когда тот, красуясь, распахивает крылья перед зрителями на озере. Когда Элишка закончила, за столом воцарилась тишина. Фил знал этот стих – я когда-то цитировал его, но на русском он звучал иначе. Глубже. Правдивее. Я ни слова не понял, но узнал бы его из сотни других стихотворений по особой ритмике текста. Ощутил то, что вызывали у меня эти строчки: задумчивость и трепет внутри.

Мы с Филом не сговариваясь захлопали, привлекая к себе внимание соседних столиков.

– Это было красиво! Я ни черта не понял, но красиво, – теплота в голосе друга понравилась девушке, и она искренне улыбнулась, вновь демонстрируя ямочки на щеках.

Ее чуть заметное в начале прогулки смущение исчезло, хотя легкий румянец то и дело украшал лицо. Мне хотелось рассматривать Элишку постоянно, подмечать эмоции и настроение. «Она мне нравится. Сильно», – понял я.

– Ребят, я в дамскую комнату.

Когда Элишка удалилась на достаточное расстояние от стола, друг наклонился ко мне:

– Дэн, она прелесть! Еще и недотрога. Люблю охотиться за такими.

Вот как он умудряется всего парой слов испортить настроение? Дар, не иначе.

– Не надо! Только не с ней, Фил, – прошипел я и принялся, зло цокая ложкой о чашку, размешивать взбитую пенку в остатках кофе.

Друг пораженно приподнял брови:

– Она тебе нравится!

К моим щекам прилила кровь.

– Да, нравится! Оставь ее.

– Эх. Мне Эли тоже по душе, но раз ты запал, так и быть, уступлю.

Фил врал, и я видел это. Слишком хорошо знал его. Когда друг говорил неправду, у него краснели кончики ушей, чем он себя и выдавал.

– Спасибо, – буркнул я.

– Могу помочь. Уйдешь в уборную, а я распишу тебя Черновой в лучшем свете.

– Не нужно! – отрезал я, понимая, что оставить их одних не могу. Фил применит свой тестостерон, и Элишка вмиг согласится на все. Чертов мачо.

– Дэн? Ау! Ты чего, обиделся, что ли?

– Нет.

– А вот и я, – девушка вернулась.

Зазвонил мой мобильный, но я успел заметить, что Чернова нарисовала губы нежным вишневым блеском, это ей очень шло. Посмотрев на входящий, я задрожал, зная эти девять цифр наизусть.

Глава 3

Ab aqua silente cave.

Остерегайся тихой воды.

– Слушаю, – ответил серьезно и собранно. Я вышел из кофейни на улицу, подозревая, что разговор будет не из приятных.

– Доктор Бронс из пансионата, – представился медик. – Сегодня ночью у вашей бабушки был сильный приступ. Я прошу вас прилететь как можно скорее, ее состояние ухудшается. Боюсь, скоро она вас не

узнает. Мне очень жаль, но терапия не помогает. Нужно ваше разрешение на более сложное лечение.

– Доктор, я прилечу так скоро, как смогу, – сжимая вспотевшей рукой телефон ответил я, лихорадочно просчитывая время, чтобы успеть взять билет, выпросить выходные от съемок и подождать денег за отработанные дни.

– Ваша бабушка... – Он умолк, а я, задыхаясь от волнения, ждал продолжения. – В приступе галлюцинаций она все бормотала про то, что Фаусты должны служить дьяволу вечно. Это ведь что-то из Гете? Она шептала и плакала, звала вас. Писала письма.

– Письма? – переспросил я, хотя прекрасно услышал. Странно. Она всегда предпочитала звонить, чем ждать от меня ответа. Даже электронную почту не признавала.

– Я покажу их вам при встрече, если хотите.

– Да, прошу вас. Мне это важно!

– Хорошо. Я передам миссис Чейз, что вы прилетите, – попрощался он.

Мне хотелось выть от бессилия. Я сдерживался, сжимая кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Бабушка – мой единственный родной человек. Как? Как такая болезнь смогла захватить ее сознание? К этому не было никаких предпосылок.

Помню, как ба поступью вдовствующей герцогини вошла к нам домой. Сильная, уверенная женщина, на которую я смотрел сквозь слезы. Мне девять, я в очередной раз избит до синяков пьяной матерью и стою в углу за то, что плакал и просил есть. Такими побоями она награждала меня почти каждый день, и детское тельце все время украшали фиолетовые, красные и бледно-желтые пятна. Папа погиб в автокатастрофе, когда мне было пять, и после этого маму словно подменили.

В тот день ба холодно разговаривала с родительницей, протягивая ей какие-то бумаги. Позже я узнал, что это документы об официальном опекунстве, оформленном на ее имя. Родственница по отцу забрала меня, испуганного забитого мышонка. Все последующие годы она дарила мне доброту и заботу, воспитывая и наставляя.

Я так и остался стоять возле входа в кофейню. Повернулся и увидел через стекло, как Фил накрыл своей ладонью руку Элишки, поглаживая тонкие пальчики. Горло болезненно сдавило от досады, я

замер на месте, наблюдая за ними. Чернова не убрала руку, а с улыбкой слушала Фила, склонившегося к ее порозовевшей щеке.

Интересно, он всегда будет так делать? Я бесился, но здоровье моей ба волновало куда больше, чем то, что лучший и единственный друг вlepил мне моральную пощечину и увел девушку. И я не стал устраивать сцену.

Я уже хотел было вернуться в кофейню, но мобильный снова зазвонил.

– Дэниэль, – чуть помедлив, позвал доктор Бронкс из трубки.

– Слушаю.

– Я поделился с вашей бабушкой радостной новостью о вашем прилете, отчего она... У нее случилась истерика. Миссис Чейз умоляла отговорить вас лететь сейчас. Она была очень убедительна, и, ввиду ее состояния, давайте отложим посещение, хорошо? Не срывайтесь в ЛА. Я в ближайшее время пересмотрю лечение.

Ба не хочет, чтобы я летел к ней. Почему?

– Я понял. Спасибо. Не могли бы вы отправить мне бабушкины письма?

– Я сейчас узнал от помощника, что в отпуск он летит в Прагу. Я мог бы передать письма с ним, – голос доктора был печальным.

– Если вас не затруднит, – пробормотал я, совсем раздавленный новостями.

В трубке завозились, послышался стук:

– Так, минуту... – повисла тишина, я ждал. – Аэропорт Вацлава Гавела, пятница, десять утра. Придете? Миссис Чейз в истерике просила передать вам их, пока мы не дали ей успокоительное. На данный момент она отдыхает.

– Да! Приду. Скажите, когда я смогу поговорить с бабушкой по телефону?

– В ближайшие дни точно не сможете. Наберитесь терпения, Дэниэль. Я позвоню, когда ее состояние улучшится.

Я попрощался и сбросил звонок. Вернулся к нашему столику. Ребята резко замолчали и посмотрели на меня.

– Дэн? Что-то случилось? Ты бледный.

– Я... Мне нужно съездить в аэропорт. Получить весточку от бабушки. Дальше без меня.

Голос прозвучал скрипучей дверью. В аэропорт только через два дня, но я был не в силах держать лицо и делать вид, что у меня все отлично.

– Поехать с тобой? – Фил отбросил дурашливость и спрашивал как тот друг, которого я любил.

– Не стоит. Я справлюсь.

– Приятно было увидеться, – я мягко коснулся руки Черновой, и она в ответ пожала мою ладонь.

– И мне. Обязательно повторим.

Снова на ее лице от улыбки появились очаровательные ямочки, к которым я захотел прикоснуться губами.

Я вышел из кофейни и быстро направился в сторону остановки. Длинные пражские бело-красные автобусы, словно проворные гусеницы, сновали между легковых авто, чудом, вернее, мастерством водителей не сталкиваясь друг с другом. Пока я шагал вдоль набережной, закатное солнце окрашивало воды Влтавы в темно-зеленый цвет. Я не хотел злиться на Фила, но, вопреки рассудку, злился. Иногда, например, как сегодня, он был невыносим.

В отражении окна притормозившего перед светофором автобуса я видел забитого испуганного мальчугана со старческими глазами. Глазами, которые встречали столько несправедливости, сколько нормальный человек не узрел бы и за всю жизнь. Даже в детстве мне казалось, что я родился уже взрослым. Осознание пришло, когда мать впервые ударила меня. С того момента я больше не чувствовал себя ребенком.

* * *

– Эй, оставьте его! – крикнул коренастый мальчик, когда один из обидчиков врезал мне кулаком в скулу. Неожиданный свидетель моего ежедневного позора. Кажется, его звали Филипп. Мальчика перевели в мой класс несколько дней назад. Я чувствовал себя жалким из-за постоянных издевательств и не хотел, чтобы новенький видел, как меня шпыняют.

– Пошел отсюда, пока и тебе не наваляли! – рыкнул здоровяк-старшеклассник, который почему-то ненавидел меня больше других.

Он и двое его дружков с первых классов задирали меня. Вытряхивали рюкзак, пытаюсь найти там деньги на ланч или сладости, которые обычно кладут своим чадам заботливые родители. Я не имел ни того ни другого.

– Я сказал, оставьте его в покое! – и новичок кинулся на них, словно они ему ровесники, а то и младше, не испытывая ни малейшего страха.

Конечно же, он получил сдачи. Нескладный, он дрался так, будто от этого зависела его жизнь. Не боялся получать в ответ тумаки и возвращал их вдвойне. Старшие мальчишки струсили от такого напора. Один против троих. Я же лежал на газоне, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать. Прижимал учебники к груди и не мог поверить, что за меня кто-то заступился. К тому, что меня, тощего хлюпика, постоянно задевали старшие мальчишки, я привык. Побои матери ранили в сто раз сильнее. Но то, что новенький постоял за меня, все-таки вызвало целый потоп слез, который я вытирал грязным рукавом куртки.

Была осень, и после длительных ливней землю на заднем дворе школы размыло. Пока обидчики меня толкали, я пару раз упал в грязь. Но не это было страшным, а то, что мама станет кричать и бить за испачканные вещи.

Филипп выглядел уверенным в себе мальчиком, коренастым и крепким. Кареглазый, улыбчивый, с россыпью веснушек на щеках и носу, он мог бы сразу же влиться в банду старших ребят, но вместо этого стал моим лучшим другом с того момента и до сих пор.

Когда задиры бежали, он подошел, трогая одной рукой подбитый глаз, а вторую протянул мне.

– Меня зовут Филипп Митсон, но я не люблю свое полное имя, оно какое-то стариковское. Зови меня Фил, – улыбнулся он.

– Дэн, – все еще всхлипывая и хватаясь за протянутую руку, ответил я.

– Мы, кстати, ваши новые соседи, Дэн. Я вчера случайно увидел через кухонное окно, как твоя мама ударила тебя.

Я снова едва не зарыдал, но сдержался, лишь громко икая. Мои щеки покраснели, а желание убежать сию минуту стало настолько сильным, что я сделал шаг от Фила. Испытывая стыд, я опустил голову, не зная что ответить.

– Мне жаль. Мамы не должны бить детей. С ней я не могу помочь, но те трусы больше тебя не обидят!

* * *

С того дня Фил опекал меня, как старший брат, и я позволял, потому что нуждался в любви. Фил не просто друг – он мой оплот, нерушимый столб поддержки, за который я хватался в детстве после очередной затрещины от матери. Я часто оставался ночевать у него, и мы болтали обо всем на свете. Придумывали, кем станем, когда вырастем.

Родители Фила не раз вызывали службу опеки, пытаясь хоть как-то повлиять на мою мать. Но, как по волшебству, едва они должны были нагрянуть к нам, мама становилась доброй и баловала меня, отчего я оттаивал и начинал верить, что она изменилась. Перед каждым приходом опеки мама за неделю прекращала пить, и я по-детски наивно полагал, что теперь-то все будет хорошо, и подтверждал, что с мамой хорошо живется. Но после их ухода все возвращалось в прежнее русло.

Признаю, моя доверчивость была глупой, но детское сердце очень хотело, чтобы мама любила меня так же, как любили друга его родители. Семья Митсонов была примером, и я желал иметь такую же. Ночью, лежа в кровати и слушая, как мать кричит в пьяном бреду, я сжимался в комок и думал:

«Почему именно я? Почему такая мать досталась именно мне, а не какому-то другому мальчику? Чем я заслужил это? Я ведь послушный». Только спустя много лет я осознал, что никто не заслуживает плохих родителей, просто их не выбирают.

После того как меня забрала бабушка, мы с Филом так и остались лучшими друзьями. Когда я рассказал, что хочу поступить на режиссуру, друг вначале скривился, но, обдумав и почитав про профессию, решил поступить вместе со мной. Ба хотела, чтобы я пошел по ее стопам и стал историком. Я же ответил, что мечтаю создавать свои собственные миры. Она согласилась, но с условием, что ее предмет я все же сдам «на отлично», буду заниматься в специальном кружке и посещать семинары. Историю я не любил, но в исполнении

бабушки она оживала и будоражила ум. Поэтому я учил ее, представляя, что это ба рассказывает какие-то исторические факты в присущей ей манере. В университете уже я старался присматривать за другом, таскаясь за ним на дурацкие вечеринки, чтобы он ни во что не вляпался.

Только ступил в квартиру, как завибрировал телефон. Я выключил звук, чтобы не пугаться каждого звонка. Почему-то теперь прежде любимая мелодия напоминала о болезни бабушки.

– Дэн? – раздалось в трубке.

– Думал, не услышу тебя до завтра, – нервно ответил я и облегченно выдохнул, отбросив опасения, что мобильный звонил снова из-за ба.

– Эли слила меня! – возбужденно кричал друг. – Что за девушка, ты представляешь? Ты ушел, не прошло и пяти минут, как и она умчалась домой.

– Хоть у кого-то есть мозги, – пробормотал я, улыбнувшись.

Я прошел в коридор, разулся и направился в комнату. Оглядев залитое закатным солнцем помещение, включил кофеварку.

Митсон тем временем сопел в трубку. Значит, Фил Элишке не так интересен, как она хотела показать. У меня снова появился шанс, раз Фил обломался. Я ликовал, чувствуя зуд в руках и ногах. Грудь распирало, словно сердце увеличилось в размерах.

– Мозги? Твой сарказм неуместен. Но, черт возьми, она стала для меня только желаннее. Так мне еще не отказывали.

Я закатил глаза. Кому как не мне это знать?

– Кстати, она расспрашивала о тебе. Не настойчиво, но все же я выложил ей немного о нашем знакомстве в детстве. Не знаю, как так получилось. Зато ты, брат, заработал несколько очков в ее глазах.

– Ну да. Несколько очков жалости. Зачем вообще нужно было об этом трепаться?

Я сделал себе кофе и оставил на столе, чтобы остыл. И снова ощутил яркий стыд, вспоминая, как меня били мальчишки на том злополучном школьном дворе. Скривился, злясь на себя за это чувство и на Фила за то, что впервые он выболтал мои детские тайны. Я часто задышал, ощущая пульсацию в горле.

– Прости, само вышло. Ты... Ты в порядке? Что с миссис Чейз? Выкладывай!

Я громко сглотнул ком и прикрыл глаза, уговаривая себя не паниковать всякий раз, как думаю о бабушке.

– Все плохо. У нее снова случился приступ. Доктор Бронс настаивает на более сильных препаратах, просит подписать разрешение на это.

– Мне жаль, Дэн. Правда! Она идеальная бабушка.

– Знаю! Мне тоже. Ты извини, мне сейчас нужно почитать документы по этому случаю.

Я не хотел болтать. Горло сдавил новый спазм. Будто до этого болезнь не была настолько реальной, а после моих слов стала.

– Хочешь, я приеду?

– Нет. Но спасибо. До завтра.

Я сполз по дивану на пол и обнял колени, прислонив телефон ко лбу. Что мне делать? Обдумав все за и против, решил все-таки купить билеты на самолет после того, как прочитаю послание от ба.

Следующие несколько дней прошли в ожидании писем.

Элишка и правда выказывала заинтересованность мной, но уже второй день как я бегал от нее, словно олень от охотника, петляя по многочисленным коридорам «Баррандова». Фил, конечно же, заметил мои маневры.

– Ты чего прячешься от девушки? Помнится, когда мы гуляли, ты был счастлив заполучить ее внимание.

– Я пока не могу. Жду писем от ба и нет настроения.

Мой голос дрогнул от вранья, но друг посчитал, что это от тревоги за родственницу, потому что взгляд у него сделался сочувствующий.

– В Дом Фауста уже ходил?

– Нет, – снова соврал я. – Как прочитаю, что написала ба, тогда.

– А почему просто не позвонишь ей? – недоумевал Фил.

– Да не берет она трубку! А сто раз названивать доктору Бронсу я считаю слишком навязчивым. Когда пытался вчера, у него как раз был сеанс психотерапии.

Я теперь уже по-настоящему взволнованно махал руками, объясняя это.

– Пока жду.

Фил так нахмурился, что между бровей остались заломы.

– Странно это все. Дождись писем – и, если не дозвонишься до миссис Чейз, отпрашивайся у главного и слетай домой.

– Так и сделаю.

Настала пятница, и я, отбыв положенное время на съемках, уехал за письмами. Служебную машину я брал не каждый день, иногда катаясь на метро и автобусах, чтобы лучше проникнуться местной атмосферой. Но сегодня как раз тот случай, когда авто было единственным вариантом.

Аэропорт Вацлава Гавела являлся для меня непостижимым феноменом. Огромный, где-то на двадцать футбольных полей, он встречал и провожал сотни рейсов в сутки. Кажется, такая громадина должна полниться шумом, но нет – зайдя внутрь, ты погружаешься в тишину. Чисто и малоллюдно, словно он работает только для тебя одного. Я понимал, что за организацией рейсов и потока людей следила толпа специалистов, но восхищался подобным эффектом еще при первом посещении.

Объявили рейс, и я застыл возле импровизированного коридора, который создавали турникеты с протянутыми через них черными лентами. Ученика доктора Бронса я узнал сразу же. Мы виделись в пансионате, когда я навещал ба перед отъездом.

– Дэниэль? – он махнул рукой, второй держа сынишку лет пяти, а из-за его плеча выглядывала симпатичная полненькая девушка, видимо, его жена.

– Здравствуйте!

– Сейчас, – он порылся в рюкзаке, выудил три чуть примятых конверта и протянул их мне.

– Спасибо.

– Только не принимайте написанное вашей родственницей близко к сердцу, – зачем-то предупредил он.

Я было хотел перебить его, но он опередил:

– Нет-нет, я не читал. Но знаю, что люди с подобным расстройством склонны к выдумкам.

Я кивнул, в душе несогласный, что ба могла написать бред. Попрощавшись, я поспешил домой, то и дело отрывая взгляд от дороги и косясь на конверты, лежащие на пассажирском сиденье.

Залетел в квартиру и осадил сам себя. Почему-то когда дело касалось моей семьи, я дрожал и нервничал как истеричка. Заставил

себя не спеша снять обувь, переодеться и принять душ. Стоя под горячими струями воды, которая разбивалась на миллионы капель, сталкиваясь с телом, зачерпнул горсть соли для ванны с запахом мяты и лайма. Намочил ее и поднес к носу, вдыхая успокаивающий аромат. Большинство людей пили бы успокоительные, но меня вполне приводила в норму соль.

Аккуратно вскрыв три конверта, решил не спешить и читать по очереди. На каждом стоял порядковый номер. Взгляд зацепился за первые строки, и я полностью погрузился в письма.

«Дорогой мой мальчик.

Знаю, ты считаешь меня выжившей из ума старухой, но это не так. Я лишь хотела уберечь от страшной судьбы, которая тебе предначертана. В то, что напишу дальше, трудно поверить, но ты постарайся!

Ты знаешь, сколько книг и легенд написано о твоём предке – докторе Фаусте. Якобы он был чернокнижником, алхимиком и магом, что продал душу дьяволу и вынужден был служить ему вечно. Мой мальчик, частично это правда.

Частично потому, что Фауст обладал гениальным умом и смог избежать служения темным силам. Осталась одна лазейка, которую он не учел, а может, не хотел просчитывать на поколения вперед. Его потомки не обязаны дьяволу, но подвержены его влиянию. Семья Фауст может служить темному ангелу и наделена частичкой сверхъестественных сил. Мы способны видеть то, что недоступно обычным смертным – как проводники и усилители темных сил в мире живых. Поэтому будь осторожен. Тебе двадцать один, а это значит, что искушение уже началось. Борись, прошу тебя, борись! Ты лучше того, каким ты себя видишь во снах. Прости, что не рассказала раньше. После всего, что ты пережил, я не хотела рушить твою жизнь и не думала, что нас все-таки найдут. Писать и звонить мне не нужно. Сейчас ты не веришь, но обязательно найди способ прочитать письма два и три. Будь сильным и ни за что, повторяю, ни за что не уезжай из Праги!»

– Что за бред, бабушка? – ошеломленно выдохнул я, потерев уставшие глаза.

Развернув следующие два листа бумаги, я вообще ничего не понял. Бумага, испещренная знаками, походила бы на древний свиток, если бы послание не было написано современной гелевой ручкой. Загадочные символы были похожи и на китайские иероглифы, и на клинопись одновременно. Они слишком четко начертаны, не дрожащей рукой пожилой женщины. Может, это писала не она?

– Почему мне нельзя уезжать из Праги, ба? – в голос спросил я, дергая крест на сережке.

Черт! Черт! Черт!

Что все это значит? Бабушка реально сошла с ума? Какие проводники, какие темные силы? Она же историк, прагматик и вообще атеистка. Мне хотелось сейчас же купить билет на самолет и, вернувшись в ЛА, расспросить ее обо всем. Но ее состояние и этот строгий наказ не прилетать... Я не мог его нарушить. Или это какая-то игра?

Не выдержав, я набрал доктора Бронса, но мне ответила лишь голосовая почта, сообщившая, что в данный момент он не может говорить. Точно! Хотя нет. Разница во времени девять часов, у них сейчас одиннадцать утра. «Наверное, на сеансе с пациентом», – решил я и позвонил бабушке, но абонент оказался недоступен.

Прокручивая в голове строки из письма, я лег на диван. Снова перечитал первое письмо, пытаюсь разгадать, что же имела в виду моя родственница, и не заметил, как провалился в сон.

Ночью вернулась рыжая красотка. Сновидение и реальность перемешались. Сегодня она указывала рукой на зеркало, в котором, словно старый фильм, крутились события прошлого, может, даже другого века.

Отражение показывало часть мрачного кабинета с резными стульями и парчовыми шторами. Я видел шкаф без дверей, в котором стояли банки с неизвестным мне содержимым. Колбы, лампы. Множество мелких склянок с надписями на латыни на этикетках. Я даже слышал шум цокота копыт, который раздавался по брусчатке рядом с полуоткрытым окном.

– Пан Фауст, желаете чего-то еще? – откуда-то из темноты кабинета подобострастно спросили мужчину в костюме эпохи Возрождения. У него были темные вьющиеся волосы, собранные в хвост, и аккуратная бородка. Очевидно, я видел именно Фауста,

потому что запомнил его лицо на гравюрах и старых портретах в книгах бабушкиной библиотеки. Тот мужчина в зеркале был похож на него.

Доктор сидел за столом, держа перед собой чашу с жидкостью, напоминающей кровь. Рядом лежали несколько открытых толстых фолиантов и тетрадей. Напротив него стояло зеркало, из которого шагнула она, девушка моих снов. Рыжеволосая была нага. Фауст лихорадочно потянулся к ней, пальцы его тряслись от желания прикоснуться, и она позволила.

Молодой доктор гладил и стискивал ее кожу, скребя ногтями и оставляя красные следы, после чего зацеловывал царапины, точно одержимый. А рыжая просто стояла, опершись о стол. Запрокинув голову, она, казалось, наслаждалась своеобразными ласками. На прежде безразличном лице девушки мелькали эмоции, словно звезды, которые случайно показывались из-за плотной облачной завесы. Я смотрел на нее и не мог отвести взгляд, обездвиженный зрелищем. Меня бросало в жар, внутри растекалось покалывание и приятное ноющее чувство, распространяющееся от паха по всему телу. Я дрожал от возбуждения.

Когда распаленный Фауст потянулся к завязкам на своих брюках, рыжая, вывернувшись, порезала свою ладонь, затем накапала крови в чашу. Все так же молча она взяла чашу с кровью и поднесла к губам Фауста. Не отрывая горящего взгляда от девушки, доктор выпил все.

– Прибери за собой, – приказала она бархатным тоном, уходя.

Ракурс сместился, я понял, что имела в виду девушка. На кушетке возле стола, которую я до этого не видел, лежал человек с перерезанным горлом, залитый собственной кровью. Дикость какая! Я отвернулся от зеркала, ощущая тошноту. Руки сами собой прикрыли горло, будто защищая. Стук сердца отдавался в ушах, а язык онемел, как бывало перед подступающей рвотой. Хорошенько оттолкнувшись ногами, я понесся подальше от зеркала, но, оглянувшись, понял, что бегу на месте. От отвращения и ужаса резко проснулся и сел на постели.

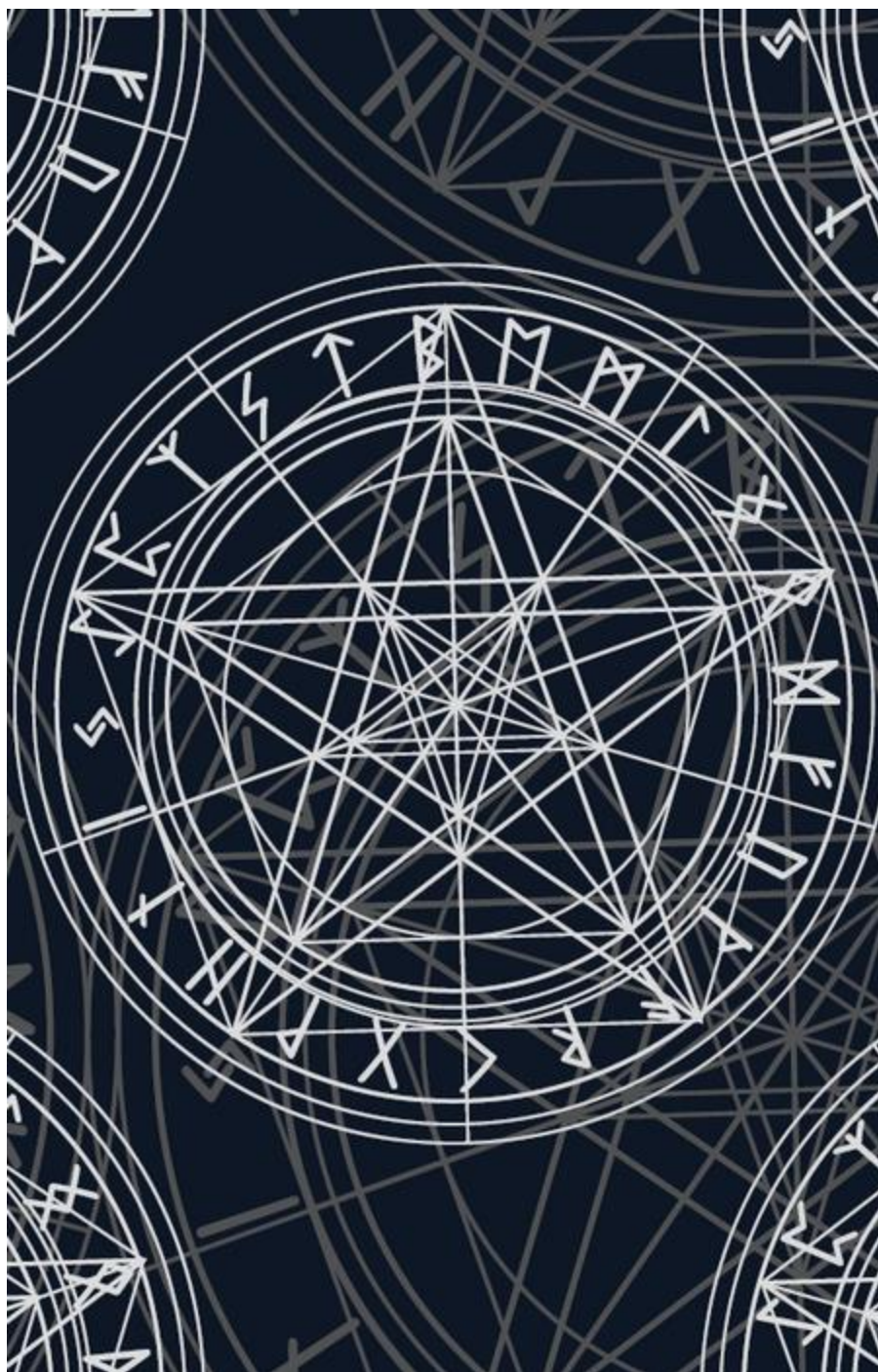
Я должен во всем разобраться, иначе меня тоже можно отправлять в психушку!

Глава 4

Pacta sunt servanda.

Договоренности должны соблюдаться.

Этим же вечером. Грегор Ниотинский

Грегор сделал знак хранителям, и оба двинулись навстречу гуляющей паре. Переулок Старого города^[8], внутри которого жались друг к другу средневековые дома, был почти пуст и заканчивался тупиком.

– Вечер добрый! – вежливо поздоровались с супружеской четой два громилы и перегородили им дорогу.

– Добрый. Разрешите пройти, – мужчина, ученик доктора Бронса, нервно попытался прикрыть собой жену. Тощей спины не хватало, чтобы защитить супругу целиком.

– Мистер Крем, пара вопросов – и вы свободны, – Грегор приблизился и учтиво прикоснулся к полям шляпы, здороваясь. Этим вечером он не выглядел как кардинал-епископ, всего лишь хорошо одетый приезжий.

Хранители показали оружие, отодвинув полы пиджаков. Ученик Бронса выпучил глаза и сглотнул, его кадык задвигался под кожей, будто большая картофелина.

– Я говорила тебе, что шататься по Праге ночью – плохая идея! – негромко взвизгнула его миловидная супруга.

– Что вам нужно? Наличных нет, но я отдам карту, только не трогайте нас!

Грегор обманчиво обаятельно улыбнулся.

– Оставьте деньги при себе, мистер Крем. Лишь скажите, что вы передали Дэниэлю Чейзу.

Ученик Бронса поджал губы, а потом все же ответил:

– Три письма от психически нестабильной родственницы.

– Что в них?

– Я не читал, – оскорбился будущий доктор.

Улыбка Ниотинского стала понимающей.

– Полно вам. Думаю, все же читали, хотя бы из чисто научного интереса.

– Хорошо. Первое про Фауста, того, что из Гете. А другие два написаны на языке, который ни я, ни доктор Бронс не смогли определить. Миссис Чейз историк, возможно, это какой-то мертвый язык.

– У вас совершенно случайно не осталось копий? Или фото писем?

– Нет. Не посчитали нужным сделать, – отмахнулся мистер Крем, опустив взгляд на свои ботинки.

– Благодарю за информацию. Хочу, чтобы наша маленькая беседа осталась между нами.

– Я понимаю. – Мистер Крем дрожал всем телом и поскорее желал отделаться от Грегора и его охранников.

В машине, пока глава Ордена стягивал неизменные кожаные перчатки, которые носил даже в жаркое время года, зазвонил мобильный.

– Да. Как ты и предполагал. Зашифровано. Думаю, он озадачится поиском лингвиста, если не посчитает все это выдумкой больной женщины. Пустите в ход Эмиля, он отличный хакер. Пусть мальчик найдет верного нам человека.

Следующим утром. Дэн

Вернувшись домой, я включил ноутбук. Пальцы быстро стучали по клавишам, открывались вкладки. Я был полон решимости найти лингвиста и прочесть два оставшихся письма. Наследство и послания пересекались непонятным мне образом на одной личности – Фаусте. Единственным человеком, кто знал об этом больше меня, являлась Грета Чейз.

Я провел в интернете несколько часов субботнего утра. Поиск не выдавал большого разнообразия, поэтому решил остановиться на том специалисте, чей рейтинг, судя по отзывам, будет выше. Фил все звонил и звонил. Упрямо и настойчиво, поэтому пришлось написать ему, что со мной все хорошо. Я хотел бы ему все рассказать, но не знал, как объяснить происходящее.

Через час, кажется, нашел, к кому поехать за советом. Я всегда верил ба, но в то же время понимал, что она тяжело больна. Заключение врачей тому явное доказательство. И все равно как одержимый собирался на встречу с неким доктором Д. Хокс. Одеваясь, я старался не смотреть в зеркало, а перед уходом и вовсе струсил: завесил его синей простыней. Может, так мне перестанут сниться проклятые сны с рыжей.

Кафе «Скала» находилось в незаметном переулке, где посетителей встречали две огромные подвесные скульптуры красных коров прямо над головой. Они парили, сторожа вход. Кафе оказалось милой кондитерской. За стеклянными стенками сновали мастера сладкого королевства. Станный выбор для лингвиста, хотя, вероятно, он сладкоежка. Вскоре ко мне подошла девушка с папкой в руках.

Я приветливо улыбнулся и проговорил:

– Я бы хотел сесть за тот столик справа.

Девушка немного надменно улыбнулась и покачала головой. Тут я потрудился оглядеть ее с ног до головы. Вот дурак! Краснея, неловко взял меню со стойки, оставляя потные отпечатки на лакированной обложке. Я был удивлен, ведь договаривался о встрече с доктором Д. Хокс. Видимо, буква Д. означала не Дэвид, как я подумал сперва.

– Доктор Джена Хокс, мистер Чейз, – она протянула узкую ладонь для приветствия.

– Очень приятно, мисс. Можете называть меня по имени, – ответил я.

Джена оказалась высокой, худой, с гладкой оливковой кожей. Я с режиссерским интересом изучал ее необычную внешность. Девушка-змея. Зеленые раскосые глаза за стеклами очков только добавляли сходства.

– Можно сразу к делу, у меня время поджимает, – поторопила она, садясь за тот самый столик справа. Я последовал ее примеру.

– Да, конечно.

Я протянул папку, в которой лежало два письма. Девушка всмотрелась в символы и надолго замолчала. Я ждал, думая, что сейчас она скажет: «Вы придурок, такого языка не существует!»

Лингвист поправила рукой стильные маленькие очки, скорее по привычке, чем по надобности.

– Дело в том, мистер Чейз, что это не древний язык и никакой из ныне существующих.

Мои щеки вновь заалели. Я застыл на мгновение, а затем дернулся, чтобы извиниться.

– Нет, не перебивайте. Это всего лишь шифр. Старый, очень старый шифр. Я такой видела лишь раз в своей жизни.

Я подался вперед.

– Где вы его видели? Сможете перевести?

– О, боюсь вас разочаровать, но в этом не сильна. Я встречала его во времена учебы в университете Оксфорда, примерно пять лет назад, когда мы проходили эту тему на дополнительных лекциях. Кажется, этот шифр использовали тайные средневековые общества.

– Пять лет назад? Не обижайтесь, но вы не выглядите на тридцать.

Она кокетливо улыбнулась, махнув рукой. «Какая женщина не любит, чтобы ей давали меньше лет, чем есть на самом деле?» – твердила мне бабушка и была права.

– Спасибо, конечно, но мне действительно уже за тридцать.

– Значит, похожий шрифт вы видели в Англии? Масонский? – со смешком уточнил я.

– Не уверена. Но могу утверждать, что с шифром вам поможет лишь один человек, мой бывший... наставник. Историк, Уильям Крамер. Он увлекается этой темой, – девушка снова поправила очки. – Я дам вам телефон профессора. Думаю, он еще преподает.

– Отлично! – мне не удалось скрыть нетерпение, хоть я и старался говорить спокойно.

– Уилл часто летает на раскопки захоронений в Египет и Южную Америку. Если не будет брать трубку, напишите СМС, скажите, что от меня, и он наверняка вам перезвонит.

Хокс открыла сумочку величиной с манго и жестом фокусника извлекла визитку, словно знала наперед, что она мне понадобится.

– Мистер Чейз... – Хокс поймала мой взгляд и вновь расплылась в кокетливой полуулыбке. – Дэниэль, если у вас после общения с Уиллом останутся вопросы или понадобятся услуги переводчика – обращайтесь, – как бы между прочим проговорила она, в то же время скрывая за отстраненностью яркий интерес ко мне, а может, к тому, что было зашифровано в письмах.

Доктор Хокс была непроста, и мне почудилось, что ей с трудом удавалось сохранять невозмутимость. Я не слыл эмпатом, но ее эмоции так явно проступали сквозь наброшенную маску, что не заметить их было трудно.

– Благодарю вас, мисс Хокс. Ваша помощь неоценима. Я выпишу вам чек за консультацию.

Я встал и пожал руку девушки на прощание.

– Это лишнее. Передавайте привет Уиллу, – Джена осталась в кафе, а я направился в сторону парковки.

То же время. Ниотинский

Грегор приехал еще до того, как Дэниэль вошел в кафе «Скала». Выбрал столик в углу, откуда хорошо просматривалась вся площадь заведения. Хранителей, которые своими габаритами чересчур привлекали внимание, он оставил снаружи.

– Спасибо, – учтиво поблагодарил Грегор официантку.

Заказ его был не так скромн, как обычно: чашка с двойным эспрессо без сахара и десерт. В Праге кардинал пристрастился к малиновому торту, который готовили так, что хотелось проглотить язык от удовольствия. Десерт состоял из трех слоев. Начинаясь с рассыпчатого коржа, переходящего в сыр маскарпоне, а на верхушке ждала свежая малина, залитая желатином. Вроде ничего особенного, но в этой простоте крылся нежный вкус. Грегор не спеша отламывал треугольный кусочек и подносил ко рту, жуя и жмурясь от наслаждения, а после запивал сладость горьким кофе. Никто бы и не заподозрил в мужчине грозного главу ватиканского Ордена, который, наслаждаясь десертом, следил за единственным пустым столиком напротив.

Рядом с его столом расположилась суетливая дама, которая пыталась работать на ноутбуке, но постоянно отвлекалась на телефон, выясняя в голос отношения с неким Йиржи. А чуть дальше пара молодых людей. Оба молча ели шоколадные пирожные, уткнувшись каждый в свой мобильный.

По губам Грегора скользнула едкая ухмылка, чуть изогнувшая их контур. Ему претило праздное отношение к жизни. Люди создали технологии, но забыли, как общаться друг с другом. Жизнь без войн и чудищ сделала их слабыми, боящимися собственной тени. Да, он понимал, что ради такого благополучия Орден и создавался. Однако Грегору уже давно стало плевать на людей, возможно, из-за долгой жизни, а может, из-за того, что он так и не смог быть с той, которую любил больше жизни.

Ниотинский сразу узнал в вошедшем молодом человеке потомка Фауста – он видел фото Дэна в социальных сетях. Дэниэль был совершенно заурядным: тощий, с задумчивым, немного печальным выражением лица. Серо-голубые глаза и копна вьющихся темных волос до ушей. Взгляд кардинала зацепился за серьгу, блеснувшую при ходьбе. Серебряный крест. То, что потомок Фауста его везде носил, сказало Грегору очень многое. Если искушение и началось, то Лилит ни за что не пробить защиту заговоренного металла.

Пока Дэниэль топтался у стойки, в двери проскользнула Джена Хокс, на ходу поправляя очки. Едва посмотрев на Грегора, девушка более не обращала на него внимания, целиком уделив его Дэниэлю.

Ниотинский слышал весь их диалог, не спеша поедая третий по счету кусок чудного десерта. Сделав вид, что увлечен пищей, он следил за Дэниэлем: как тот говорил, как держался. Наблюдая за его эмоциями, Грегор размышлял, как привлечь потомка Фауста на сторону Ордена. Какие-то мысли казались удачными, какие-то нет, и он безжалостно их отметал. Грегор не мог заставить, поэтому приходилось изворачиваться, ведь этот мальчишка ему жизненно необходим, хотя еще не подозревает об этом.

После ухода Дэниэля мисс Хокс подседа к столику Ниотинского.

– Зачем тебе тайник Фауста? – прямо спросил Грегор.

– Говорят, Фауст украл кое-что у ведьм. Я хочу вернуть то, что принадлежит моему роду.

Джена явно темнила и выдала лишь крохотную часть правды.

– Сколько ваших в городе?

Она вспыхнула, зло сузив зеленые колдовские глаза за стеклами очков.

– Благодаря святой инквизиции и сраному бургомистру – я единственная.

– Джена, Джена, – с опасными нотками в голосе протянул кардинал. – Думаешь, я вчера родился?

– Что вы, Ниотинский, я прекрасно помню вас, – рассерженной гадюкой прошипела Хокс. – Мою мать вы не пожалели, как и многих в Бамберге.

– Но ты жива!

– Мне было пять. Естественно, вы тогда не обратили внимания на ребенка, – фыркнула она, сцепив тонкие пальцы в замок.

– Значит, вас не так много. Потомка не смейте трогать, – тихо и выделяя каждое слово предостерег кардинал.

Но ведьмы, как бы они ни старались терпеть, ненавидели, когда им указывали или запрещали. Глаза Джены блеснули изумрудами, а губы скривились от ненависти, которую она питала не только к Грегору.

– Фер Люций^[9] хочет Дэна, тогда и я хочу. Если ему так нужен этот забитый мальчишка без капли магии, я и мои сестры сделаем все, чтобы он не попал к нему в руки.

– У нас сделка, условия которой ты, кажется, забыла! – чуть повысил тон Грегор.

– Я сделала все, чтобы выпроводить его из Праги, как мы и договаривались.

Она подняла ладони, притворно капитулируя.

– Да, но сейчас твои интересы противоречат моим!

– Вашим или интересам Ордена?

Синий в глазах Грегора вспыхнул штормовым морем и блеснул сталью. Джена не выдержала его взгляда и опустила голову, лишь жилка на ее шее предательски пульсировала, выдавая страх и злость.

– Ступай! – повелительно махнул рукой Ниотинский, закончив разговор.

Дэн

Сначала я с десятков раз набирал бабушкин номер, надеясь расспросить обо всем. Но тщетно. Значит, если это шифр, а ба никогда ничего не делала не подумав, то нужно узнать, что скрывалось в письмах. В машине я размышлял, уместно ли будет звонить профессору в выходной. Спустя пару минут моя горячка и нетерпение пересилили, и я набрал номер, который оставила доктор Хокс.

Шли длинные гудки, трубку брать не спешили. Я хотел уже сбросить, когда на другом конце ответили бодрым мужским голосом, который глушил шум ветра:

– Да, говорите!

– Профессор, здравствуйте. Меня зовут Дэниэль Чейз. Ваш телефон дала мне мисс Хокс. Доктор Хокс, – и я вкратце рассказал о шифре, который нужно перевести.

Несмотря на то что связь прерывалась, профессор внимательно выслушал меня.

– Весьма любопытно, мистер Чейз, однако у меня довольно плотный рабочий график. Через пять дней я с группой улетаю в Южную Америку и, боюсь, пробуду без связи несколько месяцев.

– А в ближайшие дни до отъезда вы смогли бы уделить время шифру?

– Прилетайте ко мне, мистер Чейз. И я с удовольствием взгляну на ваш шифр, – прокричал в трубку Крамер.

– Может, вы все же сможете посмотреть на мое письмо по электронной почте? – с надеждой спросил я.

– Шифры не так просты. Я принципиально первоначально работаю с материальным носителем. Мне важно прикоснуться к нему. Не могу объяснить, но с загадками всегда так. Если не сможете, то через месяцев пять я, возможно, буду проездом в Праге.

– Я прилечу, – поспешно заверил его я. Ответы нужны мне уже сейчас! – Вы не сказали, где находитесь. Мне купить билет до Лондона?

– Нет, в Рейкьявик, Исландия. А оттуда в поселок Вик. Кстати, одевайтесь теплее, погода здесь переменчивая.

– Как мне вас найти там? – растерянно и уже не так бодро спросил я.

– Пришлите мне СМС в день прилета! Я попрошу своего студента встретить вас в аэропорту.

Попрощавшись, я долго смотрел на мобильный в руке. Нужно придумать, как отпроситься на пару дней со съемок, при этом не вылетев с режиссерской практики.

Вечером я вернулся к Дому Фауста и стоял, словно сталкер рассматривая его, но опасаясь зайти внутрь.

«Чего я боюсь? Какого-то дома? Он ведь мой!» – я уверенно достал связку ключей и поднес к замочной скважине. И тут тишину улицы разрезал звонок, запиликавший, как всегда, не к месту и не ко времени.

«Неизвестный номер», – прочитал я на экране и нажал кнопку «ответить на вызов».

– Привет! – раздался знакомый голос.

– Привет, Элишка, – улыбнулся я, радуясь, что она первая решилась позвонить.

– Слушай, я тут подумала, что хотела бы еще одну экскурсию по Праге с тобой, – немного смущенно предложила она.

– Эм-м...

Я был рад и несчастен одновременно, потому что рассчитывал завтра утром позвонить главному и, сославшись на простуду, получить несколько дней для поездки. В эту схему никак не входило свидание с симпатичной девушкой.

– Извини. У тебя, скорее всего, уже были планы, – расстроено раздалось из трубки, и я не смог устоять.

– Завтра вечером я полностью твой, – горячо заверил я, чем вызвал довольный девичий смех.

Сумерки окутали Прагу, зажигая фонари с теплым оранжевым светом. Однако как бы они ни старались светить, тени находили углы и ниши, собираясь там в зловещие сгустки, чтобы пугать прохожих. Даже воздух становился более стылым, словно подчиняясь наступающей тьме.

Мне расхотелось заходить в Дом Фауста, и я поехал обратно в свою квартиру. Нужно было придумать оправдание перед главным режиссером и заказать билеты на понедельник.

Снова зазвонил мобильный. Фил не сдавался, и, думаю, если бы я не ответил, через полчаса ломился бы ко мне. Нас разместили в квартирах на разных концах города, что было в новинку: мы провели в соседних комнатах все студенческое время.

– Дэн, я тебя убью, вот честно! Ты хочешь, чтобы я поседел, переживая, что у тебя случилось?

– Не волнуйся! Я в порядке.

– Скажи мне, чем я могу помочь?

Я ощутил неловкость оттого, что совсем недавно так бесился из-за Митсона. Он никогда не бросал меня и всегда вставал на мою сторону. Я глубоко выдохнул и попросил:

– Можешь как-то отмазать меня на пару дней со съемок?

– Я в шоке, – выдал Фил. – Ты точно Дэн Чейз?

Несмотря на шутку, в голосе Митсона слышалась обеспокоенность.

– Фил, мне нужно уехать на несколько дней в другую страну.

– Я лечу с тобой!

Тон его не подразумевал возражений с моей стороны, и будь ситуация другой, я с радостью сам позвал бы его.

– Нет, в этот раз я прошу тебя прикрыть мне спину здесь. Пожалуйста!

– Хорошо-хорошо, друг, – в голосе Фила прозвучало удивление, и он нехотя уступил, явно недовольный моим решением. – Главному не звони, я сам все улажу. Скажи хоть, куда летишь?

– В Исландию. – Пока он не стал снова настаивать на том, чтобы полететь со мной, я заверил: – Обещаю, что все расскажу тебе по прилете!

– Клянешься? – на полном серьезе переспросил Фил.

– Клянусь, – так же ответил я.

Наше детское обещание, которое мы дали, сидя в доме на дереве у Филадельфии на заднем дворе: мы поклялись всегда приглядывать друг за другом, что бы ни случилось. А когда Фил чуть не погиб, катаясь на байке с очередной сокурсницей, я поклялся, что он не умрет, и это исполнилось. Так и повелось: если уж мы клялись, то все было серьезно.

Открыв несколько приложений для покупки авиабилетов, я слегка устрасился цен. Искать перелет пришлось тщательно. Не знал, брать ли обратный билет в этот же день и успею ли я вернуться, или профессору понадобится больше времени. Я понятия не имел, как разгадывались шифры. Торопить Уилла Крамера я не мог, спасибо ему за то, что вообще так легко согласился посмотреть на письма. Я боялся представить, что будет, если профессор окажется бессилён. Тогда останется только одно – лететь в ЛА за ответами, несмотря на бабушкин отказ. Я не хотел нарушать запрет. Еще с детства бабушка требовала от меня лишь одного: слушаться ее для моего же блага, что я и делал.

Нажав «купить», я стал обладателем билета в одну сторону на рейс Прага – Рейкьявик. Самолет должен был приземлиться в Исландии утром. Заранее посмотрев карту, я увидел, что от аэропорта до поселка Вик около двухсот километров, и было бы чудесно успеть показать письма профессору до темноты. Я подозревал, что он будет на раскопках, поэтому подобрал рейс исходя из всего вышеперечисленного.

Я не знал, что будет в письмах, но тайный шифр манил меня, словно красная ниточка, ведущая к чему-то неизведанному. Почему Грета Чейз зашифровала послания ко мне? Кого она боялась? Письма читал кто-то кроме меня? В них должно быть что-то чрезмерно важное, иначе она не прибегла бы к шифру. Или бабушка все же тронулась умом, и в Исландии я испытаю только разочарование.

Целую ночь прокрутился в постели. Как только впадал в дрему, сразу же в полусонных мыслях появлялась рыжеволосая девушка. Горло снова сжималось в спазме, и я просыпался. Так, промучившись до рассветных сумерек, сел на кровати и взял телефон. На экране блокировки высветилось около двадцати пропущенных от Филадельфии и еще

несколько от координатора «Баррандова». И это за последний час. Я надеялся, что там не пожар или землетрясение, потому что команда всегда отдыхала в выходные дни. Только собрался набрать Фила, но раздался звонок домофона, что взволновало меня еще больше.

– Собирайся, соня! – скомандовал друг, стоя в дверном проеме.

– Что случилось?

– В целом, ничего страшного. Так получилось, что главного пригласили на какую-то важную встречу. Он будет отсутствовать несколько дней, поэтому сегодня объявили внеплановый съемочный день.

Я просиял. Мне это более чем подходило. Отработав сегодня, я смогу спокойно улететь и не переживать, что пропущу стажировку. Единственный минус – свидание с Элишкой мне не светит. Наверняка снимать будут до полуночи, чтобы уложиться в график.

Простояв в пробках около часа, мы отдали дань дорожному богу в виде впустую потраченного времени. Объехав несколько аварий по пути, я радовался, что мы еще легко отделались. Не то что те бедняги, которых забирали на машинах скорой помощи. Первый раз видел настолько загруженную трассу в выходной день.

– Заедем на «бензинку»?

Бензинкой чехи называли заправку, и я активно закивал, потому что очень хотел кофе.

Фил дул на горячий чай и наблюдал за мной, щуря глаза от поднявшегося ветра.

– Спрашивай! – не выдержал я.

– Ты выглядишь иначе. Я переживаю за тебя, поэтому хватит играть в таинственность, Дэн. Расскажи мне. Я могу помочь!

– Нет!

Я упрямо поджал губы, чтобы ненароком не растрепать деталей предстоящей поездки. Митсон смотрел на меня не мигая, словно взглядом собирался пролезть в черепную коробку и выколупать оттуда все мои тайны.

– У меня создается впечатление, что ты не в себе, – проворчал Фил и, отвернувшись, выбросил стаканчик с недопитым чаем.

Я последовал его примеру. В полном молчании мы сели в машину и в гнетущей тишине добрались до киностудии.

– Фил?

– Захочешь поделиться, я весь внимание, – развел руками друг, спешно направляясь в павильон.

– Детский сад, – пожаловался я в пустоту.

Сжал руки в кулаки и направился следом. Фил присоединился к процессу выстраивания света. Я хотел пойти за ним, но на плечо легла тяжелая рука.

– Дэниэль! – главный раздраженно фыркнул, напоминая лошадь, которую атаковали оводы. – Ты сегодня будешь помогать с костюмами. В прошлый раз мне понравилось, как ты вписал их в сцену, поэтому поработаешь над нарядами второй половины сезона для новой героини.

– А мисс Чернова?

– Уже там, вместе с костюмером.

Я кивнул, настроение стремительно поднялось до облаков.

Отправился в павильон с глупой улыбкой и распечатанным сценарием в руках. Костюмерная киностудии еле помещалась в четырехэтажном здании. На каждом этаже находились не только хранилища с уже готовыми костюмами, но и мастерские, в которых их создавали. В хранилищах облачения были разделены по эпохам. Женские и мужские наряды, аксессуары к ним – все аккуратно развешано и разложено. Всего в костюмерной киностудии хранилось более двухсот сорока тысяч костюмов.

Остановившись на втором этаже, я услышал приглушенные женские голоса и пошел на звук. Элишка стояла на помосте для примерки в окружении зеркал. Закрытое спереди строгое платье своим видом со спины ударило меня под дых: будто школьная учительница, в которую был тайно влюблен в старших классах, вдруг станцевала стриптиз прямо на парте.

– Доброе утро. Это для сцены с балом, – пояснила костюмер.

– Доброе.

– Тебе нравится, Дэн? – кокетливо вертась передо мной, спросила девушка.

– Наряд не подходит характеру героини. Она смелая, но скована обязательствами перед родными и ни за что бы не надела это.

Пока я говорил, пани Мартина слушала, постукивая пальцем по губам, и когда я закончил, понятиливо кивнула и, бросив Элишке короткое «раздевайся», унеслась за другим нарядом.

– Поможешь?

Девушка указала на замысловатую застежку на шее. Сглотнув, я отложил сценарий и приблизился к ней. Сегодня Элишка была с растрепанной косой и едва заметным румянцем на щеках. В ее глазах таилось нечто прекрасное, и я хотел утонуть в их глубине, забыв обо всем, кроме огня, который они разжигали в моем сердце.

Пальцы дотронулись до смугловатой кожи шеи, и мне показалось, что через них пропустили маленький разряд тока, когда я пытался подцепить застежку. Наконец я справился с ней, но остался на месте, не в силах отвести взгляд от оголенной спины и выступающих лопаток. Элишка застыла, держа ткань наряда у груди и смотря через зеркало, а я провел рукой по коже, наслаждаясь ощущением. Мои мысли сейчас были отнюдь не о костюмах для второй половины сезона.

– Нашла! – бодро отрапортовала пани Мартина, еще не дойдя к нам, и я резко соскочил с помоста, чем вызвал смех Элишки и засмеялся сам.

– Так, милая, ты почему еще не разделась? Дэниэль, прошу вас, выйдите, не смущайте девушку!

Меня выгнали, но настроение стало сумасшедше прекрасным. Кровь бурлила, окутывая меня теплом. Пульс бился так, словно хотел выработать энергию на целый город. Кажется, я влюбился. Подбор костюмов превратился в лучший день в моей жизни. Она играла со мной, и я сгорал от счастья.

– Дэн? Сбежим завтра на прогулку? – между переодеваниями спросила Эли.

От ее взгляда я неловко дернул рукой и надорвал страницу сценария.

«Черт! Соберись уже!» – я мысленно призывал свое тело слушаться мозга, но сердце лихорадочно стучало, и его звук отдавался в ушах. В помещении стало душно. Кровь прилила к лицу, и я потрогал щеки.

Работа шла споро, и утомленная пани Мартина вскоре объявила перерыв на обед.

– Молодцы оба! Дэниэль, хочу отметить, что у тебя отличное чувство стиля и тонкое видение сцены. Сейчас это редкость среди молодых людей в киноиндустрии. Даже и не скажешь, что ты стажер.

Я кивнул, довольный похвалой. Элишка, выйдя из-за ширмы, взяла меня за руку, укрепляя в мыслях о том, что я действительно ей нравлюсь. Вообще, все, что происходило со мной в Праге, казалось чем-то невозможным. Наследство, письма, девушка, которой я нравлюсь. В таком приятном волнении прошли день и вечер. Элишка отыгрывала сцену на площадке, а после приходила примерять то, что мы отобрали за время ее отсутствия. Получилось ровно пять примерок. Я поклонялся профессионализму и трудолюбию Черновой. За весь день она ни разу не пожаловалась на усталость.

– Вы гляньте, сколько времени уже! – всплеснула руками костюмер. – Я закрываю наряды и ухожу, а ты, милая, переодевайся не спеша. Съёмочный день окончен.

– Дэн? Мартина ушла, и я снова не могу самостоятельно снять платье, – Элишка умоляюще сложила руки, улыбаясь уголком рта.

Я шагнул на помост и помедлил, любясь нашим отражением. Мы стояли в комнате, в окружении зеркал, словно отгороженные от всего мира. Только я и она.

Молния легко поддалась, но я не спешил расстегивать полностью, сходя с ума от вида девичьей кожи. Элишка наблюдала за мной, и ее глаза мерцали, словно драгоценности. Она повернулась в моих руках и надавила на грудь, заставив спуститься с неудобного для двоих помоста. Чернова сошла следом, обвивая мою шею руками. От неожиданности я сделал еще шаг назад и уперся в зеркало, но мне было уже плевать. Единственное, о чем я думал в это мгновение, что хочу поцеловать ее.

Элишка первая сделала это. Едва губы коснулись моих, я ласково прикусил ее нижнюю губу, а затем облизал место укуса.

– Дэн! – простонала она, крепче вжимаясь в меня бедрами, и я потерял голову, зацеловывая и лаская ее тело, едва прикрытое платьем.

Когда Элишка задрала мою рубашку, чтобы начать языком выписывать на груди немислимое блаженство, я запрокинул голову, и в этот миг моих волос коснулся холодный ветер. Инстинктивно я повернулся, ища его источник, и наткнулся взглядом на рыжеволосую девушку из своего сна. Она приложила палец к губам. Я снова закрыл глаза, понимая, что она ненастоящая. Элишка тем временем запустила руку в мои джинсы, заставляя хрипло простонать ее имя.

Моего уха коснулось чье-то горячее дыхание, в то время как Элишка продолжала ртом путь к паху.

– Ты устал, Дэниэль. Устал сопротивляться своим желаниям. Разве ты не хочешь сделать с ней то, что творил со мной во сне? Ты ведь думал об этом, когда смотрел на нее через зеркальное отражение? Сделай это!

Я распахнул глаза и повернулся. Рыжая по пояс вылезла из зеркала. Я застыл в ужасе, чувствуя себя прикованным к месту.

Содрогнулся и с усилием шагнул в сторону от Черновой. Мое тело покрылось холодным потом, а пульс ускорился до боли в груди. Зажмурил глаза, но открыв их, увидел, что рыжеволосая никуда не исчезла. Она молча смотрела на нас, склонив голову, словно собиралась выйти из зеркала полностью.

– Элишка, я... мне... мне нужно идти, – заикаясь, прохрипел я, выталкивая слова, будто каждое весило целую тонну.

– Дэн, что случилось? Тебе не нравится?

Чернова не видела рыжеволосую, а значит, ее появление – плод моего больного воображения или сломанной психики. Девушка хотела прикоснуться к моей ладони, но я отдернул руку и, бормоча извинения, вытолкнул ее из зеркальной комнаты.

– Дэн? Да что происходит! – повысила голос Элишка, вмиг покраснев от злости или разочарования.

– Эли, мне правда нужно идти, – пробормотал несвязно, понимая, что схожу с ума.

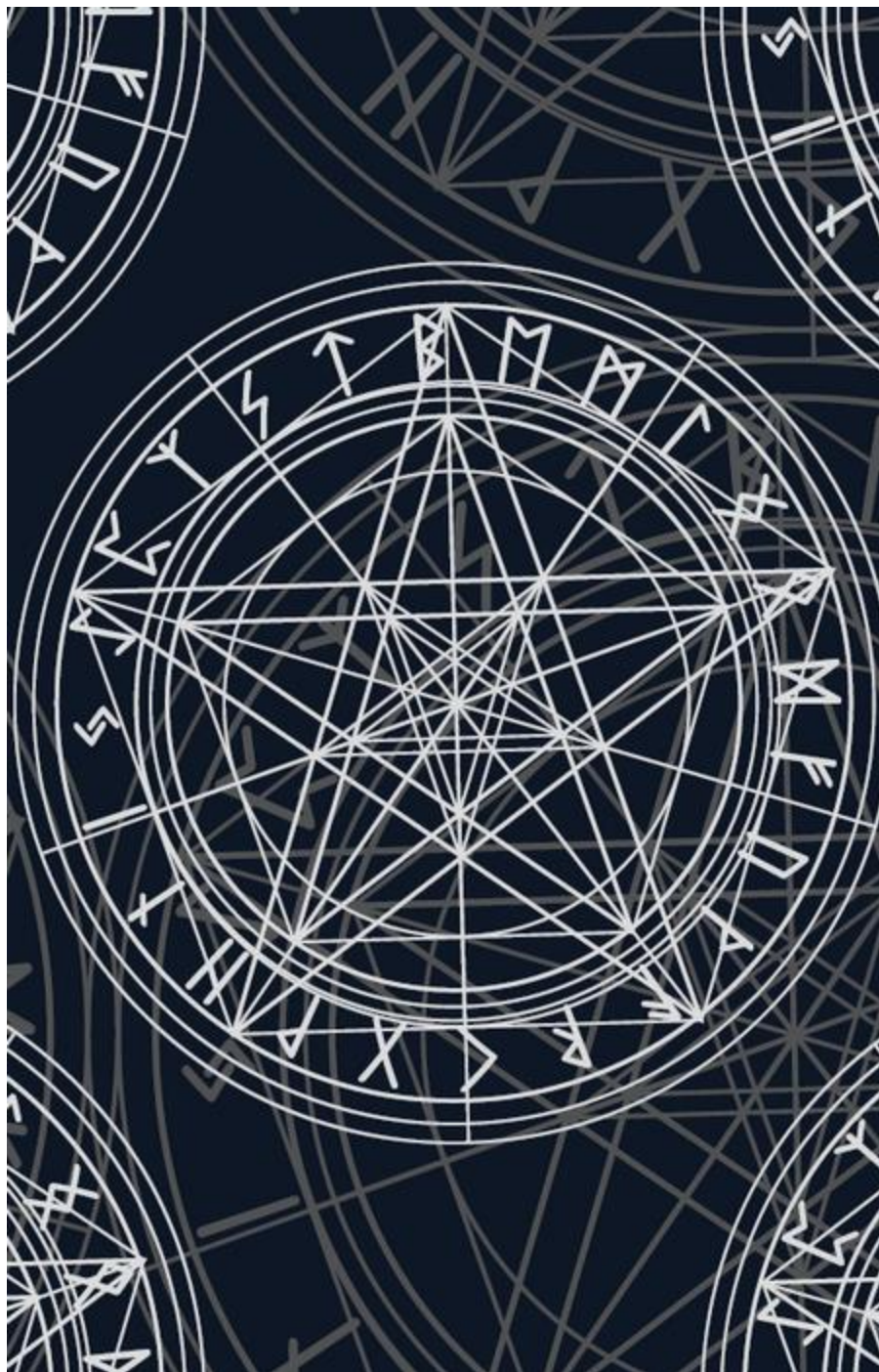
Я выбрался из костюмерного павильона. Весь съемочный персонал ушел, здания «Баррандова» безлико освещали лишь фонари. Жадно глотая свежий воздух, я побежал на трамвайную остановку.

Глава 5

Anguis in herba.

Змея в траве.

Кардинал-епископ Грегор Ниотинский

– Ваше Преосвященство, потомок сел на рейс до Рейкьявика, – отрапортовал служитель Ордена, потирая сонное лицо.

Охранять Грегора было тяжело еще и потому, что кардинал мало спал ввиду особенностей организма и божьего расположения.

– Отлично. Сегодня мы посмотрим тайники Дома Фауста, – бодро ответил Ниотинский. Глава Ордена только что принял душ и пребывал в отличном расположении духа.

Для Грегора все складывалось наилучшим образом: Дэн шел туда, куда его подталкивали, хлопот не создавал. Наивность парня, с одной стороны, радовала, заставляя кардинала думать, что ввести его в Орден будет легче легкого. С другой – парень начинал раздражать моральной слабостью и вопиющей предсказуемостью.

– Вы уверены, что они поддадутся?

– Дэниэль принял наследство, а значит, Дом откроет свои секреты. Фауст слыл тем еще авантюристом, уверен, там должно быть что-то против хозяина Ада. Не мог же чернокнижник и правда продать души потомков ради спасения своей и не оставить ни лазейки.

Рыжеволосая из снов Дэниэля

– Расскажи мне о Фаусте, – попросил мой собеседник.

– Доктор Иоганн поддался мне с первого дня, слабак. Людская история о нем неправдива. Немецкий чернокнижник действительно заключил сделку с дьяволом. Однако условия договора были совершенно иными, нежели привыкли считать собиратели легенд и преданий... – Я провела пальцем по стойке регистрации и продолжила: – Да и не нужны Повелителю слабаки, не нужны легко ломающиеся души. Ему нравятся стойкие, чистые, невинные, те, что долго держатся, а после – презирают себя столетиями. Таких подчинять – одно наслаждение. Становясь слугами Господина, «новенькие» сладко мучатся чувством вины, понимая, что ничего не вернуть. Именно они, прежде святые барашки, возвышаются и в будущем становятся бесподобными демонами ада. Так было и со мной, хотя я пыталась забыть то время, когда была человеком.

– А подробнее о тебе – человеке?

– Обойдешься! Так вот. Фауст поддался, и мне бы заподозрить неладное, но, довольная быстрым результатом, я не поняла его просчитанной наперед партии. Мало того что он оставил в дураках Повелителя, так еще и потомков умудрялся предупредить с помощью дневника и проклятого Ордена. Так что словосочетание «потомок Фауста» вскоре стало звучать проклятием.

Мой собеседник растянул губы в едкой усмешке и удалился на охоту.

Я могла следить за мальчишкой сквозь зеркала и другие отражающие поверхности. Зеркала нравились больше всего, а вот, к примеру, экраны смартфонов раздражали глупыми звуками уведомлений и звонков.

«Зашуганный мальчик, зачем он Господину?» – думала я, презрительно наблюдая за последним потомком Фауста. Однако каждую ночь жалкий человечиска сопротивлялся мне, борясь с собой. Я решила дожать Дэна после того, как парень узнал о наследстве, но сделала только хуже.

После сцены с кормлением Фауста мальчишку чуть не стошнило прямо во сне. Отвращение ко мне ясно читалось на его лице. В следующую ночь я не смогла войти в сон. Прах его возьми! Вечером подвернулся момент, чтобы попытаться еще раз. Хотела подтолкнуть его к жажде насилия, а вместо этого нанесла мальчишке психическую травму.

Мне оставалось выждать подходящий момент. Занимаясь делами отеля «Дахштайн», я пропустила весь полет Дэна и, отразившись в иллюминаторах самолета, наблюдала, как он почти бежал к синей машине на парковке за взлетным полем, возле которой ему энергично махал темнокожий парень.

«Ну-ну, сладкий, посмотрим, что ты накопишь, и понравится ли тебе правда?»

Прыгнув на стекло машины, я стала заложницей общения двух впечатлительных ботаников. Едва познакомившись, они сразу нашли общий язык. Мальчишка широко улыбаясь пожал протянутую смуглую руку:

– Дэниэль. Очень приятно.

На улице свистел ветер, играя шевелюрой потомка. Дэн то и дело откидывал с глаз пряди волос.

– Лион. Давай на «ты»?

– Согласен. Спасибо, что встретил.

– Скажу честно, я удивлен, что профессор во время раскопок решил взять расшифровку. Ты либо счастливчик, либо Уилла зацепила твоя история! – прокричал Лион, стараясь перекрыть шум ветра.

Он открыл натужно скрипнувшую дверь и резво уселся за руль. Дэн, не мешкая, устроился рядом на пассажирском сиденье. Я переместилась в зеркало заднего вида. Мне до зуда хотелось проявиться, чтобы немного попугать мышонка, который так забавно боялся, но я сдержалась.

Машина помчала по основной трассе, ведущей через весь остров. Дэн мечтательно уставился в окно. Я чувствовала злое предвкушение, почти трепет оттого, что собираюсь с ним сотворить. Мысленно представляла внешний вид потомка после того, как он поддастся мне.

– Нравится? – понимающе усмехнулся Лион.

– Земля начала времен, – восхищенно ответил мышонок. – Облака так близко. Ощущение, что до неба можно дотронуться рукой.

Меня чуть не стошнило единорогами от искренней радости потомка. С ним определенно придется долго работать, выбивая эту дурь.

– Понимаю!

– И воздух! Вкусный! Травы, нагретые солнцем, осенний ветер и соль океана. Я точно в раю.

Услышав в его голосе детский восторг, я мученически закатила глаза. Не выдержав, все же отразилась на лобовом стекле, чтобы увидеть, отчего так счастливо пищал Дэн. Авто проезжало бархатный покатый луг. Исландия мне понравилась. Она была первобытной, не скованной цивилизацией, не изморенной мегаполисами. Буйство всех оттенков зеленого. Я и забыла, что это мой любимый цвет. Был. Теперь остался только черный.

– Ледник обнимает горизонт, – кивнул Лион. – Занимает десять процентов всей территории страны.

Белые языки ледника расползались во все стороны по зеленым лугам, словно тающее мороженое. На его фоне паслись коренастые лошади с большими головами, косматыми челками, длинными гривами и хвостами. Сизые облака плыли низко, делая картинку совсем уж идеальной.

– Впечатляет! Ты на практике у профессора?

Мальчишке и правда было интересно. Он совершенно не умел скрывать эмоции, а может, не считал нужным этого делать. Глаза Дэна блестели, когда он склонил голову, повернувшись к собеседнику. На

губах расплылась улыбка, а ранее нахмуренные в задумчивости брови расслабились.

– Нет. Я его ассистент. Работаю и пишу докторскую, решил закончить ее здесь.

Я прервалась из-за шума в «Дахштайне». На заднем фоне слышались хрипы постояльца. Я с сожалением покинула Дэниэля и вернулась в отель. Прошла в номер, смежный с моими апартаментами. Мужчина на кровати захлебывался кровью, но все никак не умирал, издавая противные звуки. Его шея была разорвана, сквозь месиво из крови и плоти проглядывали позвонки.

Прах тебя возьми! Я раздраженно сжала кулаки, чувствуя, как когти выходят из фаланг. Кое-кому придется ответить за эту вольность. Я наклонилась, нежно обвела потный контур лица умирающего, а потом со всей силы вонзила когти ему в грудь. Рука миновала ребра и коснулась заполошно бьющегося сердца. В следующую секунду я вырвала его из груди. Хрипы и бульканье стихли. Наконец-то!

«Ох и не обрадуется Повелитель!» – пронеслось в мыслях, и я отхватила зубами кусок влажной теплой плоти. Сердце убитого постояльца по вкусу напоминало мясо дикой овцы, если эту овцу пасти в горах и кормить грибами. Насытившись, я вернулась к наблюдению за мальчишкой в Исландии.

Дэн с Лионом как раз стояли возле серных источников в толпе. По возгласам второго я поняла, что это местная достопримечательность.

– Смотри, мы как раз успели к выбросу, – указывал рукой Лион. – Именно от его названия Geysir все горячие источники в мире называются гейзерами.

Я отразилась в широких очках туриста, что стоял рядом с ними. Необычно было смотреть, как гейзер готовился выстрелить кипящей водой. Вначале в небольшом озерце забурлила вода. Потом, словно дыхание, набирая силу, вода поднималась и опускалась в своеобразный колодец, и в какой-то момент она вздыбилась огромным пузырем-шаром. А после, всего за долю секунды, произошел взрыв. Кипяток выстрелил метров на пятьдесят в высоту, и все люди захолопали. Очень похоже на Ад. Я поежилась.

– Вот так должна выглядеть тусовка вейперов, – засмеялся Дэн. – Пахнет странно, всюду лопаются пузырьки, но уходить не хочется.

Следующий час дороги прошел в относительном молчании, и я смогла лучше рассмотреть мышонка. Темные кудри развевал ветер из полуоткрытого окна. Потомок то и дело сжимал губы, напряженно думая о чем-то. Теревил серьгу в ухе и иногда ерзал на сиденье, словно ему не терпелось быстрее доехать. Дэн смотрел прямо перед собой, хотя создавалось впечатление, что куда-то внутрь души. Возможно, перемены уже начались, и мои усилия не напрасны.

Лион заехал на парковку возле пляжа. Увидев вдалеке группу людей, я поняла, что они отправятся к ним.

– Берег великолепен! – выпалил Дэн, повернув голову туда, где профессор устроил небольшие раскопки. – Это же Черный пляж! Разве здесь разрешено копать?

– Вообще, нет. Но Уилл добился разрешения благодаря древним свиткам, в которых написано, что на пляже давным-давно произошло интересное событие с участием викингов и зарытого ими драккара.

Лион быстро зашагал к группе ученых, Дэн двинулся следом.

– Похоже, он умеет убеждать. И знает древние языки.

– Еще как! – с гордостью отозвался Лион. – Но тут ему нужен только исландский, один из немногих, который сохранил свой первозданный вид. Уилл, как и любой другой человек, владеющий этим редким языком, может легко прочесть тысячелетние рукописи.

Спортивный мужчина в возрасте энергично рыл мокрый песок возле каменных валунов на Черном пляже. Иногда он останавливался, сдувал отросшие пряди волос со лба, подгонял троих студентов и возвращался к своему занятию.

На черном мысе в паре метров от берега стояла базальтовая скала высотой с пятиэтажный дом. Причудливая форма напоминала дракона, пьющего воду прямо из океана. Я отразилась в синих волнах, что лениво облизывали берег, покрытый вулканическим песком, похожим на икру. Океан был непривычно тих, будто сам хотел подслушать разговор. Я решила смотреть через очки профессора, мотание туда-сюда вместе с волнами искажало картину, мне же хотелось быть в первом ряду.

Дэниэль вместе с ассистентом профессора быстро приближались. Заметно подрагивающие пальцы и дерганные движения выдавали волнение мышонка. Профессор неслышно хмыкнул, разглядывая гостя.

– Здравствуйте, сэр, – Дэн пожал руку мужчине.

Лион кивнул своему начальнику и отошел к студентам.

– Я, право, решил по голосу, что вы старше, юноша, – протянул Уилл Крамер. – Можете перейти сразу к цели визита. Не стоит тянуть кота за его достоинство.

Я засмеялась, этот профессор начинал мне нравиться. Дэн побледнел и стушевался, но все же протянул мужчине папку с письмами.

– Так-так, посмотрим. Оу, как интересно, – комментировал Крамер, почти вжимаясь лицом в листы бумаги. Создалось впечатление, что он хотел попробовать их на вкус, но удержался.

Через очки я видела все, что написано. Действительно, шифр. Непростой. Проклятый. Едва смогла разобрать первое письмо: символы складывались в слова, не несущие никакого смысла, а вот второе... Как бы ни старалась рассмотреть, листы были абсолютно пусты, но Крамер, очевидно, что-то там читал.

Ай да бабка, похоже, все специально продумала для глупого мышонка. Она создала шифр в шифре. Зараза! Теперь и мне интересно, о чем последнее письмо.

Дэниэль нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но хранил молчание, давая мужчине время. Уилл медлил с ответом, а мышонки нервничали все сильнее: он быстро моргал, часто трогал лицо руками и несколько раз доставал телефон из кармана джинсов, а потом снова его туда засовывал.

Ветер донес до меня сладкий запах мальчишки. Эх, вот бы сожрать его, отрывая нежное мясо зубами. Хотя, может, сначала внушить ему цель немного поправиться? Нет, Лилит! Нельзя! Повелитель сам сожрет меня за одни эти мысли.

Профессор поправил съехавшие на нос очки, и я увидела его кольцо-печатку с изображением папских ключей, оплетенных змеями. Служитель проклятого Ордена! Я дернулась и почти выпрыгнула обратно в океанские волны. От моего действия правое стекло в оправе треснуло по краю тонкой линией. Профессор прокрутил кольцо, словно бы оно начало ему жать, а затем снял очки, хмурясь посмотрел на них и снова нацепил. Мне бы не сидеть у него в очулярах, но другой отражающей поверхности поблизости не нашлось, а шум ветра заглушал голоса, поэтому я осталась.

– Мистер Чейз, позвольте вопрос. Откуда у вас это письмо? И где находится человек его написавший?

Служитель Ордена чуть наклонил голову, и дыхание его стало до того частым, что стекла очков запотели.

– А это важно? – недоверчиво спросил Дэн.

«Да! Какого демона ты суешь свой нос в дела мальчишки?» – прорычала я мысленно.

– Мне просто любопытно.

Профессор аккуратно сложил письма и отдал, побудив Дэниэля говорить. Мышонок боялся уехать ни с чем, и хитрый служитель это понимал.

– Моя бабушка их написала. Для меня. Она историк и в девичестве носила фамилию Фауст.

Голос Дэна напоминал кривую кардиограммы. Он был то высок, то низок и часто срывался в хрипоту.

– Что ж. Вы удовлетворили мое любопытство. Перейдем к делу. Шифр, к сожалению, давно забыт, – в голосе профессора послышались напускные нотки огорчения.

Я восхитилась его мастерской игре.

– А кто его использовал, знаете? – спросил мальчишка, заметно расстроившись.

– Естественно. Почти *rigpen*^[10], который создали масоны, но изящнее. Этот своеобразный код использовал тайный Орден Ватикана, но он всегда казался мне недоработанным, а составитель письма встроил в него еще и свой собственный шифр, воспользовавшись латинскими буквами и клинописью. Получается, для начала мне нужно поработать над первым письмом, чтобы открылось второе. Возможно, но это пока только мое предположение, что для расшифровки последнего послания нужно будет что-то личное. Это могли знать только вы, иначе код не будет иметь смысла, – понизив голос, заговорщицки отвечал Крамер.

«Вот ушлый мужик!»

Дэн побледнел и откашлялся. Недоверчиво сощурился, он прямо взглянул на профессора, пытаясь понять, говорит ли Крамер правду.

– Если Орден тайный, как вы узнали о нем?

«Молодец, малыш, логичный вопрос».

Я с нетерпением ждала ответа от профессора. Разговор становился все интереснее.

– Я историк, у меня был доступ в закрытый архив Ватикана. Большого не скажу – подписал договор о неразглашении. Если позволите, шифр первого письма я смогу перевести к завтрашнему утру. Оплату попрошу символическую.

Крамер покашлял и незаметно для Дэна вытер руку о брюки. Нервничает, похоже. Адово пламя! Неужели именно Орден направил сюда мышонка? Нам нужно торопиться.

– Хорошо. Возьмите, – мальчишка протянул оба письма профессору.

– Не переживайте насчет ночлега. Лион покажет вам местные хижины, где мы обычно останавливаемся. Думаю, там найдутся свободные места.

По лицу Дэна я заметила, что ему не по душе оставаться на ночь здесь, да и вещей он не взял, только рюкзак с ноутбуком. Но потомок Фауста упрямо выдвинул подбородок и выдавил вежливую улыбку. Похоже, узнать, что же в письмах, ему хотелось сильнее, чем вернуться в Прагу к той приторной девчонке, Элишке.

По моей связи с Люцием прошел вызов. Шею обдало огнем. Не вовремя. Не успев дослушать разговор, я вернулась в отель.

– Ты испытываешь мое терпение, Лилит! – холодно проговорил Господин.

Он сидел в кресле возле двери в моих комнатах. Вокруг него сгустился полумрак, клубясь и ластясь, будто преданный щенок. Тон Повелителя заставлял меня сжиматься в страхе, а глаза грозили немедленной расправой.

– Пытаюсь каждую ночь, но он меня не впускает, – мои оправдания даже мне казались жалкими.

– Покажи его.

Я передала ему облик Дэна в Исландии.

– Серьга! – прорычал Повелитель. – Почему ты не сказала о ней раньше?

Воздух вокруг словно окутало горячим пеплом. Плохо. Он сердился.

– Серьга с крестом, гладкая, серебряная. Ничего особенного, – пожала я плечами.

– Подойди!

Я не могла не подчиниться приказу. Опустилась на колени по древней традиции. Если Фер Люций зовет, то предстать перед ним должно только так.

– Дура! – он резко наклонился и вlepил мне пощечину, голову мотнуло, и на несколько секунд я потеряла равновесие. Щеку обожгло огнем от силы удара, во рту появился хорошо знакомый металлический привкус. – Это оберег. Нужно избавиться от него или хотя бы повредить.

– Сильно? – ровным тоном спросила я, сглатывая кровь.

– Достаточно будет глубокой царапины или поломки застежки.

– И как прикажете это проверить? – мои губы немного дрожали, когда я осмелилась спросить это.

– Найди лазейку. Он нужен мне. Ты портишь планы. Ему предназначено быть моим! – рычал Фер Люций.

Не подчиниться такому голосу было невозможно. Он будто замораживал все вокруг себя. Безжизненный. Смертельно опасный. Заставляющий миллионы мурашек выползать из своих укрытий, чтобы посмотреть, откуда исходит звук. И бежать. Бежать ледяным ознобом по телу.

– Я! Я – твоя! Самая верная слуга, Господин. Всегда буду самой верной, – подобострастно просипела я, склонив голову.

– Ты жалкая, несчастная тварь, Лилит! Земля сделала тебя мягче, мне это не нравится. Исправь все или почувствуешь немилость своего Повелителя! – голос Люция рокотал от гнева, стены содрогнулись, и он исчез из моих апартаментов.

Я вытерла ладонью кровь, которая бежала из глаз, словно слезы. Хорошо, что не сказала про Уилла Крамера и Орден. Нужно переждать и преподнести информацию в более подходящий момент. Например, за обедом.

Вернулась на лобовое стекло машины в Исландии. Дэн как раз входил в рыбацкую хижину на воде, оборудованную под гостиницу. Я прыгнула в тесное зеркальце напротив кровати, которое мышонок сразу же занавесил, едва закрыл дверь за Лионом. Пришлось перебраться в его мобильный. Комната в хижине оказалась размером со спичечный коробок, где Дэн – одинокая тонкая спичка. Последняя спичка, которую все хотят заполучить, чтобы развести такой желанный

огонь. Кроме кровати, тумбы и зеркала в комнате была лишь дверь в душ, и все. Скукота!

Дэн взял в руки телефон, посмотрел почту, сообщения и закрыл обратно. Я смогла вблизи разглядеть серьгу. На гладкой поверхности креста не было никаких тайных символов, но они находились на срезах толщиной в полмиллиметра. Мое зрение острее человеческого раз в тридцать, поэтому стали видны все печати, коих я насчитала больше десяти. Тонкая работа, не знаю никого, кто бы смог создать нечто подобное. Разве что только давно умерший Кристоф Вагнер, ученик Фауста.

Дэн отправился в душ, я тут же прыгнула следом и очутилась на стеклянной перегородке, разделяющей место для купания с туалетом. Убожество. Мышонок залез под горячую воду, стоя ко мне спиной. Я решительно протянула руку прямо из стекла, чтобы достать до серьги, но в этот момент он опустил на пластиковое дно и обнял колени руками, позволяя воде бить по худой спине, которая постепенно краснела от высокой температуры. Его голова оказалась совсем близко ко мне. Я осторожно вытянула кисть и пальцами попыталась схватить серебряное украшение, но они прошли сквозь крест. Умно. Такие, как я, не могли сорвать его с уха.

После душа Дэн упал животом на кровать и, открыв ноутбук, долго искал билеты в Прагу на завтрашний вечер. Его телефон пропиликал сообщением. Я, естественно, сунулась туда, чтобы прочитать вместе с мальчишкой.

«Привет, Дэн. Ты вчера быстро ушел. Я не пойму, что сделала не так».

Элишка определенно мне не нравится. Настырная девка. Может, она тоже охотится за Дэном, изображая влюбленность?

Мальчишка закусил губу и потрясенно уставился на экран, пробегая сообщение глазами снова и снова. Похоже, он не ожидал, что девчонка напомнит о себе после его позорного бегства.

Мышонок выглядел жалким. Поморщившись от злости на него и на заговоренную серьгу, я оставила Дэна до утра. Завтра ждет новое разочарование, так что силы ему понадобятся.

Я вернулась рано утром, но потомок Фауста уже не спал. А спал ли он вообще? Посеревшее лицо, фиолетовые мешки под глазами, скорбно поджатые губы. Мальчишка не в лучшей форме. Он оделся и, взяв с собой рюкзак, вышел из хижины. Дэн, похоже, решил проделать путь до пляжа пешком. Телефон он засунул в задний карман джинсов, поэтому мне пришлось, словно кенгуру, скакать то в очки прохожих людей, то в стекла машин, припаркованных по дороге, ведущей к воде.

Сегодня океан накатывал раздраженными волнами, будто злясь за то, что люди посмели тронуть идеально Черный пляж. Уилл Крамер и его студенты уже сновали возле каменных валунов с лопатками и кистями. Они что-то бурно обсуждали и размахивали инструментами, словно дирижеры перед оркестром.

– Доброе утро, – Дэн остановился возле вбитых деревянных колышков, не заходя за границу раскопок.

– Привет, – весело отозвался Лион, помахав зажатым в руке планшетом.

Уилл Крамер договорил, после чего обернулся к Дэну и вышел за колышки.

– Доброе. Как вам погода, Дэниэль?

Странный вопрос, учитывая то, что ветер подхватывал моросящий дождь и бил им в лицо. Волнистая шевелюра Дэна намочила и скрутилась в черные пружинки. Мальчишка поежился, отчего стал еще больше напоминать мокрого мышонка и пробурчал:

– Могло быть и лучше.

– Знаете, как говорят местные: не нравится погода – подожди пять минут.

Профессор засмеялся шутке, очевидно, находя ее очень забавной, а Дэн лишь сдержанно улыбнулся.

– Как прошла расшифровка?

Дэн кусал губы и теребил крест серьги так яростно, что я с предвкушением ждала, когда же он сам оторвется от застежки.

– Хотелось бы сказать, что успешно. Но боюсь вас расстроить, молодой человек. Дело в том, что код я преобразовал в слова, которые не несут особого смысла. Написанное должно было дать информацию о числовых подсказках во втором письме. Покрутив их так и эдак, я не нашел ни анаграмм, ничего, что могло вам помочь.

– Вы сказали числовых? Во втором письме?

– Да. Это числа, просто написанные шифром. Я воспроизвел их в привычной вашим глазам форме. Также перепробовал разные алгоритмы и ключи к словам, которые получились, но так и не узнал, где искать. Возможно, слова подскажут вам разгадку. Если нет – сожалею.

Мальчишка слегка ссутулил плечи и опустил взгляд в мокрый песок.

– Спасибо и за это, профессор.

Голос Дэна звучал тихо и обескураженно. Крамер протянул ему пластиковую папку.

– Ваши письма и, собственно, то, что удалось расшифровать.

Потомок не стал лезть в документы из-за дождя, поэтому Уилл процитировал то, что написала бабка, видимо, для того, чтобы понять, знает ли Дэн, о чем эта бессмыслица:

– «Гордости нет. Страха нет. Ответ в любимом короле медвежонка», – произнес профессор. Его рука, поправлявшая дужки очков, слегка подрагивала, выдавая заинтересованность.

Потомок Фауста лишь побледнел и нахмурился сильнее. На его лице сквозило неприкрытое разочарование: то ли в послании, то ли в самой Грете Чейз.

– В папке я оставил номер счета и стоимость моих скромных услуг.

– Благодарю! – Дэн переминался с ноги на ногу, всем видом показывая, как ему не терпится поскорее закончить разговор.

Жаль, что, сидя в очках Уилла, я не видела выражения его лица, однако эмоции профессора выдавал голос.

– Дэниэль, мои слова покажутся вам жестокими, но зачастую тайные шифры не несут ни счастья, ни облегчения. Поэтому оставьте все как есть. Мир не рухнет. Поверьте моему опыту, некоторым тайнам лучше оставаться неразгаданными.

Ушлый мужик сумел-таки растормошить мышонка. После его слов Дэн упрямо вскинулся, глаза загорелись непонятной мне надеждой. Он скомкано поблагодарил мужчину еще раз и, не задерживаясь, ринулся в обратный путь. Перед тем как прыгнуть за Дэном, я еще некоторое время оставалась в очках Уилла Крамера. Профессор набрал номер и с досадой произнес:

– Потомок не знает смысла фраз, которые я перевел. Мальчишка отправился в аэропорт. – Он потер переносицу, и очки немного съехали вниз. – Нет, ни о чем не догадывается.

Адово пламя! Я передернулась, ощущая, как волоски на коже встали дыбом. Поняла, кому мог отчитываться служитель. Лишь один человек всецело посвятил себя служению Contra Malum и стоял во главе Ордена – Ниотинский.

Интересно, а малыш понял, что имела в виду бабка, или придумал, у кого попросить помощи?

Сев в самолет, Дэн начал писать своему другу детства. Похоже, решил рассказать обо всем Филу.

Прага, Дом Фауста. Это же время. Ниотинский

– Ваше Высокопреосвященство, мальчишка сел в самолет. Нужно уходить, – закончив разговор по мобильному, отрапортовал один из хранителей.

Грегор поморщился, отряхиваясь от пыли, налипшей на брюки, пока он простукивал паркетный пол в гостиной. Ночь выдалась тяжелой для кардинала, прежде всего тем, что он не хотел признавать свое заблуждение. Долгое время Ватикан считал, что тайники Дома Фауста откроются, едва потомок примет наследие. Взламывая ночью старинную входную дверь, будто когда-то облитую кровью, он зашел в неприветливый дом. Весь холодный, темный и угрожающе стонущий, он не открыл Грегору своих тайн. От Фауста ничего не сохранилось, кроме пары гримуаров и особняка. Ниотинский был уверен, что доктор-авантюрист оставил гораздо больше, чем только дряхлый дом. Он надеялся, что чернокнижник даровал потомкам некое оружие, а может, знания как извинение за свои ошибки молодости.

Грегор с хранителями и служителями Ордена перерыли каждый уголок, а потом он долго сидел на антикварной софе в гостиной в надежде понять, где они просчитались. Значит, если тайники и существуют, то только Дэн сможет открыть их. Алхимик с помощью Фера Люция получил силы творить противоестественное колдовство. Хотя в глубине души кардинал считал свою долгую жизнь такой же противоестественной, только с одним отличием, что она была дарована Богом. Вот только Богом ли?

– Уходим, – коротко распорядился Ниотинский, последний раз окинув взглядом холл.

Гостиная осталась в нетронутом виде. Нигде не было ни следа от их вторжения.

Лилит

Я быстро проконтролировала работу отеля и, подсчитав, когда мышонок вернется, прыгнула назад к нему, отразившись на окнах его машины, припаркованной в аэропорту Вацлава Гавела.

Дэн целеустремленно влез в авто и ринулся в сторону противоположную от места, где находилась его квартира. Мальчишка выглядел как человек, который глубоко разочаровался, но решил дать ситуации последний шанс его удивить.

Приехав в спальный район Стодулки, он остановился у нового двухэтажного дома. Возле подъезда его ждал Филипп, дурашливо улыбаясь. Дэн, увидев друга, весело хмыкнул, и из его позы на мгновение ушла нервозность последних дней.

– Как слетал? – с ходу спросил громила, обнимая Дэна за плечи.

– Подожди пару минут, я все расскажу!

Они поднялись на второй этаж, и я прыгнула следом, в широкое зеркало шкафа, который, казалось, занимал полкомнаты.

– Ну и бардак ты развел, – поморщился Дэн, снимая обувь.

То, что мальчишка назвал бардаком, скорее было полным хаосом. В коридоре валялась обувь, грязью с нее темнел весь коридор. В нем же на комодке громоздилась одежда вперемешку с какими-то бумагами, а по небольшой комнате точно прошелся торнадо. Я невольно скривилась. Хорошо, что мышонок любит чистоту, а то я бы сразу сожрала его за такое – ненавижу грязь.

– Ты же меня знаешь, – отмахнулся Фил, включая кофемашину.

– Пьешь кофе? – удивился Дэн.

– Нет, дурик. Аппарат уже был здесь, когда я заселялся. Кофе, между прочим, для тебя купил.

– Для меня? Ну-ну! Скорее, для кого-то женского пола, – парировал мальчишка и умолк.

Фил это, конечно же, заметил и, закатив глаза, пробурчал:

– Не для Эли, не волнуйся. Она на тебя запала целиком и полностью.

Дэн покраснел и принялся освобождать место за столом.

– Рассказывай! – потребовал Фил, протягивая мышонку чашку с кофе.

И тот вывалил все о бабке, письмах и шифре. Умолчал он лишь обо мне и о том, что делал с Элишкой после съемок.

Филипп немного отступил от Дэна за время его рассказа, увеличивая расстояние между ними. Сначала на его лице ничего не отразилось. Ни единой эмоции. Возможно, мозгами Митсона обделили при рождении. Его округленный рот и изумленно распахнутые глаза говорили лучше всяких слов. Дэн, увлекшись, не сразу заметил реакцию друга, а когда увидел – поник и весь будто сжался.

– Не веришь мне?

– Тебе верю, а вот миссис Чейз, думаю, окончательно сошла с ума.

– Ясно. Я пойду.

Дэн встал и, взяв папку с письмами со стола, направился в коридор. Фил растер шею, тихо ругнулся, а затем решительно позвал:

– Дэн! Давай сюда свои письма.

Хитрый мальчишка просиял и вернулся в комнату. Друзья устроились на ворсистом ковре, разложив письма, расшифровку и включив ноутбук.

Фил с закушенной губой смотрел на бессмысленную фразу из кода, пока Дэн гуглил ту на разных языках, надеясь что-то отыскать.

– Остановись! – не выдержал Фил.

– Я хочу найти разгадку.

– Понимаю, но давай рассуждать логически: твоя бабушка писала письма тебе, внуку, а не какому-то профессору.

– Да, но...

Митсон закатил глаза и громко фыркнул, перебивая Дэна.

– Нет, ты не понял! Миссис Чейз послала шифр родному внуку, который должен его понять. В этих фразах должно быть то, что известно лишь вам двоим. Теперь понял?

Потомок запустил руку в волосы, делая шевелюру похожей на воронье гнездо.

– Давай пока оставим первые слова и посмотрим на конец? Можно предположить, что «медвежонок» – это ты, – пошутил Фил и заржал.

Дэн звонко хлопнул себя по лбу, и я усомнилась, что после такого удара в его черепушке хоть что-то останется умного.

– Ты прав. Как я это забыл? Она лет до десяти меня так называла. Значит, теперь любимый король. Но у меня не было любимых королей, тогда я считал историю скучной.

– Ладно, – Фил сначала задумчиво почесал макушку, а потом принялся барабанить пальцами по ковру. – А что, если король из тех песен, которые вы могли слушать вместе? Или фильмы, мульты, книги? Я имею в виду все те произведения, которые вы смотрели или читали в период, когда миссис Чейз называла тебя «медвежонком»?

Дэн снова взлохматил и без того растрепанные волосы и беспомощно уставился на расшифровку.

– Даже если мы поймем это, я вообще не знаю, что могут означать все эти цифры в последнем письме.

Я готова была биться головой о зеркало с противоположной стороны, так выводил меня мышонок своим нытьем.

– Не начинай, – беззлобно огрызнулся Фил. – Все по порядку. Ты просто думай и вспоминай все, что связано с детскими интересами, а я буду записывать. Еще можешь назвать книги, которые есть у вас в библиотеке, если помнишь.

Дэн хмыкнул:

– Ты же видел нашу библиотеку.

– Видел и уверен, что половину книг ты точно прочитал и не забыл названия.

– Да, но не в детстве же.

Во имя всех грешников! Как они мне надоели!

Но узнать, что оставила бабка, важно. Найдите уже ответ!

Я негодовала. Как «это» должно стать соратником Фера Люция?

Дэн, словно вторя моим мыслям, простонал:

– Ба меня сильно переоценила.

– Соберись!

Мышонок послушался. Встряхнулся и скомандовал:

– Записывай. Коллекция классической музыки: Моцарт, Бах, Шопен. Точно помню с детства. История искусств в трех томах, история Европы в пяти томах, история Древнего мира. Учебники по немецкому языку для школьников. Сказки народов мира. Весь Конан Дойл.

Фил удивленно поднял брови:

– Конан Дойл? Я его в классе десятом только прочел.

Дэн немного снисходительно протянул:

– Я знаю. Ты же читал из нашей библиотеки.

Завывая сиреной, за окнами пронеслась машина скорой помощи, а в коридоре этажа раздалась ругань на английском и громко хлопнули двери. Парни молчали несколько минут, пялясь на письма старухи Чейз.

– Так, это все хорошо. Но давай сузим круг. Какие книги, фильмы были любимыми? Твоя бабушка об этом знала?

Мышонок забежал по комнате, а потом остановился напротив зеркала, словно увидел в нем себя. Он распахнул глаза и закусил губу. Лицо Дэна озарила яркая догадка. Уныние уступило место азарту, и потомок выпалил, все так же глядя на свое отражение:

– Я знаю, где искать!

– Удиви меня, – Фил подобрался, как и я, желая услышать ответ.

– Сказки братьев Grimm в оригинале. Это – первая книга, которую я прочитал на немецком. И там была история, заставившая меня смеяться до колик. Впервые после того, как бабушка меня забрала.

– Ну, не томи!

– «Король Дроздобород». Я тогда представлял мужика с дроздом вместо бороды и ржал, словно сумасшедший. Бабушку это умиляло, и она посмеивалась вместе со мной. Уверен, это оно.

Во имя всего грешного! Я готова сорваться и сожрать эту версию Фауста раньше положенного!

– Так, если не брать пока первую часть расшифровки, то у нас есть еще куча непонятных цифр.

– Ну, это проще. Я думал, что после книги ты сразу догадаешься о числах.

Теперь Фил просиял и, схватив листы бумаги, затряс ими в воздухе.

– Ну конечно! – он закричал, и на эмоциях обнял Дэна так, что тот поморщился. – Если поставить между каждыми тремя числами дефисы, получится шифр Оттендорфа^[11]!

Глава 6

Aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt

Чужие пороки у нас на глазах, а свои за спиной.

Дэн

Я широко улыбнулся, чуть ли не пританцовывая на месте. Меня охватило ощущение невесомости. Оттого что мы смогли определить код, я зарядился энергией и готов был идти покорять Эверест.

– Именно!

– Помню, как в школе мы перебрасывались записками, шифруя их Оттендорфом.

– Да. А чтобы можно было быстро прочитать, ключом всегда брали учебники и темы в них, которые проходили в тот день, – предался я ностальгии.

– Хорошо, что ты научил меня шифру. А кто объяснил его тебе? Миссис Чейз? – Фил полез в ноутбук, но я нагло забрал его себе.

– Да. Похоже, она специально меня учила и немецкому в том числе.

Я открыл несколько вкладок с оригинальными сказками Братьев Гримм, теми, где все умирают. Ба считала, что подобные истории читать можно и ребенку, поэтому одноклассники искренне меня удивляли, когда рассказывали о сказках в положительном ключе. Только потом я выяснил, что существует несколько их интерпретаций. «Король Дроздобород» был самой милой сказкой, где все заканчивалось довольно позитивно. Там никому не отрубили голову, а всего лишь наказали принцессу за гордыню и высокомерие. Сказка учила с честью принимать свою судьбу и не сдаваться.

Фил протянул мне листок с числами. Снизу он написал их так, чтобы читалось уже шифром. Это упростило задачу, и я получил расшифровку довольно быстро. Только вот написанное бабушкой спокойствия мне не принесло.

«Мой мальчик! Раз ты читаешь это, значит, выбрал жизнь, полную приключений и опасностей. Пути назад уже нет! Не ищи меня, не возвращайся в ЛА и никому не верь! Почувствуешь, что не в силах находиться в Доме, – покинь его и никогда не возвращайся. Но если он примет тебя – получишь поддержку. Очень важно: ни за что не продавай свое наследство, это его убьет.

Ты скоро услышишь о моей смерти, не печалься, прошу. Так нужно. Я – один из рычагов давления на тебя, поэтому уйду тихо. Не ищи.

Часть ответов ты найдешь в доме, часть придется искать самостоятельно.

Внимательно смотри под ноги, когда поднимаешься по ступенькам.

Я тебя люблю. Твоя Ба».

Я дрожал, читая письмо. Почувствовал на щеках слезы и быстро вытер их, чтобы не увидел Фил.

– Она покончит жизнь самоубийством? – в шоке спросил друг.

– Нет, – я замотал головой, не смея такое даже предположить. – Думаю, как-то инсценирует свою смерть, чтобы на меня не давил таинственный враг, о котором здесь ни слова. Информацию я должен отыскать в доме Фауста.

Я видел недоверие Фила и не мог его винить, потому что сам едва балансировал, словно канатоходец, на грани между невозможным и действительным.

– Дэн? Ты точно хочешь ввязываться во все это дерьмо? Судя по тому, что написала миссис Чейз, за тобой скоро начнется охота или уже началась. Не пойми почему.

– Это, как ты выразился, «дерьмо» течет в моих венах! История моего рода, история Фауста. То, ради чего бабушка пожертвовала своей репутацией. Догадываюсь, что психическая болезнь выдумана, просто ей нужно было уйти.

Фил поднял руки капитулируя. Я молча собрал листы, гадая, как бы побыстрее попрощаться и свалить.

– Ты сейчас домой или в Дом Фауста? – это был не вежливый интерес для поддержания беседы, Филу действительно любопытно узнать, что же я найду.

– Для начала в квартиру, а после в Фаустов Дом.

Фил, очевидно, понял по моему ответу, что с собой я его не возьму, поэтому не стал даже спрашивать.

– Будь осторожен, Дэн. Звони в случае чего.

– Хорошо.

Друг колебался, словно желая сознаться в чем-то. Он тяжело выдохнул и побледнел, будто толкая себя с обрыва.

– Не забудь, что завтра с утра съемки.

Я мысленно удивился, ожидая чего угодно, но не банального напоминания о рабочем дне.

– Спасибо, что помог с шифром. Я это ценю. Буду на связи.

– И Дэн. Завяжи шнурки.

Вернувшись в квартиру, я принял душ и, переодевшись, заехал в ресторан «Козловна». Есть хотелось со страшной силой. Поэтому я

заказал печеных свиных ребрышек под медовым соусом и гранолки – чешский вариант картошки фри. Самые вкусные в моей жизни ребра подавались на огромном блюде, порция весила больше килограмма. Прага отличалась от ЛА смешными ценами буквально на все, кроме жилья. Вкусно и сытно поесть мог позволить себе каждый турист и местный. Налопавшись так, что едва дышал, хотя мне это не свойственно, я снова проигнорировал сообщение от Элишки, не зная, что ответить. Я влюбился в Чернову, но в костюмерной так опозорился и до сих пор не мог найти слов, чтобы соврать ей о бегстве в тот вечер. Часто думал о рыжеволосой, которую теперь видел не только во сне. После прочтения бабушкиных писем я надеялся, что ее появления как-то связаны с наследством и родством с Фаустом. Верить в это получалось легче, чем в то, что я сумасшедший маньяк и во снах люблю душить девушек.

Лилит

«Ох, сладкий, я знаю, куда тебя так тянет. Мне это на руку: в Доме Фауста будет легче тебя достать!»

Я наблюдала, как Дэн поглощает мясо, много мяса, и поняла, что наследие Фауста начало пробуждаться. Мальчишка прошел несколько улиц и приблизился к дому. На его лице одна за другой сменялись эмоции. Мне показалось, что Дэн боялся заходить, но решился, как человек, который хотел стремительно разделаться с неприятным делом. Чуть помедлив, он вставил ключ в замок и, когда тот щелкнул, шагнул внутрь.

Дом почти не изменился с тех пор, как я была здесь в последний раз. Его реставрировали, но довольно бережно. Сохранилась большая часть мебели начала шестнадцатого века, к ней добавилась современная, но выполненная в стиле той эпохи. Видимо, бабка пожертвовала средства на реконструкцию для городского совета. Единственное, с чем она не могла бороться, – вездесущая пыль. Густая, покрывавшая нутро дома, словно пепел, сейчас именно пыль была в нем хозяйкой. На полу она частично отсутствовала, очевидно, потревоженная заходившим сюда Орденом.

Забавно. Если тайники и существуют, о чем уверенно писала Грета Чейз – откроются они только потомку, и то, если он знает, где искать. Думаю, Фауст воспользовался печатями и демонической

помощью, чтобы сокрыть их магически, и это мог бы увидеть лишь человек из его рода.

Когда мальчишка прошел в гостиную, особняк с силой тряхнуло. Вся пыль, до этого смиренно лежавшая, взвилась в воздух и устремилась к Дэну. Мышонок чихнул несколько раз и поспешил открыть окно в гостиной, высвобождая серый тлен, не заметив ни проделок дома, ни меня в зеркале напротив.

– Нужно нанять клининговую службу или купить пылесос и самому все выдраить, – пробормотал он и оглянулся.

Внутренности дома засияли, демонстрируя потомку прежний аристократический лоск. Дэн удивленно открыл рот, рассматривая интерьер. При входе в гостиную стояли комод и вешалка. В просторном холле высился резной деревянный шкаф, чуть дальше софа. У противоположной стены стол со стульями. Напротив окон и огромного зеркала – ступеньки, ведущие на второй и третий этажи. Он двинулся к дубовой лестнице, подсвеченной лучами заходящего солнца.

«Ищи-ищи, ты почти у цели!»

Мальчишка замер возле ступенек, снова потянувшись к кресту серьги.

– Гордости нет, страха нет, – процитировал он вслух бабкино послание. – Ты говорила, что гордости должно быть в меру, поэтому не стоит задирать подбородок, иначе не увидишь земли под ногами.

Дэн поднялся по лестнице и снова остановился.

– А про страх, что не стоит вжимать голову в плечи и бояться поднять взгляд на дорогу впереди.

Он спустился по ступенькам, хмурясь и смотря перед собой.

– Все указывает на дорогу в наследстве. И последнее про ступеньки.

Спустя полчаса его беготни вверх-вниз у меня зарябило в глазах.

– Черт! Ба, это же так просто! – хлопнул он вдруг себя по лбу. – Я упал, когда мне было десять, тогда еще лодыжку подвернул на ступеньках.

Дэн вел диалог с бабкой, будто та могла его слышать.

– Так, я упал, когда спускался, а ты написала про внимательность, когда поднимаешься. Значит, нужно искать либо сверху, либо снизу.

Я закатила глаза. Ну наконец-то!

Потомок начал ощупывать ступеньки в попытках найти тайник. Я затаила дыхание и жадно наблюдала, ожидая, когда же появится Фаустов схрон. Неожиданно раздался писк из-под лестницы. Дэн с интересом ринулся туда.

Черт-те что! Это недоразумение вынесло на свет летучую мышь и ее семейство, осторожно сюсюкая с ними. Он закутал их в свою куртку.

– Как вы только здесь оказались, все закрыто же.

Дэн недоумевал, а я цыкнула сквозь зубы. Как-как? Через дыру в потолке. Она сотворена магией, посему должна была остаться и ныне. Лучше бы мне кто-нибудь ответил на вопрос, мучивший меня все это время: это будет служить Повелителю? Слишком добрый, слишком, как для потомка Фауста.

Дверной проем закрыли тени. Ни я, ни Дэн не услышали, как они вошли.

– Мистер Чейз? – не спрашивая разрешения, двое крепких мужчин ступили в гостиную.

Ну конечно. Мерзкий Орден пожаловал. Я затаилась в зеркале, боясь шелохнуться.

– Кто вы? – выпрямился Дэн, держа в руках летучих тварей. Он хмурился, рассматривая незваных гостей.

– Дэниэль, мы пришли лишь помочь вам. Вы столкнулись с тайнами Фауста, а мы как раз специалисты в таких делах.

Дэн слушал с сомнением. Только по его лицу было непонятно: он сомневается в их словах или в том, стоит ли доверять им.

– Мы представляем католический Орден, подчиняющийся Ватикану...

Тут мужчины начали свою дурацкую агитацию: «Согласись служить высшему предназначению, бла-бла-бла».

Эх! Не умели они искушать. Сначала нужно показать человеку его личную выгоду, а только потом заманивать. Они что, никогда не видели Свидетелей Иеговы в работе?

Дэн слушал и на все призывы отрицательно вертел головой, а когда служители замолчали, вставил:

– Я атеист. Простите, не пойму, о чем вообще речь?

Один из мужчин тяжело вздохнул и посмотрел на потомка, словно тот отставал в развитии:

– То, что вы ищете, может быть опасно прежде всего для вас. Поэтому мы предлагаем свою помощь и защиту.

Лоб у Дэна покрылся испариной, а руками от подавляемого страха он стискивал куртку. Я тоже занервничала. Значит, Дэна все-таки отправили в Исландию не просто так. Пока он летал туда, они искали, но ни хрена не нашли.

– Защиты от чего?

– Прежде всего, от знаний, которые могут вас убить, – серьезным тоном ответил служитель.

– Как пафосно и сюрреалистично звучит, – парировал Дэн. – Как я уже сказал, я атеист. Разговор закончен, господа. Прошу вас покинуть мою собственность и не заходить сюда без разрешения, – твердо отрезал храбрый мальчишка.

Я хохотала, наслаждаясь представлением. Служители Ордена ничего не могли сделать. Для вступления к ним или помощи Contra Malum нужно чистосердечное, добровольное согласие. Ну или хотя бы вера.

Мужчины не шелохнулись.

– Осторожнее, Дэниэль. – Один из них кивнул на копошащихся в куртке тварей. – Летучие мыши часто переносят бешенство. Они опасны для людей. Поэтому их убивают, а не возятся с ними.

Постояв еще пару секунд, служители убедились, что мальчишка правильно понял аналогию – Дэн вздрогнул и сделал шаг назад, а они открыли входную дверь.

– Так или иначе, вы согласитесь, – второй мужчина задержался в проеме. – Только вот наши методы убеждения могут вам не понравиться. Всего доброго.

Они быстро вышли, оставляя после себя запах ватиканского ладана, который я терпеть не могла. Дэн пожал плечами, подтянул грязные от пыли джинсы и понес мышей на задний двор, где, насколько я помню, находился сад. Я было хотела прыгнуть за ним, но он быстро вернулся в холл гостиной. Отряхнув одежду, юный Фауст потер лоб и вымученно улыбнулся своему отражению. Воспаленные глаза могли принадлежать наркоману – так мальчишка вымотался.

– Кофе и желательно крепкий, а потом с новыми силами примусь за поиски.

Кафе дальше по улице оказалось итальянским, и Дэн направился к нему. Я, прыгая за ним по десятку витрин, почувствовала тошноту от сильной концентрации и проявлений то тут, то там. Несмотря на вечер, возле входа толпились кофеманы, значит, внутри тоже будет людно, и я смогу особо не таясь следить за мальчишкой.

– Prosím, jedno americano. Velké. S sebou^[12].

Потомок удивил меня вполне сносным чешским. Удивил, потому что англоязычные иностранцы редко учат язык маленькой страны. Значит, мальчишка вполне мог захотеть остаться в Праге, тем более с таким наследством.

В кофейне жужжали десятки голосов, и все столики были заняты. Похоже, место слыло популярным. Дэн ждал заказ, нетерпеливо постукивая пальцами по стойке.

– Дэн? – окликнул совсем рядом голос, который я хорошо запомнила.

С зеркальной створки в одном из окон я не видела его обладательницу, поэтому пришлось прыгнуть в стекло витрины, за которым красовались торты и рулеты.

– Элишка? Как ты здесь... – растерялся Дэн, по виду совсем не испытывая радости от встречи.

Хотя, возможно, малец устыдился своей запыленной грязной одежды. Молодые люди этого века придавали слишком большое значение внешности. Лучше бы о душе думали. Атеисты, чтоб их.

Девушка, приятно улыбаясь, изобразила смущение.

– А я с подругой на кофе пришла. Раpa Re нравится Джене, вот она меня и затащила сюда.

– Ваш заказ, – невозмутимо перебили Элишку со стороны стойки.

Перед Дэном вырос огромный картонный стакан с кофе. Я мысленно ужаснулась тому, что юный Фауст заработает тахикардию раньше, чем послужит Повелителю. Мышонок быстро высыпал туда четыре стика тростникового сахара и, помешав, закрыл напиток крышкой.

Обернувшись, Дэн столкнулся со смуглой худой девушкой в стильных очках.

– Мистер Чейз? – удивленно протянула лингвист Джена Хокс.

Мышонок стусевался еще больше и неловко пожал протянутую узкую ладонь.

– Так это вы подруга мисс Черновой?

«А Дэн догадливый», – подумала я. Пришлось признать, что сообразительность – это семейная черта Фаустов. Вот только не верю я в подобные совпадения. Как-то близко они оказались «совершенно случайно» к дому и к тайнику.

– Да. Наши семьи знакомы, – снова мило улыбнулась Элишка.

От частых улыбок девчонки-актрисы у меня грозила разыгаться изжога. В то же время я уловила, как быстро она переглянулась с Дженой, лишней раз подтвердив мои подозрения, что встреча тщательно спланирована.

– А вы здесь гуляете? – спросила Хокс, блеснув ярко подведенными зелеными глазами. Она напоминала гадюку перед броском. Не хватало лишь высунутого раздвоенного языка меж ярко-красных губ.

– Я живу недалеко. Вернее, буду жить, – Дэн запутался с определением, не желая рассказывать о доме.

– Ходили посмотреть новое жилье? – спасла его Джена, пряча ухмылку за чашкой кофе и делая большой глоток.

– Можно и так сказать, – согласился мальчишка и взял свой напиток. – Что ж, мне пора.

Дэн пытался спастись бегством, но не тут-то было.

– Слушай, а можно с тобой? – напрямик спросила Элишка, трогая его за локоть.

Дэн замешкался, а Хокс, воспользовавшись моментом, тут же сориентировалась:

– Ой, мне как раз нужно бежать на встречу. Совсем забыла. Дэн, вы меня очень выручите, если возьмете мою дорожную Эли с собой, а потом посадите в такси.

Голос Джены обладал каким-то гипнотическим эффектом, потому что даже я согласна была проводить приторную девку до дома. Я потрянула головой, ощущая странное онемение во рту. Дэн по ту сторону витрины немного заторможенно кивнул и заказал еще кофе для своей спутницы. Джена развернулась к выходу. Проходя мимо зеркальной части окна, она ехидно скривила яркие губы.

Элишка с радостью приняла картонный стакан, и они вышли из кофейни. Я прыгнула следом, злясь, что мышонок стал каким-то ценным камнем, который все желали заполучить. Девка весело

щебетала, пытаюсь разговаривать Дэна. Тот же слушал, глядя себе под ноги, и хмурился. Нет, его не околдовали, вероятно, оглушили. И я начала догадываться, кто эти две девушки. Мне не нужно было видеть их метки, чтобы понять – передо мной ведьмы. Я много лет считала, что они почти все сгинули, а если кто из них и остался, то сидел тихо.

– Так это твой дом? – восхищенно спросила Элишка, изобразив узнавание.

Теперь мне стала понятна тошнотворная приторность и мнимая влюбленность юной ведьмы в потомка.

Они остановились перед входной дверью дома номер пятьсот два. Дэн теребил ключи, будто не хотел пускать туда посторонних. Молчал, морщась и кривясь, словно от боли или зуда. Нехотя мальчишка проронил:

– Да, недавно стал. Длинная история.

– Расскажи, мне очень любопытно! – тут же воскликнула Элишка, вкладывая в свои слова приказ.

«Ну конечно, любопытно, маленькая дрянь!»

Я прыгнула внутрь, догадываясь, что ведьма все же добьется приглашения.

Стаканы с кофе Дэн поставил на столик, помогая Элишке снять пальто. Он отвернулся, чтобы повесить его, и тут девка ловко приоткрыла крышку одного стакана и бросила в напиток что-то похожее на комок земли.

Дэн вернулся, и Элишка, взяв свой стакан, отпила немного и отсалютовала им. Мышонок вспомнил про кофе и последовал примеру ведьмы, сделав глоток из своего. Вместе с кофе в его тело попало то, что подсыпала девка. Я и ведьма с интересом наблюдали за Дэном. Мальчишка сразу побледнел, глаза его заслезились, на лице появилась испарина.

– Дэн? Тебе плохо? Хочешь сесть? – тут же захлопотала девчонка.

– Да все нормально. Я почти не спал прошлую ночь, и день выдался тяжелым.

Элишка помогла ему дойти до софы. Когда Дэн присел, его глаза тут же закатились, и он бы рухнул на пол, но ведьма вовремя подхватила его и почти уложила, оставив ноги на полу.

– Эй, рыжая! – издевательски позвала она. – Проявись! Я знаю, что ты смотришь. Вернее, чувствую.

Она приподняла край юбки, и под тонкой вязью чулок я увидела ведьмину метку – родимое пятно в виде полумесяца. Моим первым порывом было выйти и сожрать ее сердце, но я заставила себя не высовываться, чтобы Элишка разговорилась.

– Думаешь, я не заметила тебя, когда целовалась с Дэном в костюмерной? – она сделала паузу, ожидая моего ответа, которого не последовало. – Ну, так закатай губу! Дэн наш, а ты останешься ни с чем.

Она достала из сумочки маленький пузырек, наполовину заполненный чем-то серым.

– Я не жила во времена пылающего Бамберга^[13], но многое знаю и до смерти ненавижу демонов, – ее карие глаза вспыхнули фанатичным блеском.

Ох, дорогуша! До смерти – это как раз твой случай!

– Появись-появись, рыжая! – звала она, но я осталась по ту сторону зеркала, скрестив руки и размышляя.

Ведьмам нужно что-то от Дэна или от его наследства?

Элишка присела к Дэну на софу, провела по его лицу рукой. Рукой, в которой был перочинный нож. Лаская лезвием тело мальчишки, остановилась на его ладони и полоснула по ней. Кровь побежала тонким ручейком и закапала на паркет. Девка взяла пузырек с серым веществом и поднесла к ладони потомка так, чтобы капли крови падали прямо в сосуд.

Я заскрежетала зубами от бешенства, подавляя волны жара, которые выходили из моего тела, стремясь к зеркальной глади.

Спокойно, Лилит. Девочка молодая и глупая, специально провоцирует.

Чернова подождала еще немного и, видимо, посчитав количество крови достаточным, закупорила содержимое и взболтала. Кажется, теперь вещество в пузырьке можно назвать «ведьминской пылью». Впервые я услышала об этой субстанции в Бамберге.

«Тук-тук», – раздалось от двери. Элишка открыла, впустив Джэну. Хокс окинула взглядом холл гостиной и лежащего на софе Дэна. Ядовитая змеиная улыбка изогнула ее губы.

– Ты говорила, что в гневе она неопишимо кошмарна, – хмыкнула Элишка, поддев Джэну.

– Ты не знаешь, на что она способна. Хватит болтать! Запечатай зеркала и другие отражающие поверхности в доме, чтобы на нас не смотрели.

Дом выражал недовольство. Тени в углах становились все гуще, и свет будто потускнел. Особняк тяжело ворочался, шорохами и скрипами общаясь с незваными гостями. Паркетные доски под ногами ведьм ходили ходуном, а на стенах, когда-то обшитых шелком, а сейчас перекрашенных, проступали демонические морды. Фауст говорил мне, что оживил дом, и сейчас я начала догадываться, как именно. Это не так сложно, если у тебя в кармане договор с Повелителем, а сам ты чертов гений, знающий, как укротить демона. Более того, доктор Иоганн умудрялся уговорить почти всякую вызываемую адскую душу служить ему.

Элишка тем временем взяла пузырек с ведьминской пылью, обмакнула туда указательный палец и стала рисовать запрещающий знак на всех стеклах и зеркалах.

Я прыгала по поверхностям, как заяц, петляя из одного стекла в другое, пока не оказалась в тупике. Но кому, как не мне, знать, что тупиков не существует, есть лишь ограниченное мышление. Поэтому я нагло перенеслась в единственное место, не помеченное знаком. В очки Джены Хокс. Шах и мат, ведьмы!

– Так. Я все, – отчиталась Элишка.

– Теперь самое трудное – найти тайники. За дело.

– Времени у нас только до утра, потом Дэниэль проснется, – нервничала Элишка, озираясь на каждый скрип и шорох.

– Знаю! – огрызнулась Хокс. – Нужно быть аккуратными и оставить все на своих местах. Потомок Фауста не должен ничего заподозрить! Он нам еще нужен. Ты поняла?

– Поняла!

Они методично обшаривали дом: простукивали половицы, стены. Раскладывали мебель, а потом снова собирали. Пытались даже попасть в верхнюю комнату, которая закрыта для всех, даже для меня. Ломать дверь ведьмы не стали, но подозреваю, что и не смогли бы – лаборатория стояла опечатанной сильными алхимическими знаками.

Дела в отеле требовали моего незамедлительного присутствия. Убедившись, что этой ночью они ничего не найдут благодаря защите

дома, я с сожалением оставила столь приятное взгляду издевательство над ведьмами и поспешила на зов Повелителя.

Дэн

Открыл глаза. Очертания предметов плыли и никак не хотели собираться в цельную картину. В голову будто капнули кислоты, которая развела мозг, оставляя лишь пульсирующую боль. Надо мной появилось чье-то лицо. Сфокусировав взгляд насколько это было возможно, я увидел Элишку. Ее бледное личико с хмурой складкой на лбу выглядело встревоженным.

– Привет! – нежно промурлыкала она и улыбнулась.

– Привет! – мой собственный голос прозвучал шорохом сухих листьев.

Чернова тут же протянула мне стакан с водой. Я жадно выпил, сразу ощутив себя живее, чем минутой назад.

– Я волновалась. Тебе вчера стало плохо. Ты отключился, поэтому я решила остаться и в случае чего вызвать скорую.

– Прости, не знаю, в чем дело. Я заснул, словно в яму провалился. Голова раскалывается.

Элишка медленно протянула руку и нежно обвела контур моего лица прохладными пальцами, вызывая толпу мурашек. Она придвинулась ближе, и я вдохнул полные легкие ее сладкого аромата. Желудок трепыхнулся, и к горлу подступила тошнота. Если бы не плохое самочувствие, я сторал бы от желания сжать ее в объятиях и повторить то, что мы делали в костюмерной.

– Ох, сколько уже времени! – спохватившись, воскликнула Элишка.

– Черт, съемки!

Пошатываясь, я встал, чувствуя себя до омерзения больным. Взглянул на часы – почти семь утра. Схватился за голову, пережидая приступ пульсирующей боли в голове.

– Дэн, подожди, у меня где-то валялся аспирин, – она потянулась к сумке, лежащей на полу возле софы. Достала белую пластиковую упаковку. Элишка наполнила водой стакан и бросила туда шипучие таблетки.

– Вот, держи. Надеюсь, поможет.

Она игриво провела пальчиками по моему лбу, убирая непослушные волосы. Выпив лекарство, я смутился, вспомнив о том, что вчера довольно долго лазил в одежде под пыльной лестницей.

– Пойду, найду душ или ванную. После поедем на «Баррандов».

Я неуклюже сбежал в коридор, а уже с лестницы крикнул:

– Тебе, может, нужно заехать домой?

– Я могу принять душ после тебя, – девушка неожиданно оказалась за моей спиной, и я невольно вздрогнул. Ее руки скользнули по лопаткам, обвивая плечи подобно лианам. Элишка прижалась ко мне сзади. – Или вместе с тобой...

Моя кожа покрылась мурашками оттого, что девушка коснулась губами моей шеи. Пульс отдавался где-то в горле, я облизал резко пересохшие губы.

– Тогда мы точно опоздаем, – мой голос охрип.

Я мягко отвел ее руки, поцеловал обе ладони. И тут заметил свежий порез на своей.

– Я быстро, – с сожалением пробормотал и покинул Элишку.

Поднявшись на второй этаж, я очутился возле ряда дверей: две вели в спальни, еще одна в кабинет с библиотекой, а третья оказалась современной ванной. Не знаю как, но за домом ухаживали, и ремонт здесь был сделан добротный. На третий этаж я не стал подниматься, решив исследовать его после рабочего дня. Особняк пах по-особенному хорошо. Когда воздух из открытого окна немного разогнал пыль, я почувствовал ароматы сандала, какой-то кислинки, похожей на лайм, и недавно сгоревших спичек. Последнее казалось совсем абсурдным, но тем не менее эта смесь мне нравилась.

Может, плюнуть на квартиру и переехать в дом? Он ведь мой. Странно, что я его боялся поначалу.

В душе не нашлось ни мыла, ничего. Да и откуда ванным принадлежностям взяться в пустом доме? Постояв под горячей водой, я нехотя вылез. Порез на ладони саднил от соприкосновения с водой. Откуда он вообще взялся? Боль отпускала голову, и настроение стремительно улучшалось. Вместо полотенца, которое только предстояло купить, я вытерся своей футболкой и просунул мокрую голову в ворот толстовки, оставляя на горловине капли воды.

В голове крутились вчерашние события. Непонятный Орден, разнюхавший, что я ищу тайник. Ба наверняка знала о них, не могла не

знать. Черт! Шифр. Уилл Крамер говорил о шифре, который использовало тайное общество. Те люди, что приходили ко мне, представились ватиканским Орденом. Нужно скорее найти тайник, возможно, он поможет мне понять, во что я ввязался.

Снова вспомнив про съемки и Элишку в гостиной, я ускорился. И через пару минут спустился к ней. Солнце пробралось через окна в холле и обняло лучами лицо Черновой, делая его фарфоровым. Каждая черточка осветилась, вырисовывая естественную красоту. Я забыл, как дышать, и не мог отвести глаз. Желание целовать розовые губы, чуть потрескавшиеся оттого, что она постоянно их прикусывала, было настолько сильным, что я невольно зажмурился, пытаюсь побороть его.

– Элишка, там... – я спустился в гостиную, а она тем временем снимала свитер, оставаясь в тонкой маечке. – Там полотенца нет.

– Ничего, я все равно не прочь постоять под горячим душем.

Она легко взбежала на второй этаж, и оттуда донеслось:

– Кстати, посмотри входящие. Съемки на сегодня перенесли в город. Погодный коридор маленький.

Я прочитал сообщение от ассистента. Весь день решили работать возле главного вокзала. Улицы перекрыли час назад, реквизит уже начали устанавливать, актеры и массовка должны прибыть вовремя. Нужно торопиться. Чернова справилась за пару минут, и, выйдя, мы направились к машине.

– Дэн, расскажи про дом.

Эли шагала рядом, жмурясь от солнца. Цвет ее ореховых глаз теперь казался ярче и переходил в зеленый. Я открыл для нее пассажирскую дверь и, когда выехал со стоянки, засмеялся:

– Что именно ты хочешь узнать?

– Все! Вчера тебе было нехорошо, но сегодня я жажду услышать подробности. Он твой? Ты снимаешь? Или дом принадлежит киностудии?

– Дом мой, получил его в наследство совсем недавно. Вчера впервые туда вошел.

Элишка удивленно ахнула.

– Вау! Это круто. Дом Фауста очень красивый и дорогой.

Я немного насторожился. Элишка пару дней назад ничего не знала о Праге, но сейчас говорит, что знает про дом номер пятьсот два

на Карловой площади. Видимо, что-то отразилось на моем лице, и девушка поспешно добавила:

– Утром я залезла в гугл. Было интересно узнать про роскошный особняк, в который ты меня пригласил.

«Ну, скорее, ты сама попросила», – подумал я, а вслух ответил:

– Эм-м. Да, старый дом с историей, и я пока еще не знаю, что с ним делать.

– Как что? Продай! Уверена, он стоит прилично. Купишь квартиру в спальном районе, если захочешь остаться в Праге. И еще на безбедную жизнь хватит. В любом случае это огромные деньги, и думаю, тебе будет не слишком уютно жить в особняке в шумном центре города. Плюс его нужно содержать, убирать и тому подобное.

Я округлил глаза, удивляясь тому, как быстро девушка распорядилась моим имуществом.

– Извини. Я всегда была практичной, – пожала Элишка плечами, видимо, считая себя вправе давать советы о наследстве.

Этот диалог оставил неприятное послевкусие, будто до этого я идеализировал Чернову. Она же была человеком, со своим характером и взглядами на жизнь, которые нужно принять, если хочу быть с ней. А я хотел. Ведь хотел же?

Я запутался. Элишка всю дорогу рассуждала о выгодных вложениях и ценах на недвижимость, но слова сливались в фоновый шум. Я иногда кивал в ответ, думая совсем о другом. О тайнике в доме и о том, что так его и не нашел, а должен был. Я стиснул руки на руле и прибавил скорость.

– Высади меня, пожалуйста, у вагончика гримера. Время поджимает, – попросила Элишка, когда мы прибыли на место.

Она потянулась ко мне в поцелуе. Я напрягся и сделал над собой усилие, чтобы не отшатнуться. Каким-то образом всего за одно утро мое увлечение этой девушкой немного остыло. Я быстро мазнул губами по ее щеке и выразительно посмотрел на часы, горящие на приборной панели.

– До встречи.

Припарковавшись, в недоумении глянул на экран мобильного. Фил до сих пор не звонил. Я набрал номер Митсона, но оператор безразличным голосом сообщил, что абонент недоступен. Может, друг уже на съемочной площадке и я зря волнуюсь?

Машину я оставил недалеко от Иерусалимской синагоги. Ближе к вокзалу свободных парковочных мест не оказалось, а площадь для авто киношников уже забили под завязку. Я сделал круг и ступил на «аллею кошмаров», как называли ее местные. Парковая зона с дорогой, ведущей к главному железнодорожному вокзалу, напоминала мне сцену из фильма «Один дома», когда Кевин забрел в Центральный Парк ночью. В детстве я спорил с другом, доказывая, что фильм на самом деле грустный, учитывая, что мальчика забыли родители, а братья с сестрами не испытывали к нему особой любви. Так вот, в Праге было такое место. В любое время суток здесь собирались наркоманы и нищие. Они теснились на лавочках, сидели под деревьями. Вонь стояла настолько сильная, что мои глаза заслезились, будто я свалился в канализационный люк.

Добравшись до места съемок, я смог, наконец, нормально вдохнуть.

– Дэниэль! Где Филипп? Никто не может ему дозвониться! – напал на меня главный.

– Я без понятия, сэр. – Мой пульс ускорился, словно в преддверии чего-то плохого. Хотя что плохого могло произойти с другом?

– Неприятно это признавать, но сегодня он незаменим. Несколько ассистентов заболели, один уехал в отпуск, и я рассчитывал на вас двоих!

– Я понимаю. Послать кого-то к нему на квартиру?

– Естественно! Пусть из-под земли мне его достанут. И топай работать, нам нужна мизансцена.

На съемочной площадке стоял гул. Провода, аппаратура, вагончики с костюмами и гримерами. Улицы рядом, огражденные знаками *no film*^[14], запрещающими въезд. Погода благоволила нам, дарила тепло, неожиданное поздней осенью. Но мы ждали исполнения прогноза пражских синоптиков после обеда. Я работал с актерами, снимая нужные сцены за несколько дублей. Так время подошло к обеду.

– Дэн, его нет в квартире, – вернулся запыхавшийся ассистент.

Да, съездить из центра Праги на край города в утренний час пик стоит уймы времени и нервных клеток.

– Как нет? – возникло ощущение, будто в живот вползла скользкая змея и свернулась там тяжелым клубком.

– Так. Я взял запасные ключи на киностудии на всякий случай. Квартира пуста. У меня сложилось впечатление, будто он и не ночевал там.

Я судорожно достал мобильный.

– Можешь не пробовать. Я звонил раз сто, наверное. Он отключен.

Пальцы все равно нажали на вызов, чтобы убедиться в том, что ассистент прав.

– Знаешь девушек, у кого он мог заночевать?

Я помотал головой. Если записывать всех его пассий-однодневок, понадобился бы отдельный талмуд.

Ассистент тяжело выдохнул.

– Что ж. Будем надеяться, что он просто загулял. Дело-то молодое. Пойду испытаю на себе гнев главного.

– Ладно.

– Тебе сегодня предстоит вкалывать за двоих.

Он похлопал меня по плечу и отправил на обед. Я пошел в кафе «Славия». Сел возле широких окон с видом на Народный театр и Влтаву. Огромный звездно-голубой купол здания венчала золотая корона. Двумя колесницами с неистовыми лошадьми управляли отлитые из бронзы крылатые статуи Победы на крыше Divadlo^[15]. Они выглядели живыми и готовыми вот-вот помчаться по небу галопом.

Благодаря наследству Фауста я чувствовал родство, некую причастность к истории Праги. Эта причастность мне нравилась. Она наполняла ощущением важности, значимости жизни.

На город надвинулись тучи. А потом пришел *он*. Я не спешил назад, желая увидеть *его* в действии. Ртутная дымка напознала неспешно, даже лениво. Она делала очертания шпилей призрачными. Я расплатился и вышел, остановившись, чтобы досмотреть. Туман, наконец, сожрал мост, и реку, и все, что по ту сторону, вызывая безотчетный восторг. Пора снимать!

Я пытался унять кусающую змею волнения у себя в желудке, но даже после обеда она не исчезла. Я набирал номер Фила, надеясь, что вот сейчас он точно ответит, но нет.

Так я проработал до самого вечера, забыв обо всем, полностью отдавшись процессу. Но когда главный объявил конец съемок на сегодня, тут же вернулся мыслями к другу.

– Дэн, я сегодня домой, – громко объявила Элишка перед уставшей группой и обняла меня, словно мы давно стали парой.

Порез на руке снова начал саднить, словно отреагировав на ее близкое присутствие. Ведь до встречи с Элишкой вчера в кофейне его не было. Я выдавил улыбку, отстраняясь первым. Она, скорее всего, заметила мою неискренность, я не особо умел врать.

– Что случилось? Ты странный.

Я потер уставшие глаза и коротко сообщил:

– Фил не явился на работу и не отвечает. Волнуюсь.

Элишка беззаботно махнула рукой, всем видом показывая, что ничего такого пропажа Митсона не означает.

– Он мог загулять, – предположила она, и я почувствовал, как к моим щекам прилила кровь от злости. – Поедешь к нему?

– Да. До завтра.

Не успел я сесть в машину, как телефон в кармане штанов разразился входящим. Номер был мне незнаком.

– Слушаю.

– Дэн, это я, Фил! Помоги! Меня схватили и держат на старом складе за городом. Они говорят, что ты должен дать свое согласие на что-то. Друг, мне страшно. Сделай то, что им нужно, прошу тебя!

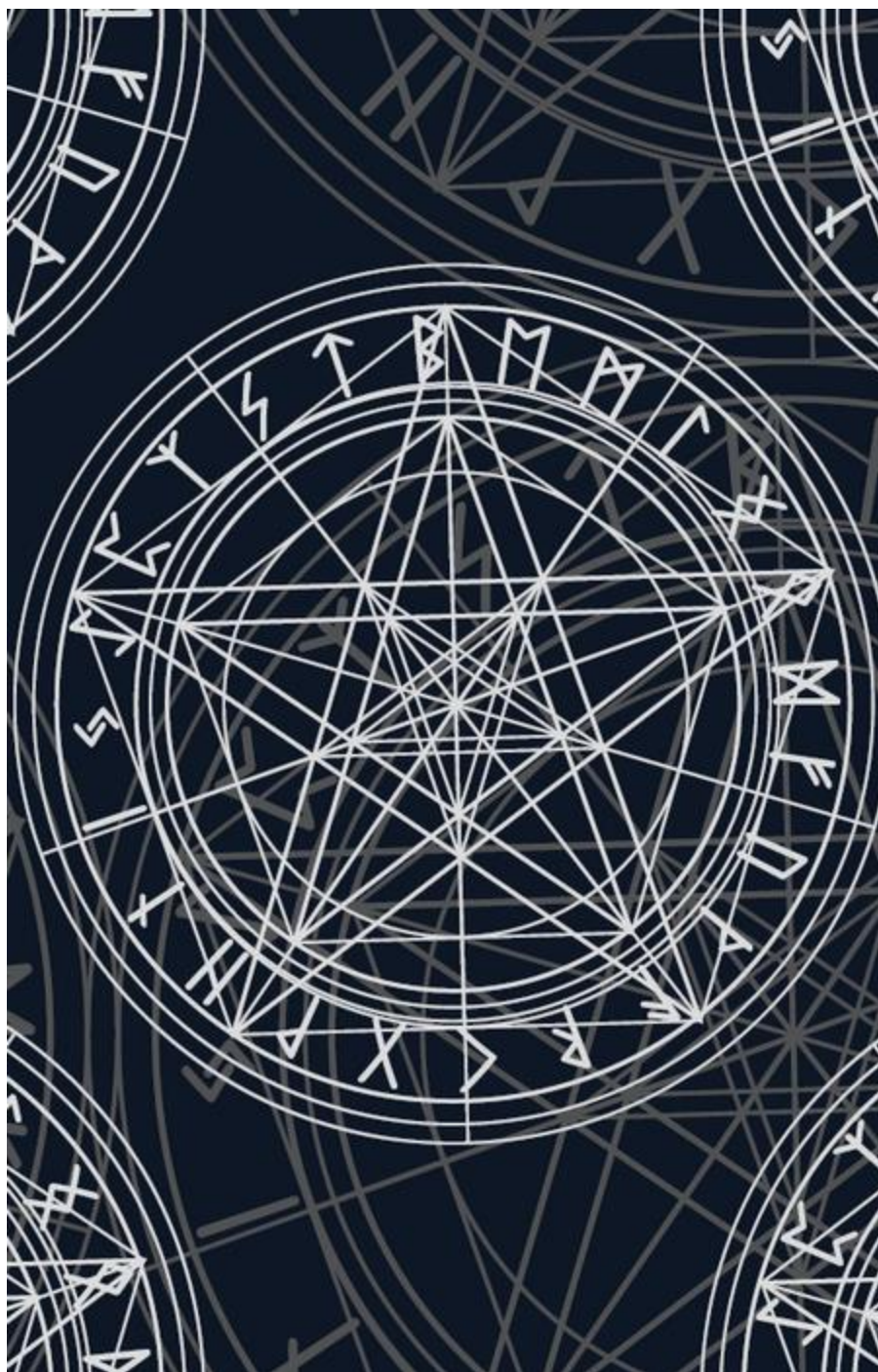
Его голос звучал надломленно.

Глава 7

Amicus certus in re incerta cernitur.

Надежный друг познается в ненадежном деле.

Дэн

– Фил! Где ты? Скажи адрес! – кажется, я прокричал это. Сжимал мобильный потной рукой, а вторую стискивал в кулак, до боли вдавливая короткие ногти в порез на коже. На другом конце слышался шорох: видимо, трубку взял один из похитителей, потому что следом донеслось:

– Мистер Чейз, если хотите увидеть вашего друга живым – записывайте адрес. – Я судорожно зашарил по карманам в поиске карандаша, который оставил там со съёмок, а голос на другом конце размеренно диктовал и так же спокойно добавил: – Полицию не беспокойте. Уверен, мы решим все сами. Хочу напомнить: у вас не так много времени.

Абонент отключился. От убийственного тона невидимого собеседника у меня задрожали руки, уж лучше бы он кричал. Люди с таким голосом могут расчетливо выстрелить в соседку просто потому, что она не в подходящий момент вышла из дому. Я застыл. Хотелось орать от бессилия. За несколько дней моя жизнь превратилась в плохой фильм. Я не сомневался, похищение – дело рук тех двоих из Ордена, которые угрожали, бесцеремонно явившись в мой дом. Что делать? Изобразить согласие или звонить в полицию? Я задушил внезапно возникшую подлую мысль на время махнуть рукой на Филадельфию и разобраться сначала с наследством. Ну не убьют же его, в самом деле? Они, вроде, за своего Бога радеют, значит, не могут совершать плохие вещи. А похищать людей, значит, хорошо?

Я спорил с совестью, точно псих, пока садился в машину. Чертыхнувшись, снял куртку, чтобы бросить ее на заднее сиденье, и помчался спасать друга. Указанный склад за Прагой не выглядел заброшенным. Едва я приблизился, как тихо механически зажужжали камеры по обе стороны от ржавых ворот. Теперь они угрожающе светили на меня красными огоньками. Снаружи склад ветхий, готовый вот-вот испустить дух. Едва переступив порог, я оказался в помещении, которое напоминало двухъярусный ангар для тренировок спецназа. Внутри горели мощные лампы, освещая черные грузовики и мини-автобусы в дальнем углу. С другой стороны высилось сооружение для тренировок. На стенах висело оружие. Автоматы, пистолеты, а рядом, как ни странно, хищно поблескивали сабли, мечи и секиры. Зачем церковному Ордену тренированные воины?

Я поежился от мысли, что хмурые охранники с автоматами могут легко убить меня или Филадельфию. В отражении очков стоящего напротив мужчины мелькнула рыжая прядь волос. Я отшатнулся и потерял глаза. Совсем крыша поехала, раз снова вижу девушку из сна наяву. Черт бы побрал это все!

– Где Филипп?

Мой вопрос остался без ответа, вместо этого мужчина сказал:

– Вам должны были выдать повязку на глаза при входе. Ну, раз нет, то уже нет смысла и завязывать. Просто смотрите прямо перед собой, а не по сторонам.

Я кивнул, давая понять, что так и сделаю.

– Проходите, мистер Чейз, – высокий, словно фонарный столб, пожилой мужчина провел меня в помещение, напоминающее кабинет.

Человек в рясе католического священника сидел в кресле. Подтянутый и властный. На вид ему было лет сорок, но впечатление изменилось, когда он перевел свой взгляд на меня.

Темно-синие, чуть подернутые дымкой глаза просто не могли принадлежать человеку. Два инородных тела, будто видевшие еще первых христиан, – настолько древними и уставшими они выглядели.

Мужчина-фонарь с поклоном вышел, а тот, что в рясе, молча кивнул мне, жестом указав на кресло напротив. Он смотрел так пристально, словно хотел прочесть мои мысли.

– Мальчик с глазами пражского неба, – тихо пробормотал незнакомец в рясе, словно забывшись.

Если он о цвете моей радужки, то да. Каждый день она выглядела иначе, подстраиваясь под настроение. Серая, голубая, иногда синяя – я давно не обращал внимания на эти метаморфозы. Мужчина в рясе привел, наверное, лучшую аналогию. Быстрее, чем в Праге, небо менялось только в горах.

– Мистер Чейз, знаю, у вас есть вопросы, – скучающим тоном начал человек в рясе. – На вашем лице написаны тысячи разных «почему?». Ответы вы получите не сразу, но они будут. Я настаиваю на том, чтобы здесь и сейчас вы дали обещание сотрудничать с Орденом.

– Может, прежде чем брать с меня клятвы, вы для начала хотя бы представитесь? – сжав кулаки, прошипел я.

Нечто старческое скользило в чертах мужчины. Может, виной этому странные глаза? Я воспринимал его едва ли не древним, и хитрая ухмылка на губах усугубляла впечатление.

– Отчего же нет? Могу. Кардинал-епископ Грегор Ниотинский к вашим услугам.

– Кардинал из Ватикана собственной персоной? Настоящий? – издевательски хмыкнул я. – Что вы здесь забыли? Что-то на входе я не увидел табличек «храм», «костел» или «церковь».

Все, что я мог, – глупо огрызаться, и меня понесло.

Кардинал только дернул уголком рта.

– Последние несколько недель вы не чувствуете темных побуждений, желаний, к которым прежде не замечали склонности? Не мерещатся ли вам люди или существа? Мне можете не отвечать. Я знаю. Себе ответьте.

Я не произнес ни слова, но признал, что человек, сидящий по ту сторону стола, каким-то образом был в курсе моих сновидений. Я не знал, как ответить, хотя понимал, что, только согласившись на его безумные игры, смогу освободить друга. Кардинал молчал, изучающе рассматривая меня, словно лягушку, которую мог бы препарировать на уроке биологии – с брезгливым интересом. Узловатыми пальцами он выстукивал по дубовому столу известную ему одному мелодию.

– Отрицая существование сверхъестественного в мире, вы продолжаете носить шоры на глазах, как безвольная лошадь, подгоняемая извозчиком.

– По-вашему, все те люди, которые не верят в Бога, дьявола и прочих – слепы?

– Именно.

– Вы говорите это только потому, что искренне верите? Или потому, что, цитирую: «доход «пурпурных шапочек»^[16] достигает в среднем пяти тысяч евро в месяц, к которым, помимо всего прочего, добавляются благотворительные пожертвования»?

Ниотинский несколько секунд молча взирал на меня, а потом засмеялся так, что начал вытирать слезы.

– Повеселили, Дэниэль. Поверьте, эти цифры – шелуха, которую охотно глотает СМИ. Я получаю гораздо больше, но деньги не имеют к моей вере никакого отношения.

– Ну конечно, – не смог смолчать я.

Вместе с волнением мое тело сотрясали волны жара. Грудь пекло, а внутренности будто превратились в мерзкое теплое желе.

– Вам, тринадцатый потомок Фауста, доступны знания и сила, поэтому вы нужны нам.

Ниотинский глядел подчеркнуто строго, словно я был нерадивым студентом, а он профессором, который растолковывал общеизвестные истины.

– Я ничего не знаю о Фаусте, кроме того, что написано в интернете, и, уж поверьте, не смогу вам помочь.

Ощущая подкатывающую к горлу тошноту, лихорадочно старался придумать, как убедить его в своей бесполезности. Тело покрылось испариной, я задыхался и едва мог удержаться от того, чтобы не глотать воздух ртом.

– Не хотите присоединиться к Ордену – ладно. Тогда отдайте нам то, что найдете в тайнике. Это поможет предотвратить беду.

«Откуда они знают про тайник? Они следят за мной!» Я с трудом сохранил то же выражение лица, что было до последних слов Ниотинского, стараясь не показать, как мне страшно.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – и пожал плечами для убедительности.

– Дэниэль, давайте пропустим ту часть, где я вам угрожаю и вы соглашаетесь на мои условия. Все может быть проще! – совсем другим тоном предложил Ниотинский, подавшись вперед.

Черт! Черт! Они все безумны! Фанатики! Если я продолжу в подобном духе, они могут убить и меня, и Филадельфию.

– Приведите Филадельфию, пожалуйста, – устало попросил я, резко сдвинувшись.

Друга завели через пару минут, всего в синяках, с разбитой губой. Он прихрамывал на левую ногу. Во мне поднялось цунами ненависти к мерзким фанатикам.

– Извиняюсь за своих людей. Времена изменились. Молодежь, которая примыкает к Ордену, становится похожа на уголовников, а не на последователей.

Кардинал выразительно посмотрел на хранителей в черном, которые держали Митсона.

– Дэн, прости.

Фил не выглядел испуганным, скорее разозленным, и это удивило. Друг бросал на кардинала взгляды, полные ненависти, словно тот давно являлся его заклятым врагом. Мне было страшно до рези в животе. Я встал и повернулся к кардиналу-епископу, за спиной которого в книжном шкафу стояло маленькое зеркало в старинной оправе. А в нем...

– Бежим! – резко крикнул я другу, увидев рыжеволосую, которая, дьявольски улыбаясь, указывала мне на выход.

Я не знал, почему принял это мгновенное решение, почему уверовал, что она реальна и может помочь! Девушка из сна была мне знакома, а Орден – нет. Не лучшее оправдание, но уж какое есть. Тут и началось то, что потом, как ни старался, не мог объяснить.

Фил молча подчинился. Резко вывернулся из рук не ожидавших подобного хранителей и кинулся к двери, оттолкнув служителей Ордена. Я за ним. Охранники с автоматами, собиравшиеся помешать нам, как по волшебству, не смогли это сделать. Они словно натыкались на коряги, запинаясь на ровном месте и падали. Те, кто подбегал близко к нам и порывался задержать, хватали только воздух, по инерции заваливаясь на пол. Создалось впечатление, что все на складе, кроме нас, не могли устоять на ногах ни секунды.

Мозг отказывался воспринимать сверхъестественное. Сейчас я чувствовал только злорадство и веселье. Фил бежал со мной и ржал как сумасшедший, иногда поддавая ногой по свалившемуся перед ним противнику.

Мы ликовали, пока вдруг не раздался выстрел. Стрелял парень, находившийся ярусом выше. Я инстинктивно дернулся в сторону. Мир взорвался болью и звоном в ушах. Сердце взбесилось, стуча в глотке. Я попятился, спотыкаясь, и тут же наступил на свой развязанный шнурок. Замахал руками, словно беспомощный птенец, пытаюсь удержать равновесие. Не упал только благодаря Филу – тот успел схватить меня за рукав.

– Все хорошо. Зацепило мочку, – сумел я прочесть по губам друга, потому что почти ничего не слышал.

Он присел и быстро подхватил что-то с пола. Крест. Выстрел отцепил его от застежки. Увидел кровь на плече, но это было не важно в сравнении с тем, что я чуть не потерял голову. Буквально. Фил за шкуру оттащил меня за огромный железный контейнер, попавшийся по пути. Со всех сторон кричали служители, стоял шум. Судя по топоту, они ринулись за нами. Кто-то из них снова открыл огонь.

Я наклонился, быстро скомкал шнурки и запихнул за борт кроссовка. Мысленно поклялся себе, если выживу – перейти на резиновые, которые никогда не мешали бы ходьбе.

– Быстро. Выход уже рядом! – Фил, скорее всего, произнес это громко, но я его еле слышал.

Я не верил, что мы выберемся отсюда живыми, и уже сожалел о том, что решился бежать, доверившись девушке из сна. Какой же я придурок! Мы в полной заднице из-за проклятого наследства и толпы желающих его получить. Склад теперь казался огромным муравейником, в котором я и Фил были незваными жуками.

Друг тем временем вцепился в мой локоть, и мы вышли из тени контейнера, но не успели сделать ни шагу к спасительным дверям.

– Стоять! – в метре от нас появился тот самый парень, который прострелил мне мочку.

Он навел дуло на нас. За его спиной маячили с десяток служителей Ордена с оружием в руках. Фил начал медленно поднимать руки, но я вспомнил рыжую из зеркала и каким-то чудом или дуростью снова уверовал, что та поможет.

– Мы уходим! – с маниакальной одержимостью крикнул я и схватил друга за куртку, толкая в сторону выхода.

Боец Ордена снова выстрелил. То, что произошло после, напугало до смерти, хотя куда уж больше. Пуля застыла перед моим лбом, как будто увязла в киселе и вернулась, ускоряясь, к парнишке. Врезалась тому точно между бровей. Он осел с удивленным, постепенно затухающим взглядом.

К моему горлу подкатила тошнота, язык онемел, как и челюсть. Я увидел, как те, кто держал нас на прицеле, перенаправили дула друг на друга. Раздались выстрелы, вернувшиеся смертью тем, кто нажимал курок. Друг уже не смеялся, он плакал, когда мы нашли выход, буквально ступая по трупам.

Под огромным потолком склада разнесся властный возглас Ниотинского:

– Не стрелять! Какого Всевышнего вы не начертили запретные знаки? Здесь демон!

В тот же момент под бетонными сводами разнесся многократно отраженный злобный девичий хохот.

– Лилит! – раздался надрывный крик кардинала.

«Кто такая Лилит? Лилит – демон? Это он про рыжую?» – пронеслось у меня в мыслях и накрепко там засело, ведь нечто потустороннее ощущалось в облике девушки из зеркала.

Когда мы добежали до машины, меня стошнило прямо на кроссовки. Спазмы скручивали желудок, не желая отпустить. Зубы

стучали друг о друга, и мне стало холодно до дрожи. Фил подхватил меня под мышки, затащил в салон и хлопнул дверью. Сам сел за руль и стартанул с места, будто участвовал в гонке. В гонке на выживание.

– Что за чертовщина? Дэн! Скажи, что ты тоже видел, как они сами падали? Как их выстрелы возвращались? – на грани истерики орал Фил.

Он рулил словно сумасшедший, машина взвизгивала и стонала, посылая, наверное, тысячи проклятий в адрес друга. Вместо того чтобы успокоиться, я вдруг начал четко ощущать все вокруг, возможно, у меня был шок или нечто вроде. Я чувствовал трение одежды о тело и запах кожи от сидений в салоне. Я слышал, как капля пота выползла из-под бейсболки Фила и устремилась вниз, огибая виски, чтобы закатиться за ворот. Друг машинально провел рукой по лицу, стирая капли. Я чувствовал холод, тело трясло от пережитого и от рвоты, которая ослабила меня. Самое главное, что за нами не гонятся. Не успел я прикрыть на мгновенье глаза, как машину тряхнуло.

– Фил?

Впереди не было никакого препятствия.

– Что за черт? – руль сам по себе крутанулся с силой, развернув машину на сто восемьдесят градусов, отчего меня дернуло и по инерции приложило о лобовое стекло. Я забыл пристегнуться, как и Фил. Авто заглохло. В ушах шумело и пищало. Я отлип от стекла, слизывая кровь с разбитой губы. Нет, не пищало, это Фил уткнулся головой в руль. Я подвинул его на сиденье и проверил пульс. Живой, просто без сознания. Черт. Когда уже этот хренов день закончится?!

Митсон пошевелился и открыл глаза.

– Как мне плохо, – простонал друг. – Не пойму, что случилось? Дорога вроде была ровной и абсолютно пустой.

Держась за голову, он вновь завел машину и тронулся с места. Спустя минуту авто снова заглохло.

– Впервые такое. Сам знаешь, киностудия сотрудникам плохих не выдает! – я развел руками и полез под капот, чтобы узнать, что с моим монстром.

– Ну? – торопил Фил.

– Ничего! Сам посмотри.

Когда мы оба оказались у капота, мотор машины чудесным образом завелся. Чтоб его! Мы не сговариваясь заскочили в салон, и

Митсон вдавил педаль газа до упора. Я молча смотрел в окно. Перед глазами – мертвый парень, лежащий с потухшими глазами, а под ним медленно расползающаяся лужа крови.

– Дэн! – потормошил за плечо друг.

Меня снова замутило. Пришлось открыть окно, чтобы впустить свежий воздух. Сделав пару жадных вдохов, я откинулся на сиденье.

– Не трясись, – снял его руку с плеча. – Я видел то же, что и ты. Они мертвы, Фил. По-настоящему мертвы, понимаешь? Те люди погибли.

Слова вырывались хрипом из горла. Все мысли были только о военных фанатиках на складе, которые хотели убить нас, но вместо этого сами расстались с жизнью.

– Дэн! Не молчи! Это то, о чем предупреждала тебя миссис Чейз? Они хотят забрать дом? Кто это, на хрен, такие?! – Фил мчал по сонному городу, яростно сжимая руль.

Я потер пальцами ноющие виски. Хотелось все забыть, словно ничего и не было, отгородиться от увиденного и услышанного стеной. Почему нельзя по щелчку стереть этот день?

– Ватиканский Орден. Ты слышал что-нибудь от них? О чем они спрашивали?

– О тебе спрашивали и Фаусте, – криво улыбнулся Фил. – Еще были разговоры о некоем Фере Люции, который, судя по их возгласам, очень нехороший дядька, потому что прячется от них. Фер Люций... Немец он, что ли? Напоминает немецкое имя.

– Не знаю. Возможно. А что еще ты слышал?

Митсон вытер лоб тыльной стороной ладони и поерзал на сиденье, прежде чем ответил:

– Слышал много, но разобрать не смог. Они в основном говорили на латыни. Фанатики.

– Жаль.

Я не поверил другу. Что-то он точно разобрал, потому что правое ухо у него покраснело, как всегда, когда он пытался меня обмануть. Но зачем? Фил, очевидно, заметил мои взгляды: его кадык дернулся. Потянувшись к волосам, он сорвал бейсболку и швырнул ту на заднее сиденье.

– Ты нашел тайник?

– Почти.

Врать не пришлось, но я все равно отвернулся к окну, наблюдая за линиями света от фонарей, которые, казалось, бежали за машиной. Нет, друг не обманул бы насчет Ордена, его, как и меня, чуть не убили.

– Как это – почти? Не получилось расшифровать?

– Получилось, но вмешались обстоятельства. Появилась Элишка.

– Эли? Как? Ты пригласил ее в Дом Фауста पहले, чем меня? – в голосе слышалась обида.

Я повернулся и уставился в лобовое. Машина уже съехала с объездной и мчалась по ночному городу. Оглядывая странных прохожих – а, клянусь, в темное время суток они все выглядели странно, – вспомнил, как резко тогда захотел кофе и пришел именно в ту кофейню, где были Элишка с Дженой.

– Нет. Случайно встретил в кофейне недалеко от дома.

– Вы спали?

Вопросы в лоб всегда были фишкой друга. За что я его одновременно и любил, и ненавидел.

– Нет. Да. Сложно объяснить, да и не ко времени.

Я стусевался, чувствуя себя противным сгустком из неловкости, страха и непонимания.

– Самое время, – мрачно хохотнул Фил.

Он всегда начинал охотно трепаться, когда в жизни случалось что-то плохое. А я бы сейчас не отказался от душа и ароматной соли. Каждому свое.

– Я отключился, будто упал в обморок. Чернова осталась до утра. Боялась, что мне понадобится скорая.

– Раскраска для асфальта, – пробурчал Фил, сигналив наглому мотоциклисту, который решил вылететь на полосу перед нашей машиной в Дейвицком тоннеле.

Потом до друга дошел смысл моих слов, и он искренне засмеялся.

– Дэн!.. Ты как обычно. Почему она не сбежала от тебя еще? Стой. Тебе не кажется странной ее столь быстрая влюбленность? Да и ходит она к тебе постоянно, словно...

– Словно кто?

Я сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не стукнуть Фила по физиономии. Вместо этого ударил ими по приборной панели с такой силой, что рисковал освободить подушки безопасности.

– Хочешь сказать, я не могу никому понравиться? Рожей не вышел? – оскорбился я.

Друг поморщился и крепче сжал пальцы на руле.

– Не мели ерунду. Я к тому, что... Да ладно. Забей.

Я промолчал, надувшись.

– Я бы отправился в полицию, но не уверен, что нам поверят. Я сам не верю в то, что видел на складе.

– Да уж, – тихо проговорил я, остывая и резко сдуваясь, как гелиевый шарик.

– Почему ты крикнул «бежим»? Откуда ты узнал, что эти люди не смогут помешать нам?

Вот что ему ответить? «Фил, понимаешь, вот уже какое-то время я душу во сне голую девушку, и сегодня на складе она подала мне знак бежать». Бред! Я понимал, что он ни за что мне не поверит. Только как самому поверить в то, что те люди не смогли нас застрелить?

– Я пока не знаю, как объяснить.

– Интуиция?

На это я лишь помотал головой.

Фил подъехал к дому, где ему арендовали квартиру.

– Зайдешь? Я найду чего-нибудь выпить.

Мы сидели на полу в кухне, пялясь в окно и отхлебывая прямо из горла. Так вдвоем мы прикончили бутылку виски, но не захмелели. Страх, что нас могли отследить, оставил меня, перед глазами мелькали трупы на складе.

– Мне стыдно, и гложет чувство вины. Они умерли из-за нас, понимаешь? – мой голос надломлено скрипел, словно по паркету тянули стол весом с тонну.

– Или они, или мы, друг, – отсалютовал почти пустой бутылкой Митсон.

– Я не могу принять этот жестокий принцип.

– Это принцип выживания, Дэн. Не мы их убили.

Мрачный тон Фила отдавался чернотой у меня внутри. В желудке после рвоты и спиртного жгло и резало, но мне даже нравилась эта боль. Так я чувствовал себя живым.

– Не мы их убили, но их кровь на наших руках, – упрямо возразил я.

– Думаю, ты знаешь что-то, чего не знаю я.

– Пусть так и остается, Фил.

Он пожал плечами. Друг позвонил девчонке-медику, которая подрабатывала на киностудии. Она согласилась прийти, обработать ссадины и синяки. Произошедшее мы больше не обсуждали: слишком невероятным все казалось.

– Давай посмотрю твое ухо, – предложила девушка, видимо, увидев кровь на моей одежде. Только тогда я вспомнил, что выстрелом мне разорвало мочку.

– Ничего страшного. Зашивать не нужно. Я обеззаражу и залью специальным стягивающим раны средством. Даже знать не хочу, во что вы двое вляпались.

– Спасибо! – подмигнул ей Фил.

– Фил, крест с серьги у тебя?

Друг полез в карман штанов и вывернул его. Тот был пуст.

Я обхватил себя руками, глаза защипало от подступающих слез. Крест подарила ба, и я не должен был с ним расставаться.

– Прости, – дернул плечом Митсон, но по лицу я не заметил, что ему жаль.

– Я поищу потом в машине. Возможно, он выпал, – выдавил я, поднимаясь с пола.

– Сегодня тебе лучше поехать на такси.

– Так и сделаю, – я залпом допил виски, обжигая горло, но не ощущая пьянящего эффекта. Заметил переглядывания друга и медсестры, поэтому поспешил их оставить.

– Дэн? – окликнул он меня, когда я был в дверях. – Спасибо, что не бросил и приехал.

Я криво улыбнулся.

– Ты мой друг. Разве ты не поступил бы так же?

Я вызвал такси и назвал адрес своего нового дома. Меня манил тайник, но я решил сначала осмотреться.

Старый особняк встретил темными окнами. Я вошел, включил свет с опаской, словно боясь, что здесь меня ждет ватиканский служитель или рыжая непонятно кто. Но дом был пуст и мрачно-недоволен своим новым владельцем. Свет тускло мигал, в углах гостиной собирались злые тени, заставляя мою кожу покрываться мурашками. Наверху скрипела от ветра крыша. Особняк, словно живой, тяжело, по-старчески вздыхал. Я провел ладонью по

шероховатой стене: если хочу здесь жить, то придется провести отопление. После первой ночи в гостиной я проснулся замерзшим. Единственный камин в гостевой зале зимой не спасет.

– Так! – громко рыкнул я дому, словно тот мог понять. – Прекращай пугать и отталкивать, или продам тебя к чертовой матери! Будешь служить музеем. – И мстительно добавил: – Каждый день по тебе будут лазить сотни любопытных туристов, шуметь, топтать, сверкать вспышками и действовать на нервы. Хочешь?

Мой вопрос остался без ответа, но свет в прихожей засиял ярче, разгоняя тени, а скрипы тут же прекратились.

После всего, что произошло за вечер, я ощущал себя другим. Словно те события разделили мою жизнь на «до» и «после». Казалось, прежний я остался лежать лужей содержимого желудка на земле возле склада.

Я миновал второй этаж, так как утром везде успел заглянуть, и поднялся на третий. Остановился возле закрытой старой двери. Ее не реставрировали и не меняли, но своей дубовой крепостью она легко могла бы соперничать с современными. Дверь, как мне почудилось, насмешливо скрипнула и отворилась сама.

«Сквозняки или рыжая», – подумал я и шагнул в комнату.

Комнату для ритуалов.

Жесть. Это то знаменитое место, которое упоминалось в каждом туристическом путеводителе Праги. Место, куда не зайти, так как двери опечатаны и закрыты для посещений. Дыра в потолке действительно когда-то существовала, но сейчас о ней напоминали только нечеткие контуры огромного круга на полу да разводы от дождей.

По легенде, так дьявол забрал Фауста. Странно, что через дыру в потолке, а не в полу, например. Летающих дьяволов, кстати, я не видел ни в фильмах, ни в книгах. Кроме, разве что, черта из пражской легенды или «Вечеров на хуторе близ Диканьки» у Гоголя, книгу которого читал на углубленном курсе зарубежной литературы. Напрашивался вопрос: куда он его забрал, на небеса, что ли?

Само овальное помещение напоминало лабораторию злого гения, а пентаграмма на деревянном полу, нацарапанная чем-то острым, дополняла образ. Внутри пентаграммы доски изодраны и покалечены, будто дикий зверь сидел там против воли и хотел выбраться. Решив

подробно осмотреть все здесь чуть позже, я вернулся к дубовой лестнице.

Остановившись возле ступенек, присел, прощупывая пальцами старое дерево. Я исследовал каждый сантиметр верхних ступеней, затем спустился и начал снизу. Когда я надавил пальцами на боковую часть третьей ступени снизу, звук вышел глухим. Я простукивал пальцами всю ступеньку и окончательно убедился, что именно в ней есть полость. Надавив и так, и эдак, задумался. Не хотелось ломать такую красоту. Я уверен, что тайник должен быть с рычагом или замком.

Возле перил пальцем нащупал кнопку величиной с горошину, вдавил ее, и ступенька отъехала, открывая нишу с каким-то предметом, завернутым в тряпье и покрытым слоем седой пыли. С осторожностью развернув свой клад, я увидел пухлую книгу и небольшой, но очень тяжелый ларец из неизвестной мне породы камня. Еще там оказался тонкий блокнот, подписанный рукой моей ба.

Ларец не открывался, крышка была запаяна. На одной из продолговатых сторон я увидел отверстие величиной с половину кофейного зерна. К нему подошло бы нечто плоское. Жаль, у меня не завалилось ножниц, чтобы попробовать отпереть его. Я ковырнул скважину ржавой булавкой, которую случайно нашел на софе. Не вышло.

Взял книгу. Необычный переплет: кожа была более мягкой, чем козья, и белее свиной. Я помнил те на ощупь, так как Ба показывала мне отличия. На этой книге точно была человеческая кожа, грубо натянутая на тонкие дощечки. Черт, ужасно мерзко держать такое в руках. Я попробовал отгородиться от ощущения гадливости и открыть.

«Чернокнижие Йоганна Фауста», – прочитал я на немецком первый грязно-желтый лист.

Блеск.

Отбросив здравый смысл и доверившись бабушке, я продолжил бегло просматривать рукопись, перелистывая страницу за страницей.

«Магия естественная и противоестественная. Часть первая, именуемая «Тройное заклинание Ада» Пассау. 1505 год.

Вступительное слово.

Кто захочет предаться этим духам, тот прежде должен хорошенько проверить, сможет ли он из этого извлечь пользу, иначе

все его усилия будут напрасны. Посему когда ты будешь вызывать какого-либо духа, ты должен знать, для какой цели он тебе нужен, ибо духи не одинаковы. Если ты будешь просить денег – либо в виде клада, либо как иначе, – то тебе лучше вызывать Асиэля на развилке дорог, чем в известных местах. Но при этом заметь, что никакой дух тебе не явится, если ты недостаточно хорошо разбираешься в Священном Писании. Нужно, чтобы ты:

- 1. Исследовал свою природу, чтобы духи тебе были преданы.*
- 2. Избегал грубых и кощунственных грехов.*
- 3. Прилежно ходил в церковь и на Святое причастие (вечерю) и за несколько дней до вызова принял бы его.*
- 4. Жил целомудренно и вообще без наслаждения с женщинами.*
- 5. Всегда был в чистых одеждах и имел приятный запах, а также был тихим, молчаливым в тайном месте.*
- 6. Приобрел бы все необходимое для конкретного вызывания, а также чтобы очень хорошо разбирался в чтении и письме^[17].*

Тринадцатому же моему потомку, если таковой будет, предстоит совершить многое, если хватит у него на это сил. В тебе, тринадцатый потомок, и проклятие всего рода людского, и его спасение. Если не обратишься к лукавому и не станешь оружием в его руках.

О пакте с духами...»

Дальше шло описание того, как изготовить свечи, как их освятить. Молитвы и составы курений. В заговорах духов я встретил семьдесят два имени Бога. Ничего себе у него имен, оказывается. А также упоминание о специальных черных обрядах, где нужно использовать свечи, которые горели в руках покойников на службе. Бр-р-р. Это реально практическое пособие для сатаниста. И, кажется, мой предок им был. Я пролистывал тихо шуршащие листы, иногда останавливаясь, чтобы рассмотреть печати для духов или демонов и чертежи кругов для их призыва.

После чернокнижия начинался другой раздел. Ее я узнал с первого взгляда, будто только что увидел стоящую перед собой. Нарисованная от руки, легкими штрихами, со страниц на меня смотрела рыжая из снов. Да, предка, похоже, она крепко зацепила. Тринадцать миниатюр с изображением этой девушки. И под каждой написано лишь одно слово.

Malum. Зло. Она – зло? Если бы не рыжая, мы бы остались на холодном полу склада, расстрелянные Орденом. Она защитила нас, для этого убив других. Ангел-хранитель с крыльями из тьмы.

В нетерпении я перевернул страницы с рисунками, догадываясь, что предок мог написать, кто она. Да, дальше были исписанные листы.

Но едва я начал читать, они вспыхнули, обдавая жаром пальцы и лицо. Я швырнул горящий фолиант на пол, находясь в каком-то ступоре, замерев на ступеньках на несколько секунд, а потом резко очнулся. Снял с себя куртку и набросил на книгу, похлопывая и стараясь потушить. Моя психика уже давно помахала мне рукой, когда я пробовал понять, как старые страницы могли самостоятельно загореться в одно мгновение.

«*Lilit*», – все, что я успел прочитать. Заголовок. Лилит. Демон из легенд, фильмов и книг? Еще не точное, туманное осознание, что рыжая из снов и есть Лилит, пришло спокойно, словно бы я давно знал, кто она и кем является.

За окнами промчалась скорая, воя сиренами и заставляя меня вздрогнуть. Казалось, я замирал на непонятный промежуток времени, а потом возвращался в реальность, словно перезагружал мозг по много раз, как зависающий мобильный. Сейчас телефон показывал час ночи. Я поднял дымящуюся книгу. Она почти не пострадала, не считая нескольких обугленных листов второй части. Тех, где могла быть информация про Лилит. Гримуар Фауста аккуратно лег на ступеньки, затем я потянулся к тонкому блокноту, подписанному Гретой Чейз.

Чужой взгляд жег спину. Я обернулся, увидел ступеньки, ведущие вверх, и темный провал второго этажа, словно врата в бездну. Никого. Повернулся обратно: напротив лестницы стояло зеркало, в которое я избегал смотреть, но краем глаза мазнул по нему и увидел лицо рыжеволосой, которое исчезло с зеркальной глади так же быстро, как и появилось. Чем бы его закрыть? Сорвав занавеску с окна в гостиной, я укутал ею зеркало и снова уселся за чтение.

Едва открыл бабушкин блокнот, как из него выпали несколько сложенных вдвое листов, исписанных почерком отца. Я плохо его помню, но почерк не спутаю ни с каким другим. Не знаю почему, но папа всегда писал печатными буквами. Они были настолько идеальны, что, казалось, их набрали на компьютере.

Я распрямил страницы, явно вырванные из дневника.

«3 августа 1991 года.

С тех пор как мне исполнился двадцать один год, мне снится обнаженная девушка с огненными волосами. Во сне я ее душу. Можно подумать, что кошмары снятся всем без исключения, но отнюдь не все испытывали бы от этого наслаждение. Она мне нравится, нравится сжимать руки на ее шее.

5 октября 1991 года.

Я встретил Мари. Мою Мари. Она замечательная, а главное, с ней меня отпустили кошмары. Я влюблен и хочу быть с ней всегда!

15 сентября 1993 года.

Мы назвали сына Дэниэль, и с момента его рождения я снова вижу сны о рыжеволосой.

10 апреля 1994 года.

Мне кажется, я схожу с ума. Стоит мне закрыть глаза хотя бы на мгновение, как является она. Возможно, мне стоит обратиться за помощью. Мама говорит, что я неважно выгляжу. Конечно, я ведь почти не сплю, боясь оказаться напротив зеркала в компании рыжей.

2 августа 1995 года.

Дэниэлю уже два, и он все время плачет, у Мари депрессия, а я мучусь кошмарами – мы определенно нашли друг друга.

5 октября 1995 года.

Нет! О Боже! Нет! Я... я попал в кошмар и хотел убить девушку из сна. Душил что было сил, а когда проснулся, увидел, что лежу на бездыханном теле своей жены. Мари. Боже, нет! Как мне теперь жить без нее?

6 июля 1996 года.

Меня чудом оправдали, доказав мою неменяемость в момент совершения убийства. Сегодня в очереди к психотерапевту я познакомился с прекрасной женщиной, которую зовут так же, как мою умершую жену – Мари. Мне кажется, она понимает меня, как никто другой.

10 сентября 1996 года.

Рыжеволосая снова появилась, после того как Дэниэль, я и Мари стали жить вместе.

1 декабря 1996 года.

Я больше так не могу! Это невыносимо! Господи, спаси мою душу...»

Я лихорадочно вчитывался в страницы. Не может быть! Так не бывает!

Схватился за волосы, сдерживаясь, чтобы не завывать в голос. Мать, которую я помнил, не была мне родной. Как? Бабушка. Она все знала и ничего не рассказала. Я читал словно одержимый. Мой отец, чей образ я так тщательно берег в памяти, – убийца? Глаза наполнились слезами.

Я отложил листы и взялся за блокнот, начатый ба. Почти пустой, заполнены только первые десять страниц.

«Я никогда не призывала духов».

Меня снова затрясло. Бабушка все знала. Знала и не сказала.

«Хотела, да, но после выходок Фауста это проклятие наследуют лишь по мужской линии нашего рода. Мой брат, наш отец, которого мы никогда не знали, мой сын, а скоро и мой внук. Да, женщины не наследуют проклятье Фауста, но обречены наблюдать за мучениями своих близких.

Узнавать о роде я начала после того, как пропал мой брат. Через неделю после того, как ему исполнился двадцать один год, он вышел на работу и стал меняться. Брат мучился кошмарами, а днем ходил погруженный в себя и разговаривать со мной не хотел... После исчезновения я обыскала его комнату: нашла ларец и гримуар Фауста с антроподермическим переплетом. По крупицам собрала историю семьи, а после решила посвятить этой науке жизнь.

С моим сыном Генри случилось несчастье: он боролся, но проиграл. Именно его сын, этот невинный мальчик, является тринадцатым потомком доктора Фауста. В доме чернокнижника в Праге я нашла старый тайник и спрячу дневники там.

Я сделаю все, чтобы уберечь Дэна. Надеюсь, что священный крест, отлитый из серебряного кольца первого Папы Римского, станет мощной защитой, и мальчик никогда не узнает о своем проклятии и не почувствует темного желания. Я хотела растить его в знании с детства, но увидев глаза внука, избитого мачехой, не

смогла. Пусть у Дэниэля будет счастливая жизнь. Надеюсь, дневники ему никогда не понадобятся».

Далее шли даты жизни и смерти моих предков по мужской линии, начиная с сына Фауста. Бабушка размышляла о том, что сам доктор Йоганн мог быть бессмертным человеком с необычными способностями. Свои предположения она подкрепила только одним выражением «*Зашифрованные исследования*», но где их искать не написала.

Ба изучала феномен мужчин из рода Фауст, которые не доживали до тридцати. Кто-то бесследно исчезал, кто-то сходил с ума и заканчивал недолгий путь самоубийством.

Крест серьги должен был меня защищать. Только от чего или кого? Про темные желания понятно – это сны о рыжей, но я их видел даже тогда, когда носил бабушкин оберег. Получается, что он не работает? Или работает не так, как нужно?

Оторвался от чтения и судорожно вздохнул. Тайны семьи. Раньше я предпочел бы совсем не знать о них. Какого черта меня потянуло на съемки именно в Прагу? Теперь я начал сомневаться, что меня случайно пригласили в Европу. С новым знанием о наследстве казалось, что я лишь чья-то марионетка.

Телефон пиликнул сообщением от Фила. Он только что закончил «лечение» и проводил симпатичную медсестру. Позер! Даже из такой ситуации он умудрился извлечь выгоду. Я увидел пропущенный от Элишки и подумал ей написать, но остановился. Первое яркое чувство влюбленности сменилось сомнениями. Увижусь с Элишкой завтра на съемках, тогда и пойму, как быть.

Я почистил нишу тайника от пыли и бережно поместил дневники и ларец обратно. Пусть я буду параноиком, но если в дом нагрянет Орден или еще кто, то им придется хорошенько потрудиться, чтобы найти наследство. Заночевать я решил тут же, в гостиной на первом этаже, боясь подниматься на второй. Я шустро принес постель, скрутился калачиком на антикварной, ужасно твердой софе и мгновенно уснул после всех передраг. Я ощущал себя запертым в глубокой яме сновидений, которая наполнялась водой, мешая дышать, не позволяя выбраться.

– Вставай, кровавый мышонок! – Тормошили меня за плечо.

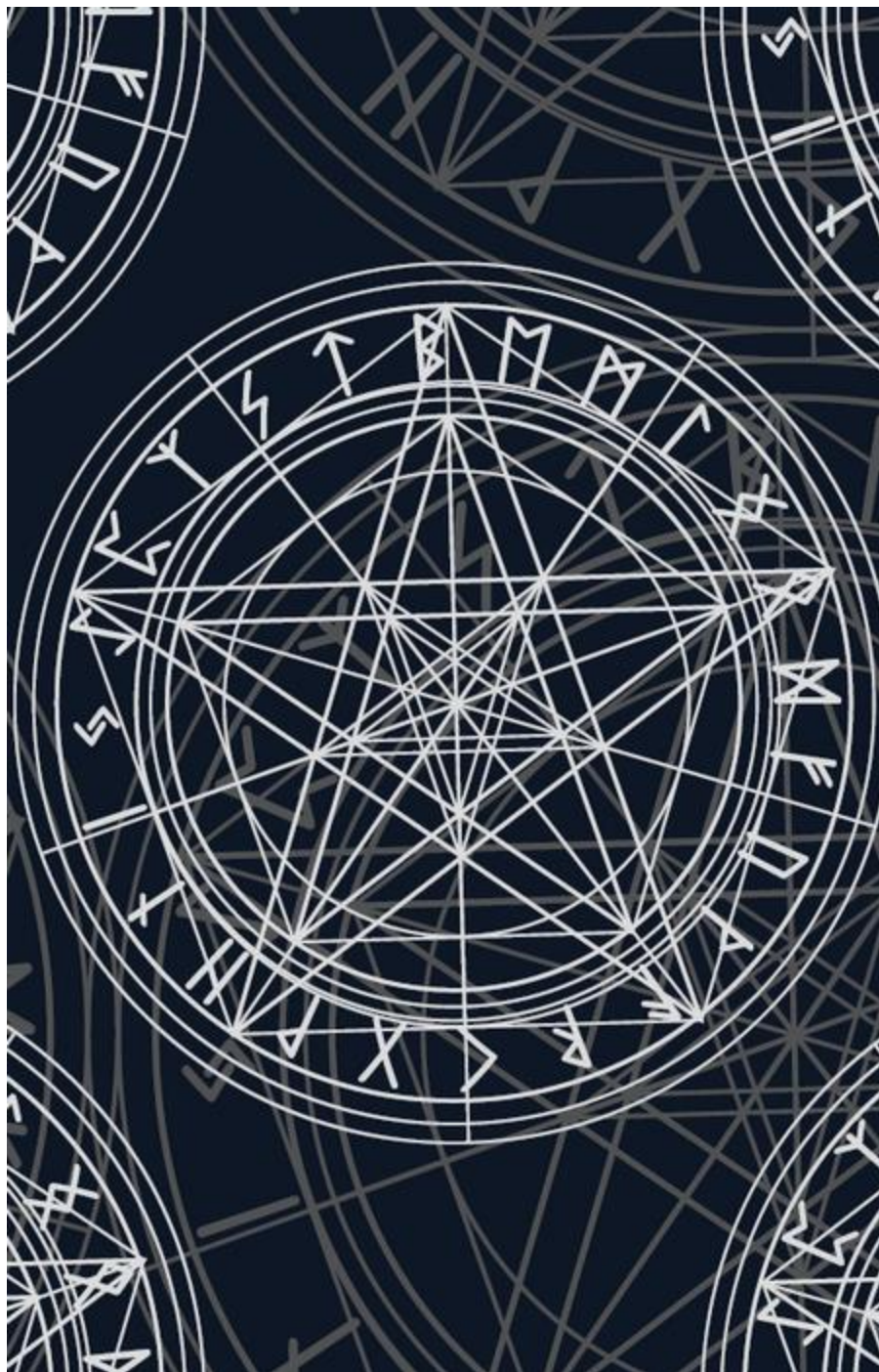
Словно выплывая из глубокого мутного озера, я проснулся. Надо мной склонилась рыжая девушка из сна, игриво улыбаясь. Я шарахнулся от нее, наткнувшись рукой на что-то холодное и безжизненное. Медленно повернул голову и чуть не слетел с узкой софы.

Глава 8

Factum est factum.

Что сделано, то сделано.

На софе рядом со мной лежала Элишка. Мертвая. Я понял это, но все равно кинулся проверять пульс. Прикосновение к ее холодной коже и тишина под пальцами, где должен тихонько биться кровоток, убедили окончательно, что девушка не очнется. Рот криво открыт, на шее многочисленные гематомы, а в остекленевших глазах – лопнувшие

сосуды. Я опустил взгляд, простыня еле прикрывала белоснежные полушария груди. Значит... значит, мы занимались сексом.

Ничего не понимая, пятясь, слез с софы. Нагая рыжая стояла рядом.

– Изыди, чудовище! – прошипел я, а она лишь захохотала, откидывая волосы, что струились до бедер.

– Объясняю, малыш, если ты не понял, – девушка деловито присела на софу рядом с Черновой. – Ты задушил свою милую, но корыстную любовницу, думая, что она – это я.

– Не может быть! – громко, почти истерично огрызнулся я. – Я заснул здесь один, это точно!

Рыжая поцокала языком и щелкнула пальцами:

– Уверен? Вспомни, что ты делал.

– Это не я!

– Вспомни! – приказала она, и я подчинился, закрывая глаза.

Под веками вспыхнули воспоминания последней недели. Недели? Это был я, но не помнил себя прожившим эти дни. Они слились в один. Утром уезжал на съемки, а потом снова возвращался в дом Фауста. Так продолжалось, пока я не пригласил Элишку на ужин. Ужин на корабле. Казалось, что я, настоящий я, словно спал все это время, а тот, кто занял мое тело, ходил на работу или, как сейчас, стоял возле судна, дожидаясь девушку.

– Привет.

Чернова с румянцем от слабого мороза мило подставила губы для поцелуя. Я приник к ним.

– Ты сегодня особенно очаровательна, – в моем голосе слышалось восхищение, смешанное с обожанием.

Чернова одним видом подействовала на меня, как стакан виски: в короткой расстегнутой дубленке и платье цвета малахита, которое струилось, подчеркивая хрупкую фигурку. Тонкие чулки и сапоги на опасно-острой шпильке. Ее ответный смех звучал переливом колокольчиков.

Я нежно взял ее пальчики в свою руку и повел Элишку к трапу. Ресторан «Маринэ» славился вкусными блюдами за умеренную цену, а вид на Влтаву, Карлов мост и Пражский Град делал это место еще атмосфернее. Мне пришлось бронировать столик за несколько дней. Обстановка, выполненная из темного дерева, тихая музыка и

празднично одетые гости – Чернова оглядела все и, похоже, осталась довольна. Я ждал ее реакции.

– Дэн, здесь красиво, – одобрила Элишка.

Я помог девушке снять дубленку и сесть, а затем попросил меню.

Платье Элишки красиво обрисовывало грудь. Оттого что она села ровно, ткань натянулась, и под тонким бельем проступили торчащие соски. Мои пальцы согнулись и дрожали от непреодолимого желания прикоснуться к ней.

– Ты так и будешь неотрывно смотреть на меня? – игриво поинтересовалась Чернова.

– Да.

– Что ж, я не против, – улыбнулась она и залилась румянцем.

Волосы Элишка оставила распущенными. Они обрамляли овал ее лица и струились по плечам и груди. Я четко слышал свой пульс и хотел только одного: сесть к ней ближе, чтобы аромат девушки окутал меня, чтобы мы соприкасались телами.

– Расскажи про свою жизнь в Словакии, – неожиданно попросил я.

Она смутилась и промолчала, показательно заинтересовавшись меню, буквально выхватив его из рук официанта.

Во мне проснулось любопытство.

– Элишка? В Словакии у тебя кто-то был?

Она подняла на меня кофейный взгляд, в котором читалась мука.

– Был.

Точно выстрел в воздух.

– Вы плохо расстались?

– Можно и так сказать.

Она увидела мое ошеломленное лицо и поспешила добавить.

– Я выросла в интернате, потом пошла учиться и работать. У меня были плохие первые отношения, о которых я не хочу сейчас говорить, чтобы не портить нам обоим настроение.

Девушка протянула руку через столик, и я накрыл ее ладонь своей.

– Извини. Ты права. Неуместная тема на свидании. Тем более я хотел предложить тебе быть вместе.

«Что я несую?»

– Что? – теперь пришла ее очередь удивляться.

– Если хочешь, переезжай ко мне в дом Фауста.

Мои губы двигались и произносили то, чего я не хотел бы. Точно не хотел. Тогда почему я это сказал?

Элишка мягко улыбнулась и пропустила прядь своих волос сквозь пальцы. Я нагнулся через стол и потянул один из локонов на себя, наслаждаясь его мягкостью и теплом.

– Ты правда этого хочешь? – прошептала она, делая частые вздохи, и звук отозвался во мне мурашками по телу.

– Да.

Нам принесли напитки, и я поднял бокал с красным сухим вином. Элишка как-то говорила, что предпочитает именно такое. Мы сблизили фужеры, и Чернова слишком сильно стукнула своим, отчего напиток выплеснулся мне на рубашку.

– Прости, я не хотела, – она виновато потупилась.

– Ничего. Я отойду в уборную, – я улыбнулся, ничуть не расстроившись.

Когда уходил, Элишка тянулась к своей сумочке, очевидно, чтобы припудрить носик, пока меня не будет. Постаравшись быстро высушить пятно салфетками, я вернулся. За время отсутствия мой бокал снова наполнили. Я почувствовал, как горло сжалось от сильной жажды. Сев за стол, отпил одним махом половину, скривившись от терпкости. Вторую половину проглотил следом. Мысли тут же затуманились, словно их опутала паутина.

Элишка что-то говорила, но я не слушал. Просто смотрел, как двигались ее влажные от вина губы, и мечтал, чтобы они оставили дорожку следов на моем теле. Меня кинуло в жар, пульс отдавался ниже живота, разгоняя по телу волны желания.

– Здесь есть свободные комнаты? – перебил я Чернову, обращаясь к официанту, который принес горячие блюда.

– Да, сэр. Вроде несколько кают есть. Желаете забронировать?

Я посмотрел в шоколадные глаза девушки, сидящей напротив. Она ответила еле заметным кивком.

– Желая снять на ночь, – твердо ответил я, снова переводя взгляд на Элишку.

Она не выглядела удивленной, но в том состоянии острого возбуждения, в котором я находился, мне было плевать на все

странности вокруг. Я протянул руку через стол и погладил костяшками пальцев девичью скулу, опускаясь к губам.

– Ты еще хочешь есть? – спросил я.

В колдовских, как два черных омута, глазах зажглись огоньки.

– Нет. Я хочу тебя, – прошептала она.

Пламя желания побежало по венам жидким огнем. Кажется, что я мог бы заняться с ней сексом прямо на столе, просто прислонив ее к нему и задрав платье. От этих мыслей пульсация в паху стала нестерпимой. Вскочив со стула, рывком поднял и Элишку, утягивая за собой.

Не глядя на ценник, быстро прикоснулся картой к услужливо поданному терминалу и получил заветные ключи. Торопясь, втолкнул Чернову в каюту, захлопывая за собой дверь. Прижал Элишку к себе, сминая губами ее рот, кусая губы до крови. Руками стягивал платье с изящных плеч, в нетерпении приподнимая чашки кружевного белья, чтобы освободить груди. Она прижалась ко мне, вызывая у меня хриплый стон. Запах Элишки проникал в нос, кружил голову и одурманивал. Она благоухала каким-то сладковатым цветком, который смешивался с естественным запахом ее чистой кожи. Я словно обезумел. Девушка лишь тяжело дышала, отвечая на мои требовательные поцелуи, которые я срывал с губ. Она дрожала и цеплялась за мои плечи. Дрожь отзывалась во мне, принуждая еще больше хотеть овладеть ее телом.

– Дэн... – простонала она прямо мне в рот, погладив рукой там, где сосредоточилось мое желание.

Чернова подтолкнула меня к кровати. С трудом оторвавшись от ее тела, подчинился. Мне было жарко, я быстро стер пот со лба и расстегнул рубашку. Присел на широкую кровать, погладив руками ворсистый плед, накинутый сверху, а когда перевел взгляд на девушку, перед глазами поплыло. Я помотал головой, чем сделал только хуже.

Я видел только цветные пятна, а потом снова провалился в яму без сознания.

Провал. Не знаю, сколько он длился. Пришел в себя в той же каюте-номере под рестораном. Голова трещала так, что я с трудом открыл глаза. Взглядом обвел кровать, обшитые деревом стены, круглое окно. За тонкой перегородкой, ведущей в душ, спорили два женских голоса. Что происходит?

– Ты не можешь вот так взять и убить его.

– Завтра та самая ночь. Его кровь поможет пробудить силу, – твердил кто-то. Кажется, голос был мне знаком.

– Что ты творишь?! Мы же так и не нашли тайник. Подожди еще немного. Тем более он предложил мне жить вместе.

Второй голос я точно знал. Элишка. Что здесь происходит, черт возьми?!

– Тебе, маленькая подстилка, нужно было стараться лучше. Я не уверена, что ритуал сработает без гримуара Фауста, но мальчишка так просто его не отдаст. Если, конечно, Дэн вообще знает о его существовании.

– Оставь его. Он пустышка. Я долго пробыла рядом. В Дэне нет ни капли тех сил, что приписывали его предку.

– Тебе что, жаль щенка? – рассмеялась незнакомка, а я все гадал, откуда могу ее знать. Она понизила голос, я едва слышал яростное шипение: – Ад запечатан. Убьем его и в лучшем случае снова обретем силы, в худшем – он не достанется другим заинтересованным сторонам, что повысит наши шансы на выживание.

Снова Фауст. Снова охота на тайник. Элишка. Фил был прав, а я, дурак, не послушал друга. Я хотел встать, но не смог, не сразу заметив, что связан по рукам и ногам.

Видимо, услышав мою возню в попытке освободиться, девушки вошли в комнату. Второй девушкой оказалась Джена Хокс.

– Очнулся-таки, – удовлетворенно заметила Джена.

Узкое смуглое лицо неприятно скривилось, сощуренные зеленые глаза были полны презрения. Она подошла к кровати, рассматривая меня, словно пса на выставке. Если раньше я определил типаж девушки-змеи в восхищении ее внешностью, то в этот момент сходство с хладнокровной тварью проявилось в самом мерзком виде.

– Девушки, это не смешно. Развяжите меня! – злясь, потребовал я.

– Эли, кляп и скотч.

Элишка приблизилась ко мне со всем готовым.

– Нет! Нет! Подожди! М-м-м, – я дергал головой и извивался, как червяк на крючке, совершенно беспомощный, но упрямо пытающийся освободиться.

– За каюту заплачено на трое суток вперед. Табличку «не беспокоить» я повешу, когда выйду. Вроде все.

Джена деловито проверила мои связанные конечности, добавив к ним еще и наручники на оба запястья, которыми приковала меня к спинке кровати. Я сидел растерянный и ничего не понимающий.

– Можешь смотреть в окно, Дэн. Вид как раз тебе по душе, – забота в голосе Элишки никак не вязалась с тем, что она делала.

– Вернись сюда вечером, помоги ему справиться нужду. Не хватало еще приносить его в жертву в неподобающем виде, – брезгливо напомнила Джена, бросив на меня взгляд.

– Дэн, скажи, где тайник, и я обещаю, что твоя смерть будет быстрой, – ласково проговорила Чернова.

– М-м-м, – ответил я, что означало бы: «Пошла ты, фанатичка».

Я показал ей средние пальцы, немного вытянув скованные наручниками руки.

– Как хочешь, – девушка пожалала плечами. – Послезавтра я сама найду, несмотря на попытки Дома помешать мне.

Возможно, Чернова мне что-то подсыпала в вино, потому что я никогда не испытывал такого безумного желания, которое буквально сносило крышу.

Они ушли, а я брыкался до утра, снова и снова пытаюсь освободиться. Обессилен, забылся тревожным сном, наполненным скрипами уходящего на дно судна и морскими тварями, оплетающими мне руки. Очнулся в темноте, не понимая, где я и сколько спал. Ощувив мерное покачивание, вспомнил, что я на корабле. Свернулся в клубок, пытаюсь дотянуться руками до карманов брюк. Смог. Похлопал по ним, но мобильного там не оказалось. Вверху на борту было шумно, уходили последние гости ресторана. Стучал по стенам, сколько мог, но не производил никакого шума, как если бы я бил по пуховой подушке. Скотч сильно впивался в рот, хотя я часто мотал головой и пытался надуть щеки, чтобы немного ослабить его.

Как же так? Кто такие Джена и Элишка на самом деле? Что за чертовщина и почему они хотят меня убить? Что значит «Ад запечатан»? Они всерьез или это аллегория? Какая, к черту, аллегория, если они готовятся сделать из меня жертву ритуала!

В раздумьях и попытках высвободить руки я провел следующий день и вечер. Приходила Элишка и заставляла меня пойти в уборную, но тело словно было не мое. После того как она ушла, я снова пытался освободиться.

А что мне оставалось? Дергая скованными руками, прокручивал в голове все то безумие, что приключилось со мной в Праге. По тому, что с наступлением сумерек начали раздаваться одинокие салюты, я вспомнил, что сегодня Рождество. Интересно, как так получилось, что в самый почитаемый в Европе праздник на ботеле^[18] оказались свободные для съема каюты?

Ресторан, к моему удивлению, закрылся и, судя по тишине наверху, не стал делать праздничную программу. Если фанатички говорили правду, то к полуночи меня принесут в жертву, как ягненка. Я услышал шаги по палубе и забился всем телом, пытаясь в который раз освободиться от оков. Щелкнул замок. Дверь каюты распахнулась, и в проеме показался высокий худой силуэт.

– Пора, Дэн.

Джена была облачена в плащ с глубоким капюшоном. За ней, словно более низкий близнец, шагнула Элишка. На их лицах были нарисованы непонятные символы, напоминающие переплетение ветвей, похожие я видел в гримуаре предка.

Я начал извиваться, желудок скрутило спазмом. От голода и страха я чувствовал тошноту. Перед глазамиплыли цветные круги, в ушах стоял звон.

– Я не чудовище, просто пытаюсь выжить, – проговорила Джена. – Во времена Бамберга мы почти лишились магии. Но не так давно даже эту малость нас заставили отдать. Да, это был орден Contra Malum. Твоя кровь должна открыть доступ к магии, потому что, кроме долголетия и нескольких фокусов, у нас ничего не осталось. Тебе все равно на роду написано страдать, ты – живой мертвец. Так что днем раньше, днем позже, как говорится. Думай об этом как об избавлении.

Я слушал слова приговора, от которых сбивалось дыхание, и не мог ничего ответить. Джена прямо на полу насыпала круг из чего-то, похожего на землю, но пахла эта субстанция, будто кто-то в ней умер, а потом разложился. Я содрогнулся, подумав, что возможно, так оно и было. Элишка расстегнула наручники, сдернула меня с кровати, словно я ничего не весил, и положила в центр круга. Она развязала меня, но тело не слушалось, я вообще перестал им владеть.

Хокс встала на границе круга, провела руками по волосам, ее глаза закатились, и когда остались видны только белки, она часто задышала и со всей силы ударила себя ладонями по груди.

– Се! – крикнула она и протянула руки в мою сторону. – Ре! – снова раздался ее горловой крик, и ведьма выгнулась, словно змея.

Тыльной стороной ладоней она накрыла глаза, повторяя:

– Ре-е-е!

Джена вlepила себе пощечину, заставляя голову повернуться в направлении окна.

– Ви-и!

Она вернула руки на волосы и снова ударила себя по груди.

Воздух сгустился, отчетливо запахло звериной шерстью и мускусом, будто я вдруг оказался среди стаи диких животных.

– Се-е! – крикнула вместе с ней Элишка, повторяя за ней крики и жесты.

– Ре! – их голоса слились.

Они циклично издавали звуки и повторяли действия еще несколько раз, словно входя в транс. Хокс будто из ниоткуда достала кинжал с изогнутым лезвием и стала читать что-то на латыни. Элишка повторяла за ней с одним отличием: у Джены были закрыты глаза, а Чернова своих не сомкнула, внимательно наблюдая за напарницей. Когда Хокс начала раскачиваться, что вкупе с ножом в ее руках выглядело жутко, Элишка наклонилась и взяла щепотку черной земли из круга. Завывания культисток на латыни становились все громче, пока они снова не перешли на крик. В каюте поднялся ветер, хотя все окна были закрыты. Кожа покрылась мурашками от ужаса. Нож в руке девушки приближался к моему горлу. Джена открыла глаза, но в них были только белки. Чернова вдруг резко выбросила ладонь в сторону Хокс, и земля полетела той прямо в глаза.

– А-а-а! – закричала Джена, раздирая пальцами лицо, как если бы это была не земля, а кислота.

Я все так же был безвольным наблюдателем, не мог пошевелиться, даже дышать получалось с трудом. Джена упала на пол, дергаясь в конвульсиях еще с минуту, а затем затихла, кажется, потеряв сознание. Дверь в каюту открылась. На пороге появился кардинал Грегор Ниотинский собственной персоной, за его спиной высились темные фигуры служителей Ордена.

– Освободи его, – приказал он Элишке.

Я почувствовал, как спало оцепенение, и ко мне вернулась подвижность и возможность говорить. Грегор носком ботинка стер

контур круга и приблизился ко мне. Я отшатнулся, но Ниотинский все равно успел присесть и схватить меня за челюсть, до боли сдавливая лицо.

– Дэниэль, сегодня я спас вам жизнь и даже буду столь милостивым, что отпущу отдохнуть до утра под присмотром вашей девушки. Но завтра потребую плату. Чего я хочу, вам и так известно.

– Спасибо, – прохрипел я, разлепив непослушные губы, на которых осела земляная пыль.

Я отцепил его руку и опустил голову, не выдержав пронзительного, испытующего взгляда. Молча поднялся и вышел из каюты, миновав двух служителей Ордена, экипированных как бойцы спецназа. Хотелось бежать оттуда со всех ног, но я заставил себя идти, не привлекая лишнего внимания. На трапе меня догнала Элишка и молча пристроилась сбоку.

– Кто ты?

Я развернулся к ней, всматриваясь в лицо. Она печально улыбнулась и размазала нарисованные символы рукавом свободного плаща.

– Ведьма.

Ну конечно, почему бы и нет. Ведьмы, Орден, рыжая. Я сходил с ума или твари из легенд действительно существуют? Это и вовсе не я. Может, всё лишь дурной сон? Я до боли стиснул челюсти. Собственное дыхание громко отдавалось в ушах.

– Ты всего лишь шестерка Ордена и кардинала, – испытывая отвращение к Черновой, выпалил я.

Во мне бурлила ярость, мне до зуда в ладонях хотелось придушить маленькую лживую сучку. Поэтому я сжал их в кулаки, чтобы хоть так унять порыв.

– Ты многого не понимаешь, Дэн! Я спасла тебя, предав свой род!

Девушка чуть ли не выплюнула слова мне в лицо, в ее глазах зажглись зеленые искры, и я отпрянул. Развернулся к ней спиной и направился к машине. По дороге рука сама потянулась к уху, чтобы погладить крест, которого там не оказалось. Я и забыл. Нужно его найти, он важен как память о Ба.

Элишка не села ко мне, осталась стоять на улице. Ну и черт с ней! Я рулил по сонному городу, держа курс на Дом Фауста. После суток в

каюте мне хотелось в теплый душ и спать. Вся кожа горела, возможно, у меня поднялась температура.

Парковка на Карловой площади оказалась забита, пришлось оставить машину далеко от дома. Красота Праги в сочельник сейчас вызывала во мне злость. Ночному городу, окутанному атмосферой идеального волшебства, было совершенно плевать на мои проблемы. Если бы ничего не произошло, мне бы казалось, что за каждым поворотом грохочут доспехами застрявшие в безвременье рыцари, а в конце переулка слышатся проникновенные молитвы, произносимые полупшепотом, да мелькают силуэты в старых домах. Но теперь это исчезло, раздавленное жестокой и абсурдной реальностью. Дойдя до знакомых дверей, я увидел сидящую на ступеньках Чернову. Опять ведьминские фокусы или я параноик, а она словила такси, быстро домчавшее ее сюда.

– Мне нужно остаться с тобой до утра. Кардинал настоял.

Элишка встала, и я заметил, что ее лицо блестело от слез. На секунду во мне проснулась жалость, но я лишь молча прошел мимо, доставая ключи от входной двери. Как только я миновал порог, дом приветственно ухнул, будто случилось легкое землетрясение.

Я не верил в ведьм, но верил в то, что дом живой. Нет. Не правда. Я уже осознал, что колдуньи существуют, принял как факт после заключения на судне. Элишка вошла следом и закрыла дверь.

– Я в душ, – бросил через плечо и оставил ее в гостинной.

Горячая вода, разбиваясь о кожу, принесла облегчение. Я подставлял лицо под струи, закрыв глаза и опершись руками о стены. Пока не почувствовал легкий ветерок и моей спины не коснулись маленькие ладони.

Повернулся, ожидая увидеть Элишку, но в душе я был один. Постояв под горячей водой еще какое-то время, вышел и увидел на кафельном полу ванной комнаты чулок. Голову прошили образы того, как, целуя Чернову в оголенный живот, стягивал с ее ног кружевные аксессуары. Я потерял глаза, и чулок исчез, словно его и не было. Обернулся на пустую душевую кабину. Перед мысленным взором предстала картина того, как я стоял с Элишкой в душе: сминал ее шелковую майку, а затем впивался поцелуем в губы. Ощутил все настолько ярко, словно это происходило на самом деле.

– Хватит, Дэн! – громко приказали мне, и я вынырнул из воспоминаний, снова оказавшись в комнате с мертвой Элишкой и невозмутимой Лилит: рыжеволосую я решил называть так.

Осознание, что Чернову задушили именно мои руки, накатило, и я прижал их к животу, в попытке подавить резкие спазмы. Мне было трудно глотать, будто я подавился.

Я стоял на месте, но мое тело раскачивалось, словно маятник. Руками я обнял себя за плечи, еле сдерживая крик. Сердце колотилось отбойным молотком, заставляя меня задыхаться. Закрыв глаза, считая про себя: «Раз. Два. Три. Ничего нет. Никого нет». Открыл, но картина не изменилась.

– Я. Это сделал я! – голос, вырвавшийся из моего горла, будто принадлежал загнанному зверю: задыхающийся и рычащий.

– Ты, конечно, ты, – безразлично рассматривая Элишку янтарными глазами, подтвердила рыжая.

– Я не был собой!

– Серьги-то нет, – зло ухмыльнулась она.

Паника. Она затапливает мои мысли, чувства. Меня рвет на пол. Поднимаю взгляд и не нахожу Лилит. Рыжая исчезла. Кидаюсь к зеркалу в прихожей, разбиваю его стоящей тут же вешалкой. После ношусь по всему дому и бью зеркала, коих десятки. Отовсюду слышу голос и издевательский смех Лилит.

– Беги, Дэниэль, беги. Скоро приедет полиция, и тебя арестуют за убийство, – говорит она. – Ты убивал ее с наслаждением, я видела. От судьбы не уйдешь, сладкий.

Вернувшись к Элишке, я зачем-то снова проверил пульс. Пять минут сидел, держа ее руку в своей, не в силах подняться.

Неужели я убийца?! По лицу потекли слезы. Кажется, я сошел с ума. Я отмел мысли самому позвонить в полицию и начал в какой-то мере себя оправдывать.

В тюрьму ни за что не пойду. Чернова тоже частично виновата, не нужно было постоянно крутиться вокруг меня, тогда бы ее смерти можно было избежать. Я просто разозлился на нее, еще и рыжая не оставляла меня в покое. Не хотел, но так получилось.

Снова слышались слова Лилит: «Беги!» Я почувствовал желание нестись прочь. Куда угодно, лишь бы больше не оставаться в Праге.

Не знаю, сколько времени я смотрел на черный экран мобильного, собираясь позвонить Филу, но так этого и не сделал. Вместо звонка я бросил телефон на пол и с силой наступил на него ботинком. На автомате я запихнул в рюкзак документы и пару вещей, накрыл девушку простыней и вышел. С трудом запер дом – долго не мог попасть ключом в замочную скважину, руки тряслись, как у старика в деменции. Город оживал в рассветной дымке, пражские шпили костелов словно парили в небе, а мощенные брусчаткой улицы ждали гостей. И никто из прохожих не знал, что за резными дверями Дома Фауста лежит задушенная мной девушка.

Боже, я недостоин жить. Что мне теперь делать?

Я завел машину и отправился в аэропорт Вацлава Гавела. Рыжеволосая отразилась в зеркале заднего вида, задумчиво разглядывая мое лицо. Я молчал. Повторял про себя, что она – всего лишь галлюцинация, плод моего воображения.

Меня лихорадило, то и дело прошибало холодным потом. Я твердил про себя: «Все будет хорошо. Нужно только уехать как можно дальше».

Не мог высидеть в машине, ерзал и стонал сквозь зубы. Звуки улицы и грохот мотора казались оглушительными, заставляя меня содрогаться всем телом. В аэропорту я попросил дать мне билет на любой ближайший рейс. Удивленная работница указала на табло. Шла регистрация на рейс в Австрию. Зальцбург.

Ниотинский

Мысли зудели в голове, мешая кардиналу заснуть до самого утра. Грегор редко упускал детали, но смех Лилит под сводами склада лишил его покоя, сдирая раны, что и так никогда не прекращали кровоточить, разве что покрывались безобразной коркой. Ниотинский звал ее, просил проявиться, но девушка была неумолима. Кардинала очень беспокоил и тот факт, что Дэниэль тогда увидел Лилит и решил довериться ей, чтобы убежать.

«Немыслимо!»

– Принесите мне видео с камер в тот момент, когда потомок Фауста сбежал с другом, – распорядился он, выглянув из спальни.

Получив требуемое, Грегор внимательно пересмотрел все события, случившиеся на складе.

«Крест, – пораженно застыл кардинал. – Мальчик больше не носит серьгу. Боже милостивый!»

– Послать к Дому Фауста двух служителей и быстро! – он выскочил из спальни, на ходу одеваясь. – Мы поедем следом.

Ниотинский набирал номер Дэниэля не один десяток раз, пока они ехали к нему, но абонент был недоступен. За окном оживала Прага, мелькали красно-серые трамваи. Люди спешили на работу.

«Поздно», – пронеслось в мыслях, едва он ступил на порог особняка, из которого выходили служители Ордена.

– Вы – живо в аэропорт. Мы едем в полицию. Подключу связи, чтобы объявить его в розыск. Он не мог уйти далеко.

Оставался еще один важный вопрос: почему Дэниэль не надел крест снова, ведь Филипп поднял его с пола?

Глава 9

Odi et amo.

Ненавижу и люблю.

Лилит

Пока мышка стремилась в пасть коту, я хотела посмотреть, что делает Орден. Как и ожидала, в этот раз охранные печати на земле не пропустили меня на территорию склада, поэтому я отразилась в окне припаркованной машины в центре Праги и стала следить.

Ниотинский вместе с телохранителем приблизился к авто. Тренированный воин учтиво открыл дверь, и Грегор сел на пассажирское сиденье, кутаясь в сутану.

– Ваше Преосвященство! – обратился он к кардиналу, показывая ладони.

Вот меня и рассекретили. Я ухмыльнулась, наблюдая, как бледнеет кардинал. На пальцах телохранителя желтела сера.

– Выйди! – коротко бросил глава Ордена. Ниотинский тоже вышел, а затем пересел на водительское сиденье.

Мы остались вдвоем.

– Лилит, покажись! Я знаю, что это ты, – попросил кардинал, устало выдыхая.

Наша с ним история длилась века. Ниотинского младенцем подбросили под ветхие двери монастыря в одной из деревень Англии. Грегор так и не узнал, откуда он и кто его родители. Знал ли Фер Люций? Скорее да, чем нет. Великий инквизитор интересовал его куда больше, чем Господин хотел показать. Грегор не старел, не болел и, вероятно, мог жить вечно. Он всегда ассоциировался у меня со жгучим ветром, дующим в ледяных горах. Грегор Ниотинский – единственный почти бессмертный человек, которого я знаю. И все же у каждого в этом мире есть свой срок годности. Грегору было пятьсот пятьдесят лет, и только последние сто он начал стареть. Несносный чистоплюй лишился Божьего расположения за то, что испытывал ко мне. Дьявольские оргии, как это бесило. Чтоб он сдох поскорее! Много лет тому назад я явилась ему, и Ниотинский пропал. Все мои попытки искутить его привели совершенно в другую сторону.

Гневно сверкая глазами, я появилась в зеркале заднего вида.

– Ну, здравствуй, Грегор, – прошипела я, напуская ужаса, но, как всегда, на кардинала это не подействовало.

– Лилит! – полувыдохнул-полупростонал он с мукой.

Его любовь была для меня как раскаленная лава. Физически обжигала.

– Перестань! – крикнула я, и Грегор отвел взгляд.

– Тебе не надоело служить ему?

Я раздраженно закатила глаза. Ниотинский уже однажды задавал этот вопрос. Казалось, Грегор знал, что я чувствую. Не понимаю, как такое возможно, но он знал меня лучше, чем Повелитель.

– Мальчик у тебя? – снова спросил кардинал, жадно всматриваясь в мое лицо.

– Да, как и суждено.

Я чувствовала, как кожу начинает печь от взгляда синих глаз. Грегор протянул руку и коснулся зеркала. Я зашипела. Кардинал отдернул пальцы и сжал их в кулак, будто стараясь удержаться от попытки извлечь меня из отражения.

– Зачем пришла?

– Позлорадствовать, – искренне ответила я, победно улыбаясь. – Ты так миндальничал с Дэном, что потомок сам угодил ко мне в руки.

– Дэниэль чист, он не останется у вас надолго.

При всей долгой жизни, наивная упертость, с которой Грегор верил в свои идеалы, раздражала.

– Посмотрим, святоша. Кому, как не тебе, знать, что я имею опыт в искушении добра?

Я медленно обвела языком губы, глядя на кардинала. Ниотинский, казалось, забыл, как моргать. Глаза зажглись, словно два сапфира. Дыхание Грегора изменилось. Зная, кто я, зная, что я, он не отказался от чувств ко мне. Прах его возьми!

– Я найду вас. Хочу увидеть тебя без зеркал, Лилит!

Выражение глаз кардинала напоминало взгляд больной собаки, когда хозяин решает добить ее. Мне хотелось вырвать ему сердце, чтобы не мучился. За несколько веков, что мы не виделись, его лицо прорезали морщины, молодость постепенно оставляла Грегора, но он оставался все тем же Великим инквизитором, который с наслаждением жег и топил ведьм в Бамберге.

– Если мы встретимся лично, обещаю, ты умрешь, Грегор. Так что осторожней с желаниями.

Не прощаясь, я испарилась с зеркальной глади и вернулась в «Дахштайн». Почему-то в этот раз его слова задели и вызвали давно забытые воспоминания.

Помню, как сейчас: Бамберг, 1630 год. Служанки затягивали мне корсет из китового уса, делая тонкую талию еще тоньше. Люций готовился встречать важных гостей. Тогда я была дочерью бургомистра Бамберга и самой завидной партией в округе.

На улице поднялась какая-то суета. Я сделала шаг к окну. Подъехал экипаж, запряженный взмыленными лошадьми, из которого гордо выступил молодой высокий мужчина. Я столько знала о нем еще до того, как он вышел. Грегор был ошибкой природы и Божьим помазанником. На широких плечах лежала бордовая мантия. Мое нутро дрогнуло, но я не шелохнулась. Великий инквизитор.

Фер Люций, а вернее, – Люц Хёле, как звали его в Бамберге, – играя роль бургомистра и моего отца, встретил гостя, а затем пригласил в особняк. Что ж, теперь мой выход.

Я отметила то, как он смотрел на меня. Взгляд Великого инквизитора прошел две стадии, начиная с удивления и заканчивая вожделением. Казалось, взглядом он ласкает мою кожу – так красноречиво смотрел Ниотинский. Замечу, что, следуя строгим правилам, мне почти удалось за белилами скрыть природную красоту, уродуя лицо, иначе бы мою персону в скором времени обвинили в колдовстве.

– Эмилия, моя любимая дочь, – обнимая за плечи, представил меня Люций.

– Покорен вашей красотой, фройляйн Эмилия. Жаль, что встретились мы при весьма печальных обстоятельствах. Грегор Ниотинский к вашим услугам.

Высокий, поджарый, он держался с благочестивым достоинством. Светло-русые волосы собраны в аккуратный короткий хвост, но главное – глаза. Опущенные густыми ресницами. Синие, как безоблачное летнее небо. Их глубина таила то, что нравилось мне в этих святошах. Инквизиторы – те же убийцы, только прикрывающиеся словом Божьим.

– Очень приятно. Для нас честь принимать таких гостей, – я присела в реверансе. Всего пара предложений, но от моего бархатного голоса у мужчины щеки покрылись мурашками.

«Ох, инквизитор, какой ты аппетитный», – мысленно облизнулась я.

– Слуги отнесут ваши вещи в приготовленные покои, – обходительно продолжил Люций. – Прошу оказать честь и на время судебного процесса поселиться в нашей скромной обители.

Грегору польстило предложение бургомистра, и, снова встретившись со мной взглядом, он с достоинством кивнул Люцию.

– Буду рад воспользоваться вашим гостеприимством.

Я лишь хмыкнула. Два жестоких убийцы меряются манерами. Один, играя роль строгого и чопорного хозяина Бамберга, а второй – святоши, Писанием заслоняющего жаждущую крови душонку.

– Позвольте предложить вам отужинать с нами, – Фер Люций всем видом изображал восторг от встречи с Великим инквизитором.

Ниотинский согласился, не сводя с меня глаз. Я усилием воли вызвала на лице легкий румянец, как и подобает благовоспитанной человеческой девице. Хм, возможно, это будет слишком легко. За столом речь пошла о причине его приезда, ведь инквизитора пригласил сам Люций.

– Ваше преподобие, как вы знаете, Бамберг славится строгостью нравов. Я с прискорбием хочу сообщить, что в моем славном городе творятся ужасные вещи.

Инквизитор наконец обратил внимание на бургомистра. Грегор заинтересовался и весь подобрался, словно гончая, учуявшая зайца.

– Продолжайте, – с нетерпением попросил он.

Люций играл свою роль великолепно. Изображая волнение, он сделал жадный глоток вина, покраснел и даже хлюпнул носом. Я мысленно аплодировала.

– У нас и до этого случались странности, но то, что произошло с детьми на прошлой неделе, убедило меня позвать вас.

– Я получил ваше письмо и незамедлительно прибыл. Мне нужны подробности, а также имена предполагаемых ведьм и где их можно отыскать, – Грегор деловито достал записную книжку и приготовился слушать.

Уголок губ Люция дернулся в злорадной ухмылке, но никто, кроме меня, этого не заметил.

– У нашего пастора, Сэмюэла Вайза, дочь и племянница заболели. Доктор не знал, как им помочь. Девочки кричали, издавали странные звуки, прятались под мебелью, принимали необычные позы. Когда пастор пытался читать проповедь, они затыкали уши, чего отродясь не было. Спустя несколько дней такие же симптомы появились у других детей, которые играли с девочками. В начале февраля наш местный

доктор, Конрад Григгс, объявил, что все дети стали жертвами колдовства.

Пока Люций говорил, Грегор быстро делал записи грифелем в книжке. Глаза инквизитора лучились, а в уверенной позе сквозило нетерпение заняться тем, для чего он сюда прибыл.

– Да... Все признаки применения колдовства. Будем искать виновных.

– О, ее нашли очень быстро. В доме пастора служила рабыня по имени Магда. Дети донесли на нее, рассказав, что ранее она говорила им о колдовстве.

– Где она сейчас?

Говоря это, инквизитор не удержался и кинул на меня быстрый взгляд, а потом снова вернул внимание бургомистру.

– В темнице. Без вашего участия я не смог отдать женщину под суд.

– Мы вместе с пастором осмотрим ее тело на предмет дьявольских меток. Уверен, она в Бамберге не единственная. Их племя не живет поодиночке. Каждой ведьме необходим ковен.

Ведьмы. Нужно избавиться от них. Служительницы природы едут в Бамберг, потому что чувствуют зло и думают, что им по силам справиться с нами. Наивные дуры.

Инквизитор держался учтиво и поднялся в гостевые покои. Люций ловко достал свиток, взмахнул рукой, и на бумаге проступили чернильные слова – список неудобных Повелителю ведьм. Я взглянула мельком: «Тринадцать ведьм, хм... Символично». Последнее, кажется, произнесла вслух.

– Да, моя дорогая Лилит. Ты же знаешь, я обожаю символизм, – блеснул злорадной улыбкой мой Господин. Он протянул руку и цепко обхватил горячими пальцами мою шею.

– Повелитель? – сипло прошептала я, стараясь не дрожать от страха.

– Та маленькая ведьма, Клэр. Я видел, что ты к ней равнодушна. Она так похожа на твою сестру, – прорычал он, и его глаза зажглись желтым. – Не вздумай, слышишь, даже не пытайся предупредить ее о грядущем!

От злости к моим щекам прилила кровь, и я сбросила его руку.

– Вы ошиблись. Я демон, у меня нет привязанностей.

На лице Повелителя не было ни одной эмоции, глухая стена, но она страшнее любого выражения. Когда Фер Люций не разрешал видеть свои чувства, это означало, что я теряю его расположение. Квадратная тяжелая челюсть, скрытая бородой, лента собранных в хвост волос, которая спускалась на сюртук, ровный нос над полными губами и канаты мышц, прячущиеся под одеждой, которые никак не могли принадлежать мужчине в возрасте – так выглядело зло во плоти.

Люций недоверчиво цокнул и приказал:

– Грегор твой. Можешь начинать.

Я склонила голову, давая понять, что услышала, и вышла из обеденной залы.

Когда на город опустилась любимая мной тьма, а особняк погрузился в сон, иногда поскрипывая стенами от ветра, я вышла из зеркала в гостевых покоях и склонилась над изголовьем кровати. Грегор крепко спал на спине, подложив руки под голову. Во сне безмятежность сменила строгость на лице. Моего носа коснулся запах металла и ладана. Я невольно поежилась, однако все равно нежно провела пальцами по его плечу и была тут же схвачена за кисть. К моему горлу он приставил клинок, но медленно отвел, рассматривая нагое девичье тело.

Я взяла ладонь Грегора и положила себе на шею, потянувшись к нему, чтобы оседлать, но он нежно пробежал пальцами по коже и отдернул руку, отодвинувшись. Я снова попыталась погладить его, и снова Ниотинский сжал мою кисть, не позволив прикоснуться. Тогда мне не оставалось ничего другого, кроме как лечь рядом и ждать. Святоша, увидев, что попытки посягать на его тело закончились, повернулся на другой бок и мирно заснул.

Пришлось уйти через зеркало, чтобы вернуться в его сон на следующую ночь и снова получить отказ. На третью ночь Грегор дрогнул, сжав меня в крепких объятиях. То, что последовало дальше, стало для меня откровением. Никто никогда не ласкал мое тело так нежно, не прикасался с такой осторожностью. Вместо пыток и удушения, к которым я должна была его склонить, Грегор целовал меня так, что я отпустила вечный контроль. Всегда была главной во снах, но не с этим мужчиной. Я пыталась привести его к жестокости, правда, но каждый раз все заканчивалось жарким соитием. С Ниотинским я уже и не хотела по-другому: очарованная лаской,

позволила себе вольность. Повелитель считал, что все идет по плану, но, напротив, все катилось в бездну. В светлое время суток Грегор отлавливал ведьм, сажая их в темницу, а ночи... Ночи были только нашими.

На исходе седьмого дня инквизитор не заснул, нет. Он влез ко мне в спальню. Служанка удалилась, а я стояла напротив зеркала в сорочке, расчесывая волосы гребнем. В комнате горел камин, и блики пламени, сплетаясь, танцевали на стенах. Письменный стол с тетрадами и книгами по архитектуре, которой я никогда не интересовалась: все здесь должно было соответствовать увлечениям Эмилии, дочери бургомистра. Кровать под балдахинем манила прилечь, что я и намеревалась сделать. Успела сделать всего лишь шаг от зеркала, как в темном углу скрипнула деревянная половица. Судорожный вздох обжег висок. Я приготовилась к боли, думая, что Фер Люций пожаловал наказать меня, но нет. Это был Великий инквизитор собственной персоной.

– Эмилия, – выдохнул он, обнимая до боли.

Я ничего не объясняла, а он и не спрашивал. Темная сладкая ночь на двоих растаяла с рассветными тенями, когда Грегор прошептал:

– Я знаю, что ты такое! Ведьма! – и облил меня святой водой!

Меня. Святой. Водой.

Жалкий человечиска!

Я исторгла гортанный рык, отпуская на волю демоническое естество. Перед глазами расплывались красные круги, в ушах грохотало.

Ниотинский не знал, что святая вода обжигает демонов подобно кислоте. Моя безупречная кожа вмиг облезла вместе с мясом почти до кости на лице и руках. Я зарычала, являя себя настоящую.

В настоящем обличье мое тело было выше, кожа, словно панцирная броня, сверкала самой тьмой. Пальцы украшали длинные когти, а лицо... Лицо было моей гордостью. Человеческие черты там едва ли проскальзывали, а демонические были прекрасны: острые, как нож, скулы, маленький нос с широкими крыльями и полный клыков рот. Глаза черные, как глубокая ночь, светились красными зрачками.

О, Ниотинский испугался. Жаль, что всего на секунду.

– Ты демон, – утвердительно прохрипел он, доставая кинжал из сапога.

Его глаза настороженно следили за каждым моим движением, впрочем, как и мои.

«Я должна его убить! Сейчас же!» – пульсировало в мыслях, и я была согласна с внутренним голосом, но отчего-то медлила. Останавливало меня еще и то, что инквизитор тоже не спешил нападать. Во имя всего грешного! Я допустила ситуацию, из которой нам не выбраться. Убью Грегора сейчас – Повелитель разгневется, потому что тот ему еще нужен. Не убью – оставлю свидетеля своей ипостаси, и он будет пытаться прикончить меня.

– Да, сладкий, – успокаиваясь, ответила я низким голосом. Регенерация сделала свое дело. Раны затянулись, но еще болели.

Ниотинский застыл, рассматривая, как я меняю облик на привычный ему. Лицо Грегора словно зачленело в изумлении, он медленно моргал. Такое поведение у инквизитора я наблюдала впервые, и мне было любопытно, каким будет его следующий ход.

– Что же ты молчишь, Грегор? – спросила самым соблазнительным тоном и потянулась к нему. Ниотинский попятился, сжимая кинжал.

«Убей его! Убей!» – шептал здравый смысл. Мне хотелось почувствовать вкус его сердца, но я сжимала руки, до боли впиваясь ногтями в кожу ладоней, и медлила. Медлила, глядя, как его русые волосы касаются плеч, как гневно сжаты губы и напряжены челюсти, которые вчера я осыпала поцелуями. Грудь Грегора часто вздымалась и опадала, и вчера я гладила ее, выписывая круги, пока он не заснул.

– Я... Мне нужно подумать, – ответил инквизитор, отступая. Шаг, два, и был таков.

Я села на постель и задумалась. Проблема. Повелитель спустит шкуру, если узнает, что Ниотинский видел мое истинное обличье. Значит, узнать он не должен. Грегор не смог ударить сразу, скорее всего, уже не убьет. Но оставлять его в живых нельзя. С одной стороны, Грегор понял, что я такое. А с другой – Повелителю требовался инквизитор для борьбы с ведьмами. Служительницы природы сильны перед Дьяволом, но и Бог их почему-то не любит.

Мой смех звонко прокатился по комнате. Бедняги. Ни то и ни се. К злу не примкнут и Богу не нужны.

Первая показательная казнь состоялась через неделю. Долгую неделю, в течение которой я предпринимала попытки убить

инквизитора. Дважды я являлась в комнату Грегора через зеркало с намерением убить его во сне, но каждый раз нелепый ступор напал на меня, едва я его видела. На третий раз я просто решила войти и сделать это. На третью ночь от момента, когда Ниотинский увидел меня в истинной ипостаси, приоткрыла дверь его комнат и проскользнула внутрь тихо, словно кошка. Он спал, ресницы едва заметно подрагивали. Я поймала себя на мысли, что лицо Грегора – самое прекрасное, на что мне доводилось смотреть за последние несколько веков.

«Убей! Вырви его сердце, и дело с концом!»

Я протянула руку, мои пальцы венчали черные когти, и почти дотронулась до упругих мышц голой груди инквизитора. Грегор молниеносно для человека схватил меня за кисть, удерживая. Он не издал ни звука, только смотрел прямо в глаза, будто понимал без слов. Я надавила, и хоть Ниотинский и прилагал усилия, но когти уже коснулись кожи. Судорожно выдохнув, не отрывая от меня сапфировых глаз, Грегор отпустил мою руку. Я опешила и впервые в жизни растерялась. Зачем он сдался? Чтобы что? Чтобы я его убила? Так просто? Почему?

Я сглотнула и почувствовала, как чернильные когти втянулись в пальцы. Грегор смотрел и смотрел, будто единственное в жизни, что ему хотелось – это глядеть на меня с нежностью. Судорожно выдохнув, я выбежала из его комнаты. Последние четыре дня сторонилась общества Ниотинского, дожидаясь казни ведьм.

На первую смерть мы обрекли простую швею Бамберга. Ведьмовских сил ноль. Но ее смерть должна была стать назиданием, последним предупреждением для колдуний. На самом деле обвинить кого-то в колдовстве было так же легко, как и дышать. Главной виной оказывался союз с Дьяволом. Главным доказательством были рассказы жертв и очевидцев. Стоило появиться не в то время, не в том месте, чтобы тебя назвали колдуньей. Фактически достаточно просто поругаться с соседями, носить отличающуюся одежду или вести отличный от общепринятого образ жизни. Ведьмы всегда выделялись необычной внешностью: белая, словно жемчуг, кожа, волосы, сотканые из тьмы, и такие же непроглядно-черные глаза. Или что было еще чаще: огненно-рыжие локоны и зеленые глаза, как у той, что

показалась в кандалах. Бригитта Шварц с типичной ведьминской красотой считалась одной из самых сильных служительниц природы.

Казни, как и все городские собрания, проводили в костеле либо перед ним. Естественно, перед ним чаще, так как святое место довольно сильно жгло меня, но не Господина. Помост, рядом вековой дуб, позади здание церкви – вот и все место для действия.

Грегор хмурил лоб и машинально перебирал пальцами розарий^[19]. По пылающему взгляду, который он бросил на меня, поняла, что разговора не избежать. Мне следовало его убить, но после последней попытки я сомневалась, что смогу, и оттягивала этот момент. Кусала губы, ощущая тяжесть в теле и чувство, похожее на головную боль. Никогда не думала, что демоны склонны к болям смертных. Желая отвлечься от этих мыслей, я перевела взгляд на место казни.

Фер Люций, передав слово Ниотинскому, стоял возле деревянного помоста и сочился удовольствием, словно труп гнилью. Находясь по правую руку, я видела это в блеске его глаз и лукавой улыбке, которые время от времени проскальзывали на лице, когда Повелитель был уверен, что никто не видит. Он с предвкушением закусывал нижнюю губу, словно пробуя на вкус эмоции, разлившиеся в толпе и осевшие на его устах. Свои чувства Фер Люций скрыл за маской набожного губернатора, когда Бригитту повели на помост. Жители толпились возле него, норовя приблизиться вплотную. Городок наш был невелик, и каждый знал друг друга по именам. Мы с Господином славно обосновались в нем уже как год, пока не появились ведьмы.

Ведьма Шварц рыдала и вырывалась, но, увидев нас с Повелителем, неожиданно успокоилась.

– Покажите еще раз свидетельство ведьмовства! – громыхнул Грегор помощникам.

Девиде задрала платье, продемонстрировав всем собравшимся «дьявольскую метку» в виде полумесяца под коленом. На самом деле так ведьм отмечала природа, а не Фер Люций. Моя метка была клеймом, а не родинкой, и находилась в сокрытом от чужих глаз месте.

– Виновна в колдовстве и общении с Дьяволом! Засим я, представляя священную церковь и инквизицию, оглашаю волю: предать тело огню, дабы очистить душу ее от скверны, – голос

Ниотинского звенел в тишине, как стрела, выпущенная из арбалета: тихо и неминуемо смертельно.

Бригитта знала, кто мы, но не сказала ни слова, понимая, что тогда всем ее сестрам конец.

Я опустила ресницы, рассматривая подол платья, а когда подняла взгляд – к ногам ведьмы уже сложили хворост и поднесли зажженный факел. Минута, и тишину разрезал крик боли. Огонь от брошенного в хворост факела сразу же начал жадно лизать голые ступни девушки.

Сама виновата. Люций предлагал работать на него, а девка отказалась, как и другие ведьмы. Я наслаждалась представлением не меньше Повелителя. Впитывала каждый стон и крик горячей ведьмы.

Грегор

Лилит упорхнула с зеркала заднего вида, но Грегор еще несколько минут ждал, надеясь, что она не покинула его. Судорожно выдохнув, кардинал позвал хранителя обратно в машину и молча уставился в лобовое стекло.

«Тогда в Бамберге мы не убили друг друга. Не смогли. Неужели она стала еще более жестокой?»

Грегор мысленно вернулся в тот день, когда начал охоту на ту, что была ему всех дороже. В те времена Ниотинский был уверен, что ведьмы – пособники Дьявола. Вся католическая вера строилась на этом знании. Хотя за колдовство принимали и ересь. Как оказалось потом, еретики всего лишь выражали мнение, отличное от официальной позиции церкви.

Бамберг 1630 год

– Ведьмы больше не принесут вреда вашему славному городу. Я найду всех, – Грегор обернулся на бургомистра.

Лицо городского управляющего показалось Грегору странным. Кто-то на площади кричал: «Сдохни, ведьма», – кто-то испуганно отворачивался. Его же лицо не выражало ровным счетом ничего. Только в глазах плясали блики костра. На Эмилию Грегор старался не смотреть, хотя это было довольно трудно, он, словно посаженный на цепь пес, чувствовал ее присутствие, куда бы она не пошла.

«Как она могла оказаться демоном?» – он спрашивал себя постоянно и не мог забыть о дочери бургомистра. Церковь хранила

довольно мало свитков о демонах и их силе. Эмилия приходила к нему во снах, но были ли то сны, или же он околдован? Вопросы, вопросы и ни одного ответа. Грегор не знал, как ее убить. Святая вода не нанесла серьезного вреда, и крест на шее не стал помехой для того, что они творили вдвоем. Связью с Эмилией Ниотинский запятнал свою веру до конца жизни.

Оставался открытым самый важный вопрос: знал ли бургомистр, кем была его дочь, а быть может, и сам являлся порождением бездны? Естество Грегора требовало уничтожить обоих, но он не ведал, как это сделать. Ответы Ниотинский мог получить в тайной библиотеке Ватикана, но, если он вернется, эти двое исчезнут, и ловить их по всей Европе будет непросто.

От размышлений его отвлек пронзительный взгляд Эмилии, который она бросила на вопящую ведьму. Грегор непроизвольно положил руку на эфес меча, лишь убеждаясь в необходимости убить ее. Самая желанная девушка в жизни Ниотинского наслаждалась криками ведьмы, на несколько секунд отбросив маску благочестивой горожанки.

Отужинав в доме бургомистра, инквизитор удалился в гостевые комнаты, ставшие временным убежищем. Когда особняк успокоился и его накрыла тишина, нарушаемая лишь похрапыванием хозяев и слуг, Грегор, неслышно ступая, прошел к комнате Эмилии и замер в дверях. Его правая рука, сжимавшая массивный крест на шее, разжалась и легла на латунную ручку, а левая, слегка дрожа, держала меч.

«Давай! Чего ты медлишь?» – мысленно поторопил себя инквизитор.

Он уперся лбом в стену рядом с дверью и начал читать «Отче наш», чтобы не сбиться с намеченного пути. Затем Ниотинский тихо отворил дверь и шагнул в спальню дочери бургомистра. Эмилия спала, повернувшись лицом к камину. Рыжие локоны разметались по подушке, будто бледные языки пламени. Длинные ресницы отбрасывали тени на белую кожу. Она хмурилась, словно даже во сне была чем-то встревожена. Грегор вдохнул аромат, витавший в комнате: жженный сахар, перец и горькая ваниль. Застыл, повторяя про себя: «Лик Дьявола может предстать в самой совершенной красоте. Проведи мечом по горлу, а потом отдели голову от плеч. Твой долг – бороться со злом».

Эмилия тем временем подложила ладонь под голову и тихо вздохнула, все так же хмуря идеальный лоб.

– Грегор, – прошептала она во сне.

Услышав свое имя, слетевшее с губ девушки, Ниотинский почувствовал, что внутри него рухнула плотина из запретов и слепого служения Церкви. Уверенность в том, что он поступает правильно, улетучилась, словно ее пожрал огонь в камине. Грегор опустил руку с занесенным мечом.

Он осторожно попятился к двери и, оказавшись по другую сторону, вытер потный лоб, а после тихо вернулся в свою комнату. Инквизитор понимал, что перешел границы дозволенного, как только ответил на первый поцелуй Эмилии. Помнил он и Святое писание, которое гласило: «А Я говорю вам: даже тот, кто взглянул на женщину с похотью, согрешил, нарушив мысленно верность Богу»^[20].

Наутро Грегор решил немедленно созвать суд над девушками, подозреваемыми в колдовстве. И не где-нибудь, а в только что построенном костеле.

– Ваше Преосвященство? – выглянул из своих комнат бургомистр, потирая сонные глаза.

– Прошу вас вместе с дочерью прийти на суд в церковь. Через два часа.

Грегор, бросив это, развернулся на каблуках и отправился прямо туда. Пока он шел по размытой дождем улице, прохожие, видя багряную мантию на плечах, провожали его напуганными взглядами. Дамы в белых чепцах спешно приседали в реверансе, избегая смотреть Ниотинскому в глаза, а мужчины почтительно касались полей шляп в знак приветствия. Улицы Бамберга дышали выпечкой, свежим бельем и дорожной грязью. Грегору Европа была милее всего. Даже такая, увязшая в похоти, еретиках и ведьмах, словно старая карета в грязевой яме, – все же она казалась ему лучше, чем странные новые города на краю мира, которые, кажется, строили в Новом Свете.

Костел встретил высокими стенами с имитацией колонн и удлиненными стрелчатыми окнами огромных размеров. Стекла были обрамлены массивными рамами и украшены витражами. Здание построили недавно, и Грегор, ступив внутрь, еще слышал запах свежей древесины от скамей, потолочных балок и алтаря. Пятнадцать девушек сидели в огражденной от прихожан клетке, настороженно шепчась

между собой. Инквизитору следовало для начала проверить каждую на принадлежность к ведьмовскому роду. У святой Церкви существовала целая система экспертиз.

Когда костел забился горожанами, Ниотинский встал возле алтаря. В этот момент через распахнутые двери вошла Эмилия с отцом. Грегор снова ничего не смог прочесть по лицу Люца Хёле, а вот его дочь вела себя так, как и рассчитывал инквизитор. Девушка слишком крепко сжимала локоть отца, сминая в складки ткань костюма, ее губы сжались в нитку. Она шла, неестественно сильно выпрямившись, ступала, словно через толщу воды.

Грегор не позволил себе лишнего, только его мышцы напряглись, как будто он готовился драться.

Эмилия опустилась на скамью в первом ряду, бургомистр встал рядом. Грегор хмурился, чувствуя себя частью большой постановки. «Если Эмилия – нечисть, она должна поддерживать свою братию?» Инквизиция довольно мало знала о сверхъестественном. Ниотинскому казалось, что его знания о ведьмах и демонах – всего лишь маленький камень, отколовшийся от целой горы.

– Да начнется суд!

Первую девушку вывели из клетки и поставили возле алтаря. В зал втащили припадочного мужчину, и обвиняемую заставили дотронуться до него. Как только рука девушки коснулась лба проклятого, который заходился в судорогах, тот резко обмяк, повиснув на служителях Церкви.

– Ведьма! – Грегор вынес приговор, не обращая внимания на слезы и крики родных обвиняемой.

Осужденная, гордо выпрямившись, плюнула в инквизиторов, за что получила звонкую пощечину и затихла, зло смотря из-под спутанных, черных, как уголь, волос.

Следующую обнажили, сдернув грязное платье с плеч в поисках дьявольской печати или ведьминского соска. Если проткнуть темное, красное родимое пятно или бородавку, то у честного божьего человека не должна пойти кровь. Найдя такую отметину, служители сделали прокол, из которого тут же выступили ярко-рубиновые капли.

– Ведьма! – хрипло произнес Грегор, чувствуя на себе взгляд Эмилии.

Пожилую рабыню Магду, которая была весьма тучной женщиной, выволокли на улицу перед костелом, где уже ждал огромный чан с водой. Связав правую руку с левой ногой и левую руку с правой ногой за спиной, они бросили служанку в него. Магда упала в воду, дергаясь всем телом. Грегор кивнул, и служители наглухо закрыли чан деревянной крышкой, а спустя три минуты сняли. Церковь в лице инквизитора считала, что вода священна и не сможет принять ведьму. Засучив рукава, они подхватили тело служанки и выволокли, бросив на землю.

– Если она чиста перед Богом, то он забрал ее к себе, – в тишине голос Грегора напоминал камнепад в горах: негромкий, нарастающий к концу речи.

Магда закашлялась, изо рта и носа хлынула вода. Лежащая ведьма в темной одежде сливалась с мокрой землей, в которую вскоре и отправится. Горожане за спиной Ниотинского ахнули, зашептались и попятились в страхе, а виновную в колдовстве повели на помост рядом с костелом.

Ведьма горела, ее тело клеймили языки пламени. Закрыв глаза, она громко читала непонятные заклинания на латыни, не морщась от боли. Грегор на секунду усомнился, что огонь обжигает, но, сделав шаг к нему, ощутил жар. Он испытывал мрачное удовольствие от правосудия, которое творил. Затянутое грязными тучами небо разразилось дождем. Вода сначала несмело застучала по крыше костела, а после пеленой напозла на разведенный костер. Пока умирала пособница Дьявола, инквизитор распорядился повесить осужденных ранее на толстых ветках дуба перед церковью. Платья ведьм развевал ветер, задирали мокрые юбки, словно указывал на их порочность и распутство. Тела женщин покачивались взад-вперед, как маятники.

Ниотинский обвел взглядом собравшихся на площади. Решив, что на сегодня достаточно, он кивнул бургомистру.

– Расходитесь! Суд продолжит работу завтра на рассвете.

Грегор спустился с помоста и направился в костел. На днях должен прибыть гонец из Ватикана с новым назначением, поэтому Ниотинскому необходимо отчитаться в очищении Бамберга и отбыть, как думал он, в Испанию. Слухи о скоплениях дьявольских отродий в тех землях доползли до него, и Ниотинскому хотелось поскорее

пуститься в обратный путь. Лишь одно окрашивало планы в мрачно-кровавый, как его мантия, цвет – Эмилия.

«Убить, – билось в мыслях инквизитора. – Но как?»

– Ваше Преосвященство, – младший служитель протиснулся в узкие двери костела. – Прибыл гонец.

– Так быстро? Пригласи.

Когда из прохода потянуло жженой карамелью, Грегор понял, что за спиной отнюдь не гонец. Это была она.

– Ваше Преосвященство, – девушка присела, избегая встречаться взглядом. – Я пришла помолиться. Не знала, что вы здесь.

Ее целомудренный бледный вид и отстраненность заставили Грегора усомниться в том, что у них вообще что-то было.

– Вы мне не мешаете. Прошу.

У Эмилии дернулась рука в тонкой перчатке и сжалась в кулак. По лицу, словно рябь на воде, пробежали судороги. Ниотинский хмурился, гадая, зачем она зашла в костел, если еле терпит его воздействие на свою суть. Грегор ощутил несвойственное ему смущение.

Эмилия, склонив голову, сложила руки в молитвенном жесте, устроившись в первом ряду, ближе к алтарю. Инквизитор застыл, бездумно рассматривая ее фигуру. Мысли о гонце и послании от Папы, о планах на убийство разом улетучились. Грегор оттянул воротник, будто бы тот начал мешать дышать, и громко сглотнул. Дочь бургомистра повернулась на звук, в янтарных глазах плясало адское пламя, а по ее губам скользнула довольная улыбка, от которой Ниотинского прошибло озарением.

Не прощаясь, он быстро вышел из костела, пересек две улицы, направляясь к судебному дому, в подвале которого дожидались своей участи обвиняемые в колдовстве. Крадучись, Грегор обогнул здание и приблизился к решеткам, которые едва ли выступали из-под земли. Инквизитор присел, пытаясь услышать хоть что-то. До него доносились обрывки слов, и только. Подняв голову, Грегор нашел второй вход в судебный дом. Он прокрался внутрь, спустившись по скользкой от влаги лестнице, и замер от звука знакомого голоса.

– Изабу Хокс, ты же понимаешь, какая судьба постигнет твою дочь? – бургомистр говорил спокойно, даже расслаблено, но что-то в его тоне вызвало у Ниотинского озноб.

– Никогда, слышишь, никогда ведьмы Бамберга не будут служить тебе. Vade retro, Satana!^[21] – прошипела женщина.

«Сатана? Она назвала его Дьяволом?»

Грегор осторожно выглянул из проема. Люц Хёле стоял вплотную к кованой решетке, засунув руки в карманы штанов и наклонив голову к плечу.

– Никогда не понимал ваш род. Зачем вы на земле? Есть я, есть Он. Вы же – просто бельмо.

Ведьма искренне засмеялась, откинув голову так, что ее волосы коснулись пола темницы.

– Ты так и не понял? Мы и есть земля. Религия сменит свое название и распадется на множество осколков, как зеркало, ты и подобные тебе здесь ограничены непреложными правилами. А магия... Магия будет всегда.

Бургомистр поднял руку, рассматривая свою кисть перед ведьмой.

– Ты не посмеешь, – попяtilась женщина. – Последствия закроют проход.

– Последний раз предлагаю служить мне, Изабу. Твой ответ?

Ниотинский высунулся наполовину из прохода, не в силах уйти. Машинально он сжимал эфес меча и пытался не дышать слишком шумно.

– Нет.

Бургомистр свел пальцы и щелкнул ими. Раздался еле слышный звук, и ведьма по ту сторону железных прутьев рассыпалась прахом, словно никогда и не существовала.

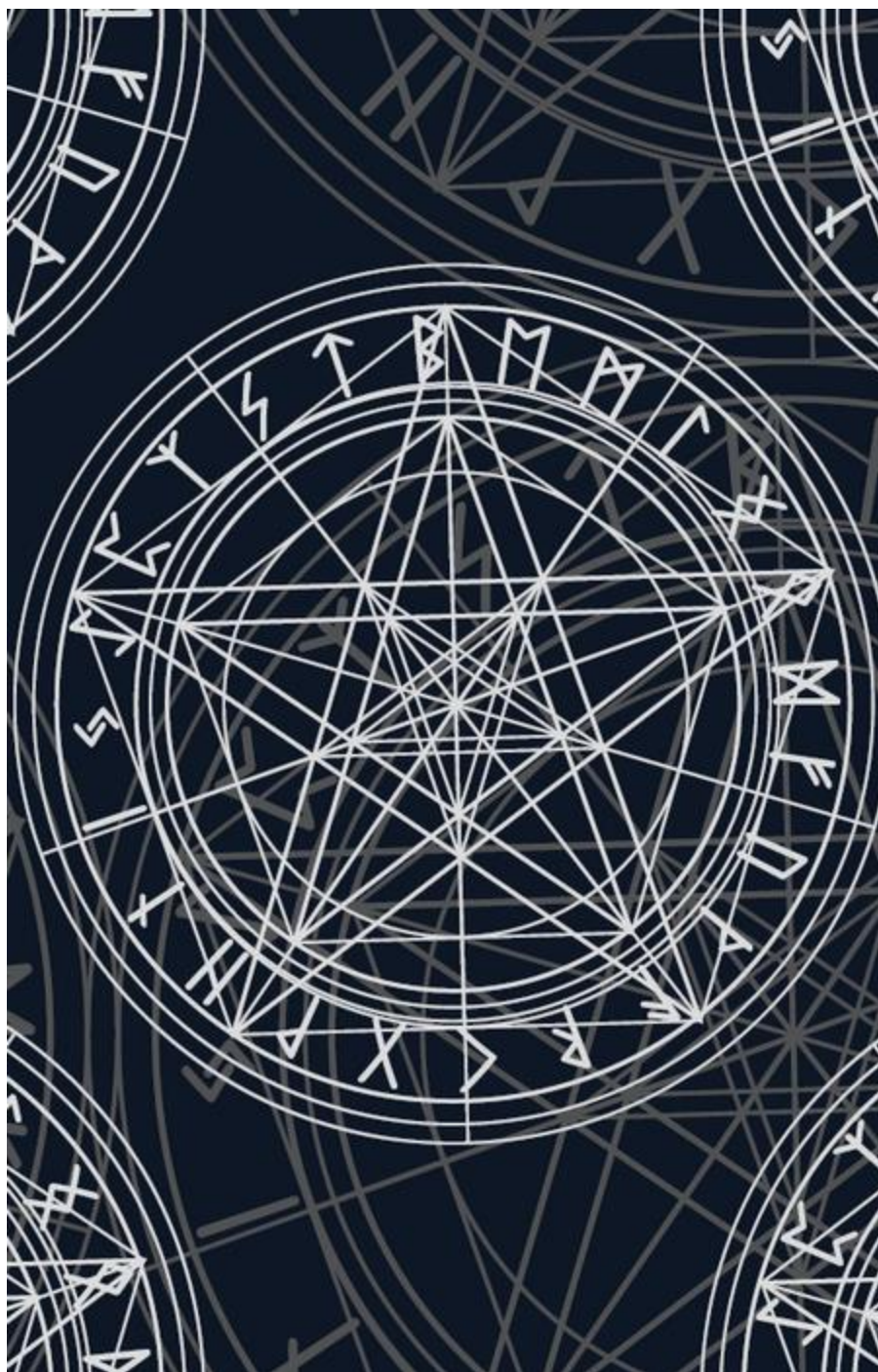
Ниотинский всего на секунду замер, раскрыв рот, а после неслышно сделал шаг назад, приготовившись к тому, что сейчас Люц Хёле выйдет и увидит его, стоящего за углом. Грегору казалось, что шум истошно стучащего сердца слышен даже на центральной площади Бамберга. Но глава города, весело насвистывая, двинулся дальше по проходу к другим заключенным.

Глава 10

Nec Deus intersit.

Пусть Бог не вмешивается.

Дэн

Полет я не запомнил, полностью погрузившись в мысли. В иллюминатор не смотрел, бортовой телевизор выключил и прикрыл журналом, потому что видел в каждом отражающем предмете проклятую рыжую. Самолет попал в зону турбулентности и затрясся

всем своим металлическим телом. В эти минуты мне эгоистично хотелось, чтобы он упал, разбился над Альпами, прекратив мои муки.

Австрия встретила снегом и сбивающим с ног ветром. Я сильнее запахнул пальто и поднял воротник, вжимая голову в плечи в попытке укрыться от холода. Внутренности застыли противным желе, заставляя непроизвольно морщиться. Зальцбургский аэропорт приветливо источал тепло у меня за спиной, будто говоря, что еще не поздно вернуться в Прагу.

Поздно. Для Дэниэля Чейза все кончено. Я привычно потянулся к уху, чтобы погладить серьгу, но, вспомнив о потере, тут же отдернул руку. Ба переоценила мою стойкость. Проклятие предка что-то переключило во мне и уже испортило жизнь, а Элишкину и вовсе забрало.

У меня не было конкретной цели, я подошел к первому такси, приветливо мигавшему знаком на крыше.

– Добрый день. Пожалуйста, отвезите меня к любому приличному отелю, – попросил я, садясь в авто.

Белый кожаный салон БМВ контрастировал с черным кузовом машины. Внутри пахло сандалом, но приятный аромат перебивал другой, неожиданный – сера.

– Добро пожаловать. С удовольствием. Я – Фер Люций, – на безупречном английском ответил водитель, повернувшись ко мне.

То, как он представился глубоким грудным голосом, заставило обратить внимание. Я равнодушно подметил, что моложавый мужчина походил на монарха: осанка, наклон головы выдавали в нем аристократическую породу. Серые волосы были зачесаны назад и собраны в хвост, лицо с острыми скулами гладко выбрито. У него была гетерохромия – один глаз голубой, как у северного хаски, а второй – бордовый, словно перезревшая вишня. И довольно странное имя. Я потрянул головой. После случившегося в ботеле я видел намеки на потустороннее буквально в каждом встречном.

Фер Люций завел мотор, и машина понеслась по дороге.

– Почему вы не выбрали отель заранее? В этих краях есть интересные заведения, обросшие легендами, – охотно заговорил водитель.

Странно, когда его слова звучали, вокруг будто становилось жарче. Я даже немного опустил стекло, давая морозному воздуху

заползти в салон.

– Я прилетел в отпуск спонтанно. Еще вчера ничего не планировал, а потом на меня снизошло озарение – хочу в Альпы, кататься на лыжах, сидеть на австрийском балконе с чашкой горячего глинтвейна и кутаться в клетчатый плед, – вдохновенно врал я, незаметно вытирая вспотевшие ладони о джинсы.

Мой голос сорвался и скакнул в более высокий тембр. Я откашлялся, обхватил липкими пальцами правой руки запястье левой и сжал до боли, чтобы она помогла мне сосредоточиться и не нырять в воспоминания.

– Обязан вас предостеречь: если вы новичок в лыжном спорте, обязательно возьмите инструктора, – мрачным голосом предупредил мужчина. – Все чаще стали пропадать самонадеянные туристы, которые думают, что им по силам черные трассы.

Я неопределенно пожал плечами, потому что и сам был туристом, которому не терпелось пропасть, чтобы придумать, как жить дальше. Такси двигалось по серой дороге, змеей обвивавшей пушистые от снега горы. Ели, словно стыдливые девицы на первом свидании, прятали нижние ветви в сугробы. Я любовался видом Альп, вдыхал свежий воздух из полуоткрытого окна. Мне не хотелось разговаривать, но странный водитель все равно втянул меня в беседу.

– Сэр, хотите, немного расскажу об отеле, в который мы направляемся?

Я закатил глаза в раздражении.

– Сэр? – позвал таксист.

Я вздохнул и встретился с ним взглядом в зеркале заднего вида. Откуда-то нахлынула злость, и на секунду представил, как мои пальцы сжимают шею мужчины, прикрытую шелковым платком. Кто вообще носит зимой в горах такое украшение? И неужели он не видит, что пассажир не настроен болтать?

– И что там примечательного? – недовольно выдавил я.

– О, отель «Дахштайн» – один из старейших в Австрии. Построен на засыпанных шахтах, которые считаются одними из первых в мире, где начали добывать соль, – вдохновенно вещал мужчина с разными глазами.

Я раздраженно пожал плечами. Неинтересно, подумаешь, шахты. Знал бы он об оставленной мной задушенной девушке в Праге. Когда я

сел в такси, стало немного легче, и мысли об Элишке не раздирали изнутри и не приносили той острой боли, которая терзала меня до этого. Я снова сжал руки, до боли вдавливая ногти в кожу. Глянул в зеркало и снова встретился с внимательным взглядом водителя.

Фер Люций посматривал на заднее сиденье, иногда зловеще ухмыляясь. Я непроизвольно передернул плечами: мало ли какие странности бывают у людей с такими именами?

– Город, в который мы въезжаем, называется Рамзау-ам-Дахштайн. Построен на склонах ледника и довольно популярен среди лыжников.

– Большой? – поинтересовался я, не желая останавливаться в людном месте.

– Нет, что вы. Население всего около трех тысяч человек. Да и городом его можно назвать с натяжкой. Рамзау – община. Не волнуйтесь, отель «Дахштайн», куда мы направляемся, исключительно гостеприимный. Уверяю, вас ждет незабываемый отдых!

Добрались. Дом, резко восставший из-за поворота, на первый взгляд был совершенно идентичный другим альпийским отелям, затерянным в горах. Мне вспомнился особняк Фауста, и я поморщился, ощутив легкое сожаление оттого, что не смогу в него вернуться.

– Вас встретят, – поторопил меня водитель, нетерпеливо стуча пальцами по рулю.

– Сколько я вам должен?

– Об этом не беспокойтесь. Отель входит в специальную программу. Для прибывающих посетителей трансфер бесплатно.

Я поблагодарил его и открыл дверь такси. Подхватив рюкзак и щурясь от снега, залетевшего в нутро машины, вылез. Фер Люций бесшумно уехал.

«Дахштайн», – прочитал я название, выбитое на металлической табличке трехэтажного здания. Не успел сделать и несколько шагов по расчищенной от снега дорожке, как двери услужливо распахнулись, и я поспешил войти. Внутри стояла такая же одуряющая духота, как и в салоне такси, когда водитель разговаривал со мной. Может, это местная фишка – топить, словно в аду?

Современные люстры, похожие на паучьи коконы, освещали мягкие ковры и антикварную мебель огромного вестибюля, который

едва ли вязался с внешним обликом отеля. Напротив стойки, возле входных дверей висело зеркало в отреставрированной старинной оправе. Просто зеркало. Кажется, рыжая перестала меня преследовать. Чуть дальше находились широкие двери. В метрах десяти от ресепшена блестели металлом створки лифта, а за ними – лестница из дерева. Тихо. Только винтажные часы дробью отсчитывали секунды. К стойке регистрации вышел администратор, приветливо сияя неестественно белыми зубами. В его облике чудилось странное несоответствие, словно что-то крылось за ширмой.

Я приблизился к стойке, а он склонил голову, обозначив уважительный поклон.

– Отель «Дахштайн» рад приветствовать гостя в своих стенах.

Я хотел удивиться, но вспомнил таксиста. Скорее всего, он только что позвонил на ресепшен, пока я шел сюда, и предупредил обо мне. Возможно, даже имел процент с привлечения новых постояльцев. Вытерев пот со лба, я посмотрел на мужчину за стойкой.

– Здравствуйте. Могу я снять номер?

Администратор пристально осмотрел меня, словно оценивал, и, закончив на кроссовках, соизволил ответить.

– Можете. Мистер?

– Мистер Чейз.

– Мистер Чейз, вам необходимо подождать управляющую: гостей Фера Люция оформляет она.

Это еще больше укрепило мое предположение, что странный таксист работает на отель. Я лишь пожал плечами. Какая разница? Мне некуда спешить, могу и подождать.

– Хорошо.

– Прошу вас, пройдите в гостиную, – администратор указал на широкие дубовые двери. – Я позову вас. Если что-то понадобится, можете обращаться. Вильгельм Рот к вашим услугам, мистер Чейз.

Он снова склонил голову, и я повернулся в направлении его руки: увидел приоткрытые двери, ведущие в предполагаемую гостиную.

Толкнул створку и замер на мгновение. Гостиная. Черт, она была шикарна! В духе горнолыжных швейцарских шале, виденных мной в фильмах. Потолок поддерживали, хотя, скорее, просто украшали широкие деревянные балки, отдавая дань австрийско-баварскому стилю. Они причудливо сплетались и создавали ощущение, что над

тобой дно старинного корабля. Окна на одной из сторон служили и стенами, разграниченными лишь аккуратной кирпичной кладкой камина. За ними была деревянная терраса, открывающая вид на снежные пики Альп.

В зале обнаружилась пара кожаных зон из кресел и диванов, их соседями были массивные столы из черного дерева. На полу светлыми пятнами выделялись волчьи шкуры. Не успел я присесть, как услышал голоса в холле и быстрый перестук каблуков, приближающийся к гостиной. Дверь мягко открылась, и я увидел ее. Управляющую.

Не может быть! Не может!

Я попятился, зацепился за ножку стола и упал, размахивая руками, как голубь крыльями в брачный период. Я совсем спятил, но она была точной копией рыжей из сна.

– Какой вы неуклюжий, – пожурила девушка, остановившись в дверном проходе. – Не ушиблись?

– Нет. Добрый день, – растерянно поздоровался я.

Не знаю, чего я ожидал: то ли зловещего смеха, как на складе, то ли ее наготы, как в моих снах.

– Лилиана. Меня зовут Лилиана, – лучезарно улыбнулась она. – Хотите номер?

– Хочу, – быстро ответил я.

– На какой срок?

– Эм-м, да. На неделю, возможно.

Рыжеволосая кивнула и поманила меня за собой.

Цокот острых каблуков эхом отдавался в ушах, а может, это стучало в такт мое сердце. Как такое возможно? Это она – проклятье из моих снов? Я жадно разглядывал ее, сравнивая с той, из зеркала. Выразительные янтарные глаза и бледная кожа. Точеные скулы, аккуратный маленький нос и упрямый подбородок, а губы... Губы выглядели порочно и слишком желанно: красиво очерченные, немного пухлые и подкрашенные блеском. Рыжие волнистые волосы, собранные в строгий пучок. На ней была, очевидно, форма отеля, состоявшая из черного жакета-кителя, наподобие военного доломана^[22], наглухо застегнутого и скрывающего шею. На золотистом жакете нашиты шесть рядов двойных поперечных шнуров и ряды выпуклых пуговиц. Длинные ноги были скрыты под ровными

угольными брюками и подчеркнуты классическими лодочками на тонкой шпильке.

На администраторе, который представился Вильгельмом, – идентичная форма, но я не заметил этого сразу. Лилиана тем временем зашла за стойку и открыла огромную книгу в черном переплете.

В такие совпадения я больше не мог верить, но все равно искал различия в реальной девушке и той, которую видел в зеркалах. Вроде не она. Не могла быть она. Не могла.

– Вот книга регистрации. Поставьте, пожалуйста, здесь свою подпись.

Я удивленно поднял брови. Книги регистрации уже давно не ведут. Лилиана, конечно же, заметила и ответила так, словно прочла мои мысли:

– Я знаю, что так уже не делают, но мне нравятся старые традиции, – девушка положила ключи возле книги, поглядывая на меня из-под ресниц.

Холодный, ничего не выражающий взгляд портил ее внешность. Сейчас она очень походила на нагую девушку из снов. Я почувствовал озноб и неуверенность в том, что хочу остаться в отеле «Дахштайн». Помешкав, все же достал документы из кармана, но не отдал их, держа в руке.

– Могли бы вы зарегистрировать меня под другим именем? – спросил я, приказав себе не краснеть.

Управляющая ничуть не удивилась, только понимающе кивнула. Я протянул ей паспорт и водительское удостоверение.

– Конечно. Как вас записать?

– Д. Фауст, пожалуйста.

Уголок ее губ дернулся, но имя Лилиана вписала, как я и просил.

Я обернулся, снова рассматривая интерьер просторного вестибюля. Заметил старую картину, что висела в массивной золотой раме над креслом в дальнем углу. На ней был изображен мужчина с глазами разного цвета.

– Мисс, чей это портрет? – взволнованно спросил я и подошел к картине, чувствуя, что схожу с ума.

– Мой предок, который основал этот отель много лет назад, – легко ответила Лилиана, пробегая пальцами по клавиатуре компьютера и даже не подняв голову.

Я замер перед портретом, пытаюсь найти связь между таксистом, который доставил меня сюда, и основателем отеля. Может, просто похожи? Да, снова совпадение? Нет!

– Мистер Чейз, – позвала меня девушка. – Вы не расписались!

Оторвавшись от портрета таксиста, потер ноющие виски и вернулся к стойке регистрации.

– Где поставить подпись? – спросил я, роюсь в рюкзаке в поисках ручки.

– Здесь! – палец с длинным заостренным ногтем указал на нужную строку. – Возьмите мою.

Я взял перьевую ручку. Подметил, что она выполнена из дерева. Пока аккуратно выводил подпись, палец что-то укололо. Капля моей крови упала на плотные желтоватые листы книги регистрации. Меня посетило чувство дежавю, ведь я точно так же поранился, когда подписывал документы на Дом Фауста. Рука сама собой дернулась, мои пальцы размазали подпись и кровь, а я отступил на шаг, внезапно захотев сбежать отсюда.

– Извините, – виновато пробормотал я, вертя ручку.

Я делал вид, что пытаюсь рассмотреть, обо что мог пораниться, а на самом деле думал, как быстро смогу преодолеть холл и коридор, чтобы выбраться из этого места.

– Ничего страшного, – весело проворковала Лилиана, чему-то радуясь, и быстро захлопнула книгу перед моим носом.

Я встретился с ее взглядом и зачарованно замер. Голову обволокло туман, и желание бежать ушло.

На стойку рядом с ключами легла именная карта.

– Мистер Рот любезно проводит вас.

Администратор тут же появился из-за двери, которая находилась за стойкой. Мы прошли к нише с лифтом. Когда стена металла с тихим хлопком закрылась, я обратил внимание на электронное табло. Отель вмещал три этажа, судя по цифрам, и еще там светились минус первый и минус второй.

– Подземная парковка? – я удивленно кивнул мистеру Роту на электронные цифры.

По губам администратора зазмеилась улыбка, которая так же быстро пропала, словно насмешка над абсурдностью моего вопроса, но он все же соизволил ответить.

– Вроде того.

У мистера Вильгельма Рота оказалась интересная внешность. Короткие каштановые волосы были зачесаны назад и уложены гелем. Высокий лоб, прямой ровный нос, выпирающие скулы и квадратная челюсть. Гладко выбрит. Холодные хищные глаза, цвет которых я так и не смог рассмотреть: нечто между серым и голубым. Если лицо, будто восковое, не выражало ровным счетом ничего, то лишь по выразительным губам казалось возможным определить его эмоции. Мистер Рот был на голову выше моих шести футов, поджарый и жилистый. Почудилось, что я еду в лифте с аристократом, настолько безукоризненно-отстраненно он держался.

Номер располагался на третьем этаже. Коридор, в который мы вышли, был золотой серединой между винтажной классикой и европейской аутентичностью.

– Ваш номер, мистер Чейз.

Рот остановился возле последней двери. К слову, пока я был здесь – не повстречал еще ни одного постояльца, о чем спросил у администратора.

– Большая часть проводит время на леднике Дахштайн, а остальные отдыхают. Вы непременно познакомитесь с ними за ужином, – и снова его губы изогнулись в мимолетной усмешке.

Я открыл дверь своего номера. Что ж, дизайн отеля не переставал удивлять. Окинув взглядом помещение, заметил люстру, сделанную из, по меньшей мере, дюжины оленьих рогов. Смотрелась она угрожающе. Хорошо, что люстра не висела над кроватью, я бы остерегся спать под такой, рискуя проснуться пришпиленным, точно коллекционная бабочка.

Ванная комната с душевой и всеми удобствами радовала идеальной чистотой. Мои апартаменты оказались достаточно просторными и вмещали кровать, шкаф-купе, стол со стулом. Широкое окно в пол, двери на террасу и зеркальный шкаф создавали иллюзию большой площади. В комнате царил полумрак: свет за огромным окном перекрывали пушистые заснеженные ветви высоких елей. Стул и стол тоже по большей части были сделаны из рогов. Казалось, что перед тобой настоящие орудия для пыток, а не невинный предмет интерьера. Я кинул рюкзак на съедение рогатому стулу и упал на кровать, закрыв лицо руками. Память прошибли картинки

сегодняшнего утра. Труп Элишки. Сейчас я понимал, что это было неизбежно, что это мое проклятье. Я всмотрелся в зеркальную гладь шкафа, ожидая увидеть там нагое видение. Мое восприятие начало меняться с течением дня. Я ждал рыжеволосую с нетерпением, как старую знакомую, а не с ужасом, как было утром. Вид Черновой, лежащей на софе в Доме Фауста, вымывался из памяти волнами, словно рисунок на песчаном берегу. Наблюдая из недр кровати за своим отражением, я заснул.

– Нет! – раздался откуда-то истошный крик.

Я резко вынырнул из омута дремы и прислушался. Темнота со всех сторон обступала кровать. Похоже, я пропустил ужин.

– Нет! Пожалуйста, не надо! – снова закричал кто-то.

Я кинулся к дверям и распахнул их. Коридор освещался желтоватыми лампами, которые свешивались с деревянных балок потолка, мерцая, как драгоценные камни. Кроме меня, никого не было. Лишь тени собрались у противоположного конца, как ни силился – не мог рассмотреть даже очертание номера, дверь которого в этот момент хлопнула и закрылась.

– Не-е-ет! – слышался мужской голос из номера напротив.

Я, крадучись, очутился ровно перед ним. Ничего особенного, такая же дверь, как и у меня.

– Нет, пожалуйста! Я все исправлю! – раздалось снова из-за дверей с цифрой тринадцать. У меня, кстати, был номер девять.

Я постучал. Сначала тихо, а потом более настойчиво.

– Эй! Вам плохо?

Я еле коснулся ручки двери, и та приоткрылась. В номере кто-то был. Я слышал тяжелое, шумное дыхание и знакомый металлический запах. Так пахла кровь. Я остался стоять перед дверью, заглядывая в щель. В темноте комнаты мелькнул силуэт. Слишком быстро, я не успел разглядеть.

– Эй! Вам нужна помощь? – снова негромко и уже не так уверенно позвал я.

Дверь резко захлопнулась, чуть не ударив по носу, мне удалось отпрыгнуть в последний момент.

– Не надо! Умоляю... – вновь донеслось из номера.

Не вытерпев, я толкнул дверь со всей силы. Она еле приоткрылась, словно сделанная из камня. Поднажав, ввалился в

номер. Глаза не сразу привыкли к полумраку. Я щурился, пытаюсь рассмотреть, кто кричал. Мгновение спустя увидел кровать и человека, который корчился на ней. В остальном номер был подобен моему, но вся обстановка словно искусственно состаренная. Я разглядел узор обоев на стенах и телевизор, не плоский. Кроме фигуры на постели, которая двигалась и принимала странные позы, в комнате никого не было.

– Эй! Мистер, что с вами? – выпалил я.

Страх приблизиться стопорил, но любопытство двигало ногами вместо меня.

– Извините, что вломился, – неловко проговорил я, шагнув еще ближе.

Кровать находилась в самом дальнем углу. Едва подойдя, я тут же отпрянул. Лысый мужчина, лежащий на скомканном белье, умирал. Его раскуроченная грудная клетка напоминала старый остов корабля. Белые кости ребер, много крови и внутренности. Из его рта вперемешку с кровью вырывались хрипы, но слова, которые он силился произнести, разобрать я не смог.

Мне стало трудно дышать. Желудок скрутило. Ощущая подкатившую к горлу тошноту, я бросился бежать вниз за помощью, к стойке регистрации, и со всей силы вдавил металлический звонок. Через минуту, зевая, ко мне вышел мистер Рот.

– Мистер Чейз? Все в порядке?

– Там мужчина умирает! – почти что заорал я.

Брови мистера Рота взлетели до линии роста волос, там и остались.

– Могу вас уверить, что в отеле никто не умирает, по крайней мере, сегодня, – сыронизировал он.

Я мысленно проклял администратора. У них в номере лежит покалеченный мужчина, а он не торопится прийти на помощь! Притопывая на месте от нетерпения и злости, я с силой хлопнул по стойке.

– Вызовите полицию и неотложку, скорее! – резкий тон заставил мистера Рота прийти в движение.

– Давайте для начала убедимся, что ему действительно плохо.

Сказав это, ничуть не спеша он вошел в лифт. Я выпрямил руки и сжал в кулаки.

– Мистер Чейз, что же вы застыли?

Всю дорогу до номера губы администратора кривила тонкая усмешка, которая вызывала у меня раздражение. Дверь в номер была заперта, что меня насторожило, ведь я совершенно точно оставил ее открытой. Мистер Рот вежливо постучал.

– Сэр, это администратор. Не могли бы вы открыть дверь?
Срочный вопрос.

Дверь распахнулась, и на пороге возник тот самый лысый мужчина, только не умирающий, а всего лишь заспанный и разозленный. Я отшатнулся от неожиданности и во все глаза уставился на постояльца. Живого постояльца.

– Пожар? – мужчина подавил зевок, почесал гладко выбритую голову и уставился на меня.

Мистер Рот также повернулся ко мне и ехидно переспросил:

– Пожар?

Сказать, что я почувствовал себя сумасшедшим, – ничего не сказать. К щекам прилила кровь, а горло сдавил спазм, так что я не сразу ответил:

– Извините, сэр, я услышал крики из вашего номера и подумал, что вам нужна помощь.

– И? По моему виду похоже, что нужна помощь? – возмущенно фыркнув, постоялец хлопнул дверью.

Я непроизвольно ссутулился и, пробормотав: «Наверное, дурной сон», – отправился к себе в номер под насмешливое хмыканье мистера Рота. Промучившись до утра без сна и прислушиваясь к каждому шороху, я спустился в гостиную, где подавали завтрак. Двери с жадным хлюпом разъехались, и я наконец-то увидел других гостей отеля, не считая мужчины из номера тринадцать, которого на завтраке не оказалось. Постояльцы негромко переговаривались между собой.

– Guten Morgen^[23], – поздоровался я и, услышав нестройное приветствие в ответ, двинулся к столам. Приятно пахло свежим кофе, а из приоткрытой двери, ведущей на огромную террасу, тянуло морозным воздухом.

Я мельком прошелся взглядом по сидящим, попутно выискивая свободное место: несколько молодых пар, старик с газетой и двое мужчин за сорок. Втянув голову в плечи, стараясь не смотреть ни на кого, я опустил взгляд на столешницу из черного дерева. В этот момент

какое-то чувство нелогичности происходящего заскребло на задворках памяти. Я попытался выбросить из головы все мысли и позавтракать.

Пары как раз заканчивали трапезу и собирались уйти, так что мой выбор пал на опустевший стол в качестве возможности ни с кем не разговаривать. Я обязательно спрошу про отель, но сейчас, после бессонной ночи, мне чертовски хотелось только кофе. Завтрак в виде шведского стола был разложен вдоль огромных окон, что так понравились мне вчера. Бросив ключи от номера на стул, я пошел набрать тарелку вкусовностей.

Мясо?

На завтрак это действительно было мало похоже. Вместо ожидаемых яиц, бекона, мягкого сыра и сладких булочек на тарелках лежали мясные блюда: стейки, отбивные, телятина, нарезанная ломтиками, и даже тартар. К мясу предлагались ломтики обжаренного хлеба и кофе.

– Вас что-то смущает, Bursche^[24]?

К столу подошел старик с газетой под мышкой. Кривая улыбка обнажила редкие, но ровные зубы.

– С чего вы взяли? – немного грубо отозвался я, не желая знакомиться.

– Вы явно в замешательстве. Может, вы вегетарианец?

Он рассмеялся, словно то, что я мог оказаться противником мяса, было самой остроумной шуткой на свете.

– Нет, – я взял кухонными щипцами отбивную, хлеб и отошел к кофейнику.

Старик не отставал.

– Рекомендую говяжий тартар, – он отсалютовал двумя порциями, предварительно сильно посолив и поперчив верх, украшенный оранжевым желтком, а после вернулся за свой стол.

Плюхнувшись на мягкий диван, я немного подтянул стол к себе и разрезал отбивную, из которой вытекла розовая сукровица. Поморщившись, все же отправил в рот несколько кусков, заев их хлебом. Кофе приятно удивил, прокатившись по небу нежным теплом, оставляя послевкусие карамели и шоколада.

Старик за соседним столом жадно поглощал тартар, будто до этого не ел неделю. Он прикончил порцию, вытер губы и развернул газету. Очень старую газету на немецком, с названием *Völkischer*

Beobachter^[25]. Судя по потрепанности бумаги и старому шрифту, точно раритет.

Когда мужчины покидали гостиную, в открывшемся дверном проеме мелькнула рыжеволосая тень. Я понял, что это была управляющая в черной униформе. Дернулся за ней, но меня бесцеремонно отвлекли.

– Она не ответит на ваши вопросы, Bursche, – громко прокричали из-за газеты, а затем показался и ее обладатель, – но может сделать так, что спрашивать будет не о чем.

Старик разразился сухим надрывным кашлем и потянулся к чашке с кофе.

Мне же до зуда в руках захотелось увидеть мобильный, который я раздавил при бегстве из Дома Фауста. Наверняка уже сотню раз звонил Фил, да и с киностудии, скорее всего, звонков поступило немало. Хотелось сфотографировать посыпанные белым верхушки Альп. Впрочем, при остром желании я всегда смогу попросить администратора заказать новый телефон, только вот сейчас это едва ли хорошая идея: полиция скоро объявит меня в розыск, а Орден вряд ли оставит попытки добраться до моего наследства. Не стоит также забывать о Джене, которая захочет отомстить за Элишку. Возможно, всех обгонит в панике Фил. Где-то глубоко внутри все сжалось от страха и отчаяния, но мое внимание резко переключилось, когда в гостиную вошла управляющая отелем. Она поздоровалась со стариком, кивнула мне и направилась к кофейнику. Я остался за столом, иногда прикладываясь к почти пустой чашке. Девушка предпочитала чистый напиток, без сахара и молока. Налив кофе, она открыла стеклянную дверь и вышла на террасу.

Невозможно объяснить, почему меня тянуло к ней, словно она была планетой, а я – спутником, вынужденным кружиться рядом. Подскочив к раздаточному столу, я щедро плеснул еще полчашки кофе и под многозначительное хмыканье старика вышел вслед за Лилианой. Меня мгновенно окутало морозом и еще большей тишиной, чем та, что царила в отеле. К слову, я думал, что в здании всего лишь хорошая звукоизоляция, а в действительности эта часть отвесной горы над «Дахштайном» была пустыня, поэтому здесь царило абсолютное безмолвие.

– Как вам вид, мистер Чейз? – спросила девушка не оборачиваясь.

Как она догадалась, что это я? Я не мог понять, что скрывает ее мягкий тон: то ли грусть, то ли иронию. Оторвавшись от созерцания прямой спины, затянутой в жакет, и волос, собранных в высокий хвост, я посмотрел на долину. Летел мелкий снег, горы и все вокруг сверкало белым и ослепляло.

– Мистер Фауст, – поправил я ее. – Вид захватывающий. Любите горы?

Вот идиот! Нашел что спросить.

– Они – моя крепость, – просто ответила Лилиана, слегка пожав плечами. – Зачем вы приехали сюда, мистер Фауст?

Она повернулась, глядя на меня, словно ожидала, что я одним махом выдам все свои тайны. Клянусь, всего на секунду мне правда хотелось это сделать. Выговориться.

От прямого вопроса моим ушам стало горячо, я знал, что они покраснели. Хорошо, что волосы немного прикрывали их, и она могла не заметить моего замешательства. Я словно окунулся в мутный водоем произошедших накануне событий. Несмотря на мороз, вдруг стало нестерпимо жарко.

– Я... я приехал отдохнуть.

Слова, вырвавшиеся изо рта, даже мне показались нелепыми. Девушка не шелохнулась. Ее взгляд неотрывно изучал, заползая под кожу, словно невидимый паразит. Мои ноги самовольно сделали шаг, чтобы оказаться ближе к ней. Подумав, что так и не дождусь от нее реакции, я развернулся в сторону долины.

– Лжи не место в горах, мистер Фауст. Маски обмана вдребезги разбиваются об их каменный характер.

Я не знал, что ответить. Она не обвиняла, но сказанное ею наводило на мысли о том, что Лилиана ни на секунду мне не поверила. Я медленно повернулся к ней, встречаясь взглядом. Чего она хотела от меня? Правды? Признания, что я бегу от последствий собственных поступков?

Мне же хотелось бесконечно смотреть на Лилиану, но и так непозволительно долго пялился, словно маньяк. Я шумно проглотил остывший на морозе кофе. Девушка допила свой маленькими частыми глотками. Она шагнула ко мне почти вплотную. Лицо Лилианы вдруг очутилось настолько близко, что я мог рассмотреть темные крапинки в миндалевидных янтарных глазах. Никогда не видел ничего красивее.

На секунду из-под маски спокойствия на лице выглянула злость, но тут же пропала.

– Я спрошу вас завтра, мистер Фауст. И лучше бы вам ответить правду.

«Почему она постоянно говорит это «мистер»? – мысленно возмутился я, не смея отвести взгляд. – Почему ей необходимо услышать правду? Может, она все-таки и есть та рыжеволосая из сна?»

Управляющая ушла, а я остался на террасе.

Прага. Этот день. Ниотинский

Ниотинский, словно заправский вор, огляделся по сторонам и кивнул охране. Один из его людей виртуозно вставил отмычку под ручкой, щелкнул замком и отворил дверь дома номер пятьсот два на Карловой площади.

После визита Лилит Грегор не спал всю ночь, утопая в воспоминаниях о Бамберге и сожалениях. Contra Malum^[26], тайное общество, впоследствии ставшее Орденом, кардинал основал по возвращении в Ватикан. Ниотинский понял, что Святая церковь ничтожно мало знает о мире сверхъестественного, помимо Дьявола и ведьм, которых тогда он все еще считал невестами греха. Нет, в мире существовали и другие противоестественные формы зла, и Грегор намерен был найти и истребить их все. Частично у него это получилось. Орден изучал предания и мифы, собирал людские знания, проверяя их на практике. Благодаря миссии Грегора значительно пополнился тайный архив Ватикана, где и по сей день хранятся самые страшные тайны человечества. Подчинялся и отчитывался глава Contra Malum только перед Папой. Князь Церкви^[27] получил высочайшее благословение Его Святейшества и дар Ордену – кольца, дабы отмечать посвященных.

Правящий Папа, Урбан VIII, настолько впечатлился рассказом Великого инквизитора после Бамберга, что приказал изготовить кольца для защиты нового Ордена и его членов. Тридцать украшений-артефактов, а именно столько было изготовлено, несли в себе века предательства и раскаяния, отлитые из тех самых тридцати сребреников^[28], которые получил Иуда Искарот за согласие выдать Иисуса Христа первосвященникам. Предав Христа, Иуда вернул деньги, бросив их в храм, а сам удавился. Один из Пап случайно

обнаружил сребреники в архивах и также оставил после себя записи, что монеты, на которые когда-то купили кровь Господа, обладают некими чудотворными свойствами.

Печатка на руке Грегора служила не только символом принадлежности, она помогала определить скрытое. Точнее, артефакт сжимал палец, когда поблизости появлялось зло. Кольцо было украшено гербом, который составил сам Ниотинский: перевернутые папские ключи символизировали мощь Святой Церкви; а змеи, переплетенные с теми ключами, – Дьявола в его хтонической ипостаси, зло, которое человек должен в себе преодолеть.

Орден разрастался по всему миру, в него входили ученые, историки, культурные деятели, но наибольший процент составляли воины-охотники, такие же убийцы, как и сам кардинал.

Стоит добавить, что теперь Орден переживал не лучшие времена. Развитие науки и технологий, которые Церковь тормозила и притесняла веками из-за страха потерять власть, получило доселе небывалый размах. Оставшиеся существа научились прятаться, мимикрировать и приспособливаться к новому миру намного лучше самого кардинала и его детища. Грегор постоянно искал новые способы их обнаружения.

В Contra Malum служили целые династии, но все чаще Ниотинский ловил себя на мысли о том, что Ордену нужны перемены. Свежая кровь. Энтузиасты. Сам он таковым себя уже давно не считал. Веками изучая ночные кошмары человечества, Грегор понимал, что и он, возможно, является одним из порождений тьмы, а не света. Никогда кардинал не встречал людей, похожих на него, живущих столетиями. Навряд ли именно Ниотинскому Бог даровал бы почти вечную жизнь. Почти. Будь он истинным праведником, он ничего бы не чувствовал к Лилит. Его единственная слабость, его проклятье.

– Ваше Преосвященство? – окликнул задумавшегося на пороге дома кардинала его хранитель.

Ниотинский тряхнул головой и решительно шагнул внутрь Дома Фауста. Печатка снова сжалась на пальце, едва он переступил порог, но глава Ордена только поморщился. Это произошло во второй раз, и Грегор пришел к выводу, что ушлый доктор каким-то образом наделил дом собственной злой волей.

Кардинал цепким взглядом прошелся по стенам в гостиной, разбитым зеркалам и старинной софе. На ней валялось скомканное белье и несколько деталей гардероба мальчишки.

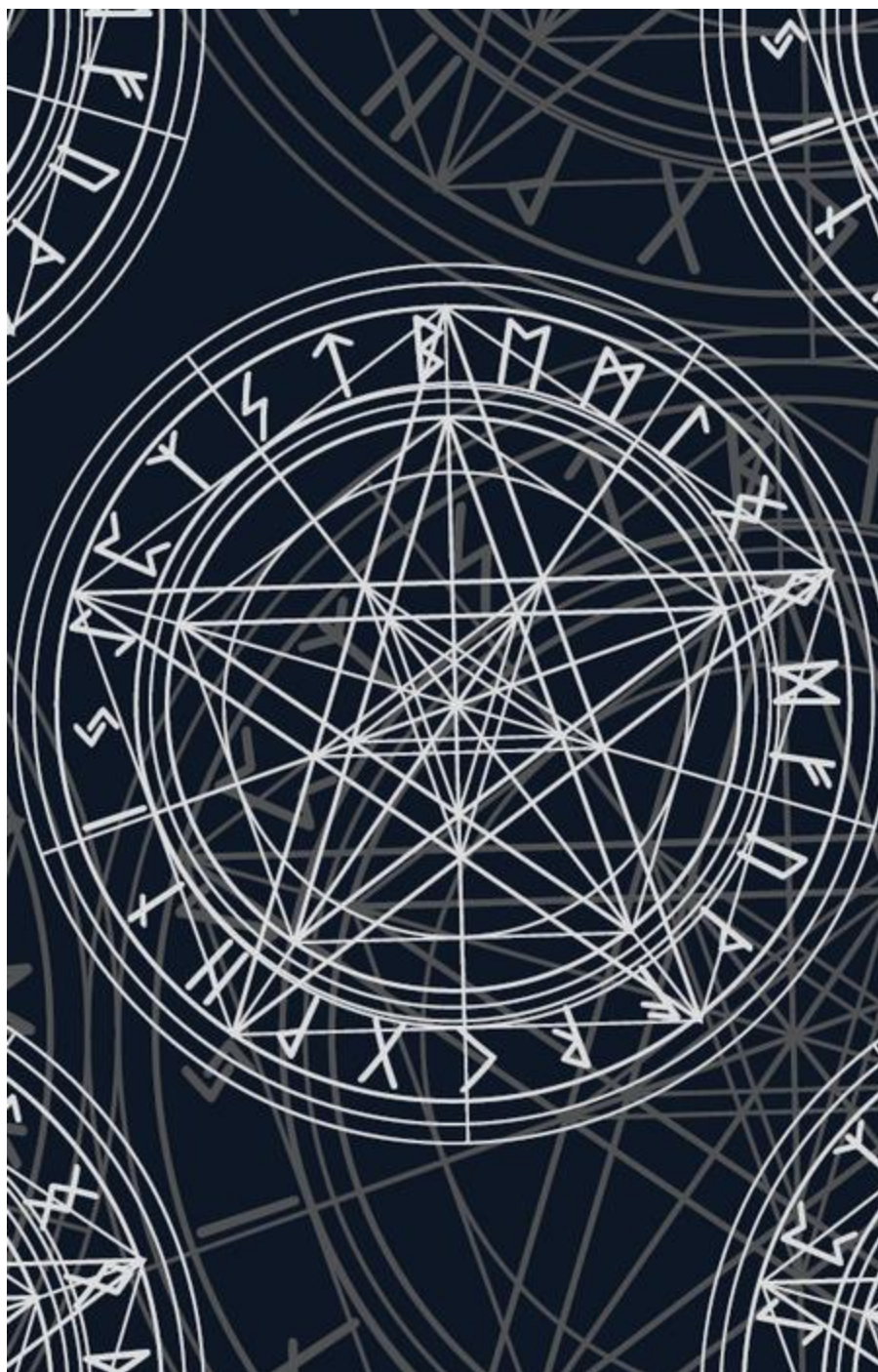
«Из-за чего же ты так поспешно сбежал? Что она тебе внушила?» – размышлял Грегор, машинально массируя бровь указательным пальцем.

Глава 11

Corruptio optimi pessima.

Падение доброго – самое злое падение.

Дэн

После ухода девушки снова стало не по себе.

«Что я здесь делаю? Как долго смогу прятаться?» – панически думал я.

Моих финансов хватало примерно на пару недель оплаты жилья в «Дахштайне». Я сел на деревянную скамью, покрытую шкурой, и

сгорбился. Мысли кружили в голове роем мошкары. Вполне возможно, тело Элишки уже обнаружили. Я лишил ее жизни. Несмотря на сговор с Орденом и попытку принести меня в жертву, она не заслужила такой участи. Паника поднялась волной тошноты от желудка к горлу.

Что подумал Фил? Что мне делать дальше? Горы напротив ничего не ответили, все так же безразлично возвышаясь надо мной. Я чувствовал острую необходимость переключиться – стресс и паника улягутся, если обращу внимание на что-то другое.

Я выглянул в холл. В этот момент Мистер Рот проводил пару, встреченную за завтраком, странным взглядом, в котором мне почудился голод. Притаившись за поворотом, я немного высунул голову, чтобы видеть стойку. В холле возле нее остались только Лилиана и Вильгельм.

– Тебе не кажется, что пора принимать новых постояльцев? – поинтересовался мистер Рот.

Девушка в ответ покачала головой и облокотилась о стойку.

– Вчера он у нас появился. Выждем время, а сегодня займемся мужчинами, – в ее голосе слышалась неприкрытая злоба.

Хм. Злится на администратора?

– Разве мальчишка Фауста в счет? Кстати, когда ты начнешь? Его бледный призрак, в панике бегаящий ночью, вызывает у меня несварение, – фыркнул в ответ мистер Рот, ничуть не испугавшись тона управляющей.

Лилиана ничего не ответила и принялась листать книгу регистрации.

– Бергнеры у нас уже неделю? – не поднимая головы, спросила она удивленно.

Мистер Рот навис над ней. Прищуренными глазами он буравил ее шею, скрытую за воротником пиджака.

– Слишком долго и уже невкусно. Пожалуй, стоит шепнуть Господину, что из-за нерасторопной управляющей у нас пустует почти половина номеров.

Вильгельм скривил рот и отошел от Лилианы, когда она резко выпрямилась.

– Я разберусь с Бергнерами, а ты знай свое место, Вильгельм, – ледяным тоном ответила девушка, но в голосе послышались

предостерегающие нотки. – В любимых тобой Богемии и Швейцарии совершенно случайно могут узнать, что ты жив.

Оба взирали друг на друга с тщательно контролируемой злобой. Похоже, управляющая и администратор испытывали взаимную нелюбовь.

– Я слишком долго существую, чтобы бояться угроз недодемона, во-первых. А во-вторых, нас слышат.

«Разберусь с Бергнерами? Недодемона?»

От их странного диалога по рукам побежали мурашки то ли ужаса, то ли восторга. Хотелось узнать, что они скрывают и почему упоминали меня. Проще разгадывать тайны «Дахштайна», чем думать о задушенной Элишке. Кто-то прикоснулся к рукаву свитера, я дернулся и повернулся с гулко колотящимся сердцем. Всего лишь старик с газетой, насмешливо кривя губы, стоял рядом.

– Подслушиваете, молодой человек? – на морщинистом лице отразилось искреннее удивление.

– Я... нет. Просто не хотел мешать беседе.

Цок, цок, цок – послышались шаги Лилианы на тонких шпильках. Она шла к нам.

– Мистер Функ, вижу, вы познакомились с нашим новым гостем?

Управляющая изобразила подобие улыбки, но глазами сверлила мое лицо.

– Да. Вот только имени не знаю. Современная молодежь бывает дурно воспитана.

– Это мистер Че... – она оборвала себя и поправилась: – Мистер Дэниэль Фауст.

– Фауст? Не тот ли самый Фауст, который упоминается в книге Гете? – Старик закашлялся. – Меня зовут Вальтер Функ. Приятно познакомиться.

– Взаимно. Нет, мистер Функ, не тот.

Я включился в разговор, избегая смотреть в глаза Лилиане. Рука пару раз тянулась к уху, чтобы погладить крест, и не найдя его, я просто тер мочку до боли.

– Ну ладно. Хотя фамилия и вправду знаменитая, Дэниэль, – усмехнулся старик и покачал головой. – Чем планируете заняться?

Моя кожа покрылась потом, а свитер на голое тело начал колоть кожу, когда вспомнил, отчего сбежал сюда. Оттянув воротник, неловко

пробормотал:

– Как и все в горах, хочу покататься на лыжах.

– О, будьте осторожны. По радио передавали сообщение об угрозе схождения лавин в ближайшую неделю, – старик согнулся и снова закашлялся.

Я отодвинулся от него, все еще не глядя на управляющую, хотя чувствовал, что она неотрывно следит за каждым моим движением.

– Пойду отдыхать, – сипло бросил Вальтер.

Девушка похлопала мистера Функа по плечу, словно старого друга, и собралась отойти к стойке. Я замялся, не зная, как завязать с ней разговор.

– Мисс Лилиана? Мне нужно узнать у вас кое-что.

Она обернулась, в ее глазах сквозило недоумение.

– Говорите.

Я оглянулся на мистера Рота, который и не думал уходить со своего рабочего места. Лилиана ждала, нетерпеливо постукивая пальцами по бедру, на лице – вежливое участие.

«Вы мое проклятье из снов?» – хотелось спросить, но вместо этого изо рта вылетело лишь убого-хриплое:

– Подскажите, пожалуйста, как добраться до ближайшего проката лыж и подъемника?

Управляющая будто ожидала другого вопроса: на короткий миг я увидел в ее глазах разочарование. Однако Лилиана тут же скрыла его.

– Мистер Рот объяснит, а я прошу прощения – дела.

Я кивнул и отступил, не смея ее задерживать. Внутри меня драло и царапало, словно туда поселили дикого зверя, и тот хотел выбраться на волю. Нуждался в разговоре с ней не при свидетелях, но девушка будто специально меня игнорировала.

Взбежав по ступенькам, я накинул пальто и в сотый раз завязал непослушные шнурки на ботинках, снова обещая себе купить обувь без них. Вышел и невольно бросил взгляд на дверь тринадцатого номера. Возле нее не горели светильники, отчего и в дневное время дверь окутывал серый полумрак. Странно, что постоялец так и не спустился к завтраку.

Захватив с собой кошелек, спешно покинул здание, провожаемый взглядами Лилианы и мистера Рота. Оба делали занятой вид, но я был убежден, что они только и ждали моего ухода. Надеюсь,

администратор не позвонит в полицию или, учитывая произошедшее ночью, в психушку. Я и сам подумывал обратиться к специалисту, так как опасался, что начинаю путать реальность и сны.

Вышел на улицу, плотнее запахивая тонкое пальто. Оглядел себя и понял, что буду главным посмешищем на склоне. Снег на Дахштайне сыпал очень мелкий и обильный, точно сахарная пудра.

– Мистер Фауст! – окликнули меня с порога.

Вильгельм быстро приблизился, и при дневном свете его кожа приобрела серый, словно тучи, цвет.

– Возьмите, – он буквально всунул мне в ладонь визитку. – В десяти минутах ходьбы есть прокат зимнего облачения, для катания и не только.

– Спасибо за беспокойство.

– Лечить простуженных туристов не входит в мои обязанности, – насмешливо протянул администратор, окидывая взглядом мою одежду.

Мистер Рот вернулся в отель, и я остался один. Покрутил в руках визитку, а после засунул в карман. Покорить здешние вершины я еще успею. Было любопытно, почему они ждали моего ухода. Мимо прошли две пары с лыжами и экипировкой, направляясь на склон по ту сторону горы. Я же решил обойти отель. Еще за завтраком мне пришло в голову, что в «Дахштайне» должен быть задний двор, следовательно, и еще один вход. Отель выглядел достойно, и мне хотелось узнать, почему в разгар сезона он занят только наполовину, исходя из слов Вильгельма, и каким образом они вели отбор новых гостей.

В поисках ответов я поспешил по расчищенной дорожке, огибающей отель. В животе разрасталась кислотная дыра от чувства вины, которая, как бы я ни прятал, все равно выжигала мне внутренности. Проклятие Фауста настигло меня.

Убийца. Я убийца!

Я хотел орать. Выть, словно волк. Вместо этого я лишь стиснул зубы до скрипа и шагнул в неприметную калитку, скрытую пышными снежными елями. Нашел задний двор и остановился.

Что я делаю? Может, стоит вернуться и сдать в полицию. Сколько еще я смогу так скрываться?

Я тряхнул головой, отросшие волосы упали на глаза, словно пряча от всего плохого. Вспомнил, как рассказывал Элишке про Пражские куранты, глядя в ее восхищенные глаза. Все, что случилось с нами,

казалось какой-то другой жизнью, даже целым миром, унесенным ветром. Не знаю, сколько я так простоял в задумчивости, но спохватившись, перевел уже осмысленный взгляд на задний двор, который представлял собой квадрат газона, очищенный от снега. С одной стороны к забору примыкало деревянное строение, похожее на сарай: очевидно, там и хранили садовый инвентарь. Гаража не было видно, как и заготовок дров, что удивительно, ведь отели в горах всегда отапливались печами. Вокруг стояла оглушающая тишина, словно место, где стоял «Дахштайн», находилось в вакууме. После шумной Праги беззвучие давило громче любого крика.

Вертя головой, я не заметил, как оказался у черной двери отеля. Чуда не случилось, она была заперта. Черт! Тут послышался щелчок замка. Кто-то открывал дверь с той стороны. Не придумав ничего лучше, застигнутый врасплох, я нырнул в сарай. Подсобное помещение где-то три на три метра, со стеллажами и старым письменным столом. Здесь царил идеальный порядок, каждая вещь находилась на своем месте. На противоположной от входа стене висели садовые инструменты. На стеллажах разместились мотки поливочных шлангов, ведра и моющие средства.

Я приник к щели между деревянными досками и застыл, желая узнать, кто же вышел из отеля. Слегка прищурился из-за маленького угла обзора и кусал губы, пока не почувствовал кровь на языке.

В поле зрения показалась девушка, чьи рыжие локоны были туго стянуты в аккуратный хвост. Какая-то странность была в ее походке, и тогда я увидел, как она одной рукой тянула что-то за собой. Я шагнул к другому, более широкому просвету между досками и тут же зажал рукой себе рот в ужасе от увиденного. Лилиана тянула за ногу человека, причем без особых усилий, словно тот был пластиковым манекеном. Мужчину, который так и не вышел к завтраку. Он определенно был мертв: лицо искажено и застыло в предсмертной гримасе ужаса, а изуродованную грудную клетку словно драл медведь. Но самое страшное, что управляющая шла к сараю.

Я заметался по кругу, ощущая себя в клетке. В маленьком помещении было совершенно негде спрятаться. Стеллажи, инструменты, стол. Я задыхался, словно пробежал полумарафон без подготовки. Почувствовал кислый вкус во рту, слабость завладела моими конечностями.

Ручка тихо повернулась, дверь приоткрылась. Девушка шагнула в подсобный дом, волоча за собой труп. Я затаил дыхание, скрутившись в клубок под старым письменным столом. Охвативший меня ужас стучал адреналином в ушах, и я умолял сердце биться тише, чтобы она не услышала. Лоб покрылся испариной. Пол под руками был холодный, словно лед на замерзшем озере. У меня дрожали губы и подбородок, я постарался неслышно сглотнуть подкатившую тошноту.

Что, черт возьми, происходит в отеле «Дахштайн»? Я сильно ущипнул себя, надеясь, что сплю, но нет: вместе с болью и наливающимся синяком на коже проступило осознание реальности происходящего. Тогда меня накрыло еще одно откровение. Возможно, я понимал это с самого начала, но отмахивался от него, не желая верить. Лилиана и есть проклятие из снов. Она – Лилит. Искушение, которое появляется в зеркалах. О ней писал предок и бабушка, а я все равно так глупо попался.

Тем временем девушка, кем бы она ни была, полностью втащила мертвеца, и его гротескное лицо оказалось рядом с ножкой стола. Я молился, чтобы она оставила его и ушла, но и этого не случилось. Лилиана присела над трупом и стала методично и хладнокровно ощупывать его карманы, будто каждый день только и занималась тем, что таскала и обыскивала трупы. Человек лежал параллельно столу, управляющая сидела над ним на корточках, спиной ко мне, почти упираясь в деревянную ножку. Лилиана пока меня не заметила, хотя находилась так близко, что я чувствовал аромат ее карамельно-пряных духов. От трупа не воняло, лишь слышался металлический запах запекшейся крови. Из разорванной груди мертвеца она расползлась по одежде ржаво-медными потеками.

Обследовав карманы покойника, девушка поднялась и прошла к стене с инструментами. Я подался вперед, чтобы лучше видеть, немного высунувшись из-под стола. Лилиана ласково водила пальцами по ручной пиле, зубья которой сверкали в полумраке сарая, словно драгоценности. Отодвинувшись от ножовки, она перешла к топору. Я замороженно следил за движениями рук, представляя, что она хочет сделать с мертвецом с их помощью. Остановив выбор на топоре, девушка сняла его со стены, а я быстро и бесшумно вжался в угол под столом.

Ее шаги по каменному полу сарая на шпильках вызвали у меня тремор. Она остановилась возле стола, стройные ноги в угольных брюках, а за ними труп мужчины – это все, что я видел. Было слышно, как Лилиана положила топор на столешницу, потом снова взяла и принялась водить лезвием по куску камня, который я видел на столе, когда вошел.

Вжих, вжих. Я же, стараясь забиться как можно дальше, осторожно подвинулся под столом. Но тихо сделать это у меня не получилось. Хрустнул большой палец на правой ноге. Я замер в ужасе и почти оглох от стука собственного сердца.

Какого черта я вообще сунулся на задний двор? До этого размеренно водившая инструментом по камню девушка прекратила свое занятие. Я боялся дышать и моргать, чтобы ненароком не поколебать воздух, который по ощущениям стал гуще, сделав полумрак сарая еще темнее. Не услышав больше ни звука, Лилиана снова принялась точить оружие.

Как отсюда выбраться? Надеюсь, она не станет его расчленять!

Мысли скакали, как испуганные зайцы, выбежавшие на трассу и попавшие в свет фар.

Рыжеволосая переступила с ноги на ногу и опустила правую руку, в которой был топор. Такие использовались для мелких щепок. Девушка, наточив его до состояния, которое ее удовлетворило, вернула инструмент на место на стене сарая.

Немного постояв над мертвецом, она громко хмыкнула и, судя по звуку, пошла к выходу. Я под столом еле сдержал вздох облегчения, прислушиваясь к ее шагам. Дверь открылась и захлопнулась. Я помедлил некоторое время. Густую тишину можно было разрубить тем самым топором, который только что точила рыжеволосая. Осторожно выполз, со стоном разгибая затекшие конечности, избегая при этом смотреть на труп, оставленный посреди сарая. Уже мысленно представлял, как подожду на склоне до вечера, а потом вернусь в отель и выпишусь. Заберу вещи, а затем уеду как можно дальше отсюда.

Я развернулся к двери и похолодел. Рыжеволосая стояла возле входа, скрестив руки на груди, прожигая меня насмешливым взглядом. Она не ушла и знала, кто прятался под столом. Девушка напоминала ягуара, застывшего и готового броситься в смертельном для жертвы

прыжке. Зажмурив глаза, я попятился, сдерживая крик ужаса. Меня окатило жаром, казалось, пот выступил на каждом сантиметре кожи.

– Дэн-Дэн, – укоризненно протянула она, будто смакуя мое имя. – Следовало сидеть тише, хотя я почувствовала твой запах еще на пороге, сладкий.

– Я... я, – заикаясь, я силился как-то оправдаться, пообещать, что никому не расскажу об увиденном, но предостережение в янтарных глазах заставило замолчать.

Меня трясло, вариантов убежать становилось все меньше. Сорвать инструмент со стены и ударить им Лилиану? Или же схватить ее и отшвырнуть от входа, затем открыть дверь и бежать. А документы, которые остались в рюкзаке? Бежать сразу в полицию? Вдруг она успеет спрятать труп, и я не смогу ничего доказать? Тем более меня самого, скорее всего, ищут.

Девушка напротив не шелохнулась, будто мраморная статуя с говорящей, живой головой.

– Дэниэль, давай начистоту. Ты догадываешься, кто я, ищешь ответы о своем проклятии и предназначении. Тебе, по сути, некуда бежать. Такого, – она кивнула на труп, – с тобой не произойдет, если не станешь делать глупости.

Я вздрагивал после каждого слова. Лилиана произносила их совершенно безэмоционально, но именно это пугало. Она была точно сверхъестественный маньяк, и ничего хорошего меня здесь не ждало. В панике я набросился на нее с разбегу и попытался оттолкнуть от дверного проема, но словно налетел на гору. Рыжая не сдвинулась ни на миллиметр, будто вросла в пол сарая. Янтарные глаза заволокло тьмой, и невидимая сила отшвырнула меня к ногам мертвеца. Я хорошо приложился спиной о каменный пол, испустив стон боли. Потом меня снова резко подняло в воздух и бросило на пол, выбивая воздух из легких. Она меня убьет, как постояльца, ног которого я касался головой.

– Прежде чем что-то делать, научись думать, – Лилиана демонстративно отряхнула и без того безупречные лацканы пиджака.

Она склонила голову набок, хмурясь, словно раздумывала, стою ли я того, чтобы вообще со мной разговаривать, или проще сразу убить.

– Кто ты? – выдавил я, поднимаясь на ноги.

– Я – Лилит. Нужно было уделить больше времени дневникам доктора Фауста, Дэниэль, – голос был лишен эмоций. Всех, кроме одной – презрения. – Рекомендую до вечера не появляться в отеле. Прогуляйся на склоны, но чтобы никому ни слова. После поговорим.

Я молча двинулся к выходу, но, проходя мимо Лилит, был схвачен за локоть.

– Надеюсь, ты понимаешь, что бежать бесполезно?

– Да понял я! – почти крикнул ей в лицо, чувствуя, что еще секунду – и зайдусь в истерике.

Я выпал наружу, наступив ботинком на свой, как всегда, не вовремя развязавшийся шнурок. Неуклюже поднявшись, отряхнулся и поспешил к калитке. Мысль взять рюкзак и уехать была единственной здоровой в моем воспаленном мозгу. Лилит не оставит меня в покое, а очередь из преследователей и без того росла день ото дня.

Может, стоит остаться и узнать, что она такое и какие тайны хранит отель «Дахштайн»? Я достал визитку и увидел, что на ней изображена мини-карта и прокат совсем близко. Снег не прекращался, пришлось ускорить шаг. Бутик с горнолыжным обмундированием показался из-за поворота так же резко, как до этого отель, в который мне нужно вернуться вечером. Магазин был вырублен прямо в горе и выглядел довольно старым, но витрина демонстрировала спортивную одежду дорогих брендов.

Звякнул колокольчик на входной двери, и я шагнул внутрь. За прилавком стоял улыбчивый тучный мужчина с пышными седыми усами. Я поздоровался и прошел к стойкам с зимними куртками. Кататься сегодня я не планировал, но купить теплую одежду не помешало бы. Заодно и узнаю цены на прокат инвентаря.

Спустя полчаса я стал обладателем горной куртки с «гортэкс»^[29], очень теплой, на тончайшей подкладке, и пары штанов. Пришлось разориться на удобные ботинки, подходящие альпийской местности.

– Мистер, вы можете оставить городскую одежду здесь в камере хранения, а забрать ее, допустим, завтра, если хотите прокатиться. Вы ведь из «Дахштайна»? – у мужчины был громкий бас, и я поразился, как он до сих пор не вызвал им лавину.

– Как вы поняли? – мне действительно было интересно.

– О, это просто. Мой магазин обслуживает всего три отеля. Вы шли по дороге, ведущей от «Дахштайна», – радушно пробасил он. – На

какой срок вы заехали?

– На долгий, – уклончиво ответил я, мечтая поскорее выйти и отклеить вежливую улыбку со своего лица.

Цены оказались сносными, поэтому, поддавшись на уговоры продавца, я не удержался и взял сноуборд, шлем и очки. В ста метрах от магазина стоял подъемник. По пути наверх я смотрел на горные пики, но будто не видел их, погруженный в мысли об убийстве и своей дальнейшей судьбе. Вдруг стало неважно, что я хотел быть режиссером и создавать истории. Труп Элишки перечеркнул мою жизнь, заставляя придумывать новую. Жизнь в новом месте. Поэтому я не убежал, хотя оставаться с Лилит и тем, что происходило в отеле, мне также не хотелось.

Посмотрев расположение трасс на карте в кабине подъемника, я миновал оживленный спуск «Миттерштейн», который делится на северный и южный. Северный подойдет для уверенно стоящих на лыжах и сноуборде, а южный – для «профи».

Профи я себя не считал, но и северный не выбрал. Я прошел их и, наконец, добрался туда, где никого не было. Лишь вдалеке мелькнул силуэт сноубордиста, стремительно катившего по почти отвесному склону.

Да, я забрался на черную трассу. С трудом сглотнул, ощущая сухость во рту и бешеное сердцебиение. Судьба загнала меня в угол, и те варианты, которые мне оставались, не особо привлекали. Я не был храбрецом, но уже стал убийцей. Так чего бояться?

Я положил сноуборд и закрепил ноги, судорожно вдыхая разреженный морозный воздух. След от чужого съезда уже присыпало. Склон представлял собой почти отвесную скалу, укутанную снежным одеялом.

Мгновение, и я покатил. Сдохну, значит, избавлюсь от проклятья и чувства вины за убийство Элишки, а если нет – останусь разбираться в этом дерьме. Шум ветра, доска, словно продолжение меня, и чувство опасности. Я несся, набирая скорость. Ноги дрожали от напряжения. Не знаю, то ли я слишком отчаянно хватал воздух, то ли очки оказались бракованными, но они запотели. Я перестал что-либо видеть и на скорости попытался затормозить, чтобы протереть их. Доска накренилась, я потерял контроль, упал, и дальше меня потащило кубарем по склону. Серое небо, с которого сыпались хлопья, и снежная

трасса перемешались от быстрого вращения. Я перестал понимать, где земля, а где небо. Адреналин выплеснулся в кровь, словно мне сделали инъекцию. Он бился в висках, вытесняя из мыслей все, кроме отчаянного желания выжить. Я понял. Я хотел жить. Жить, несмотря ни на что.

Постарался отключиться от раздражителей в виде боли и одышки, чтобы сосредоточиться на торможении. Накренил доску так, чтобы она параллельно вспарывала трассу, как нож. Инерция дотащила меня до кромки елей и находящегося под ними обрыва.

Мне удалось.

Я со стоном встал и вернулся на трассу, чтобы найти обозначения карты и подъемников. Добравшись до ближайшей станции, я в изнеможении ввалился в местный ресторан, где, умирая от голода, накинулся на сырный австрийский суп и горячий глинтвейн.

Начинало темнеть, и я понял, что пора возвращаться.

Чем ближе подходил к отелю, тем сильнее кусал обветренные губы. Почему никто не предупредил меня раньше о Фаусте и остальном? Почему ба скрывала, что я проклят с рождения?

С усилием расслабив лицо и сделав непринужденный вид, я направился в холл отеля. Мистер Рот записывал в книгу новых гостей: пожилого мужчину и его спутницу моих лет, наверняка любовницу. Он проводил меня коротким, ничего не выражающим взглядом.

Я принял душ и, прислушавшись к затихшему дому, решил выйти. Меня мучили вопросы и чувство вины, которое отбрасывал от себя, словно мячик, но оно все равно возвращалось в удвоенном размере. Я не хотел оставаться наедине со своими терзаниями. Мне было необходимо найти Лилит и расспросить о предке и таксисте, портрет которого висел в холле.

Вышел из номера. Коридор был пуст и тих, словно единственный постоялец в «Дахштайне» – это я. В нос заполз пряный шлейф духов рыжей, который дурманил разум и вел меня, как кукловод марионетку. Я сделал пару шагов. Сердце ускорило ритм, вызывая странное возбуждение.

Черт, где же она?

Две цифры притягивали взгляд. Острые и тонкие, словно росчерк когтей. Я остановился перед номером одиннадцать на моем этаже. Я не стучал, повернул ручку, и дверь поддалась с легким скрипом. В

комнате царил полумрак, бросая на мебель уродливые тени. Тьма в глубине комнаты гипнотизировала и одновременно отталкивала, заставляя меня покрываться липкими мурашками. Я поежился, но постучал костяшками пальцев по приоткрытой двери.

– Есть кто-нибудь? Лилит, вы здесь? Простите за беспокойство, я пришел поговорить.

Темнота словно ожила, всколыхнувшись от движения владелицы апартаментов.

– Дэниэль, я ждала, – Лилит бесшумно вышла из сумерек и остановилась в полосе тусклого желтого света, который лился через дверной проем.

Затаив дыхание, я рассматривал полностью обнаженную девушку, которая вовсе не стеснялась этого. Янтарные глаза напротив отливали красным золотом, а рыжие волосы волнами стекали по ее плечам.

– Молчишь? Тебе нравится то, что ты видишь, Дэниэль Фауст? – прошептала Лилит.

Она подошла ко мне и остановилась настолько близко, что ее алебастровые бедра соприкоснулись с моими. Это приглашение, которое я должен был принять. Уйти от нее казалось невозможным.

«Есть только один выход – не нужно сопротивляться, нужно поддаться», – мелькнуло вспышкой в сознании, и казалось, что это были не мои мысли.

Я с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на девушку. Желание и опасность. Все мои инстинкты вопили бежать от нее, но возвращаться в самобичевание я не хотел. Я струсил и остался.

Прага. Этот же день. Ниотинский

В четырехстах километрах от «Дахштайна» Ниотинский, представившись охране на входе родственником Дэниэля Чейза, шагнул по киностудии «Баррандов». Вчера, пробыв в доме номер пятьсот два до самой ночи и так ничего не найдя, он вернулся в свой коттедж возле Тройского замка. Здание Орден приобрел еще в восемнадцатом веке, и из графской усадьбы со временем его перестроили в постмодерновый дом. Обществу, которое возглавлял кардинал-епископ, принадлежали несколько квартир и отелей в Праге и даже замок Пругонице в пригороде столицы.

Правда, последний год Ниотинский безуспешно пытался купить еще один, но владельцы Гоуски наотрез отказывались продавать его, сколько бы миллионов им ни предлагали. Ниотинский досадливо поморщился, вспоминая, как сулил потомкам Йозефа Шимонка, который, как выяснилось, купил замок в тысяча девятьсот двадцать четвертом году, немислимые суммы за разваливающееся здание, и был буквально послан грубыми чехами далеко и надолго. Замок Гоуска должен был стать его, Грегора, личным приобретением, поэтому он не оставлял попыток.

В кармане пальто завибрировал мобильный.

– Да, – коротко бросил Грегор на ходу.

– Сир, наш специалист не смог взломать данные правоохранительной службы.

– Машину Дэна нашли?

– Еще нет. Сейчас проверяем парковку аэропорта Вацлава Гавела.

– Если будет необходимо, по истечении семидесяти двух часов подключите полицию.

– Да, сир.

Засунув телефон в недра глубоких карманов, Грегор на ходу налетел на двух девушек с кофейными стаканчиками в руках.

– Прошу прощения, – искренне извинился кардинал, поднимая взгляд.

Его глаза тут же опасно сузились, а руки сжались в кулаки. Он схватил одну из девушек за локоть и бесцеремонно потащил к окну в коридоре киностудии. Она ничего не сказала и позволила себя увести.

– Я что тебе приказал? Ты должна была глаз с него не спускать. А ты? Что произошло в Доме Фауста? Думала, в маленькой Праге я тебя не найду? – Грегор грозно навис над девушкой, одним взглядом обещая ей все муки Ада.

– Я была с ним всю ночь, а утром проснулась уже одна. Он сбежал так, что я не услышала.

– Не услышала? Разбитые зеркала твоих рук дело или ты так крепко спала, что не слышала ни звука?

Девчонка упрямо помотала головой:

– Чары я бы ощутила.

Ниотинский оперся о подоконник, устало ссутулившись. Иногда тяжесть прожитых лет и совершенных поступков давила похлеще

каменной плиты. В такие минуты слабости, как думал кардинал, он неистово искал какой-то якорь надежды, который бы позволил не опускать руки. Перед Ниотинским стояла всего-навсего ведьма, чей род его Орден практически истребил за века. Грегор знал все о ее жизни в Словакии: о приемной семье, которая издевалась над Элишкой, за что и была убита тогда еще неопытной ведьмой. Чернова, будучи подростком, инициировала себя сама: стресс и боль от насилия освободили ведьминскую сущность. О привязанности к Джене как к единственному человеку, от которого она получила тепло и внимание. И о слепой вере в то, что служительницы природы могут вернуть силы благодаря крови потомка Фауста. Ниотинский думал, что их потеря сил связана с малочисленностью и разобщенностью, которым он сам и поспособствовал: меньше ведьм равно меньше сил. Их сила множится от Ковена.

Чернова стояла перед ним, прижав локти к телу и чуть приподняв плечи, словно пыталась спрятать шею и хотела казаться меньше, незаметнее. От прежней задиристости не осталось и следа. Грегор понял, что нужно действовать осторожно, иначе совсем сломает молодую ведьму. Она слишком переживала потерю Дэниэля, а значит, начала чувствовать привязанность.

«Ну, надо же!» – мысленно удивился кардинал, а вслух поинтересовался:

– Демонический морок?

– Не уверена. Никогда не сталкивалась. Я искала Дэна с помощью трав, но он будто исчез с лица земли.

Девушка, казалось, сейчас разрыдается то ли от чувства вины, то ли от страха. Ее кофейные глаза, еще не испорченные миром, были полны невыплаканных слез. На мгновение Ниотинскому стало жаль это дитя. Элишка была лишь введомой, и теперь она зависела от его милости.

– Успокойся, пожалуйста. Не стоит устраивать истерики, – в голосе Грегора послышалась несвойственная ему мягкость. – Филипп, друг Дэна, его не ищет?

– Ищет. Вчера утром перед работой ездил к нему, когда я еще находилась в доме, и сегодня тоже. Завтра Фил собирается идти в полицию. Телефон Дэна разбит, но думаю, вы и так это знаете, – выпалила Чернова на одном дыхании.

Ниотинский кивнул.

– Джена? Она жива? – будто стесняясь и не надеясь на ответ, прошептала Элишка.

– Жива. Возможно, она поможет найти Дэниэля. Я позвоню, когда ты понадобишься.

Грегор бросил последние слова подчеркнуто строго, заканчивая разговор. Он энергичным шагом направился прямо в павильон для съемок, уверенный, что застанет там и Филиппа, и главного режиссера. Они нужны ему для предстоящего спектакля, который Ниотинский хотел разыграть в киностудии.

Кардинал оказался прав. Съемочный процесс был в самом разгаре. Объяснив подошедшему помощнику, кто он и что ему нужно, Грегор стал ждать. Спустя пару минут к нему подошел Фил и тут же отпрянул, выпучив глаза.

– Вы? Вы! – он возмущенно ткнул в него пальцем. – Я звоню в полицию!

Во второй раз за сегодняшний день кардиналу пришлось, сохраняя спокойствие, попытаться перетянуть на свою сторону человека, который его ненавидел. Он поднял руки ладонями вперед с понимающей полуулыбкой на лице.

– Я пришел помочь найти Дэна.

Филипп фыркнул, зло буравя его взглядом. Естественно, Грегор бы тоже не спешил доверять человеку, который до этого похитил его и пытался убить.

– Я думал, Дэн у вас.

К их паре спешил огромный мужчина с лысиной и в очках. Глаза были скрыты за толстыми стеклами-хамелеонами, отчего он напоминал гигантского богомола.

– Филипп, – властно позвал он, – кто это и что он делает на съемочной площадке без разрешения?

Ниотинский вступил в игру. Изобразив на лице скорбную улыбку, он протянул поддельную визитку доктора-невропатолога Маркуса Чейза.

– Вы отец Дэниэля? – недоуменно хмурясь, спросил «богомол».

– Нет, его дядя. Разыскиваю Дэна и хочу просить о помощи, чтобы обратиться к местной полиции.

Главный режиссер прочистил горло и откашлялся, а потом посмотрел на Фила, словно нуждался в его поддержке. Фил в это время как раз успел придать лицу озабоченное выражение вместо полного ненависти.

– Дэниэля нет на работе два дня. Раз вы здесь, то лучше обратиться в полицию уже сейчас. Парень всегда был пунктуален, когда дело касалось работы, старателен. Пропадать вот так – не в его привычках.

– Я только прилетел и плохо ориентируюсь в городе, поэтому хотел бы просить помощи, если это в ваших силах, – Грегор смущенно улыбнулся и добавил: – Страдаю топографическим кретинизмом и очень плохо ориентируюсь в новых местах.

Главный режиссер задумался, очевидно, выбирая, кого бы отправить с ним, а Ниотинский продолжил:

– Я бы хотел попросить отпустить на пару дней Филиппа. Он близкий друг моего племянника, и мы с ним уже знакомы.

Филипп на это гневно раздул ноздри, на его щеках появились багровые пятна. Он открыл рот, потом закрыл и сжал губы, сдерживая эмоции и, очевидно, готовые вырваться бранные слова в адрес Грегора. Хорошо, что главный режиссер не увидел его гримас, так как в это время смотрел на «дядю Дэниэля».

Кардинал понимал, что Фил ни за что сам не пойдет с ним, поэтому рассчитывал обязать того маленькой хитростью. Разговор с его работодателем позволит парню думать, что он в безопасности. Ниотинский считал, Филипп кое-что скрывает, и именно он поможет найти потомка Фауста, на которого у Грегора были далеко идущие планы. Как и предполагал кардинал-епископ, главный режиссер любезно отпустил друга Дэна с ним, дав отгул на два дня. Филипп хранил молчание до самой машины, лишь его напряженный вид да кулаки выдавали волнение.

Едва они сели в тонированную машину на задние сиденья, Ниотинский, не глядя на парня, проговорил:

– Ты можешь уйти в любой момент. Силой тебя никто удерживать не собирается. Но чтобы найти и спасти Дэниэля, мне нужно знать, кто ты такой. Вернее, что ты такое.

Глава 12

Desine sperare qui hic intras.

Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Лилит

Шагнув за порог апартаментов, Дэн вцепился в мои плечи, притягивая к себе. Завладев губами, терзал их, раздвигая и просовывая язык в рот. Неистово целуясь, мы дошли до кровати. Он толкнул меня и навалился сверху. Я довольно застонала и выгнулась ему навстречу. Прошептав «Лилит», Дэн куснул за шею, накрывая своим ароматом:

цитруса и сандала. Он отмечал каждый кусочек кожи, целуя и прихватывая зубами.

Я избавила Дэна от свитера, джинсов и белья. Игра в страсть, наконец, увлекла и меня.

– Скажи, что хочешь стоять рядом со мной и быть таким же, как и я, – потребовала я.

– Хочу быть таким же, как и ты.

Юный Фауст с маниакальным блеском в глазах подтянул мои бедра к своим, заставив только удивленно и восхищенно ахнуть. Мой рот тут же был закрыт жестким поцелуем. Поджарое мужское тело придавило к кровати. Мои ноги настойчиво растолкали и забросили на бедра. От предвкушения по телу пробежала сладкая дрожь. Подхватив меня удобнее, Дэн резко вошел. Заглушив поцелуем громкий стон, который вырвался из моего горла.

Вцепившись жадными губами в рот, он протолкнул язык глубже, фактически повторяя им движение бедер. Дэн ускорился, и я ощущала, как с каждым движением внутри все сильнее сворачивался в тугую пружину комок наслаждения. Громче всхлипывала и крепче впивалась когтями в спину.

Наше дыхание давно сбилось, а в мышцах пульсировал приятный жар. Фауст оставлял укусы и засосы на моей шее, более не сдерживаясь. Я почти перешла в свой истинный облик.

Чувствуя, как разрядка в скором времени неминуемо накроет нас обоих, я немного оттолкнула его и, сменив позу, оседлала. Крепко сжав его ногами, стала двигаться все быстрее и быстрее. Мое тело задрожало и выгнулось от нахлынувшего удовольствия. То же самое случилось с Дэном. Он застонал, и на вершине наслаждения я резко полоснула когтями по шее мальчишки. Кровь из артерии окрасила постель, брызнула на мое лицо. Все еще сидя на Дэне верхом, я облизала губы и крикнула:

– Tu ad partem gehennae! Et sicut daemonium oriri!^[30]

Тело Фауста обняла темнота, вливаясь в него, просачиваясь через поры.

Утро наступило быстро. Отель впитал следы ночи, попавшие на стены. Белье сменила я. Нагой мальчишка крепко спал, распластавшись поверх одеяла в одной из двух спален моих апартаментов. Коньячные кудри выделялись темным пятном на белой

подушке. Ему потребуется некоторое время, чтобы окончательно переродиться. Любопытно, каким станет Дэниэль? Изменения начинались с физической формы, заканчивались душевной. По крайней мере, так говорил Повелитель, а я была склонна верить его опыту. Мне приказано проследить, чтобы переход прошел «как надо».

Я присела на кровать, провела пальцами по гладкой смуглой спине Дэниэля. Полюбовалась лопатками, где с ночи остались глубокие борозды от моих когтей с уже запекшейся кровью. Красиво. Был в мальчишке внутренний стальной стержень, который так приятно уничтожать. Хотя я всего лишь слегка согнула его, сломаться он должен совсем скоро и самостоятельно.

Ужас Дэна в сарае позабавил меня, и я не удержалась: сыграла с ним в «кошки-мышки». Услышала его аромат, едва вышла на задний двор. Все остальное было чистой импровизацией: обычно мы не тащим постояльцев в сарай.

«Обычно я не приглашаю людей в свои апартаменты», – невольно пронеслось в мыслях.

Я вышла на террасу, сильнее запахнув на груди шелковый халат. Внизу проходила горная дорога. Расчищенная от снега автотрасса казалась траурной лентой на фоне гор. Возле дороги вершины были округлые и густо заросшие лесом. Издалека казалось, что это широкие спины огромных мохнатых медведей с зелеными шкурами, припорошенными снегом. Остальное пространство занимали горы, их склоны и пики. Выше них – только небо. Острые пики устремлялись ввысь один за другим, и не было им конца. Далеко на горизонте не видны каменные гиганты, а лишь их подпернутые дымкой очертания, словно голубоватые призраки на фоне неба.

Люди ехали в горы, чтобы быть ближе к небу, ближе к Богу. Но сами того не подозревая, оказывались рядом с Дьяволом. Ослепленные окружающей красотой, они забывали, что это вовсе не то место, где ты можешь доверить свою жизнь другим. Это место, где ты можешь ее лишиться.

Мне нравились Альпы за возможность здесь быть собой. Жить и играть с едой, которая сама едет сюда.

Печать резко обожгла шею, словно туда ткнули раскаленной кочергой. Повелитель зовет. Приведя себя в надлежащий вид, я вышла

из апартаментов, аккуратно закрыв за собой дверь на ключ, и вошла в лифт, надавив на кнопку минус второго этажа.

Посмотрела в отражении на распухшие от укусов мальчишки губы и недовольно скривилась, а затем тут же вернула на свое лицо маску. Повелитель не любил наблюдать эмоции подчиненных, а я не могла его разочаровать. Хотя Вильгельму, этому средневековому аристократишке, прощалось все. Нужно, конечно, отметить, что он и не был в полном служении у Господина. Лишь укрылся в «Дахштайне» на время, принося пользу и отрабатывая выпитое и съеденное, так сказать. Мне не терпелось избавиться от Вильгельма, но Фер Люций благоволил ему, что было для меня постоянным поводом для размышлений.

Еще раз взглянув на себя в зеркало, убедилась, что выгляжу подобающе. Всматриваясь в зрачки, глубоко вздохнула, машинально заставляя лицевые мышцы застыть в одном положении. Из лифта я вышла уже в привычном виде марионетки Господина.

Вход в шахты никак не освещался, но это и не нужно: все, кто знал об этом месте, людьми и не являлись.

Чей-то крик разорвал тишину и впитался в стены. Люций сегодня работал. Стук каблуков гулким эхом отражался от камня.

В шахте горели факелы, что скорее было прихотью Господина, чем потребностью. Пахло влажным воздухом, пропитанным солью и ужасом.

На дыбе посредине был растянут человек, уже готовый попрощаться с душой. Этому орудию было несколько столетий. Господин предпочитал старые методы, мне же больше нравились инструменты двадцать первого века. На стенах висели всевозможные орудия пыток: кнуты, свитые из тяжелых кожаных ремней, щипцы, клещи, «груши»^[31], «утробные кошки»^[32], ручные пилы, кандалы и тиски.

По сути, нам не нужны были инструменты, но казалось символичным пытаться людей их же изобретениями. Это добавляло обычной смерти обычного человека некую изюминку.

Фер Люций занимался своим делом дальше, хотя прекрасно слышал меня. Его широкую спину обтягивала белая рубашка, рукава которой были подвернуты, так как Господин не любил пачкать одежду.

– Дэн?

– Отдыхает.

– Как прошло?

Я пожала плечами, не вполне понимая, что он хотел от меня услышать. То, что я сделала с Дэниэлем, происходило далеко не каждый день, чтобы судить о процессе.

Повелитель рассмеялся, глядя на меня, очевидно, последний вопрос был шуткой. Я же в который раз поразились тому, как он любит, создавая правила, сам их нарушать, но не прощает такую вольность другим.

– Следи за ним. Этой ночью должен быть его первый раз.

– Этой?

– Да. Нельзя медлить. Ты и так слишком долго вела Дэниэля сюда. Устрой все. Научи его, – Фер Люций говорил резко и отрывисто, будто вбивая молотком слова мне в голову. – Знаю, ты меня не разочаруешь. Так ведь, Лилит?

– Да, Повелитель.

– Он его полная копия, да?

– Фауста? Соглашусь. Как и его предок, мальчик любит совать нос куда не следует.

Феру Люцию это не понравилось. Увидев в глубине его разноцветных глаз злость, я почувствовала обреченность и желание убежать, как ощущала его каждый раз при виде гнева Повелителя. Замерев на месте, я лишь облизнула враз пересохшие губы, ругая себя за болтливость.

– В таком случае он больше напоминает тебя, Лилит.

Фер Люций к чему-то прислушивался: его глаза на миг закатились, лицо вспыхнуло пламенем, словно он сунул его в один из адских котлов. Я молчала, склонив голову и ожидая наказания, но того не последовало. Повелитель снова обрел привычный вид и бесстрастно спросил:

– Новые постояльцы?

– Почти готовы.

– Завтра придут еще. Ступай, – указав на выход, Господин вернулся к прерванному занятию.

«Придется “позаботиться” о Бергнерах сегодня», – размышляла я, направляясь к стойке регистрации, где уже скалил клыки администратор.

– Как прошло? Выглядишь премерзко, – кривя уголки губ, отвесил комплимент Вильгельм.

Я посчитала нужным его проигнорировать. Да и что говорить? Дэн особенный уже из-за фаустовской крови, в которую ушлый чернокнижник чего только не намешал. Неясно, каким он проснется после перехода на другую сторону.

– Фрау Лилит, душа моя, а где тот долговязый кудрявый мальчишка с именитой фамилией? Я не наблюдал его за завтраком. Неужели уехал?

Несвежее, прокуренное дыхание ударило в нос. Мистер Функ появился возле стойки с неизменной газетой прошлого века. Стоило сказать, что он был примером того, как Повелитель может воздавать по заслугам, не утягивая душу в Ад. Старик относился к особой категории постояльцев. Он был нацистским министром экономики и президентом Рейхсбанка. Вальтер Функ бежал из Германии в Австрию в сорок пятом, скрываясь от возмездия в горах. Спрятал награбленное золото на дне Хальштатского озера и угодил в «Дахштайн», где остался навечно. Фер Люций пытал его до смерти каждую ночь, а затем возвращал к жизни, поэтому Вальтер потерял часть рассудка, вернее, спрятал, чтобы окончательно не сойти с ума. Повелитель считал: Функ достойно наказан, обреченный жить, пока существует отель.

Веками люди ошибочно полагали, что Фер Люций – абсолютное зло. Возможно, так оно и было. Отчасти. Однако разве не должна в мире быть гармония? Там, где есть добро, есть и зло. Создав нас, демонов, Повелитель помог людям обличать их пороки, явные и скрытые. Изначальный смысл существования «Дахштайна» был именно таким. Только вот Феру Люцию всегда было мало. С начала времен у Ада имелись законы, которые мы соблюдали до сих пор, но Повелитель пошел против них, начав открывать врата и пускать демонов охотиться без правил. Орден, который основал Ниотинский, немного уравнил чашу весов, но ненадолго.

– Мистер Фауст отдыхает, но вы обязательно увидите его завтра.

Мистер Функ улыбнулся, кивнул и отправился в гостиную на завтрак. Я проводила его взглядом, и когда двери сомкнулись, а в холле остались только мы двое, повернулась к Вильгельму.

– Такое впечатление, что тебе доставляет удовольствие злить меня.

– Все дело в том, что здесь нет других развлечений, госпожа управляющая отелем потерянных душ, – иронично протянул Рот.

– Надеюсь, Феру Люцию скоро надоеет твое присутствие здесь.

– Его Мрачность меня обожает. К тому же кто-то должен присматривать за отелем, пока ты играешь то в вуаеристку, то в няньку.

Если бы я могла убить его взглядом, а я могла, то Вильгельм уже давно был бы мертв. Проблема в том, что наглый администратор не был в полной мере живым, а значит, пытаться сделать его мертвым – бесполезная трата времени. Такие существа, как Рот, остались лишь в преданиях и легендах, скрываясь среди людей.

Подождав и проверив, чтобы все постояльцы позавтракали, вернулась в свои апартаменты. Фауст спал, поэтому я направилась во вторую спальню, с расписанными от пола до потолка стенами и огромным старинным зеркалом. Сняв пиджак, я заколола волосы, обнажив печать за ухом – рубец, едва ли похожий на татуировку. У смертных этот символ назывался «крест Левиафана» или «сульфур». Печать, оставленная Повелителем, состояла из двух частей. Нижняя часть выполнена в виде знака бесконечности (∞). Верхняя – представляла собой двойной крест (\ddagger). Люди трактовали его ошибочно: крест символизировал защиту и равновесие, а знак бесконечности подчеркивал постоянную природу, вечность Вселенной.

Сульфур или алхимическую серу ассоциировали и со знаком Дьявола, что казалось ближе к истинному значению печати. Правда была довольно проста: двойной крест – это Бог, церковь и небеса, а перевернутая восьмерка, в которую упирался крест, – змей, бесконечно искушающий внизу и всегда появляющийся там, где есть вера.

Все до единого творения Фера Люция носили сульфур за правым ухом.

Желание увидеть Ниотинского зудело под кожей. Я оправдала себя тем, что должна следить за событиями в Праге, чтобы, не дай Дьявол, они не нашли к нам дорогу.

Скользнула по отражениям и очутилась в зеркале автомобиля, где царил молчание. Два хранителя Грегора отсутствовали, на заднем сиденье развалился Фил. Он либо спал, либо был без сознания. Хотя

нет. Филипп открыл глаза и посмотрел на меня в зеркале, а после снова закрыл и принял бессознательный вид.

«Что за... Великий инквизитор взялся за друга Дэна? И где он сам?»

Я отразилась в окнах машины. Увидела ухоженную улицу, коттедж справа и виднеющийся за поворотом Тройский замок. Дом Грегора. Становилось все интереснее.

Двери открылись, и Ниотинский тяжело опустился на кожаное сиденье. Недельная щетина украшала подбородок, смягчая контур челюсти. Черные брюки и свитер под горло обнимало бежевое двубортное пальто. Грегор выглядел успешным интеллектуалом, а никак не главой древнего Ордена. Он схватился за руку с перстнем и посмотрел в зеркало заднего вида. Я засмеялась, епископ меня так и не увидел, но, ставлю на кон сто лет демонической жизни, что чувствовал присутствие своим занятым кольцом. Ледяные, словно Арктика, глаза опасно сузились. Грегор потерял палец с печаткой и пошарил взглядом по отражающим поверхностям.

– Лилит? – позвал он, но сегодня я не намерена была болтать, лишь подсматривать. – Лилит, покажись.

О, сколько разных оттенков эмоций слышалось в том, как он произносил мое имя. Я затаилась в глубине зеркала. Перестав смотреть в отражение, Ниотинский повернулся к другу Дэна.

– Филипп, проснись, – потряс он парня за плечо.

Тот распахнул глаза и очень натурально удивился, словно забыл, где находится, но быстро пришел в себя и сел ровнее, насколько это было возможно, отодвинувшись от Грегора.

– Я не спал несколько ночей, – будто оправдываясь, пробурчал парень.

– Дэниэль улетел в одну из ближайших стран. Это лишь мое мнение, и оно не точно. В тот день, когда он сбежал, на несколько секунд вышла из строя система бронирования аэропорта. Записи о самолетах, вылетающих примерно в одно время, и всех рейсах в ближайшие страны оказались потеряны. Данные о пассажирах на бортах тоже. Пока они только восстанавливают отчетность.

Я слушала и, глумясь, согласно кивала. Очень важно знать, где они ищут, чтобы быть в курсе и успеть увести, если нужно, по ложному следу.

Грегор бросил взгляд на зеркало и сделал знак парню выйти из авто. Они быстро удалились на приличное расстояние, я в это время прыгала по окнам домов, стараясь не упустить их из виду. Мужчины вскоре скрылись за воротами Тройского замка.

Уже не надеясь подслушать их, я случайно заметила на руке Фила подходящий предмет. Вот оно! Электронные часы с квадратным экраном. С удовольствием прыгнула в них, и вся обратилась в слух, отражаясь на стеклянной поверхности.

– Вы объясните, наконец, какого черта происходит? – холодно поинтересовался Фил, смяв в руках входной билет на *zamecku prohlidku*^[33].

Теперь я поняла, почему Грегор поселился рядом с красно-белым замком. Тройская резиденция напоминала кусок солнечной Италии на окраине Праги. Замок словно построен для того, чтобы воссоздать атмосферу вечного Рима и совершенную иллюзию пригородной усадьбы, полной художественных произведений посреди бескрайних садов, окруженных виноградниками и шумящей рекой.

– Сначала я хочу услышать кое-что о тебе. И на этот раз получить вразумительный ответ, а не то, что ты лепетал в машине.

Филипп шумно выдохнул сквозь зубы и процедил:

– Я не могу сказать. Печать обета. Она падет только после того, как прямо спросит Дэн.

Парень поднял руку с часами и нервно провел ей по волосам, а я как раз смогла увидеть лицо Грегора. Ниотинский запнулся и остановился в явном замешательстве. Потянул воротник свитера, словно сдерживал слова, которые вертелись на языке.

– Ты демон? Но как? Я бы ощутил.

Филипп дернул рукой и терпеливо ответил:

– Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваши догадки.

– Я понял, – сдался Ниотинский. – Значит, Дэна ты искать не сможешь?

– Почему? Помогу. Он мой лучший друг.

– Ты поэтому забрал у лучшего друга украшение в виде креста, которое его хранило, и специально не вернул? – в тоне Грегора послышалось нескрываемое ехидство.

– Выстрел на складе повредил крест, и он потерял свои свойства. Уверен, Дэн никак не смог бы сопротивляться искушению, –

оправдывался Филипп.

Ниотинский на его слова сжал руки в кулаки. Большого увидеть не вышло – поверхность часов была слишком мала.

– Зачем тебе крест?

К их паре приблизились шаркающие мужские ноги в старомодных брюках. Я рискнула, прыгнув снова. Мой расчет оказался верным, старик носил очки, и несколько минут я смогла смотреть на Грегора и Филиппа через стекла.

Друг Дэна как раз с ожесточением комкал в руках ни в чем не повинный билет. С его лица пропало выражение яркого удовольствия от жизни, которое я наблюдала до этого не раз. Вроде передо мной находился тот же ловелас, друг Дэна, но глаза словно принадлежали кому-то другому, более взрослому и опасному. У меня появилось чувство, что крест с серьги играл куда большую роль, чем защита от демонического внушения.

– Чтобы отдать старый долг! – тон Фила не располагал к дальнейшим расспросам, но Ниотинскому, по-видимому, было плевать.

Старик поравнялся с ними, и я снова переместилась на часы. Грегор и Фил повернули от замка к французскому саду, огибая геометрически подстриженные кусты. Я же лихорадочно рассматривала Фила. Кто он? Демона в нем я не чувствовала. Значит, он что-то вроде хранителя. Почему-то я была совершенно уверена, что без вмешательства Фауста и его науки здесь не обошлось.

– Хороший из тебя друг, ничего не скажешь. Думаю, твоей обязанностью была защита мальчика.

– Не хуже, чем вы, – голос Фила заскрежетал металлом. – Вы в Прагу явились чуть ли не всем Орденом и упустили Дэна.

Грегор поперхнулся воздухом. Откашлялся и, тяжело выдохнув, ответил чуть охрипшим голосом:

– Справедливо.

– Вы отпросили меня со съемок гулять в парке?

– Это мера предосторожности.

Грегор остановился и тронул пальцами левой руки печатку на правой, проведя подушечками по ватиканским ключам. Когда он заговорил, слова его стали предельно вежливыми:

– Подозреваю, что ты нечто сверхъестественное. Если сможешь войти, тогда добро пожаловать в мой коттедж. Нужно узнать, как

продвигаются поиски.

Спустя пять минут, по мере их приближения к жилищу кардинала, меня вышвырнуло обратно в «Дахштайн», да так, что пришлось тушить на себе рубашку. Сработала защита дома.

До самого вечера я окунулась в дела отеля. Подчищала «хвосты» за постояльцами, которые уже никогда не покинут стен «Дахштайна», и готовила почву для следующих, обновляя объявления на сайтах аренды жилья.

Как только сумерки окутали горы, я зашла проверить, не очнулся ли Дэн, но смятая постель оказалась пуста. Вот это уже не по плану. Подгоняемая дурным предчувствием, вышла в коридор и двинулась вдоль номеров, слушая, что происходит за дверьми.

В номере восемь слышалось чье-то тяжелое дыхание. Бергнер. Повернув ручку и тихо ступая, вошла. Мальчишка склонился над мужчиной, его руки крепко сжимали тому шею, отчего Бергнер дергался под ним в уже предсмертных конвульсиях.

Слишком быстро. Я помню тот момент, когда открыла глаза демоном. После превращения чувствовала себя настолько плохо, что раздирала кожу ногтями, пытаясь заглушить жар. Ни о каком убийстве в первые минуты и помыслить не могла, разве что о собственном. Я вздохнула. Вздох вышел почти как у человека, который совершенно не хотел заниматься каким-то делом, но был вынужден. Присела рядом с мальчишкой.

– Дэн? – позвала, заглядывая тому в лицо.

Не поворачиваясь ко мне, он тихо ответил:

– Я сейчас.

Бергнер затих. Юный Фауст отнял руки, перестав душить, но не поднялся с пола. Он рассматривал мертвого постояльца.

Раз он сам так быстро освоился, то и я церемониться не стану. Повелитель только похвалит за быстрый результат.

– Приятно смотреть, как под пальцами синееет лицо, лопаются сосуды в глазах, смешно дергаются конечности? Держу пари, он пытался сопротивляться, будто бы мог одолеть тебя, – своим самым обольстительным тоном протянула я.

Дэн перевел взгляд на меня, и его лицо исказилось мукой. Он посмотрел на свои руки, что минуты назад с наслаждением лишили человека жизни, а потом спрятал лицо в ладонях и завыл, раскачиваясь

на одном месте. Мальчишка широко развел пальцы и вонзил ногти себе в кожу, ведя их вниз, оставляя глубокие царапины. Я наблюдала, раздумывая, отнять его руки от лица или пусть и дальше изображает из себя кровавого тигра.

– Что ты сделала со мной?

– Помогла совершить переход от человека к демону и наделила силой, – я и не пыталась скрыть удовольствие в голосе.

– Почему мне нравится убивать? – он убрал пальцы от лица, и царапины начали затягиваться на глазах.

– Потому что можешь, – хохотнула я и добавила: – Я забрала мораль. Всем нравится убивать, не говори мне, малыш, что ты этого не знал! Весь мир на этом построен. Первое убийство, как первый раз поцелуй: будоражит, волнует и хочется повторить.

Мальчишка побледнел настолько, что напоминал скорее неуспокоенную душу, чем живого человека. Скулы у него заострились, кожа посерела. Взгляд Дэна сделался немного не таким, как я предполагала. Глазное яблоко тьма заволокла не полностью, а лишь закрасила радужку, отчего казалось, что он вставил хэллоунские линзы.

– Кто ты? Дьяволица? Malum?

Помимо ужаса в его голосе, я с удовлетворением расслышала и нотки любопытства.

– Демон. – Я приняла истинный облик, чтобы наглядно продемонстрировать, о чем говорю. Щелкнула клыками и сладко потянулась, наблюдая, как у юного Фауста округлились глаза. – Ты тоже демон. Почти. Где миссис Бергнер?

– В ванной, без сознания.

Дэн поднялся с пола. Его лицо дергалось, словно он боролся сам с собой. Я облизнула губы, возбужденная этой картиной.

«Прах тебя возьми, давай же! Будь моим!» – мысленно кричала я, посылая яркий импульс в его податливую голову. Мальчишка завис и не моргая смотрел в одну точку.

Миссис Бергнер. Совсем забыла. Я сделала несколько шагов и распахнула дверь, женщина лежала на полу. Ради всего нечистого, какой же он Фауст? Доктор в его годы уже проводил спиритические сеансы, писал гримуары и занимался алхимией. Учить Дэна приказано

мне, но, если бы Ад не был заперт, я бы с радостью спихнула его на другого демона.

«Ну, Лилит, давай, включай няньку будущему демону».

Следом мне подумалось, что Фер Люций не возился со мной после обращения. Просто отвел в Ад на неделю. Горящие котлы, многоуровневые города в падающем с неба пепле и каждое живое существо, готовое вцепиться в горло. Мне хватило с лихвой. Только после Ада Повелитель выстроил границы: что мне позволено делать, а что нет. Он наказывал, если я что-то делала не так.

– Дэн, подойди, – мой голос звучал, словно кнут, хлестко и неприятно. – Ее придется убить. Мы не оставляем свидетелей.

Мальчишка отшатнулся. Шумно сглотнул и отступил на шаг. Его лицо скривилось, в глазах стояли слезы, руки дрожали.

– Давай, Дэн! – подстегнула я.

Он нехотя сделал шаг ко мне, потом еще один. Было приятно наблюдать, как демоническое в Дэне захватывает сознание. Сопrotивляйся, не сопротивляйся – итог один: если очнулся демоном, то непременно им станешь. Юный Фауст приблизился и присел над миссис Бергнер.

– Нет. Подожди, торопыга. Убийство – это и своего рода искусство, и наслаждение. Если убивать механически, то в чем тогда смысл. Понимаешь? Убивать можно по-разному: милосердно, что определенно не про нас, и мучительно для жертвы – вот это то, что нужно. Пытку можно превратить в твое бесконечное удовольствие.

Я неторопливо расхаживала перед ним, задрав подбородок и поглядывая на потомка Фауста. Грудь наполнили легкость и тепло. Ощутила себя неожиданно хорошо, когда начала рассказывать о том, что любила больше всего, жестикулируя над миссис Бергнер.

– Кажется, я понимаю, о чем ты, – отозвался Дэн. Его голос напоминал механическую заводную куклу: скрипящий и неестественный. – Тебе нравится вырывать грудную клетку?

– Сердца. Я люблю есть сердца.

Мальчишка поморщился, но никак не прокомментировал мой ответ. Ему только предстояло узнать о своих новых вкусовых пристрастиях. Чем быстрее он начнет испытывать удовольствие и подсядет, тем прочнее погрязнет в отеле.

– Как мне это сделать?

– Удушение ты уже испробовал. Хочешь сделать это ножом или другим оружием?

Дэн основательно задумался и произнес:

– Нож для колки льда.

Я улыбнулась и вернулась в свои апартаменты. Прошла в гардеробную и открыла дверь шкафа с инструментами. Любовно провела пальцами по своей коллекции: приласкала меч, мой трофей, отнятый в бою в Аду, и, выдвинув дополнительный ящик, вытащила нож, который захотел мальчишка.

Коридор был зловещ и пуст. В «Дахштайне» наступила ночь.

– Держи.

Мне было любопытно, как он себя поведет. Я мысленно представила сто разных способов убийства миссис Бергнер, но Дэн снова меня удивил. Он взял нож, нацелил на левую кость глазной впадины. Женщина как раз начала приходить в себя, слабо застонав. Мальчишка с силой ударил ладонью по рукояти, отчего нож пробил тонкую кость и вонзился в мозг.

Бергнер закричала и потеряла сознание. Дэн вынул из нее оружие. Левую сторону лица женщины украсила кровавая дорожка. Признаюсь, я пришла в замешательство, даже прикусила губу. А юный Фауст смотрел и смотрел на окровавленное лицо миссис Бергнер.

– Решил поиграть в доктора?

Глаза Дэна превратились в осколки льда. Он кивнул. Из позы ушла дрожь, а внутренние мучения если и терзали его, то внешне уже никак не проявлялись.

– Я читал про лоботомию для режиссерской работы. Занятная процедура. Когда она очнется, повторю с правой стороной, – жестикулируя ножом, Дэн улыбался так, будто сам был пациентом психиатрической больницы.

Тут я и поняла, что превращение оказало на мальчишку не тот эффект, на который мы рассчитывали. Дело ли в том, что кровь Фауста алхимически изменена и, пройдя сквозь столетия, каким-то образом свела с ума носителя, либо же потомок оказался настолько морально слаб, что сломался от пары убийств? В адском котле души людей легко становились демонами, а превращенных на Земле, насколько я знаю, существовали единицы.

Мальчишка слишком мягкий и добрый для носителя зла. Правда, Дэниэль не был и чистым человеком. Скорее, потусторонним существом с дремлющими в генах силами. Возможно, для того, чтобы он стал тем, кем предначертано, нужно время.

– Допустим. Что потом? Насколько я знаю, после лоботомии люди могут потерять рассудок. А мучить овощ не так весело.

– Могут, – согласился Дэн. – Она очнется, и узнаем. Если будет не в себе – добыю, но если останется в сознании, тогда продолжу. Думаю, у тебя найдется еще интересных орудий? Позволишь воспользоваться?

Кивнув, я изобразила кривую улыбку. Дэн тем временем похлопал миссис Бергнер по щекам, отчего ее голова моталась по полу, издавая звук, похожий на почесывания зверя.

– Где я? Что случилось? – она попыталась встать.

– Лежите спокойно. Мы вам поможем, – успокаивающе прошептал Дэн и взял нож.

Повторив действие с правой костной впадиной, он с любопытством замер. Признаться, я тоже заинтересовалась. Женщина издала полный боли крик, который Фауст заглушил, крепко прижав ладонь к ее рту. Бергнер подняла руки, чтобы вытащить нож, но, очевидно, они не слушались, она не могла найти ими рукоять. По лицу женщины текла кровь. Глаза, красные от лопнувших сосудов, закатились, а тело начала бить судорога. Из рта пошла пена.

– Кажется, я переборщил во второй раз, – с притворным огорчением заметил Дэн.

Он вытащил орудие из кости, но не отвел его, а процарапав на коже тонкую яркую линию, уперся кончиком прямо в сердце.

– Хочешь его?

– Я сыта. Она полностью твоя.

Жертва прекратила корчиться от судорог, которые сотрясали тело. Дэн снова попытался привести ее в чувство, но, похоже, сознание миссис Бергнер ускользнуло в глубокий спасительный обморок: глаза закатились, и она вся обмякла. Дыхание женщины стало очень слабым и прерывистым, будто она хотела затаиться и уже казаться мертвой. Подождав еще пару минут, мальчишка медленно надавил острием на кожу. Я облизнулась и затаила дыхание. Он погружал его все глубже, пока снаружи не осталась лишь деревянная рукоять, перепачканная кровью.

Дэн издал глубокий удовлетворенный выдох.

Миссис Бергнер перестала дышать.

Он какое-то время восторженно рассматривал деяние рук своих, а потом сел возле тела женщины, обхватив руками колени, и начал раскачиваться вперед-назад, словно детская игрушка. Откат все-таки начался. Уже приемлемо. Получить безумного демона было бы довольно проблематично.

Неожиданно я положила руку ему на плечо.

«Что это со мной?»

Разозлившись на себя, выпустила когти, которые вошли мальчишке в плечо, но он даже не вскрикнул.

– Твое состояние сейчас, – я убавила презрение в голосе и напустила участия, – оно пройдет. Вставай, я покажу наш крематорий.

Дэниэль, наконец, оторвал взгляд от трупа и повернулся ко мне.

– Крематорий?

– Шучу. Зачем нам крематорий, если есть врата?

Я нажала на потайной рычаг в стене напротив спальни, и вход на скрытую лестницу открылся. К слову, почти все номера выходили на нее, кроме моего и Дэна. Повелитель жил не в отеле, он жил под ним.

Я взяла труп мистера Бергнера за руку и потащила к ступенькам, видневшимся в узком проходе, кивком велев мальчишке последовать моему примеру. Тела напоминали огромных дохлых червей, конечности глухо стучали по ступенькам, отчего мертвецы извивались в разные стороны. Лестница привела нас на минус второй этаж. Возле входа в каменный грот показалась неглубокая ниша, куда я уложила чету Бергнер. Дэн молчал, осматриваясь.

Ад заперт, но его «прихожая» открыта. Мой старый враг при помощи ведьм и древних знаний сумел запечатать врата для Повелителя и его творений, тех, кто в тот момент был снаружи. Причем души все так же попадали туда, только вот хозяин Ада не получал от них ни сил, ни удовольствия. Поэтому он и создал своего рода прихожую, где мог бы поддерживать себя в тонусе. Она находилась между вратами и отелем. Кровь Фауста должна была стать демонической, чтобы отменить все печати, наложенные на вход в преисподнюю, где, по слухам, уже началась борьба за власть среди подобных мне. Любопытно, что демоны, сумевшие выйти оттуда, тоже не могли вернуться.

Дэн вступил в наши ряды, и теперь только вопрос времени и моих усилий, когда удастся вылепить из него того, кто поможет Феру Люцию. Повелитель планирует вернуться в свое царство: навести порядок и распечатать новые врата. Те, что закрыты, или намеченные им как потенциальные червоточины.

– Что там? – спросил Дэн, указывая на тянущуюся на сотню метров соляную шахту.

– Вход в Ад, о котором я расскажу тебе позже, – быстро ответила я, чувствуя, что он движется следом. – Главное, запомни: если демон и испытывает какие-либо эмоции, то лишь в мыслях, украдкой. На твоём лице должна быть маска.

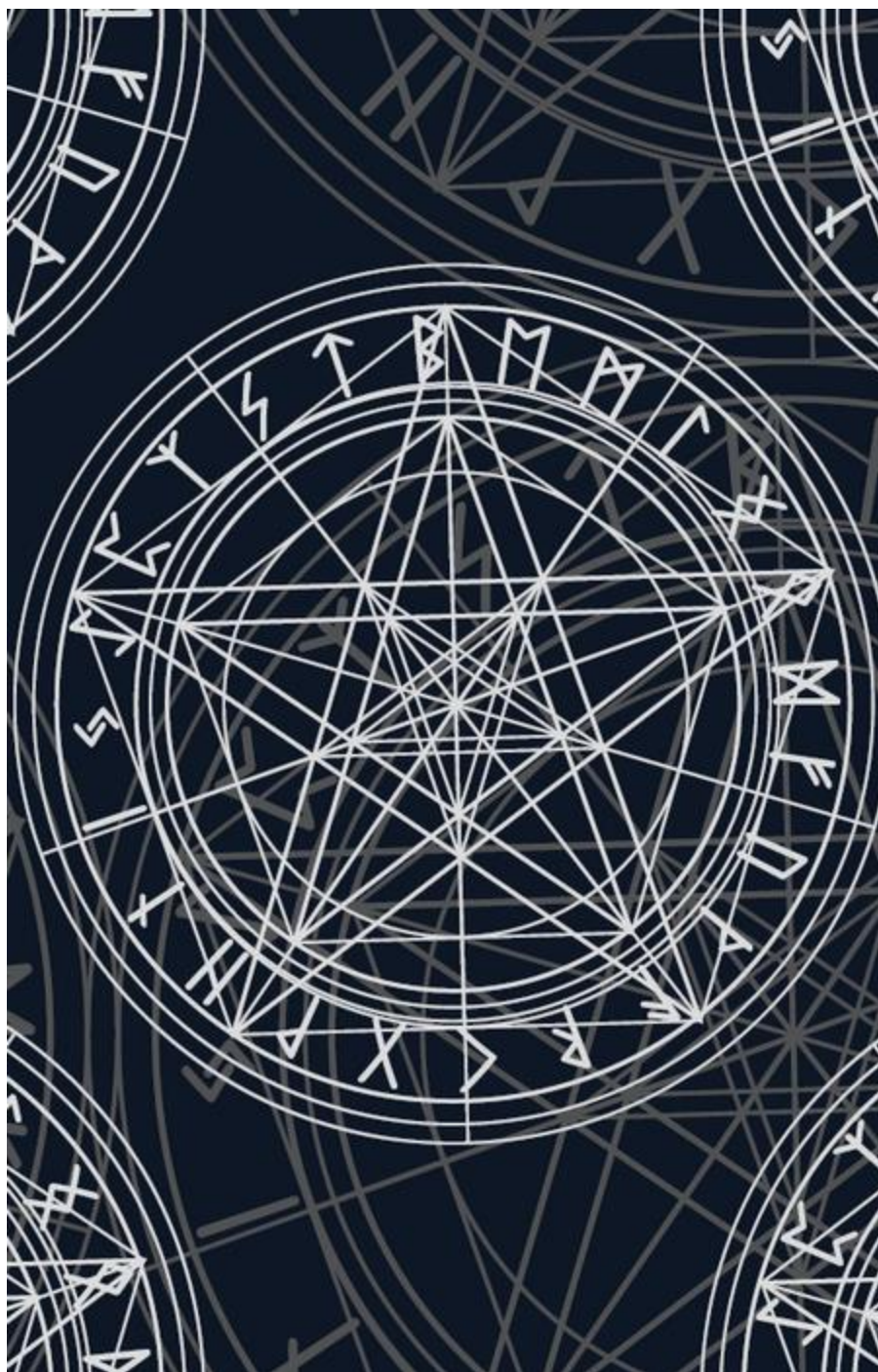
Выпрямившись, я вздернула подбородок и мысленно надела на лицо железную личину. Дэн сдвинул брови, желая что-то спросить, даже набрал в грудь воздуха, да так и застыл, услышав скрежетание когтей, царапающих каменные стены шахты. Из-за поворота появилась одинокая фигура в костюме-тройке.

Глава 13

Morituri te salutant.

Идущие на смерть приветствуют тебя.

Повелитель приближался, картинно распахнув объятия для потомка.

– Дэниэль Фауст, – смакуя имя мальчишки, словно это были его любимые окровавленные мозги, протянул Фер Люций.

Дэн замешкался, очевидно, не зная, что ответить.

– Скромность – удел слабых! – по-своему истолковал его молчание Господин. – Избавься от нее.

– Хорошо.

Мальчишка кивнул, избегая смотреть на Повелителя. Я понимала почему. Похоже, Дэн узрел истинный облик Владыки Ада.

– Быстро справились. – Фер Люций посмотрел на чету Бергнер, а потом снова на Фауста.

Дэн широко и немного безумно улыбнулся. Так улыбаются люди, которых забирают в психушку прямо с автобусной остановки: они еще не в полной мере осознают свою болезнь, как и то, что их жизнь меняется навсегда.

«Прах его возьми!»

Фер Люций тут же выразительно поднял брови, а потом уделил внимание моей скромной персоне.

– Лилит, – он картинно всплеснул руками, – ты разве не озвучила ему главное правило поведения?

– Озвучила.

– Тогда преподай ему урок. Дэниэль должен запомнить.

Я поворачиваюсь к ничего не подозревающему мальчишке. Удар в челюсть измененной кистью. От неожиданности Дэн не успевает прикрыться и падает на солевой пол.

Повелитель опирается о стену и расслабленно стоит, прикрыв глаза от удовольствия, своим видом вынуждая меня продолжать. Я призываю всю ярость и злость оттого, сколько времени мне пришлось и еще придется потратить на этот кусок дурно пахнувшей массы.

Мальчишка пробует подняться, но я бью что есть силы острым носком туфли ему под ребра. Он мычит от боли и сплевывает кровь, которую с шипением впитывает в себя шахта. Замахиваюсь, и снова мой носок врезается в его худое тело. Я бью методично, не давая потомку опомниться, не оставляя возможности даже вздохнуть. Дэн не сопротивляется, лишь скручивается в позу эмбриона.

– Ты.

Удар.

– Не должен.

Удар.

– Проявлять эмоций!

Дэн, кашляя кровью, растянул губы в багровой улыбке. Его искренний смех гулко разносился по шахте чужеродным объектом в отлаженной адской системе. Я снова замахнулась, но нога не попала в цель. Потомок откатился в сторону, рывком поднимаясь на ноги. Его глаза зажглись грязно-желтым.

– Я не стану носить маску, – зарычал он. – Прелесть вашей жизни в том, чтобы быть таким, как хочется.

Фер Люций захлопал в ладоши, довольно жмурясь. Я застыла, не понимая поведения Господина. Не знала, продолжать мне или остановиться.

– В отеле «Дахштайн» существуют правила, – пророкотал Повелитель. – Мы все им подчиняемся, поэтому это место до сих пор сокрыто от посторонних.

Он помолчал, еще посмеиваясь.

– Однако мне понравилась твоя дерзость. За это наказан не будешь. Но! С этого момента ты поступаешь на службу в отель. Лилит даст тебе должность и объяснит, что и как у нас устроено.

«У нас?» – едкая мысль вспыхнула и тут же погасла, подчиненная моей воле.

– Ступай в свои апартаменты, – выпроводил он Дэна. – А ты останься.

Мальчишка бросил на меня злой взгляд, который словно кричал: «Я запомнил и обязательно отомщу». Когда потомок исчез в жерле лифта, Повелитель впился в меня немигающими глазами, из его позы вмиг ушла расслабленность.

– Он не готов.

Меня ударило под дых почти так же сильно, как только что я была мальчишку. Я не позволила себе упасть, с трудом устояв на ногах.

– Мой Господин, еще пара убийств – и он полностью наш.

– Наш? – Меня откинуло его силой, впечатывая в стену. – Ты забыла, что все здесь мое? Отель, постояльцы и ты, грязная мерзавка? Никогда не забывай, кому принадлежишь!

Из моих глаз, носа и рта текла кровь, заливая воротник формы. Казалось, голова сейчас разорвется от давления Повелителя.

– Я поняла, Господин. Поняла.

На лице и шее Фера Люция вздулись вены. Губа вздернулась, открывая зубы. Я приготовилась к порции новых ударов, но их не

последовало.

– Приведи себя в порядок и проследи, чтобы Орден остался ни с чем.

Я поклонилась и, стараясь не морщиться от боли, не хромать, направилась через лестницу в номер Бергнеров, чтобы там прибраться, а также привести себя в надлежащий вид.

В номере высилась смятая постель. Возле журнального столика виднелись следы борьбы, а пол в душевой остался залит кровью миссис Бергнер. Сменив белье и уничтожив все следы пребывания постояльцев, я еще раз окинула взглядом номер. Возле шкафа сиротливо остались стоять два чемодана. Будет Дэну задание: сжечь их на заднем дворе.

Я растерла лицо, сбрасывая маску и корчась от боли. То, что демоны не испытывают эмоций, абсолютная ложь, как по мне. Мы чувствуем в тысячи раз ярче и сильнее. В основном похоть, голод, ненависть, злобу. Эмоции тщательно скрываются, но их проблески заметны, когда Повелителя нет рядом. Никогда я не встречала демонов, кто чувствовал бы радость, смущение. У меня ни разу не получалось совершенно ничего не испытывать, но я мастерски научилась прятать то, что, по мнению Фера Люция, не достойно демона.

Вернувшись к себе, застала там мальчишку. Он по-хозяйски развалился на кровати в спальне, куда я никого не пускала, и рассматривал картины.

– Ты что здесь делаешь?

Дэн обернулся ко мне и похлопал ладонью по постели, приглашая прилечь.

– Думал повторить вчерашнее.

Он приподнялся на локтях, пожирая меня взглядом.

– Иди в свой номер. Твоя форма будет готова к утру.

Я скрестила руки и нахмурилась, чувствуя раздражение на вкус – нестерпимо-горькое, обжигающее, словно послевкусие красного перца. Я попыталась вернуть маску на лицо, но махнула рукой: мальчишка вон и не думает сдерживаться, хоть ему досталось.

– Занятные картины.

Дэниэль постучал указательным пальцем по губам, словно обдумывая мысль, которую так и не высказал. Я напряглась, надеясь,

что он не успел тронуть другие холсты, завешенные полотном и слишком важные для меня.

– Ладно, – он хлопнул по кровати и вскочил. Дурачась, отвесил поклон и с широкой улыбкой, от которой у меня сводило зубы, скрылся за дверь. Потомок Фауста стал еще омерзительней, чем до превращения. Отчего-то меня злило его новое состояние.

Ниотинский

Кардинал задумчиво мерил шагами прихожую коттеджа. Он не спал всю ночь. Поиски не дали результата. Аэропорт в Праге отказал в информации, ссылаясь на закон об антитеррористической деятельности, а полиция, взяв его заявление и обращение Филиппа, послала мужчин домой. Грегора бесила неспешность чехов. От их излюбленного *postupně a v klidu*^[34] хотелось рушить стены.

«Только бы узнать страну, куда вылетел мальчик, нашлось бы и место».

Несколько десятков доверенных служителей Ордена сейчас мониторили необычные новости, погодные явления и катаклизмы по всей Европе. Грегор знал, что молодой демон может попасть в сводки, как было с Лилит, и эгоистично рассчитывал на это. Ниотинский плевал на сопутствующие жертвы, ведь на кону стояло нечто более значимое.

Он помнил тот день, когда вместе с ведьмами и плененным демоном произнес слова заклинания, запечатывая вход в Ад. Ниотинский обладал знаниями о нарушении Дьяволом равновесия. Открывая ворота и ступая по земле, Фер Люций спускал демонов с поводка, словно цепных псов, чтобы они искушали и терзали людей. Хозяин Ада хотел больше душ и играл не по правилам.

Грегор верил, по крайней мере, в те времена: раз Бог не вмешивается, значит, негласно позволяет кардиналу быть армией Господней. Так, Ниотинский с трудом собрал союзников, действуя на одних угрозами, а на других золотом. Даже привлек несколько поколений Фауста, узнав таким образом о гримуарах и дьявольской сделке. Близился успех, однако Фера Люция в момент произнесения заклинания в Аду не оказалось.

Филипп спал, смешно похрапывая. Он каким-то чудом уместился на гостевом диване во весь свой немаленький рост. Ниотинский

размышлял, что он такое. Демон? Если да – кольцо среагировало бы. Ангел-хранитель? Он никогда их не видел, но читал предания и писания, которые не вошли в известную всем Библию. Да и хранитель из Филадельфии никакой, ведь он так и не смог защитить потомка.

Вечером ему неожиданно позвонил представитель владельца замка Гоуски и попросил о встрече утром. Грегор подумал, что это возможность заставить Лилит говорить, если она появится подглядывать. А в том, что станет, он был почти уверен. Ей необходимо оставаться в курсе поисков и знать, что Орден пока не вышел на ее след.

Кардинал, оставив хранителей, выехал к Гоуске на рассвете. Замок находился в пятидесяти километрах от Праги. Дорога к нему вилась между полями и редкими поселками. На узкую колею то и дело выбегали зайцы и молодые олени, которые несколько не боялись машины Грегора и нехотя уходили с асфальтного полотна, когда кардинал терпеливо сигналил.

В рассветных сумерках в долине под замком углами красных крыш обозначилась деревня. Она выглядела так же, как и многие другие богемские провинциальные места, которые предыдущие века лишь слегка задела, проходя мимо, а двадцать первый так и не посетил.

Грегор решил подождать на подъезде к замку. Встреча с рыжеволосой девушкой волновала сильнее, чем вероятность того, что Гоуску все же захотели продать. Хотя то, что замок может стать его, воодушевило Ниотинского.

Лилит

Сев перед зеркалом, я со стоном стянула пиджак и рубашку, облачившись в халат. Следы наказания, оставленные Повелителем, не проходили быстро, поэтому мою кожу расцвечивали сине-зеленые уродливые пятна. Потуже запахнув халат, я пересела к мольберту, откинув холщовое полотно.

Новая картина отличалась от всех предыдущих. На ней неровными мазками появлялось лицо, которое я ни разу до сих пор не рисовала. Грегор. Не знаю почему, но пальцы словно зажали своей жизнью, набросав контур его лица. Я лишь позволила им продолжать.

Так и не прикоснувшись к кистям, я соскользнула на стеклянную гладь, ища кардинала. Очутилась вновь в зеркале заднего вида. В машине Грегор был один. Кажется, ждал именно меня.

Странно, но при всем желании поймать меня и найти открытую червоточину, он ни разу не воспользовался печатью, с помощью которой мог бы заточить в том предмете, в который я так неосмотрительно прыгнула. Не знаю, что это означало с его стороны – глупость или слабость? Скорее, и то и другое.

Грегор сидел за рулем расслаблено, на шевелящихся губах играла легкая улыбка. Он выглядел спокойным, даже довольным настолько, что я насторожилась. Кардинал напевал какую-то мелодию.

Неужели они выяснили, что Дэн улетел в Австрию, и начали обшаривать страну? Или самое страшное: он узнал про «Дахштайн»?

– Я тебя чувствую, – голос Грегора вырвал меня из омута мыслей.

– Здравствуй, Грегор. Не спится?

– Ждал тебя.

Его руки в кожаных перчатках скользнули на руль, огладили его и снова упали на колени. Я затаила дыхание, наблюдая за ними. Во рту пересохло, и, быстро сглотнув, я немного хрипло протянула:

– Как продвигаются поиски потомка Фауста?

– Можешь глумиться сколько хочешь. Но я верю, что Дэниэль сильный и сможет найти дорогу к свету.

Я расхохоталась.

– Какой ты наивный. Он уже убил сегодня. Дважды. Для него нет пути назад.

Не отводя взгляда синих, как горные озера, глаз, кардинал приблизил лицо к зеркалу, почти задев его кончиком носа. Мои руки и лицо опалило огнем. Грегор безмолвно признавался в любви, а этого достаточно, чтобы меня начало жечь. Я стиснула зубы.

– Всегда есть путь назад, – горячо возразил он, – даже для тебя.

– Что? – мой смех стал истерическим. – Кто сказал, что я бы хотела? Я демон! Не понимаю, почему ты так желаешь меня исправить.

– Я не хочу тебя исправлять. Лишь освободить.

– Ты спятил. На кой черт я тебе сдалась?

– Мы не можем заставить себя полюбить кого-то и точно так же не можем разлюбить.

Я фыркнула и отпрянула, потому что его проклятое чувство нещадно жгло кожу.

– Посмотри на улицу. Мы в Гоуске, Луцие. Я знаю о тебе все.

Я отразилась в лобовом стекле и пораженно замерла. Увидела бледно-серые каменные стены замка, высеченные из горы, и тут же узнала их, как если бы снова очутилась в Гоуске тысяча триста сорок девятого года.

Как он посмел? Как узнал? Я моментально сгорбилась и обхватила себя руками. Ощущала ком в горле и не могла встретить его открытый, всепрощающий взгляд. Когда первая волна эмоций схлынула, я вскинула подбородок и прорычала:

– Я убью тебя!

Грегор ничуть не удивился, скорее, ожидал этих слов. Он просто отмахнулся от угрозы и проникновенно прошептал:

– Мне жаль ту маленькую девочку, которой пришлось сделать неправильный выбор.

– А кто вправе решать – что правильно, а что нет? Ты?! Думаю, поступи я иначе, ты бы никогда со мной не встретился.

– Да. И не сжег бы тех несчастных девушек в Бамберге.

– Полно тебе, Грегор. Скольких еще ты покарал? Бамберг был лишь началом твоего славного пути, несущего смерть.

Я исчезла с зеркальной глади, но не ушла.

– Значит, ты всегда была рядом? – спросил он напоследок.

– Следила, да.

Я вернулась в свои апартаменты. Вскочила и сорвала холст с мольберта, чтобы в следующую секунду грохнуть им о стену. Как он посмел копаться в моем прошлом? Хотелось убивать, но едва я обернулась, как наткнулась на лицо маленькой девочки, так похожей на меня. Я часто рисовала ее, но даже мысленно не возвращалась в те дни, когда еще была человеком.

Была ли я человеком? Я давно не отождествляла себя с Луцие. Я – не она.

Замок Гоуска 1349 год^[35]

Луцие вместе с семьей переехала в поселение Блатце, когда глашатаи дворянского рода Берка объявили о возведении каменного замка, на месте которого до этого стоял деревянный. Замок Гоуска.

Селение стояло заброшенным много лет, здесь жило только несколько безумных старух да рыскали волки. Большинство хижин оказались непригодны, поэтому на их месте построили новые крепкие дома. В один из таких и въехала семья Луцие.

Девочка сразу же исследовала окрестности и, заскучав, пошла к строению, нависавшему над деревней. Узкая дорога к нему была настолько извилистой, словно пыталась вырваться из цепких объятий деревьев.

Луцие видела с дороги одну из достроенных башен, которая стремительно сужалась кверху. Ее венчал новенький сверкающий шпиль, похожий на иглу.

Как рассказывала мама, давно в глубине земли случились бурления недр, из-за чего скала, на которой стоял замок, была рассечена на две части, будто в порыве гнева Господь ударил по ней топором.

Девочке было любопытно, что такого находилось в глубокой дыре, про которую все только и твердили, ведь замок стоял аккурат вокруг этой расщелины. Строение казалось настолько уродливым, что, глядя на ровные стены, наспех выстроенные прямоугольником, она невольно скривилась.

В один из дней, когда стражники сосредоточились на том, что исправляли бойницы, почему-то повернутые внутрь замка, а не наружу, Луцие прошмыгнула туда. Девочка очутилась среди мощеного двора. Несмотря на прекрасный летний день, ей почудилось, что она попала в ловушку, из которой не выбраться. Луцие пугливо заозиралась и случайно дотронулась до мертвенно-холодной стены. Точь-в-точь как лоб покойной бабки, которую хоронили год назад, и вся семья должна была приложиться к ней в прощальном поцелуе.

Луцие приблизилась к огороженной зияющей дыре. На первый взгляд дыра как дыра, такая же уродливая, как и замок, что ее окружал.

«Нужно подойти поближе», – подумала Луцие и, отодвинув хлипкую доску, протиснулась к краю округлой расщелины. Она встала на колени, оперлась руками о край и заглянула в дыру. Расщелина была настолько глубокой, что дна не видать. Свет, падающий на нее, пожирала тьма.

Девочка раздумывала, плюнуть ли туда, чтобы послушать, где дно, но отвлеклась. Сияясь рассмотреть хотя бы что-то, Луцие

наклонилась ниже, правая ладонь съехала по мокрому камню и, затормозив об острый выступ, девочка рассекла кожу. Кровь струйкой закапала в черную дыру, оттуда послышалось шипение, запахло гарью и дымом. Шепотом чертыхнувшись от разочарования, Луцие аккуратно выбралась за ограждение и побежала исполнять свои обязанности. Девочка тут же забыла о странной дыре, решив, что в ней нет ничего занимательного.

«И чего с ней все носятся? Может, на дне клад какой спрятан?» – простодушно думала она.

Прошло несколько лет. Замок начал обрастать дурной славой. Из Блатце пропали несколько человек. Что-то зловещее и тревожное разлилось в воздухе. Собаки с наступлением сумерек лаяли словно бешеные, соседи ссорились пуще прежнего. Даже дома у девочки все было не так гладко, как казалось на первый взгляд.

Мать Луции часто скандалила с отцом. Хотела перебраться в другое селение, подальше от Гоуски. Как-то вечером мама за ужином снова завела разговор о замке:

– На кой они построили эту Гоуску? – возмущалась она.

– Замки строят не по прихоти, – рассудительно возражал отец. – Они нужны для охраны земель, границ или путей.

– Но Гоуска стоит в непригодном для этого месте! Здесь нет дорог. Здесь нет границ. Нечего охранять, да и леса вокруг такие непроходимые, что даже охотиться в них опасно!

Глава семейства полусшепотом сказал, оглянувшись на Луцие и ее сестру:

– Я знаю лишь то, что Гоуску построили для охраны великой тайны.

Больше они про замок не говорили, но в ту же неделю пропала соседка, работавшая помощницей стряпухи на княжеской кухне. И отец строго-настрого приказал дочерям не ходить в замковый двор.

Луцие промолчала о том, что пару лет назад бегала в замок и видела дыру своими глазами. Девочка в тот момент вспомнила о странном совпадении: после того как она побывала возле дыры, на их семью обрушилось несчастье – заболела младшая сестра. Это произошло на следующий день после прогулки в замок. Девочки играли в догонялки возле дома. На Блатце напал туман, и найдя сестру, спрятавшуюся за дубом, Луцие увидела черную расплывчатую

фигуру, стоящую за спиной Анетки. Не успела Луцие испугаться, как фигура исчезла, словно и не было ее, а сестра лишилась сознания и захворала.

Во время Vánoce^[36] произошло нечто, заставившее жителей Блатце под Гоуской остерегаться заходить в замок.

В «щедрый день», предшествующий Рождеству, в замке устроили ярмарку. Разливали медовуху, жарили карпа и танцевали. В такие важные празднества даже осужденным на казнь разрешалось на несколько минут выйти на воздух. Князья, сидящие на втором этаже во дворе замка, негромко переругивались. Луцие казалось, они недовольны тем, что по их двору гуляют и веселятся простые селяне. Приближенный слуга хлопнул в ладоши, и музыка смолкла.

– В честь праздника мы решили замуровать дыру, которая пугает всех в округе, но прежде мы даруем свою милость тому, кто отважится спуститься и рассказать, что увидит.

По толпе пробежал шепот. Желающих не оказалось. Где-то позади Луцие раздалось бряцание ключей. Толпу рассек тюремщик. Поклонился и спросил дозволения говорить.

– Йиндрих хотел бы спуститься, мой князь.

– Убийца, осужденный на смерть?

– Да, мой князь.

– Дозволяем. За храбрость его помилуют и не казнят на рассвете.

Хозяева замка встали и подошли ближе к дыре, что сделали и остальные присутствующие.

Привели Йиндриха. Это был приезжий двадцати лет, он обвинялся в убийстве конюха, которого ударил кружкой во время совместной попойки.

Парня начали спускать на длинной веревке двое стражников. Из дыры не доносилось ни звука, лишь слышался скрип и звуки трения толстого жгута.

– Не-е-ет! Поднимите меня обратно! Умоляю! Боже милостивый! – раздался из расщелины истошный крик Йиндриха, веревка задергалась.

Все отпрянули от дыры. Князья же, наоборот, оживились и отдали приказ стражникам продолжать спускать убийцу.

Крики не прекращались, а веревки на каменном полу у стражников оставалось все меньше. Затем все звуки стихли. Йиндриха

подняли. Когда из дыры показалось лицо убийцы, Луцие невольно зажмурилась. Опустили молодого человека, назад вытащили старца.

* * *

Луцие вбежала в комнату к родителям, там оказалось пусто и сыро. Перед тем как уйти на работу, родители тушили печку, потому что не могли позволить себе обогревать дом целый день. Мать и отец трудились при замке: мать была прачкой, а отец стряпал к столу князей. Колокол в местной церквушке пробил восемь. Девушка поняла, что пора идти на работу.

Луцие уже тринадцать, и она как старшая в семье на выданье знала, что скоро перейдет в другой дом. Девушка носила длинную рыжую косу, имела тонкий стан и милое личико с курносый носом. На днях ее хотели отдать в жены сыну злобного мясника Вихра, Толстому Ро, как все его звали. Ростом он был под два метра, а весил, наверное, целую тонну. Когда Луцие встречала его на улице, три подбородка подскакивали в такт ходьбе, а пуговицы на измазанной сорочке норовили покинуть его, потому что живот не умещался под одеждой. Ро наводил на Луцию ужас, но пойти против традиций девушка не могла: в случае брака родители получали необходимые гроши на лечение младшей сестры Анетки, которая оставалась прикованной к постели. В последний месяц ее состояние ухудшилось: к параличу добавилась неизвестная хворь, которой заболела половина замка. Лекарь, вернувшийся из Праги, узнал от приезжих купцов, что болезнь называлась «чума», и ей заражена вся Европа.

– Лу? – позвал Толстый Ро, вынырнув из-за угла, когда она шла менять белье в покоях князей. Благодаря матушке ей позволялось помогать слугам убирать у господ.

– Ро, что ты здесь делаешь?

– Ты скоро будешь моей женой.

Луцие в страхе сжалась, молясь, чтобы он ее не трогал. А Толстый Ро глумливо загоготал, облизывая пухлые губы, которые покрывали язвы, потому что семнадцатилетний парень считал, что мужчины могут мыться раз в год, а то и реже.

– Что ты делаешь?

Луция пыталась выскользнуть из смердящих грязных рук, которыми он шарил по одежде, пытаясь задрать ее юбки.

– Не дергайся! Должен же я опробовать, что достанется мне в жены, – пропыхтел Ро.

– Нет! Прошу тебя! – страх и отвращение накрыли, словно волна, и девушка, захлебываясь рыданиями, барахталась, понимая, что ей не вырваться. Если закричит и услышат князя – достанется не только ей, но и родителям.

Когда Ро приблизил к ней лицо, она впилась зубами в толстую щеку так сильно, что почувствовала кровь у себя во рту.

– Дрянь! – резкий удар кулаком в живот заставил Луцию почти потерять сознание.

– Я оприходуя тебя, а потом откажусь брать в жены! Скажу, что ты распутница, раздвигающая ноги перед каждым охочим.

* * *

«Я не она. Давно нет», – помотав головой, постаралась выкинуть мысли о детстве из головы, но едва взгляд упал на картины, как меня снова захлестнуло прошлое.

* * *

Луция тяжело дышала, будто ей не хватало воздуха. Она прижимала руки к животу, скрючившись от боли на полу. Слезы застилали глаза девушки, но она не моргала, боясь хоть на секунду упустить обидчика из виду.

Ро опустился на колени, схватил ее за ногу и подтянул к себе. Когда он разорвал на ней панталоны и начал протискиваться внутрь, пришла острая боль. Ее нежную плоть начали грубо раздирать резкие толчки. Луция задергалась под ним, но тщетно. От сопротивления стало только больнее, но девушка все равно пыталась сбросить Ро с себя. Она закричала и тут же получила оглушительный удар по голове, после чего наступил спасительный обморок.

Очнулась Луцие в конюшне – в месте, где хранили инструменты. Все тело ощущалось сплошным сгустком боли, а между ног было хуже всего. Видимо, Ро отволлок ее сюда и вдобавок присыпал соломой. Над головой фыркала лошадь, шумно обнюхивая спутанные волосы Луции. Вспомнив, что случилось, девушка беззвучно заплакала. Не такой она представляла себе семейную жизнь.

В тот день она поняла, что лучше умрет, чем позволит еще раз себя коснуться. И главное, что Луцие уяснила, – мир принадлежит сильным, а слабым в нем нет места. Женщины лишь бесправные бледные тени, которые отбрасывают мужчины, ступая по этой земле.

Луцие не сказала родителям, не побежала сразу же к ним. Она понимала, что ей не поверят. Девушка горько плакала, когда мылась в тазу, драя кожу до красных полос, желая смыть вонь и унижение. Увидев, что сумерки еще не наступили, Луцие поспешила в лес. Мама строго наказала собрать трав на закате, чтобы сделать обезболивающий отвар для сестры.

На лес плотным покрывалом опустилось белесое полотно. Деревья, казалось, окутала дымчатая паутина, а под изогнутыми корнями в темноте словно притаилось зло. Все звуки разом стихли: не ухали совы, не стучал на старом дубе дятел, не шуршали кусты от скачков большой заячьей семьи. Луцие поежилась, но продолжила искать травы на поляне.

Мужчина, показавшийся из тумана, шел так, будто был по меньшей мере здешним властителем. Он двигался, словно слышал музыку. На нем была темная накидка, отороченная мехом. Луцие никогда прежде таких не видела. Поверх накидки небрежно наброшено массивное серебристое украшение из широких пластин, покрытых письменами.

Луцие в страхе сжалась, пожелав на мгновение, чтобы он прошел мимо, но, похоже, странный незнакомец именно ее и искал. Мужчина склонил голову, рассматривая девушку, но глядел сквозь нее, куда-то внутрь.

– Не бойся, я не питаю страсти к маленьким девочкам. Не в том смысле, о котором ты так панически думаешь.

Луцие молчала, судорожно смяв в руках пучок трав.

– Jak se jmenuješ?^[37]

– Луцие.

– Почти Лилит. И такая же рыжеволосая, – пробормотал он, очевидно, сам себе, потому что Луцие еле услышала его.

– Кто такая Лилит?

– О, милая, я непременно расскажу тебе, – холодно улыбнулся он и приблизился еще на несколько шагов.

Тут девушка увидела лицо незнакомца. Чистое, с гладкой кожей и едва заметной щетиной на широком подбородке. Луцие подумала, что мужчина точно из знатного рода. Красивее его лица она еще никого не видела. У него были глаза разного цвета: один голубой, как жаркое летнее небо, а другой – темно-красный, словно запекшаяся кровь.

– Что? Что вам нужно? – выдавила Луцие, совершенно не понимая странного незнакомца.

– Скажем так, нужно не мне, а скорее, тебе, милая. Кстати, ты ведь понимаешь, что твоя сестра умрет из-за чумы в ближайшие двое суток? Причем умрет в страшных муках из-за того, что у вас нет монет даже на опиумную настойку, чтобы облегчить бедняжке последние часы.

– Нет, за меня, за женитьбу дадут выкуп! Мы найдем лекаря, и сестра поправится.

– Ха-ха! Толстый Ро ведь изнасиловал тебя, а твоя выходка – то, что ты сделала с его щекой, – поставила крест на браке.

– Что? Откуда? Откуда вы все знаете? – Луцие попяtilась, в страхе ища глазами какую-то дубину, чтобы защититься в случае нападения.

– Эй, спокойно! – поднял он руки, затянутые в кожаные перчатки. – Я хочу помочь, милая, всего лишь помочь.

– Мне не нужна помощь от мужчины! – слетело с губ яростное шипение.

Незнакомец по-доброму улыбнулся и участливо продолжил:

– Я знаю, как ты можешь помочь сестре, а заодно и себе тоже. Скажи, а ты бы хотела отомстить Толстому Ро, хотела бы сделать ему больно? Желала бы быть физически сильнее всех мужчин Гоуски?

Всего на секунду Луцие представила это. Представила, как бы избивала ненавистного женишка за то, что он с ней сделал. Возможно, не только с ней.

– А как? – простодушно спросила девушка. Ей не хотелось представлять себя какой-нибудь огромной бабищей с руками-

кувалдами. – Что я должна сделать, чтобы стать сильной?

– О, милая, всего лишь убить того, кого ты любишь больше всего в жизни.

Луцие попятилась, раскрыв от страха рот.

– Я не смогу поднять руку на родителей.

– Нет, Луцие, не родители, а твоя страдающая сестренка, Анетка. Лишишь ее мучений, оборвав жизнь, и получишь мощь, долголетие и отмщение. Никто больше не сможет тебя обидеть, никто не причинит боль.

– Вы что, с ума сошли?! Я... не могу! – Развернувшись, она было хотела убежать в селение, но сколько бы ни перебирала ногами, оставалась на месте. Незнакомец сверкнул глазами и сжал руку в кулак, отчего Луцие застыла обездвиженная.

– Я недоговорил, дикая Луцие. Завтра на закате я буду ждать тебя, если решишься освободить сестру и получить силу.

– Я не приду! – сердито выкрикнула она.

– Как знать, – лукаво улыбнулся он. – Когда надумаешь, громко позови меня по имени. Пан Мефистоф.

Луцие почувствовала легкий ветер, скользнувший по волосам. Спустя миг мужчины перед ней уже не было. Он растворился в тумане.

Слова незнакомца еще звучали в мыслях. Убить Анетку, чтобы стать сильной? Но ведь это плохо! Хотя сестра почти при смерти, а если выживет, то ее отдадут Толстому Ро в жены вместо Луцие. Анетка пострадает в любом случае.

Проходя мимо дома будущего мужа, девушка услышала, как тот рассказывал своему отцу гнусную ложь. Будто бы он видел, как Луцие в сарае расставила ноги сразу перед двумя конюхами из замка. Ро ворвался туда, но конюхи избили его и повредили щеку. Девушка заплакала, понимая, что если мясник поверит сыну, то ее слова против слов двух мужчин уже ничего не будут значить.

Вернувшись в дом, Луцие умыла лицо и пошла на громкие голоса родителей, которые ругались с лекарем. Тот снова пускал кровь Анетке, и мама, видя бледное, как сама смерть, лицо младшей дочери, просила немедленно прекратить это. Даже Луцие понимала, что кровопускание не помогает, как и прижигание язв. А кашель отца, который появился совсем недавно, выглядел как начало болезни у маленькой сестренки. На ее теле не осталось здоровых мест, только

рубцы. Анетка давно не приходила в сознание, больше недели находясь в бреду. Тело сестры сейчас сотрясали конвульсии.

– Ты собрала трав? – вскинулась мать.

– Да.

– Ступай, завари отвар, может, он хоть немного снимет лихорадку.

Луцие послушно ушла исполнять. Слова незнакомца не выходили из головы девушки. Почему-то она сразу поверила ему. То, как он держался, как был одет и его магия, не давшая ей убежать, – все в его странном облике говорило, что он владеет силой. Луцие хотела бы тоже стать такой. Бесстрашной, уверенной в том, что никто не посмеет ее обидеть.

В двери постучали, и, высунув голову из-за перестенка, Луцие увидела, как родители пригласили в дом Толстого Ро и мясника Вихра, его отца. Похолодев от страха, почти задыхаясь, девушка приникла к щели под полом, чтобы слышать разговор.

– Твоя старшая дочка – гулящая девка, – в этот момент зло припечатывал Вихр.

Дальше Ро поведал ту же историю о конюхах и щеке. Послышался сдавленный плач мамы и заискивающий голос отца, который просил оставить это в тайне.

Луцие сжалась на полу, тихо рыдая.

«Мама и папа сразу поверили им. Даже не пошли спросить у меня», – убивалась девушка, а потому упустила часть разговора за стеной.

– За молчание отдашь младшую за Ро, если перестанет хворать, – донесся голос Вихра. – А Луцие будет приходиться к нам в дом стряпухой в течение года.

Мать громко ахнула. Отец молчал.

– Или в тайне я это не оставлю, да и Ро не терпится поделиться горем с приятелями, – угрожающе добавил мясник.

– По рукам.

Когда Ро и Вихр ушли, мама шагнула к ней за стену, подняла с пола и вlepила звонкую пощечину, а отец все молчал, только смотрел разочарованно, и это было большее удара.

Спустя время, погасив свечной огарок, она перевернулась на бок, затем на другой. Откинула одеяло. Снова натянула на себя. Тяжело вздохнув, села на постели и, сунув ноги в старые домашние туфли,

прошлепала к Анетке в комнату. Беззвучно заплакала, жалея себя и незавидную судьбу сестры.

«Нет! Не могу! Даже зная, что она страдает, все равно не смогу это сделать!» – зажмурившись, чтобы сдержать непрошеные слезы, она погладила худую ручку Анетки.

Пахло от девочки скверно, будто та уже умерла, но это лишь потому, что Луцие не успела обтереть ее после испражнений. Лекарь приказал не ходить в комнату к Анетке, но вся семья продолжала ухаживать за больной.

«А может, стоит это сделать?»

Луцие понимала, что Толстый Ро не оставит ее в покое. После еще одного нападения она покончит с собой. Бросится с замковой недостроенной стены, хотя нет, тогда у родителей могут быть проблемы. Скорее, она просто останется в лесу на ночь, предоставив волкам, коих водилось в изобилии, роскошный ужин.

Луцие протянула руку к лицу сестры. Слабое, натужное дыхание нехотя вырывалось из ее полуоткрытого рта. Луцие прислушалась к звукам вне комнаты. Было тихо. Родители спали у себя, и только скрипы старых стен их жилища нарушали тишину. Луцие казалось, что дом осуждал ее поступок еще до того, как она собралась что-то сделать.

Девушка осторожно протянула руку и закрыла Анетке рот, а после зажала нос двумя пальцами. Луцие до конца не осознавала, что уже делает это. Уже убивает сестру. Луцие только хотела попробовать, но когда у сестры задергались ноги, поняла, что та задыхается.

Что чувствовала девушка, когда сдавливала руками нос сестры? Ничего. Пустоту. Будто все эмоции резко выключились, и это не она сейчас держала слабо трепыхающееся тело.

Когда малышка затихла, Луцие резко отдернула руки, ощутив ужас оттого, что она натворила. Как она посмела забрать жизнь? Как? Кто теперь она? Убийца? С другой стороны, Луцие из любви прекратила страдания малышки, ее постоянную боль и немощь. И участь стать женой Толстого Ро больше ей не грозит. Девушка сразу вспомнила слова незнакомца. Она поняла, что не спросила, как и когда она получит свою силу. А может, уже получила?

Наступило утро. Луцие провертелась на кровати до утра, поливая слезами подушку. Она безуспешно пыталась заснуть, но мыслями

возвращалась к мертвому телу сестры, которое лежало через стенку. Затяжные рыдания переросли в икоту и мешали дышать.

«Прости меня! Тебе уже ничего бы не помогло, а я смогу отомстить за себя и других девочек».

Целый день Луцие пришлось провести дома, слушая надрывный плач матери и тихие, сдерживаемые всхлипы отца. Когда наступил вечер, Луцие почти не сожалела о смерти сестры, лишь о том, что это она лишила ее жизни. Девушка еле усидела и, дождавшись сумерек, сумела незаметно улизнуть в лес, чтобы найти место, где встретила пана Мефистофа, пообещавшего ей силу для мести.

Мужчина не ждал ее. Не появился он и в следующий час.

– Пан Мефистоф! – позвала Луцие, и крик разнесся по поляне, потерявшись в хвойных кронах.

Совсем близко завыли волки, но она и не думала уходить, решив ни за что не возвращаться в селение. Уж лучше ее загрызут звери, чем она снова ощутит смрадное дыхание несостоявшегося жениха.

Ноги девушки начало колоть иголками холода. Луцие ушла с поляны, подойдя ровно под ту ель, где в прошлый раз стоял пан Мефистоф.

Вдруг от поляны к ней заструился туман, подползая, словно преданный пес, к ее ногам. Следом за дымкой послышался шорох, и Луцие обернулась. Мужчина в темной накидке выступил из клубящейся серой завесы. В его руке был серп, немного похожий на те, которыми боролись с травой и убирали рапс. Но одновременно со сходством было и различие: ручка у орудия оказалась высечена из белого камня, а новое лезвие блестело.

Луцие дрожала, но заставила себя задрать подбородок и стоять ровно, словно бы ей не было страшно от вида тонкого лезвия в мужских руках.

– Ты готова принять дар?

– Да!

– Готова служить мне, а взамен получить силу и долголетие?

– Готова!

– Подойди!

Едва она сделала шаг навстречу, как пан Мефистоф взмахнул серпом перед Луцие. Она хотела о чем-то спросить, но не смогла. Что-то горячее заливало ей шею, мешало говорить. Девушка схватилась за

горло и поняла, что из него течет кровь. Выплескивается наружу вместе с жизнью. Мужчина со странными глазами только что убил ее.

Пробуждение в новой ипостаси отпечталось в памяти мучительной красной вспышкой. Луцие очнулась в чаще далеко от селений. Она ощущала, как на коже танцует огонь, и раздирала себя ногтями, оставляя кровавые борозды. Девушка кричала. Этот крик уже мало походил на человеческий. Она пыталась позвать на помощь, но из глотки вырывались странные звуки, похожие не на слова, а на мурлыканье, щелчки и рычание. Луцие снова закричала и тогда увидела пана Мефистофа в его истинном обличье.

* * *

Я моргнула, почувствовав, что от воспоминаний увлажнились глаза. Не думала о детстве уже очень давно, словно навечно похоронив свои тринадцать лет в замке Гоуска.

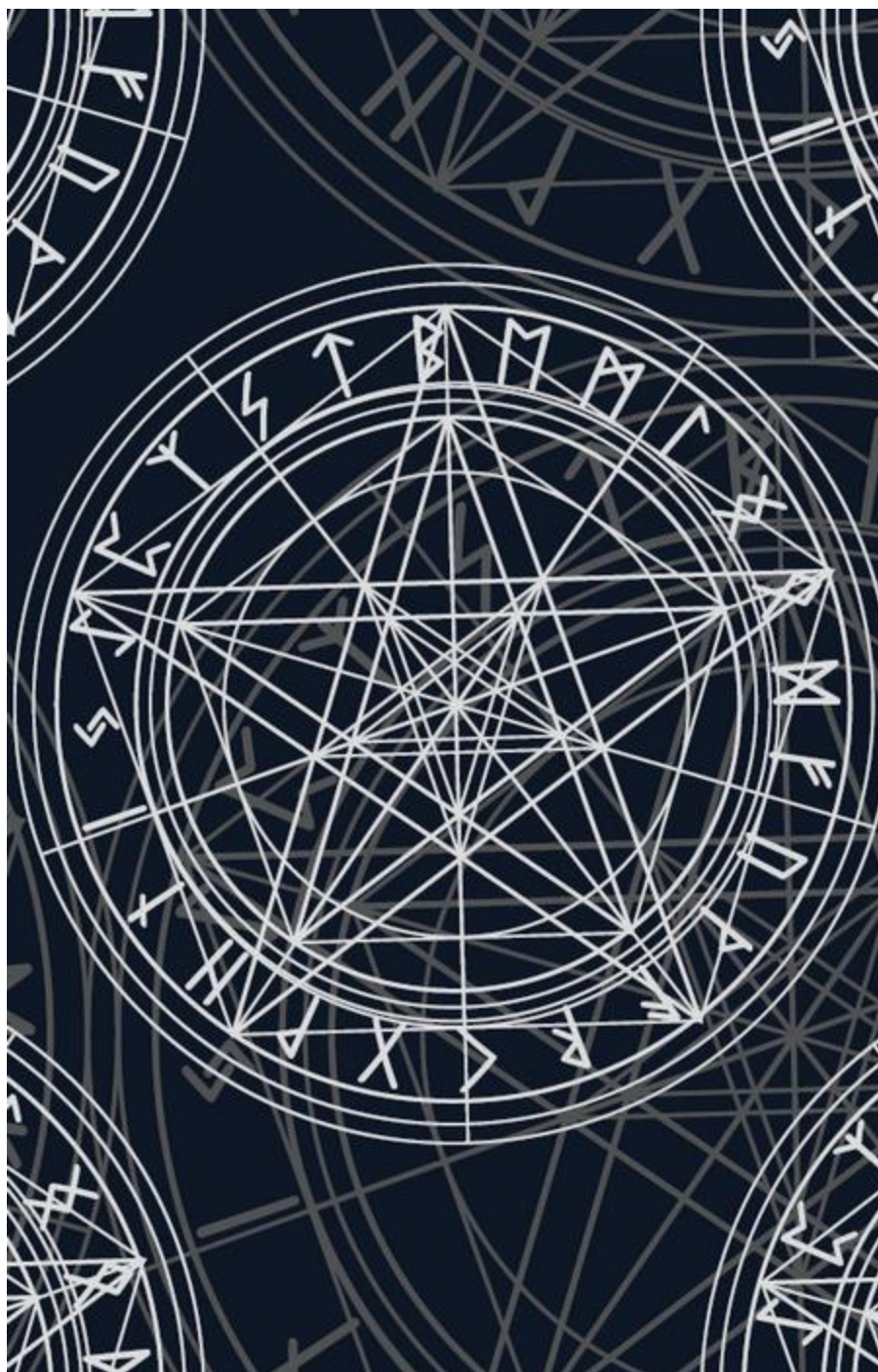
В день, когда состоялось мое знакомство со смертью, и я проснулась демоном, селения в Блатце не стало, как не стало и большинства жителей замка. Ну а Толстого Ро я оставила на десерт. Помню, как сладко он визжал, когда я отрывала его отросток, а после рвала брюхо, вешая внутренности ему на шею.

Глава 14

Corvus oculum corvi non eruit.

Ворон ворону глаз не выклюет. [\[38\]](#)

Дэн

После того как Лилит послала меня в номер, я забылся тяжелым сном, словно упал в черную яму, и сверху придавило бетонной стеной.

Там я сражался с собой прежним. Второй, слабый я, пытался убежать от меня, прятался, кричал, что не должен убивать. Жалкий прежний Дэн. Я зло смеялся над его попытками вразумить меня.

Просил его слиться со мной, поддаться и стать одним целым, но он убежал еще дальше в недра сознания. Когда мне удалось поймать себя прежнего и схватить за руку, сон растаял. Абсолютная темнота. Забытье длилось всего несколько часов.

Проснувшись, я ощутил исключительную ясность сознания и обновление. Исчезли сомнения, упреки совести и страх. Я ничего не боялся. Во мне бурлила сила, словно под кожу закачали мощь тысячи солнц. Знал, что сумею одолеть любого человека или зверя. Интересно, а демона или мистера Рота смог бы? Кто он вообще такой, этот мистер Рот?

На кресле возле двери меня ждала новая форма отеля: пиджак в гусарском стиле, брюки, белая рубашка и мягкие туфли. Одеваясь, я мельком взглянул в отражение и завис. Тело начало меняться. Грудные мышцы развились и стали отчетливее видны под кожей. Я выглядел уже не долговязым дохляком, а стройным легкоатлетом. Правда, живот еще разукрашивали желто-зеленые пятна гематом от остроносых туфель Лилит. Я несколько не злился на нее за это, она выполняла приказ. Но я запомнил все и обязательно отомщу в подходящее время.

Створки лифта разъехались, являя мне Лилит.

– Готов учиться, Фауст? – безэмоционально спросила она.

Что-то случилось за те несколько часов, что мы не виделись. Я понял это по глухой тоске, что притаилась в янтарных глазах, которые сейчас не выглядели куском камня. Они казались теплым отблеском огня.

Лилит отвернулась, заметив, что я разглядываю ее лицо. Это тоже было совершенно не в стиле рыжей, насколько я мог судить по нашему недолгому знакомству.

Холл, как обычно, пустовал, лишь мерно стучали часы в тишине.

– Дэниэль, – широко улыбнулся мистер Рот, неизвестно откуда появившийся возле стойки. – Выглядишь намного лучше, mein Freund^[39].

– Сегодня ему предстоит узнать о настоящем отеле «Дахштайн», – заявила Лилит.

– Что ж. Пойду накрою завтрак, а вы развлекайтесь.

Вильгельм блеснул острыми клыками, которых раньше я не замечал, и скрылся за дверьми гостиной залы.

– Иди сюда, – позвала Лилит, зайдя за стойку регистрации.

Она ткнула пальцем в деревянную доску на стене, где пустовала половина крючков.

– Ключи от номеров.

Они были серого цвета. Металлические. Примерно по пять сантиметров. На тонком резном стержне выгравировано Dachstein, язычок был похож на средневековую башню. Но самым любопытным оставалось основание ключа: на литой пластине рельефно выступал миниатюрный череп. Искусно сделанный до мельчайших подробностей, он притягивал взгляд. Я потянулся и снял изделие с крючка, рассматривая.

– Мой не такой, – возмутился я наконец.

– А ты и не постоялец, – отбила Лилит, жестом показав вернуть ключ на место.

Входная дверь открылась, впустив в холл морозный воздух и двух постояльцев, вернувшихся с прогулки. Лилит вежливо кивнула им, проводив пристальным взглядом, а потом снова вернулась к объяснениям:

– Как ты уже понял, отель – не место отдыха. Он своего рода поворотный механизм в жизни человека, попавшего сюда.

– То есть вы убиваете всех, кто селится в «Дахштайне»? Почему?

– Мы осторожны и всегда даем выбор. Вот только люди чаще выбирают не в свою пользу. Кто бы сюда ни вошел, никогда уже не выйдет обратно.

Я скривился. Вот уж и правда, дар у рыжей – все объяснять загадками.

– Я пока не понимаю систему. Объясни.

– Наш отель внешне ничем не отличается от десятков других, разбросанных в горах, но это только на первый взгляд. Смотри, – она разблокировала один из двух компьютеров, стоящих на ресепшене.

Лилит открыла сайт отеля, который оказался стильным и минималистичным, как бы говоря: «Дахштайн» – дорогое место, доступное не каждому туристу.

– Если у вас есть сайт, как же вы до сих пор не попались полиции или Ордену?

– На сайте нельзя забронировать номер. Бронь только по телефону, – терпеливо объясняла рыжая.

– Насколько я знаю, в случае смерти владельца номера у оператора можно запросить записи мобильных звонков.

Лилит снисходительно улыбнулась.

– То, что расположено под отелем, полностью глушит мобильные сети. Записи мобильных звонков при необходимости стираются нужным человеком в телефонной компании, который продал душу демону, а мы перекупили. Иной мир работает на купле-продаже. Души людей – универсальная валюта вроде евро или доллара среди тех, кто сотрудничает с демонами. Кстати, основной поток постояльцев приходит в отель сам.

– Не понял, – я потер шею и снова посмотрел на сайт.

– Люди приезжают в отели поблизости, но совершенно случайно оказывается, что их брони и оплаты не существует, поэтому горе-путешественники начинают искать свободные номера в других.

Лилит показала на подробно нарисованную карту области Зальцкаммергут. На ней маленькими домиками обозначались все отели и гостевые дома вблизи ледника.

– То есть ищут номера у вас? Но ведь гости могут заехать к вашим соседям, например, и остановиться у них.

– Они летят, как мотыльки на свет, – она подмигнула, оставаясь такой же серьезной. – Постояльцы отеля «Дахштайн» в любом случае попадают к нам: будь то полностью забронированные номера у соседей или случайные поломки ровно перед подъездной дорогой.

Я понимающе хмыкнул, но с вопросами не остановился.

– Люди-то все равно исчезают. Хочешь сказать, что к вам ни разу не приходила полиция насчет пропавших без вести?

– Я и не утверждала обратного. Название отеля видел? Так вот, помимо того, что Дахштайн – это имя горы, ледника и региона, так еще с полсотни отелей возле горного массива называются так же. Поди отыщи, в какой из «Дахштайнов» отправились пропавшие.

– А Фер Люций? Он тоже охотится, но в аэропорту?

– Он не охотится. Господин забирает обреченных. Тех клиентов, которых он привозит лично, уже никому не спасти. Самые черные, гнилые души.

Я нахмурился и открыл было рот, чтобы возразить, но закрыл и поджал губы, не издав ни звука. Наклонил голову вперед и, не мигая, уставился на Лилит.

– Не смотри так. Ты был исключением.

Я и не изменил позы, не расслабил тело, но глубоко внутри меня затопило облегчение от ее уточнения. Почему?

– Я думал, что демон может проговорить абракадабру или щелкнуть пальцами, и все сделается как по волшебству. Изменится бронь или сотрется номер.

Рыжая фыркнула и закатила глаза.

– Волшебства не существует, но в мире есть и другие сверхъестественные твари, обладающие разного рода силами.

– Как ведьмы? – перед глазами мелькнуло видение Элишки на софе в доме Фауста, и сердце застучало быстрее.

– О, эпоха ведьм прошла благодаря одному славному инквизитору. Ты его знаешь – Ниотинский.

– Значит, ты тоже его знаешь?

Рыжая стиснула челюсти и раздула ноздри, стервятником уставившись на меня, словно представила на секунду перед собой Грегора Ниотинского и готова была вцепиться тому в лицо.

– Старый враг.

– Ладно, с потоком постояльцев ясно, но что с ними происходит, когда они попадают в «Дахштайн»?

Лилит прикрыла глаза, успокаиваясь, и когда вновь открыла, они вернули привычный цвет янтаря.

– Тут-то и начинается самое интересное. Искушение и охота.

Я приготовился слушать, но нас прервали. Мистер Функ спустился к завтраку и подошел к стойке, очевидно, чтобы поздороваться.

– Мистер Фауст. О! Вы в форме отеля? Хотите остаться? – старик оживился, рассматривая меня.

Я почесал за ухом и с трудом сдержал порыв подтянуть вверх воротник пиджака, чтобы закрыть нос и рот. От старика весьма неприятно пахло. Я ощутил омерзительную горечь во рту, словно попробовал его на вкус.

– Получил выгодное предложение и не смог отказаться, – я растянул губы, изображая улыбку.

Функ одобрительно покивал и, пожав мне руку, посеменял на завтрак. Я тут же вытер ладонь влажной салфеткой.

– Ты говорила про охоту, – напомнил я Лилит, которая смотрела статистику посещений сайта отеля.

– Да. Постоялец, получив ключ и расписавшись в книге регистрации, оказывается привязан к отелю. Тут в игру вступаем мы, – она поправила и так идеально лежащие локоны, смотрясь в зеркало напротив стойки, затем провела пальцем по уголку губ. – Ты и я. Каждый клиент отеля – претендент на путевку в Ад.

– Грешники?

– Скорее, люди с гнильцой. Ты тоже сможешь видеть их. Мистера Функа, очевидно, ты уже почувствовал. Это схоже с овощами. К примеру, салатный перец. Он вроде идеально спелый лежит на прилавке, но с обратной стороны видно маленькое пятно светло-коричневой гнили, что постепенно захватит весь плод. Это неизбежно. Так же и с людской сущностью.

– Ты видишь их гниль и сразу убиваешь?

– Нет. Все не так просто. Постояльцы ночь или две проводят в искушении. Они видят во сне меня или кого-то иного, слышат и чувствуют сверхъестественные вещи. Они испытывают чувственное влечение, сладострастие, развращение сердца, влекущее ко злу и греху. Похоть порождает желание обладать, а желание обладать порождает желание убивать.

Рассказывая, Лилит внимательно следила за выражением моего лица, очевидно, желая убедиться, что я слушаю.

– Предвосхищая твой следующий вопрос, скажу, что в «Дахштайн» попадают пары, где оба партнера с гнилью, или же одиночки без семьи. Постояльцы предстают перед выбором: поддаться искушению или же удержаться на краю. Даже зло играет по правилам, пусть оно само их и установило. Правила важны, без них нас всех поглотит хаос.

– Как часто люди, как ты их называешь, «с гнильцой» противостоят искушению? – с интересом спросил я.

Она хищно оскалилась и перекинула волосы на спину.

– А ты оптимист. В этом веке ни один не устоял. Суткидвое, и они поддаются. Во сне или наяву, так или иначе, темные страсти овладевают ими.

– Я тоже буду искушать?

– Пока ты будешь лишь карать искушенных, а вот дальше тебя ждет более важная роль.

– Какая же?

– Скоро узнаешь.

Лилит все чаще смотрела на отражение в зеркале. Я понял, что ей не терпелось избавиться от ученика. Каким образом рыжая искушала – мне довелось прочувствовать на себе. Не знаю, кто вообще смог бы устоять перед ней. Демон быстро облизнула губы и хрипло прошептала:

– Ты пока сходи на завтрак и познакомься с нашими постояльцами. Я проверю.

Я почувствовал напряжение в мышцах и спазм в горле, раздосадованный тем, что не узнал всего за один разговор. Невольно сжатые в кулаки руки сунул в карманы. Хотелось высмеять ее приказы и выказать неповиновение, но для этого еще слишком рано. Я должен научиться быть демоном и узнать правила их мира, прежде чем решу их нарушить.

– А мистер Рот? Кто он? – мой голос звучал неестественно ровно.

– Вильгельм расскажет сам, – отмахнулась она.

Я открыл двери и ступил в гостиную. Тучи за окном мерно неслись, подгоняемые ветром. Наверное, из-за погоды завтракающие мясом люди казались серыми мертвецами. Мистер Рот как раз раскладывал последние чистые приборы на столе, которые затем вручил мне.

– Поешь, Фауст. Силы тебе понадобятся.

Набрав полную тарелку разных блюд, я заметил, что постояльцы кидают на меня заинтересованные взгляды. Ну, да. Вчера я ведь был как бы по ту сторону, а сегодня на мне форма отеля.

Мистер Рот сел возле мистера Функа и углубился в чтение. Кажется, его не волновало чавканье людей. Я не увидел стоящей рядом с ним тарелки. Вильгельм вообще ест хотя бы что-то?

Быстро проглотив все, что взял, я понял, что остался голоден. Мясным блюдам чего-то не хватало. Они были слишком жаренные, вареные или печеные. Мне же хотелось мяса с кровью. Я гулко сглотнул слюну и решил переключить внимание на гостей.

«Познакомься с постояльцами», – всплыли в голове слова Лилит.

Первый стол от стеклянных стен. Двое мужчин за сорок. Похожи на пару. Они спорили, и я уже хотел перевести взгляд на другой стол, но в этот момент один из них повернулся, и на его лице я увидел светло-коричневое пятно. Оно словно притаилось под серой кожей. Мне даже почудилось, что я слышу запах. Еле уловимый, сладковатый запах гнили.

Второй стол. Пара: пожилой мужчина и девушка лет двадцати. Гниль на руках и лице у обоих.

Третий стол. Мужчина. Почти черные пятна полностью покрывали руки и заходили на шею. Четвертый стол. Фу. Я даже прикрыл глаза на мгновение. По всей коже, где она не была закрыта одеждой, растянулась коричневая гниль. Мистер Функ, тот старик. Создалось впечатление, что он покрыт ею весь. Вот откуда у него настолько тошнотворное амбре.

Интересно, я тоже с гнилью?

Налив большую порцию кофе в чашку для чая, вышел на террасу. Жалость и муки совести покинули меня, но восхищение природой, кажется, усилилось стократно. Я сел в кресло, позволяя тишине гор заползти под кожу. Хочу ближе к ним. Нужно будет стрясти с рыжей время на уединение.

Мне доставляло удовольствие теперешнее состояние, но совсем не нравилось подчинение Лилит и Феру Люцию. Было чувство, что ничем хорошим пребывание здесь для меня не кончится. Пока я был настроен узнать как можно больше об отеле, демонах и всей этой чертовщине. Поэтому стоило подыграть им, чем я и намеревался заняться.

– Как себя чувствуешь? – мистер Рот вышел на террасу, оглядывая хмурое небо.

Я посмотрел на его бледный оттенок кожи и ничего не увидел. Как так? Кто он?

– Прекрасно, мистер Рот.

– Зови меня Вильгельм. Нам уже ни к чему церемонии, парень.

Администратор прислонился к стене, устремив на меня прямой взгляд. Его руки расслабленно свисали вдоль тела, словно показывая – он не опасен. Я отвернулся к горам, но Вильгельм не ушел, давая понять, что я под надзором. Пришлось в два глотка допить кофе и

продемонстрировать ему пустую чашку. Мистер Рот тут же покинул террасу, и я последовал за ним.

– Гости разошлись кто куда. Нас интересует пара мужчин из номера три, – объяснил администратор, направляясь к пустующему ресепшену.

Предвкушение и возбуждение разлились под кожей, заставляя ускорить шаг. Я покусывал губы и хотел выпытать подробности того, что мы сделаем.

Мистер Рот завернул за стойку и открыл дверь в, как я думал, подсобное помещение. Оказалось, там находились комната для отдыха и библиотека. Книжные полки были встроены в закругленную лестницу, ведущую отсюда наверх и вниз. Я мельком пробежал буквы на корешках: книги пестрели названиями на разных языках.

Администратор остановился, внимательно рассматривая мое лицо.

– Номер три обречен. Они поддались в первую же ночь. Начинающие педофилы. Мерзость, – Вильгельм передернулся, будто ему противно было даже думать о них. – Они сейчас в комнате. Ты смотришь, как наказываю я, а потом берешь второго на себя.

Я кивнул, гулко сглатывая. Мистер Рот тем временем закатал рукава пиджака и рубашки, оголяя руки до локтя. Я сделал то же самое, ощутив жар в теле.

– И, Фауст. Мне плевать, как ты убьешь. Единственное требование – сделай это тихо.

Он начал подниматься по лестнице, которая через минуту привела к сети узких темных коридоров. Как я понял, каждый вел к тайной двери в номера на первом этаже. Вильгельм уверенно свернул в один из таких. Спустя десяток шагов мы остановились у двери с цифрой три. До нас донеслись стоны удовольствия, перемежаемые хриплыми вскриками. Вильгельм обернулся ко мне, скалясь в предвкушении.

– Мы вовремя.

Он нажал на рычаг в стене, и двери, не издав ни звука, отъехали в сторону. Мистер Рот сорвался с места, да так тихо, словно был смазанной бесплотной тенью. Казалось, он сразу перетек из коридора в спальню номера.

Все происходило стремительно: два голых мужских тела тесно сплетены в объятиях, и в следующий момент Вильгельм склонился над

ними, будто бы желая присоединиться. Мое предположение оказалось ошибочным, потому что в то же мгновение администратор вспорол одному из любовников горло клыками.

Мистер Рот жадно глотал кровь из разорванного горла. Он преобразился. Бледное лицо Вильгельма в брызгах крови выглядело хищно. Скулы заострились, нос вытянулся, а глаза затопил багрянец, словно кровь постояльцев в первую очередь прилила в них. Пальцы на руках удлиннились, вылезли когти. Руки до закатанных рукавов формы стали черными, будто вымазанными чернилами.

Я замешкался, наблюдая за Вильгельмом. Второй мужчина успел скатиться с кровати, но встать на ноги у него уже не получилось, потому что я правой рукой схватил его за горло и навис сверху. Я ощущал в себе силу сломать ему шею, но сдержался, стараясь растянуть удовольствие.

Мужчину била крупная дрожь, он ловил ртом воздух, и его зрачки расширились, затопив радужку. Он пытался разжать мою руку, брыкался, намереваясь пнуть ногами и скинуть меня. Я с наслаждением сдавливал пальцы, впиваясь ими в кожу жертвы. В глазах мужчины читался ужас и осознание скорой смерти. Он задергался активнее. Тогда я пальцами левой руки с силой надавил на широко раскрытые глаза, заставляя их лопнуть и вытечь.

Когда жертва затихла, медленно отнял руки, облизав пальцы, вымазанные в глазной жидкости. Оказалось вкусно: похоже на сырой яичный белок, только слаще, поэтому я снова погрузил их в его глазные впадины и опять облизал.

– Дэниэль? – позвал Вильгельм, откидывая обескровленное тело на вымазанную бордовым постель.

– Это было восхитительно, – удовлетворенно выдохнул я облизываясь. – Ты вампир?

Дождаясь ответа, обернулся на голого мужчину на полу, раздумывая, можно ли еще раз попробовать глазную жидкость.

– Да.

Я перевел взгляд на мистера Рота, чьи губы сложились в уже знакомую усмешку, а лицо как обычно ничего не выражало.

– Я в душ, а после оттащим тела вниз. И еще: ты можешь взять ложку и съесть их, если хочется, – он кивнул на глазницы и скрылся в ванной комнате.

Только в этот момент меня замутило. Желудок подпрыгнул к горлу, язык онемел, а комната начала вращаться. Пошатываясь, я открыл окна и дверь на террасу, впуская свежий воздух. Отдышался, сглатывая, и минутная слабость сменилась сомнением. Хочу ли я быть убийцей? Точно ли стал демоном? Почему мне так плохо после того, как попробовал глаза?

Посмотрел на пропитанную кровью постель и стянул с нее мертвеца Вильгельма, уложив того рядом с моим на полу. Изначально жемчужные сатиновые простыни сделались темными и мокрыми. Стены спальни, окрашенные в бледно-бежевый, были расчерчены струями артериальной крови. Я вдруг понял, что означала фамилия Вильгельма. Рот от немецкого Rot – красный.

– Что делать с постелью? – задал я вопрос, не рассчитывая, что меня услышат.

Вильгельм вышел из душа. На нем был белый махровый халат. Пристальный взгляд и облачение делали его похожим на хищную птицу.

– Сними. Постель и вещи этих двоих мы сожжем на заднем дворе, – он на мгновение снова скрылся в ванной и вышел оттуда уже одетым в форму. Мистер Рот выглядел бодрым, на его обычно бледных щеках появился легкий румянец.

Я ощутил прилив сил, коих было достаточно и до убийства. Они пьянили и возбуждали. Жаль, что я сделал это не вместе с рыжей. В таком случае секс неизбежно случился бы прямо на липкой от крови постели. Представив картинку, я понял, что обязательно воплещу ее в реальность, и довольно скоро. Вытерев вмиг вспотевшие ладони о брюки, я поинтересовался охрипшим голосом:

– Кровь со стен нужно отмыть или перекрасить?

– Дом впитает. Ему тоже хочется.

За беспристрастным тоном вампира я не разобрал, шутит он про кровожадные стены или нет.

Я снова волок тело по тайной лестнице на минус второй этаж. Меня все еще занимали вопросы об устройстве отеля и о том, что находилось под ним. Но шахты под «Дахштайном», куда мы втащили трупы, были не самым располагающим к беседе местом. Раз Вильгельм охотно отвечает, значит, я могу спрашивать еще и сделаю это позже.

Оставив убитых в нише возле входа в шахты, вампир сразу двинулся к лифту. Я и не думал уходить, пока не рассмотрю это место. На первый взгляд соляная шахта. Где-то далеко впереди я услышал грохочущий звук и пошел на него. Стены из горной породы розоватого оттенка украшали необычные соляные прожилки. Шахта, извиваясь, уходила вправо. Хотелось узнать, что там, за поворотом, но едва я достиг его, как меня схватили за руку.

– Не лезь туда, парень. Ты пока не готов. Успеешь еще там побывать, – прошипел Вильгельм, и в его голосе послышалась настороженность, граничащая со страхом.

Пришлось развернуться и последовать обратно к лифту. Возможно, когда со мной перестанут нянчиться, я смогу улизнуть и заглянуть за тот угол. Мне становилось скучно, хотелось развлечься и поесть, а еще банально прогуляться на свежем воздухе.

Мы проделали путь наверх в молчании. Вильгельм остановился, выбирая книгу на полке, я же направился дальше. Кожа за ухом чесалась, словно я недавно поранился, а теперь рана заживала. Ощупал пальцами вздувшуюся кожу, не понимая, откуда у меня появились шрамы.

Я ощутил присутствие Лилит, еще не открыв двери, ведущие из комнаты для персонала в холл. Чувствовал, что отныне мы были связаны. Как кладбищенский плющ прорастал на сильном дереве, переплетаясь с ним в тесных объятиях, в невозможности существовать без него. На самом деле я не знал, кто из нас двоих был плющом, а кто деревом. Едва ли мое естество теперь было светлее ее.

Я приблизился к девушке, оставаясь позади. Холл заливало солнце. Свет, растекаясь по полу, охватил все помещение, заполнив каждый закуток.

– Слышишь? – спросила она.

До ушей донесся шум подъезжающей к парковке машины.

– Поиграем, – чуть тише сказала Лилит, когда входные двери отеля запахнулись, являя лысеющего мужчину и его полностью «просиликоненную» спутницу.

Я легко изобразил улыбку, щедро одаривая ею подходящих к ресепшену гостей. Облик нового постояльца – в том, что он станет им, я не сомневался, – буквально кричал о богатстве: золотая цепь с палец шириной на толстой шее, руки, унизанные перстнями и печатками.

Одежда с буквами «Л» и «В». Но не облачение привлекло мое внимание, а лица – его и спутницы. Серо-коричневая гниль расплзлась по щекам и векам.

– Guten Tag^[40]. У вас есть свободный номер-люкс? – писклявым голосом осведомился мужчина. – Так вышло, что нашу бронь отеля, даже не хочу произносить вслух его название, случайно удалили.

– Добрый день. Какая жалость. Сейчас посмотрю, чем мы могли бы вам помочь.

Рыжая деловито забарабанила пальцами по клавиатуре мака, открывая схему номеров, где были обозначены занятые и свободные апартаменты.

– Есть один люкс и два номера-стандарт. Прошу вас посмотреть прайс, – она достала планшет и положила на стойку перед мужчиной.

Он попытался незаметно стереть пот со лба. Да, в отеле всегда стояла жарница, и не удивительно, учитывая, что находится под ним.

– Я возьму люкс.

По кивку управляющей я понял, что объявлен мой выход. Я услужливо раскрыл перед ними книгу регистрации и положил ручку. Охотничий азарт во мне разливался приятным возбуждением, покалывая кожу. Я уже представлял, каким способом могу лишиться новых постояльцев жизни.

– Прошу вас расписаться. В «Дахштайне» соблюдаются старые традиции, и периодически не ловит интернет. Мистер?

– Рихтер, – будущий мертвец вспотевшими руками поелозил по листам и поставил закорючку, перед этим написав свою фамилию. На книгу упали несколько капель его крови.

Рихтер выругался и передал ручку спутнице.

– Прошу, миссис Рихтер, – я услужливо подвинул к ней книгу.

Силиконовая барышня демонстративно фыркнула и написала другую фамилию, а после размашисто оставила автограф, тоже уколовшись.

Мужчина вытащил бумажник, доставая платиновую карту.

– Оплату принимаем в день выписки. Дэниэль заберет вещи из авто и поднимет к вам в номер. Давайте я вас провожу.

Мужчина благосклонно закивал и бросил мне ключи от «мерседеса». Насвистывая, я вышел к парковке. Вытаскивая чемоданы из багажника, снова невольно почесал кожу за ухом.

– Печать демона.

Лилит возникла рядом, но ее шагов я не слышал.

– Ты о чем? – я снова потянулся к зудящему месту и получил болезненный шлепок по руке.

– Не чеши! Это печать демона – сульфур. У тебя за ухом.

Она немного приподняла волосы и повернулась ко мне правым боком. За ушной раковиной у нее белело грубое клеймо в виде символа: двойной крест, в основании которого вилась бесконечность.

– У меня такая же?

Она подошла близко, откинула завитки волос и заглянула туда, чтобы сразу отпрянуть. Лилит недовольно поджала губы, но потом соизволила ответить. В ее голосе слышалась некая растерянность.

– Нет. Твоя воспаленная и, кажется, начинает гноиться.

– Может, нужно обработать? Перекисью или чем-то обеззараживающим?

Рыжая позволила себе мимолетную улыбку.

– Ты демон, Дэн. Какая, к бесам, перекись? Скоро заживет.

За насмешливостью в голосе я уловил тщательно скрываемую тревогу. Похоже, демоническая печать выглядела странно даже по ее меркам.

– Видел гниль?

– Да, на щеках и веках.

Я помедлил, раздумывая. На языке вертелся вопрос, что они сделали, но, рассудив, что мне должно быть все равно, так и не задал его вслух. Хотелось выйти из отеля и побыть одному. Духота «Дахштайна» начинала раздражать. Заметив мою задумчивость, рыжая вполголоса произнесла:

– Считай нас чистильщиками. Зло расползается в людской массе. Мы должны изловить это и отправить обратно во мрак. Всем хорошо: благочестивые людишки спят спокойно, гнилые получают по заслугам, а мы наслаждаемся убийствами и едой.

Лилит словно слышала мысли. Хотя, возможно, она считала сомнение по моему лицу.

– Когда можно убить Рихтера?

– Не сегодня, – уклончиво и быстро ответила рыжая.

– Я хочу прогуляться.

– Отнесешь вещи новых жильцов в люкс, затем сожжешь чемоданы и постель из номера три на заднем дворе. Тогда получишь личное время.

– Прямо демоническая Золушка получается, – пробормотал я, злясь на то, что должен подчиняться.

Лилит презрительно вздернула бровь, прекрасно все расслышав, и пошла в отель.

– Лилит? Где я могу арендовать машину?

Рыжая остановилась на пороге у входа и чуть повернула лицо в мою сторону.

– Можешь взять мою. Ключи найдешь в гараже. К ночи ты должен вернуться.

Разделавшись с поручениями, я нашел гараж на минус первом этаже. Въезд туда искусно спрятали в одной из задних стен отеля, увитых не увядающим даже зимой плющом. Подземная парковка на шесть мест и всего две машины, но зато какие. Черный «Форд-Мустанг-ГТ» последних годов хищно сверкал отполированными боками. Мощный, словно породистый вороной. С ним соседствовала абсолютно иная машина. «Кобра-Шелби». Английский синий спортивный кабриолет с двумя широкими серыми полосами вдоль корпуса. Стильное авто, но нелепое на австрийских зимних дорогах, как по мне, а значит, ну никак не могло принадлежать демонице.

На одной из стен висела ключница. Я открыл ее и, взяв ключи, направился к «Мустангу». Надавил кнопку разблокировки. «Вороной» приятно мигнул фарами, словно говоря, что я угадал. Сел в машину. Кожаные сиденья обнимали тело, в салоне витал аромат рыжей: жженая карамель и дым от костра. «Форд» принадлежал Лилит.

Солнце уже клонилось к горизонту, но еще не уступало сумеркам, когда я выехал на горный серпантин. Вместо положенных тридцати километров в час несся на ста, умудряясь вовремя вписываться в крутые повороты. Владельцы встречных машин замедлялись и неистово сигналили мне, им не грозило расстаться с жизнью из-за столкновения, но вот от страха – вполне.

Я затормозил возле огромного стенда с картой и информацией о ближайших городах. Массив Дахштайн являлся высокогорным плато и располагался на территории трех австрийских регионов: Верхней Австрии, Штирии и Зальцбурга. Самые высокие пики находились на

территории Штирии, здесь же и скрывался у всех на виду демонический отель. Мне хотелось доехать до Гальштата – разрекламированного австрийского городка. Для этого нужно было обогнуть гору с ледником, так как он ютился с противоположной стороны, что я и сделал.

«Мустанг» довольно урчал, беспрекословно слушаясь моих рук. За час езды я достиг Гальштата. Припарковался и побрел к воде. Хальштаттерзее блестело, словно зеркало, кем-то оставленное лежать у подножья гор. В воздухе витал запах свежести и форели на гриле, что готовили в ресторанах на берегу. Хребты Альп вздыбились вокруг долины. Солнце уже спряталось за пики, лес окрасился в темно-малахитовый. Над Гальштатом деревья на склонах и хребтах гор росли так хаотично, словно огромную кошку погладили против шерсти.

Туристы делали селфи на закате. Зря я стал обращать внимание на людей. Смотря на их лица, видел пятна, у кого-то одиночные, у кого-то слабые, но многочисленные, будто веснушки. Я был, как слепой, который, наконец, обрел зрение, но лучше бы и дальше ходил во тьме. Поверить, что в стольких людях сидит зло, оказалось тяжело, но я видел их и понимал, что у отеля «Дахштайн» никогда не переведутся постояльцы.

Снова нестерпимо зачесалась печать. Зуд был слишком сильным. Я с трудом удержался, чтобы не разодрать кожу в кровь. Хотя нет, не сдержался. Под ногтями остались кровяные полоски. Просидев на берегу около часа, я вернулся. Печать горела огнем, а в голове созрела порция вопросов, ответы на которые я хотел вытрясти из Лилит. Проехал табличку с надписью Willkommen am Dachstein^[41] и повернул к отелю.

Встретил управляющую в гараже. Рыжая нервно мерила шагами помещение. Первым побуждением было сказать спасибо за автомобиль, но я вспомнил, что демоны, скорее всего, так не делают.

– Хорошая машина, – бросил я, выбираясь из «Мустанга» и вешая ключи на место.

– Сегодня ночью тебе нужно спуститься в шахты. Одному. Повелитель будет ждать, – она удивила меня натянутым тоном, заставляя подойти ближе.

Лилит сцепила пальцы в замок, брови были нахмурены, в углах губ собрались мрачные складки. Странно, что девушку беспокоил мой

спуск в шахты, возможно, у нее был другой повод, никак не связанный со мной.

– Ладно, – легко согласился я, пожав плечами.

– Покажи печать.

Я машинально потянулся к коже и потрогал. Воспаление спало, и символ едва прощупывался.

– Нет. С ней все хорошо. Зажила и не зудит, – соврал я, пяясь к выходу. – Мне нужно в душ.

В ванной комнате кое-как настроив зеркала так, чтобы видеть свой профиль, я зачесал волосы, стараясь рассмотреть печать. Она почти исчезла, лишь тонкими полосками напоминая, что вообще была.

– Черт!

Резко выдохнул и откашлялся. Почему проклятая печать начала пропадать, хотя сегодня я убил человека?! Зажмурившись, прикусил щеку изнутри, чтобы не поддаться панике. Требовалось что-то предпринять.

Перевернув все ящики в душевой, я нашел маникюрные ножницы и острыми кончиками принялся аккуратно, шрамируя кожу, наводить символ. Двойной крест с вьющейся у основания бесконечностью.

Глава 15

Fas est et ab hoste doceri.

Поучиться не грех и у врага.

Ночь наступила довольно быстро. Пока не понял, что должен идти вниз, я сидел, уставившись в окно на затянутые туманом вершины и огни домов внизу в долине.

Я, никогда не веривший ни в Бога, ни в Дьявола, с трудом принимал тот факт, что все происходящее – правда. Реальна Лилит,

демоница, которая много веков прожила среди людей, и Фер Люций, являющийся хозяином Ада.

Мистер Рот, вампир, непонятно как затесавшийся в штат отеля, но не особо подчиняющийся его владельцам.

Кто тогда я? Безвольная марионетка? Слуга со сверхъестественной силой? Ответа пока не знал, но мне нравилось чувствовать себя другим.

Я осознавал, что творю нечто ужасное, но не мог не делать этого. Какая-то часть меня нашептывала, что все нормально, что так должно быть. Мое состояние нельзя назвать трансом или гипнозом, но пока Лилит приказывала – я с удовольствием исполнял, в то же время противясь подчинению.

Выйдя в коридор, вспомнил, как в первую ночь в отеле, услышал крики и увидел раскученную грудь постояльца из номера напротив. Больше мужчина так и не показался, хотя ключей от его двери на ресепшене не было. Подумав, что несколько минут, которые потрачу на расследование, погоды не сделают, я приблизился к номеру.

Толкнул дверь, которая, как и предполагал, была не заперта. В темноте я видел почти так же хорошо, как и при свете, поэтому стал рассматривать номер, казавшийся пустым. Тишина когтистой рукой сдавливала легкие. В помещении, оформленном в духе девятнадцатого века, никто не жил. Я ощутил тонкий запах пыли и старой мебели. Стены, оклеенные обоями с золотистыми вензелями, выглядели гротескно. Кровать, секретер, журнальный столик и шкаф – вся обстановка. Я недоуменно пожал плечами и развернулся к двери. Из глубины комнаты послышалось тихое царпанье. Мой слух улавливал глухое шуршание и поскрипывание. Такой звук бывает, если провести ногтями по бумаге. Я всматривался в угол возле кровати, откуда доносился скребущий шорох. Сделал шаг, другой, и звук усилился. Да, я не испытывал страха, лишь любопытство, но то, что увидели мои глаза, заставило вздрогнуть от неожиданности. Сначала лица. Затем под обоями проступили человеческие тела. Десятки тел. Они толкались во флизелиновую^[42] бумагу, словно зародыш в материнскую мембрану. Тела тянули руки ко мне. Казалось, еще мгновение, и они проткнут обои насквозь, получив свободу. Их царпанье нервировало.

Я попятился. Почувствовал запах сигарет. Повернул голову. Мистер Функ, задумчиво смотря на копошащиеся тела в стене, стоял

рядом, но словно меня не видел. Его грудная клетка была раскурочена, как у мужчины, которого я встретил в первую ночь здесь. Из груди вился дым. Что за бред? Значит, тогда я видел Функа, просто более молодую версию?

Вернувшись к лифту, вдавил медную кнопку, и двери разъехались, словно пасть огромного железного монстра. В блестящей хромированной кабине слабо светила лампа, будто бы из нее выпили весь свет, как мистер Рот кровь из постояльца третьего номера. На одной из сторон крепилось винтажное зеркало, вызывая легкий диссонанс. Лифт выглядел ультрасовременным, а гладь в отреставрированной оправе слишком старинной. Контраст на контрасте.

Я стоял боком к отражению. Никогда не любил зеркала, но по какой-то причине посмотрел на себя. Я еще менялся. Лицо утратило явную угловатость. Проступили хищные черты: внешний угол глаз приподнялся, зрачки стали больше. На щеках проступили тени, словно меня специально гримировали на роль демона в фильме. Руки налились мускулами, как и торс. Это был я и не я одновременно. Пальцы потянулись к пуговицам на пиджаке, застегивая тот наглухо, чтобы не вызвать недовольство «большого босса».

Лифт остановился на минус втором этаже, и я, засунув руки в карманы брюк, двинулся к тому месту, где мы с Вильгельмом оставили уже бывших постояльцев. Две наши жертвы так и лежали в нише, но выглядели, словно умерли месяцы назад. В нос заполз резкий, сладковатый, до отказа приторный запах разложения. Рядом с трупами Фера Люция я не обнаружил, поэтому двинулся дальше. Завернул за угол коридора шахты и тут же врезался в него.

– Ты опоздал!

Его безжизненный, холодный тон вкупе с недовольным взглядом заставили меня вздрогнуть и на мгновение потерять дар речи. Он крепко схватил за плечо и развернул к себе правым боком. Я не успел отскочить, как Фер Люций бесцеремонно дернул меня за волосы, заглядывая за ухо.

– Печать есть, хоть и не в таком виде, каком должна быть. Возможно, необходимо время и терпение. Жаль, что у меня нет ни того ни другого.

Я прикусил губу, настороженно ожидая внезапных действий с его стороны. Напряг мышцы, готовый уклониться, если вдруг он надумает ударить.

Хозяин шахт лишь откинул меня и прошипел:

– Следуй за мной.

– Я могу спросить? – решился я.

– Смотря о чем.

– Лилит рассказала о функционировании отеля, но не о том, что находится под ним. Я не настаивал, так как понимал, что вы сможете лучше поведать об этом. Кто, как не хозяин Ада, знает свои владения лучше всех.

Фер Люций, обернувшись, косо взглянул на меня и одарил жесткой улыбкой. Мужчине прихлась по вкусу моя лесть. Его шаг немного замедлился, а походка стала более горделивой: расправленные плечи и жестикулирующие руки выдавали это.

– Если коротко, внизу находятся прихожая и ворота в Ад. Расскажу подробнее, пока идем к ним.

Фер Люций снова прибавил шаг, я послушно засеменял следом.

– Здание существует полтысячелетия. Едва у меня получилось найти червоточину и открыть ворота, как их тут же закрыли, буквально лишив меня дома.

Хозяин Ада притворно тяжело вздохнул и сделал паузу, тем самым побуждая меня спрашивать:

– Сюда ворвался Орден?

– Нет. Ворота заперли на расстоянии. Тут-то в историю вклиниваются твой подлый предок, ведьмы и Ниотинский. Они совершили невозможное. Когда я взял Фауста за сердце, – на этих словах Люций обернулся и расплылся в улыбке, – не фигурально выражаясь, буквально взял. Так вот, он признался, что, благодаря нашей с ним сделке, смог оставить брешь, алхимически изменив состав своей крови, поэтому в потомках будут вызревать определенные способности. Да, Дэниэль, Фауст действительно продал душу, чтобы демоны помогали ему в опытах с чернокнижием, поиском золота, ясновидением и еще со многим, чем он не гнушался заниматься. Йоганн любил заглядывать в будущее. Твой предок «дружил» не только со мной, но и с моими врагами.

Фер Люций повернулся, чтобы убедиться в моем полном внимании.

– Тринадцатый потомок. Его кровь, став демонической, сможет сорвать печати на вратах, если их закроют силой. Сие действие должно произвести, пока длится его двадцать первый год.

Мужчина с разными глазами снова вздохнул, внимательно отслеживая выражение моего лица.

– Так сказал мне Йоганн перед смертью. Как ты можешь догадаться, я все равно пробовал каждого Фауста. Ни один не справился. Ты тринадцатый.

Хозяин Ада пошел быстрее, глядя уже вперед. Я старался идти и не отставать.

– Доктор Фауст продал только свою душу?

Фер Люций повернул ко мне голову, подняв брови, и приоткрыл рот.

– Ты смекалист. Нет. Доктор играл по-крупному.

Хозяин Ада поднял две руки, взмахивая ими, словно дирижер, отчего его поведение стало отдавать фальшью. Я подавил желание скривиться и сделал еще более заинтересованный вид: шагал ближе к нему и кивал на все его реплики.

– Фауст отдал весь свой будущий род мне во служение, – торжественно и мрачно проскрежетал Фер Люций.

За его ответом чувствовалось, что Повелитель не выдал полную правду о моей крови, и я жалел, что не взял дневник предка с собой. Мы завернули в очередной узкий коридор. Я бы не отличил его от предыдущего, если бы не раздался хруст. У Фера Люция из ниоткуда в руках появилась трость, которая первая и коснулась их.

Кости. Они устилали дорогу ковром. Легкие до отказа заполнил тошнотворный трупный смрад. Уже настолько сильный, он висел в воздухе невидимой жидкостью. Казалось, вонь можно было пить. Фер Люций спокойно ступал по костям. Его не заботили ни запах, ни то, что я начал кашлять, задыхаясь.

– Я оказался отрезан от душ, которые давали силу. Это почти сокрушило меня. В отчаянии, как истинный гений я придумал решение сией досадной проблемы. Соль, из которой и выдолблены шахты, удерживает в себе все сюда попавшее. Она издавна считается базовой материей и обладает свойством консерванта. В нашем мире, Дэниэль,

соль становится или защитой, или клеткой, из которой не выбраться тебе подобным.

Я внимательно слушал, тщательно повторяя каждое слово про себя, чтобы запомнить и обдумать позже. Фер Люций продолжал хвалиться:

– Враги хотели лишить меня дома. Перехитрив их, я создал прихожую Ада. Здесь я питаюсь постояльцами, чтобы поддерживать свой статус силы. Ты откроешь врата, и я верну себе царство, чтобы и дальше искать червоточины в людском мире. За полвека соляные шахты Зальцкаммергута остались единственным выходом зла, который отрезали от дверей моего мира.

Я провел рукой по волосам и потянулся, чтобы почесать кожу за ухом, но, спохватившись, быстро одернул себя. Устремив глаза в пол, уже не так уверенно продолжил спрашивать.

– Значит, отель больше не будет нужен? Зачем червоточины, если вы и так получаете души людей, попадающих в Ад?

– Соль вот в чем, юный Фауст. Во-первых, я и мои поданные имеем возможность выходить в мир людей только через подобные врата или если смертный призовет демона по всем правилам, что случается раз в столетие. Во-вторых, душа человека, которую искусили раньше предначертанного срока, в тысячу раз вкуснее и сытнее. Она еще сладко-невинная, лишь немного тронутая пороком, а оттого дающая мне куда больше силы.

Мы ступили в широкую пещеру. На влажных стенах блестел соляной налет и висели средневековые орудия пыток. Вдоль стен стояли дыбы, мебель, похожая на разделочные столы. Посредине высились несколько каменных алтарей. Пол, как и коридор шахты, оказался усеян человеческими костями. Смерд гниющих трупов никуда не делся, словно усилившись. Я ощущал его вкус у себя во рту. На одной из дыб висел мертвец. Я понял, что он мертв, по мутным, словно затянутым туманом, глазам и застывшему, перекошенному от ужаса рту. Зачарованный видом прихожей, я остановился.

– Как вы заберете души постояльцев из третьего номера? Их ведь мы убили, а не вы.

– О, эта субстанция не уходит сразу, лишь на третьи сутки оставляя тело. Я получу свое, не волнуйся.

– Я и не думал. Просто любопытно.

– Иди вперед, – Фер Люций ткнул в меня тростью. Она была бы не примечательной, но одна деталь меняла внешний вид. Набалдашник представлял собой голову змеи с разинутой пастью и торчащими оттуда острыми клыками. Гад выглядел живым.

Я повиновался. Кости под ботинками мелодично хрустели, словно рассказывали о своей жизни до того, как пали здесь, постепенно превращаясь в пыль.

Выступив из пещеры в короткий полукруглый тоннель, я уткнулся в массивные каменные двери. Они являли собой произведение искусства. На обеих створках выступало несколько десятков лиц, и я сразу вспомнил тела под обоями. Сходство определенно имело место. Едва ли в них можно было разглядеть что-то человеческое. Эти гримасы ярости, ужаса, похоти принадлежали уже не людям. Каменные ворота темнели, словно постоянно подвергались высоким температурам, хотя в гроте чувствовался мороз. По периметру дверей вились символы и знаки, похожие на те, что я видел в дневниках предка. Пол возле них скрывался за чернильной дымкой, которая ползла, словно живая, к моим ботинкам. Коснулась их и поднялась к щиколоткам. Я почувствовал легкое онемение, будто отсидел обе ноги.

Ручка на дверях, выполненная из нескольких ребер, переплетенных и согнутых, больше всего напоминала детский лук. Я не представлял, чья извращенная фантазия способна придумать такое. Фер Люций подошел к воротам, любовно провел рукой по застывшим лицам, прислонился лбом к камню, а затем поцеловал. Я вдруг почувствовал себя лишним, словно присутствовал при действе, которое не предназначалось для посторонних глаз. Повелитель отошел от дверей и взмахнул тростью. Меня повалило на пол и протащило через грот прямо к блестящим сапогам разноглазого хозяина Ада.

Приподняв голову, я узрел глумливую улыбку, перешедшую в лающий смех. Он не сводил с меня глаз и упивался собственной властью.

Я встал, злясь от такого обращения, но испытывая что-то сродни даже не страху, а инстинкту выживания, опасаясь перечить ему в открытую. Фер Люций схватил меня за кисть и подтащил к воротам. Ладонь обожгла боль. Мужчина распорол мне плоть одним из клыков змеи на основании трости. Кровь залила пальцы, но упасть на пол ей не дали. Фер Люций приложил мою руку точно на место соединения

двух створок, прямо возле костяной ручки. Я затаил дыхание, как и хозяин Ада.

Ничего не произошло.

Врата не распахнулись. Тогда мужчина сильнее придавил мою руку к каменным дверям, елозя и измазывая кровью обе створки и стык между ними. На его впалых щеках ходили желваки, он нетерпеливо постукивал тростью по полу. Мы снова застыли.

Ничего.

– Ты не полностью демон! – изо рта Фера Люция вылетела пена, словно он разъярился за одну сотую секунды.

В его глазах я увидел огненные языки, а на шее – вздувшиеся жилы. Понял, что вся его злость сейчас обратится на меня.

– Позвольте, я попробую еще раз, – вышло жалко, и я почувствовал презрение к самому себе за нотки подбострастия в голосе.

Попытаться еще раз мне не дали. Сила хозяина Ада подняла меня над полом и резко впечатала в стену грота, выбивая воздух из легких. Фер Люций вытянул вперед руку и согнул в кулак. Я почувствовал, как шею зажали в тиски.

С трудом подавил крик, когда он зубами оторвал кусок моей плоти.

Потом еще один.

И еще.

Из его облика ушли все человеческие черты. Фер Люций покрылся темной броней, похожей на чешую, с острой мордой и пастью, полной клыков. Я закричал от отчаяния, не в силах пошевелиться. А Дьявол начал рвать меня на куски когтями, вгрызаясь в кости. Острая, ни с чем не сравнимая боль пронзала все тело. Понимал, что умру, и хотел умолять, чтобы это произошло скорее, но попытка растягивалась и растягивалась, сводя с ума. Я потерял счет времени, вопя от мук, но в какой-то момент все прекратилось.

Фер Люций стоял в шаге от меня в прежнем обличье мужчины, вытянув руку. Он оскалил зубы и утробно зарычал, словно дикий зверь. Кожа на его лице растянулась в злобной гримасе.

Я не кричал и не умолял, интуитивно понимая, что этим вызову еще больший гнев, и пытка возобновится. Мне было нечем дышать,

мир в глазах расплывался кровавыми пятнами, но упрямо не издавал ни звука, подвешенный в воздухе его силой.

Не знаю, сколько это длилось. Лишь ощутил, что снова могу сделать поток воздуха, и упал на кости в черную дымку, которая так и стелилась по полу. Сейчас она принесла облегчение, словно кожу обмазали анестетиком в тату-салоне. Я пытался что-то сказать, но мое горло было в состоянии стейка «тартар», и изо рта вырвался только натужный хрип.

– Ступай на службу, Дэниэль. В следующее полнолуние ты отворишь ворота. Надеюсь, ты понимаешь, что третьей попытки не будет.

Хозяин Ада презрительно фыркнул, сморщив нос, и отвернулся к дверям. Угрозу в голосе Люция услышал бы и глухой.

Я промямлил что-то, кажется, это было согласие. Развернулся и, спотыкаясь, побрел прочь из грота, сдерживаясь, чтобы не броситься бежать. Пройдя через «адскую прихожую», не услышал шагов за спиной. Фер Люций за мной не следовал, оставшись возле ворот. Тогда я, ускорив шаг, с гулко бьющимся сердцем, стук которого отдавался в ушах, добрался до лифта. Таращась на отражение в зеркале, я был не в состоянии удивляться тому, что не выглядел растерзанным: вероятно, большая часть того, что проделал со мной Фер Люций, происходила в моей голове. Я лишь подтянул воротник почти к подбородку, стараясь скрыть болезненные гематомы, разлившиеся по шее.

Створки разъехались на нулевом этаже. Возле них уже поджидала Лилит. Рыжая все поняла, едва взглянув на мое лицо.

– В подсобку. Живо!

Усадив на стул, достала из шкафа тюбик с тональным кремом. Я скептически хмыкнул:

– Ты собираешься этим замазать мне шею?

– Есть другие предложения, умник?

Я отвел руки, уже потянувшиеся к моей шее.

– Нельзя убрать их демонической силой? Да и зачем? Рассвет через пару часов – заживет.

Блестящие губы Лилит скривились в намеке на улыбку.

– Только не дьявольские пытки.

– Фер Люций. Почему он выглядит как бронированный монстр?

Я до такой степени стискивал зубы, что ощутил боль в челюсти. Мне хотелось отомстить за унижение, но пока не знал как.

– Не обманывайся. Глаза видят лишь то, что готов принять разум.

– То есть он может выглядеть иначе? Истинный облик у него не тот?

– Возможно, – уклончиво ответила она, выдавливая на спонж каплю светлого тонального крема.

Лилит откинула мои волосы, грубо придавливая губку к шее. Потом резко перестала. Я понял, что она смотрит на печать. Как они достали с этой меткой! Такое впечатление, что я племенной конь, которому постоянно заглядывают в зубы. Потрогал место за ухом. Ничего. От моих потуг с ножницами не осталось даже корочки. Черт.

Крепко стиснул челюсти, приготовившись ко всему. Я предполагал, что сейчас снова получу по шее и другим частям тела или подвергнусь расспросам, а может, презрению управляющей отелем.

Прошла минута.

Правой рукой Лилит продолжила замазывать мою шею косметикой, не сказав ни слова об исчезнувшей печати.

Я не знал, что думать. Рыжая ведь должна прекрасно понимать, что отсутствие печати – огромная проблема для нас обоих. Ощущение тяжести внутри усилилось, а кожу на шее начало приятно покалывать от касаний губки. Молчание девушки побудило меня потянуться и сжать ее левую ладонь, перебирая тонкие бледные пальцы.

Закончив, она молча шагнула к дверям на ресепшен. Я последовал за ней. Обошел стойку регистрации и толкнул двери в холл. Сделал кофе на двоих и, не спрашивая, будет ли она его пить, поставил на гладкую деревянную поверхность. Рыжая взяла чашку обеими руками, поднесла к носу, вдыхая аромат. Отпила глоток. Лилит хмурилась, не сводя с меня блестящих глаз.

– Что он сказал?

– У меня есть еще одна попытка в следующее полнолуние. Последняя.

Она задумчиво отпила снова и поставила чашку рядом с книгой регистрации.

– Тогда тебе нужно очень постараться. Постояльцы должны прибывать каждые пару дней.

– Мне тут пришло на ум, что мобильники и смарт-часы гостей отеля можно отследить. Как вы до сих пор не попались?

Лилит закатила глаза, показывая, как я достал со своими расспросами.

– Как я тебе уже говорила, наш хакер подчищает историю браузера, геолокацию на всех устройствах, которые остаются после жильцов. Электронику мы топим в том же озере, где избавился от золота мистер Функ. Он попал сюда, эшелонем увозя награбленное богатство Третьего Рейха.

– Ему сколько? Лет сто? – удивился я.

Рыжая пожала плечами.

– Примерно. Повелитель еще не наигрался с ним, поэтому Функ в какой-то степени еще жив.

– Он обитает в номере тринадцать?

Она погрозила мне пальцем и облизала губы.

– Да, и хватит с тебя. Давай займемся более приятными вещами.

Что-то щелкнуло внутри, и меня бросило в жар. Я придвинулся к ней, поставив руки по обе стороны от тела Лилит. Пульсация в паху нарастала, а мозг рисовал картины того, как раздеваю рыжую прямо за стойкой регистрации. Прижавшись к ней бедрами, я потянулся к губам, но хмыкнув и увернувшись, она отошла от меня.

– Я обработала мистера Рихтера и его очаровательную любовницу. Ты успеешь все сделать до завтрака, а днем мы примем новых жильцов. Девушку оставишь мне, живой.

Новое убийство. Вместе с предвкушением меня накрыла тошнота. На лбу выступила испарина. Я вспомнил сон с собой прежним и понял, что та часть моей души мешает в полной мере наслаждаться новой жизнью. Усилием воли заставил себя думать о вкусе глаз, которые скоро попробую.

– Хорошо.

Лилит приказала, так что я, насвистывая, отправился выполнять. Лучше секса могло быть только убийство. Бесшумно ступая по ковру, приблизился к кровати в шестом номере. Оглушил мужчину, крепко связал девушку, заткнув вульгарный рот с раздутыми губами полотенцем. Отнес ее во вторую спальню люкса. Оставил, положив на пол, рядом с кроватью. Более она меня не интересовала.

Медленно вернулся к мистеру Рихтеру. Смакуя каждое движение, я связал очнувшуюся жертву по рукам и ногам. Рот заклеил скотчем. Постоял несколько минут, любясь ужасом в глазах, и молча вышел, чтобы вернуться с ложкой для лагте, длинная ручка которой так мне понравилась. Мужчина извивался на постели, словно огромный червяк. Я не стал его душить, нет. Мне хотелось попробовать ужас в его глазах на вкус. Я оседлал тучное тело, прижал рукой голову мистера Рихтера к подушке и наклонился.

– Не смей моргать, иначе убью, – почти нежно прошептал я, вводя ложку в глазницу.

В этот раз я действовал аккуратнее. Завел ложку за яблоко, надавил, отсекая прямую мышцу. Пришлось приложить усилия, и вот он, целый у меня. Облизнулся, сглатывая голодную слюну. Рихтер отвлекал, начав брыкаться сильнее. Я поднес глазное яблоко к губам и втянул в рот целиком, раскусывая зубами и чувствуя, как оно лопнуло и брызнуло по нёбу. Все это я проделал прямо при жертве, которая, не переставая, выла от боли. Если глазная жидкость походила на сырой белок, то мышцы и нервы имели вкус свежего мяса, только более сладковатого, чем у животных. Быстро проделав то же самое со вторым глазом, я слез с постельца. Его пустые глазницы кровоточили и пачкали постель. Насытившись, я расхотел убивать, но необходимость закончить дело перевесила. Подняв каменную статуэтку с тумбы, я обрушил ее на голову мистера Рихтера, размозжив висок. Мужчина затих. Я раздел его и отволок тело под отель, в соляную шахту, где и оставил, положив в каменную нишу.

Теперь дело за Лилит. Она ждала за стойкой в холле. Я кивнул, показывая, что все готово и увидел, как ее янтарные глаза зажглись предвкушением.

Вещи мистера Рихтера и его любовницы сожгли на заднем дворе, как и было принято в отеле «Дахштайн», а на следующую ночь рыжеволосая Лилит приснилась уже другому мужчине.

* * *

Утро принесло мороз и снежные тучи, которые зацепились за пик горы, неистово сражаясь с ней, как дамы, освобождающие подол

платья от придавившей тот дверцы автомобиля.

В холле я расправил плечи и с наслаждением вобрал в легкие горячий воздух. Все дома пахли по-разному. «Дахштайн» пах хвоей, костром и солью, а еще немного карамелью. Дом Фауста – пылью, бергамотом и цитрусом.

Постояльцы завтракали. Мистер Рот пил кофе на веранде, а мы с Лилит присматривали следующих жертв из тех, что задержались в отеле дольше положенного.

– Расскажи о таких, как ты, – серьезно попросил я. Мне необходимо узнать как можно больше о мире, который я открыл после приезда в «Дахштайн». Рыжая не удивилась, возможно, ждала, когда спрошу.

– Прокатимся? Спускайся в гараж, я скоро буду.

Я остановился у пассажирской двери «Мустанга», ожидая Лилит. Она вышла буквально через минуту, переодевшись в темные кожаные лосины и черную толстовку, став похожей на модель с обложки итальянского журнала. Рыжая прыгнула за руль.

– Пристегнись.

Мы понеслись. Демоница – лучший водитель, которого я только встречал. Создавалось ощущение, что она слилась с «Мустангом» в цельного скоростного монстра, который, урча, гнал по серпантину. Утренняя дымка рассеялась, и облака упали кусками ваты на долину, открыв залитые солнцем карстовые вершины горного массива Дахштайн. Каждый поворот на дороге картина менялась. Белые пики походили то на острые акульи зубы, то на профиль каменного великана. Горы вызывали у меня чувство полета и свободы, а скорость возбуждала. Лилит пресекла мои попытки положить ладонь ей на колено глухим рычанием, а затем заговорила отвлекая:

– Демоны действительно существуют, но они отличаются от тех, что ты встречал в этих ваших ужастиках или на страницах популярных книг. На самом деле мы очень похожи на людей. Мы не превращаемся в животных, не поднимаем небоскребы голыми руками и, увы, не обладаем скоростью и силой супермена. Спасибо тьме за то, что не боимся серебра, крестов и святой воды. Хотя с крестами и водой все не так просто.

– Демон может зайти в церковь?

– Может, но получит ожоги. Больно, но терпимо, если на небольшой отрезок времени. Что касается служителей церкви, то спустя двадцать два года после перевоплощения я на спор обратила священника, и даже его постное сердце под стенами старого храма не встало мне поперек горла. Помню, изжога мучила с неделю, – Лилит поморщилась и сглотнула. – С тех пор я стала строго отделять церковь от какой-либо веры. Сильного демона так запросто не изгонишь, по крайней мере, не так, как считает духовенство. Святая вода, если только она не освящена Папой, такая же вода, как и любая другая. Кресты – просто две палки, в которые верят люди, – она пренебрежительно фыркнула. – Хотя да, есть те, которые могут нам навредить, но, опять же, знаний о них почти не осталось. На этих палках должны быть начертана молитва о спасении души с именем того демона, которого хотят изгнать. Естественно, это редчайшее явление.

– Ты сделала что-то плохое, умерла и попала в ад?

Рыжая рассмеялась:

– Дэниэль, оглянись. Как тут попадешь в рай, если пять из семи смертных грехов^[43] – это образ жизни? – Лилит снова стала серьезной, на ее лице собрались мрачные тени. – Не знаю насчет рая, попадает туда кто-нибудь и существует ли он вообще. Я видела в Аду детей и священников. Весь смысл в том, что даже если человек жил праведно, но в какой-то момент солгал, украл или еще как развлекся, то все – он наш клиент. Никакие молитвы о прощении не помогут. Ты либо святоша без пятнышка сомнений, либо принадлежишь Феру Люцию.

Она круто вписалась в поворот при скорости сто километров в час, и мы пронеслись мимо таблички Der Dachstein, которая указывала направление въезда на гору к подъемнику. Очередь из машин на дороге образовалась благодаря ясной погоде и возможности для туристов допрыгнуть, дотянуться рукой до редких облаков и оторвать себе кусочек, который потом медленно растает, как туман. Где еще можно увидеть, как небо становится ниже земли, как не в горах?

«Форд-Мустанг» сыто урчал, виляя на узкой дороге, словно большой черный кот, который гнался за серой лентой, но никак не мог поймать.

Лилит охотно говорила о том, каково быть демоном. Наверное, она долго держала эти слова в себе, и сейчас они изливались на меня,

подобно необходимой хилому деревцу воде. Я жаждал узнать все о дьявольских тварях еще и потому, что от этого зависела моя жизнь или то, что теперь ею называлось. В Ад мне точно не хотелось.

– И давно ты демон?

Рыжая ухмыльнулась, убрав прядь волос за ухо.

– Больше половины тысячелетия назад я была человеком. Сейчас я никто и все одновременно. Люди заблуждаются насчет нас. Демоны – не чудовища, это души из преисподней, заключившие сделку и вечно служащие Повелителю. Такие, как я, ненавидят Ад. По крайней мере, те, кого встречала. Никому неохота сидеть и жариться в адской сковороде величиной с мир. Скажем так, я проходила этап воспитания и послушания там, внизу, и не горю желанием туда возвращаться.

Мое перевоплощение, как и твое, произошло на Земле. То есть я приняла решение стать демоном до своей смерти. Поэтому считаюсь особым видом, приближенным к Повелителю. Души людей, которые согласились пытаться других в Аду, – еще один вид демонов. И есть третий. Думаю, ты слышал про экзорцизм. В основном у божьих неумех получается изгнать бесов – душ слабых и обезумевших от пыток Преисподней настолько, что Люций их вышвырнул в мир, устав от бесконечного нытья. Они никчемные, и обряд экзорцизма отправляет их в серую пустоту, где они погибают окончательно.

Я молчал, переваривая услышанное.

– В гримуарах Фауста я прочитал об использовании демонов для поиска сокровищ, а еще для занятий черной магией, для обретения внешней красоты.

Уголки губ рыжей поползли вверх.

– Демоническая сущность лжива и обманчива. Таковы твари Ада. Нравилось Йогану классифицировать демонов, вот они и поддерживали его бред, при этом сами забавлялись. Фауст заблуждался только в этом, но в печатях призыва адских тварей ему не было равных. В итоге все довольны: доктор тем, что пишет гримуары и экспериментирует, а демоны – тем, что на какое-то время избавлены от огненной клоаки.

Я замялся, впервые за последние дни испытывая нечто похожее на волнение. Потом решил и спросил:

– Я демон?

Лилит на секунду повернула голову в мою сторону и попыталась скрыть разочарование под на редкость фальшивой улыбкой. Я понял, что она тоже постоянно задавалась этим вопросом и уже пришла к какому-то выводу.

– Почти. У тебя есть месяц, чтобы им стать, малыш.

Прага. Ниотинский

Сделка с представителями семьи Шимонек, теперешними владельцами замка Гоуска, прошла неуспешно. Ничего не узнав о потомке Фауста от Лилит, Грегор стал задумчивым и невнимательным. Семейство Шимонек согласилось продать Гоуску за нереальную сумму, которой кардинал на данный момент не располагал. Подняв все свои активы и заглянув в счета Ордена, Ниотинский попросил неделю на ответ. Представители не озвучили, почему вдруг ревностно хранящие свою историческую собственность Шимонеки решились на продажу. Уехав ни с чем, кардинал вспоминал глаза Лилит в тот момент, когда сказал, что знает про ее жизнь и искушение. Возможно, воспоминания о детстве посеют в ней тень сомнений и служение Феру Люцию уже не будет в радость?

Грегор ощутил прилив сил, представляя, как подарит ей Гоуску. Возможно, даже освободит Лилит, и она отвернется от служения злу. Тщательно хранимая и лелеемая мечта кардинала-епископа являлась самой настоящей глупостью. Он прекрасно понимал, что его любовь к демону противоестественна. Ниотинский не знал точно, была ли у Лилит хоть капля чувств к нему. На самом деле знал. Нет. Она его ненавидела, но Грегор успокаивал себя тем, что чувств, которые испытывает он, с лихвой хватит на двоих.

Вдавлив педаль в пол, глава Ордена несся по проселочной дороге, превышая допустимую скорость. Поля, припорошенные снежной крупой, темными пятнами выделялись среди хвои. Редкие встречные машины шарахались от мощного «БМВ», которое и не думало притормаживать, чтобы разминуться на узкой дороге. Въехав в Прагу и выстояв положенные полчаса в полуденной пробке, порядком раздраженный кардинал добрался до своего жилища.

В Трое^[44], возле его коттеджа топтались двое: Филипп и Элишка, даже издали Грегор видел, как они о чем-то спорили, отчаянно жестикулируя.

«Шустрая ведьмочка смогла найти мое обиталище», – подумал Ниотинский, припарковавшись рядом с ними.

– Мы хотели уйти, – пробасил Фил, выказывая недовольство долгим ожиданием кардинала.

– Я уже вернулся. Элишка, что ты здесь делаешь?

Кардинал устал. Периоды рвения и служения высшим благим целям, как и своим тоже, сменялись болезненным чувством тоски и одиночества. Подобные смены настроения он заметил у себя после коротких стычек с Лилит. Она была его отравой, от которой он не имел силы воли отказаться.

– Кажется, я знаю, как найти Дэна, – ломким, радостным голосом ответила ведьма.

Лицо девушки покраснело, глаза возбужденно блестели. Она нервно колупала кутикулу на большом пальце. Грегор подавил в себе желание шлепнуть ее по рукам. Он терпеть не мог, когда люди в присутствии других ковырялись в своем теле, тянули себя за волосы или чесали голову. Ниотинский списывал их действия на признаки нервного расстройства или отсутствие личной гигиены. Еще со времен Средневековья, а затем и Ренессанса он ощущал некую брезгливость, которая переросла в раздражение от необходимости общения с подобными людьми.

Ниотинский поджал губы, рассматривая парочку: Филипп был какой-то сверхъестественной тварью, неизвестной Ордену, а Элишка – одной из последних ведьм. Служители Contra Malum пока не нашли дороги к вратам и потому. Могли ли эти двое как-то помочь ему?

«Нужно испробовать все варианты. Судя по тому, что демонической активности нет, врата пока закрыты, а значит, у нас еще есть время».

– Я тебя слушаю, – устало выдохнул Грегор.

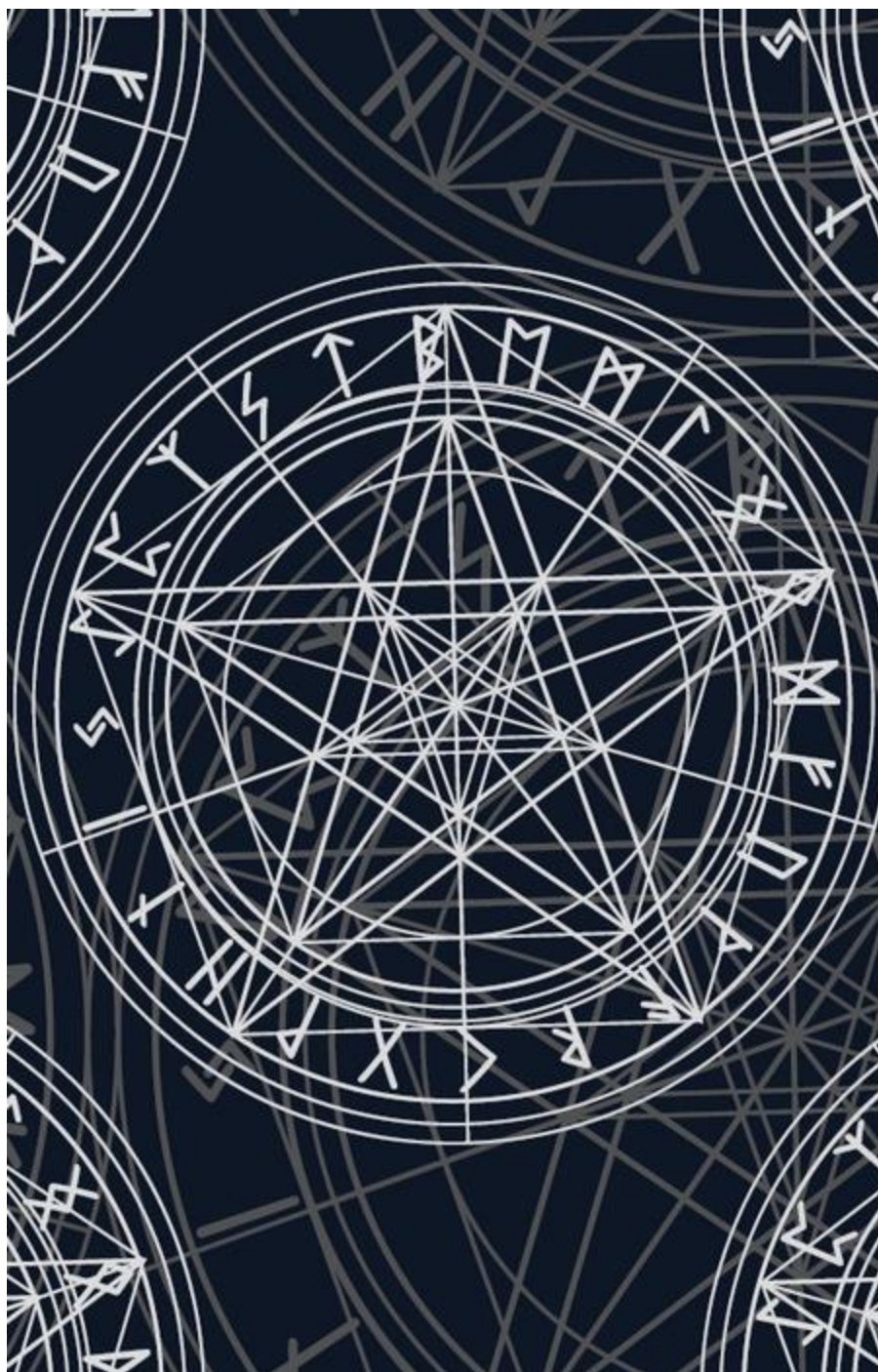
– В полночь встречаемся в Доме Фауста, – кивнула Элишка.

Глава 16

CARPE NOCTEM.

Наслаждайся ночью.

Ниотинский отпустил Элишку и Филиппа, условившись встретиться с ними ночью возле дома номер пятьсот два на южной стороне Карловой площади.

Каждую неделю Грегор докладывал Ватикану о развитии событий. По окончании видеоаудиенции у Папы кардиналу жизненно необходимо было сбежать из коттеджа и проветриться.

Тринадцать носителей колец, разбросанных по всему миру, испытывали волнение по поводу происходящего. Кардинал задолго до этих событий знал о проклятии Фауста, но медлил до последнего. Давал мальчишке возможность привыкнуть к мысли о сотрудничестве, не смел принуждать. Все это время он не ведал, жива ли Лилит, или же Фаустом займется другой демон. Просчитывая шаги наперед, Грегор не учел только одну фигуру – себя. Когда смех Лилит разнесся под сводами склада, Ниотинский будто сбросил груз последних столетий, но, похоже, вместе с этим он потерял и часть мозгов.

В Ордене нарастало напряжение. Неясность в деле потомка Фауста была лишь началом. Заявили о своем существовании и другие твари, считавшиеся полностью истребленными и изгнанными с материковой Европы. Богемия была центром скопления сверхъестественного. Длительный дележ власти влкодлаков и упырей в Праге в эпоху Средневековья наделал шуму, оставив после себя массу легенд. Contra Malum позаботился о том, чтобы власть осталась у людей, а твари стали небылицами. Только недавно появились новые свидетельства того, что Орден уничтожил не всех. Это обещало стать проблемой номер два после дьявольских врат, демонов, бесов и поиска червоточин по всему миру.

Грегор выехал в центр, едва на город опустились сумерки. Хранители двигались следом на другом авто. Припарковавшись на Градчанах, Ниотинский оплатил место и двинулся по улице. Брусчатка, поблескивая в неверном свете фонарей, ложилась под ноги. Пражская ночь, казалось, разбавляла настоящее прошлым. С приходом темноты жизнь города останавливалась в спальных районах, замирая до утра, а мощный центр с готическими костелами и барочными дворцами спящим лишь притворялся. Выдыхая пар, кардинал застегнул двубортное пальто на все пуговицы и подтянул воротник. Сырость, казалось, проникала в самую душу.

Ночная мгла растворялась в мерцании желтых фонарей, и приглушенный, но достаточно яркий свет огней подсвечивал каждое здание, отчего они смотрелись еще величественнее и великолепнее, притягивая к себе взор Ниотинского. Архитектурное наслаждение действовало на него как успокоительная таблетка, на время спасая от насущных проблем. Когда он свернул на узкие старые улочки, ощущение прекрасного кругом сделалось сильнее. От тумана влажно

блестела брусчатка. Дома, тесно прижавшиеся друг к другу, сохранили средневековое очарование. Могло почудиться, что неожиданно из темноты появится нечто сверхъестественное. Кардинал знал, что местные гиды любили рассказывать страшные истории про призраков, пугающих запоздалых прохожих. К счастью, в ночной Праге больше нечего бояться, если ты обычный человек, ничего не знающий о тайном архиве ордена Contra Malum.

Грегор помнил свой визит в Прагу пару сотен лет назад. Те же улочки, та же брусчатка. Конские копыта, то тут, то там цокающие по мостовым. Пышные юбки дам и высокие цилиндры джентльменов. Пахнет свежестью реки. Чуть выше от нее – выпечкой и навозом. Лишь дома тогда стояли без макияжа: немного бледнее, без налета реконструкции.

Орден. Кардинал-епископ чувствовал, что меняется. Старость, а затем и смерть уже дышали в затылок. Он должен успеть сделать еще несколько вещей, перед тем как отправится в геенну огненную. Ниотинский осознавал, что никакие молитвы и покаяния не отменят того факта, что он любил демона, поэтому Рай для него давно закрыт. Если Лилит не оставит его одного в Аду, возможно, там будет не так уж плохо. В оправдание Дьявола следует сказать, что до сих пор кардинал выслушивал лишь одну сторону: все священные книги написаны под руководством Бога. Мемуары Люцифера же оставались неизданным черновиком.

Главными в списке важных дел значились: не допустить срыва печати на вратах, чтобы сравнительное равновесие в мире удерживалось как можно дольше, и найти Лилит. Третьим пунктом шел Орден. Выбрать и подготовить себе замену в ближайшие годы – еще одна головная боль Ниотинского.

Кардинал миновал две малостранские мостовые башни на левом берегу Влтавы и ступил на Карлов мост, утонувший в тумане. Впереди прогуливались редкие пары, из-за плохой видимости казавшиеся чьими-то забытыми воспоминаниями. Почерневшие от влаги и времени статуи укоризненно взирали на Ниотинского с обеих сторон моста, словно читали его мысли. Ровно тридцать скульптур. Они изображали почитаемых чешских святых и легендарных личностей.

Остановившись возле Святого Вацлава, покровителя Чехии и защитника Праги, кардинал перекрестился, поклонившись. То же

самое он проделал, приблизившись к четырнадцатой справа статуе Святого Вита, в ногах которого сидели львы. Его очень почитали в Риме. Вит был двенадцатилетним сыном сенатора-язычника из Сицилии. Мальчика убили за веру. Из уроков истории жители Чехии знали, что в Средние века часть мощей Вита подарили князю Вацлаву, с тех пор считалось, что святой стал покровителем Богемии. Но никто даже и представить не мог, что в Риме до сих пор использовали останки Вита в обрядах экзорцизма. Они помогали, но, к сожалению, только с бесами и слабыми демонами.

Миновав мост, Грегор двинулся вдоль набережной, вдыхая холодный запах бурной Влтавы и глинтвейна, которым всегда благоухал город в зимнее время. Вскоре он снова свернул на узкую улочку. По ней как раз разлилась мелодия колокола на костеле поблизости.

Подойдя к дверям Дома Фауста, Ниотинский заметил в окнах приглушенный свет. Кардинал предположил, что Элишка и Филипп уже внутри. Он подал знак рукой, и хранители остались снаружи, а он поспешил войти.

Молодая ведьма как раз плюхнулась на софу у входа, держа в руках небольшую стеклянную банку. В ней темнела засушенная трава, взглянув на которую Грегор скривился, примерно представляя по очертаниям, что там за гербарий.

Филипп был застигнут в тот момент, когда ползал на коленях по полу. Грегор заметил одну странность, которая сразу бросилась в глаза. Руки парня были скрыты тонкими кожаными перчатками. В пальцах правой руки что-то блеснуло, когда Фил обернулся на звук шагов.

– Что ты делаешь? – резко спросил Ниотинский.

У него уже появились догадки, но хотелось бы услышать подтверждение от друга Дэниэля. Фил потер бровь, похлопал себя по карманам, словно по привычке. Однако кардинал заметил, что Митсон в этот момент положил в один из них крест с серьги Дэна.

– Ищу тайник Фауста, естественно, – сарказм в голосе Филиппа можно было разливать по бутылкам и продавать как специи к разговорам.

«Ну, естественно. Так дом сразу его и откроет», – насмешливо подумал Грегор. Он приблизился и навис над Филиппом. Губы Ниотинского растянулись в жесткой усмешке.

– С чего ты решил, что Дэн не забрал с собой его содержимое?

Фил замялся, но ответил:

– Там есть вещь, которую он бы не взял впопыхах.

– То есть дневник и гримуары Фауста тебя не интересуют, но нужно что-то другое? Что это? – потребовал ответа кардинал.

Грегор специально выводил мальчишку из себя, надеясь, что тот в сердцах сболтнет хоть что-то стоящее. Митсон встал, сжав руки в кулаки.

– Найду – объясню, – огрызнулся парень. – Это не угрожает жизни потомка и никак не поможет в его поисках.

На последних словах он запнулся и покраснел. Стиснутые челюсти выдавали напряжение.

«Либо врет, либо мучится чувством вины», – подумал Ниотинский, стервятником рассматривая Фила. Его пальцы мелко подрагивали, поэтому Грегор скрестил руки на груди.

– Можно я уже объясню, зачем мы здесь? – встряла Элишка, помахав рукой с софы, чтобы привлечь внимание.

Филипп и Грегор перестали обмениваться злыми взглядами, повернувшись к девушке.

– На третьем этаже есть комната с кругом призыва.

– Нет! – сразу отрезал Ниотинский.

Чернова вскочила с софы, оставив на ней банку. Глаза ведьмы сверкали, рот был приоткрыт так, что видны зубы. Она нервно и быстро прокручивала широкое кольцо на указательном пальце.

– Выслушайте меня! – ведьма топнула ногой от возмущения. – Призыв – только второй вариант, но у меня есть и первый. Я войду в круг. При себе я храню волосы потомка, его личные вещи и средства для того, чтобы погрузиться в транс. Я смогу увидеть если не Дэна, то хотя бы место, где он находится.

Она подняла банку с софы и потрясла содержимым.

– Если у вас нет других предложений, я пошла скручивать косяк.

Все для себя решив и успокоившись, ведьма ухмыльнулась и, подмигнув Филу, направилась в кухню. Ниотинский промолчал, но отправился следом за ней. Если бы девчонка знала, что он сделал с Дженной, с ее темпераментом, выцарапала бы ему глаза.

– Что там у тебя?

Элишка отвинтила металлическую крышку и высыпала содержимое на разделочную доску.

– Аманита, каннабис и спинулум^[45]? – Грегор поморщился.

– Не сомневалась, что вы знаете эти растения.

– Зачем спинулум?

– При видениях тело довольно подвижно, а мне нужно оставаться в черте круга, иначе ничего не выйдет.

Измельчив сушеные растения до мелких крошек рукояткой складного охотничьего ножа, ведьма вытащила заготовку сигаретного папируса. Убрала из него фильтр и со знанием дела принялась скручивать опасную «папиросу».

– Ты так уже когда-нибудь делала? – с беспокойством спросил Фил.

Он стоял, привалившись к арке при входе на кухню, и наблюдал за манипуляциями ведьмы. Девушка обернулась и прямо встретила его взгляд. Чуть пожав плечами, Элишка легко улыбнулась:

– Делала, но не с таким составом и под руководством Джены.

Ниотинский слегка дернулся при упоминании Хокс, но промолчал. Рано или поздно нужно будет рассказать Элишке о ней. Возможно, она захочет навестить ее в Богнице. Грегор очень давно был знаком с Дженой и одно время считал ее если не другом, то союзником в борьбе против зла. После событий в ботеле Хокс заболела. Наложённые чары, сплетясь друг с другом, повредили ведьме рассудок. Служители Ордена позаботились о Джене и устроили ее в психиатрическую лечебницу Богнице в Праге. Ниотинский надеялся, что спустя время она поправится. Хотя и не отрицал тот факт, что Хокс помешалась еще раньше, когда хотела выпустить всю кровь потомку Фауста для возрождения ведьмовской силы.

Они поднялись на третий этаж. Вошли в комнату, куда Ниотинский в первый свой визит не смог попасть, потому что на месте дверей была стена. Очередная шалость чернокнижника. Помещение располагалось под самой крышей и было оборудовано под лабораторию. Огромную площадь умерший алхимик разделил на две части. В одной стояла пара столов и шкаф. Имелся даже атанор^[46] в форме миниатюрной башни, различные резервуары и сосуды, приспособления для дистилляции, щипцы, кочерга и молотки, мехи для раздувания огня.

Колбы, истлевшие травы, исписанные листы – у Ниотинского создалось впечатление, что они стали первыми, кто осмелился сюда войти за века. Запах пыли и старины сильно вьелся в эти стены, накидывая иллюзию, будто Грегор каким-то образом перенесся назад во времени. Потомок, скорее всего, не успел все рассмотреть, потому как Грегор и остальные здесь добавили ему проблем, не говоря уже о Лилит.

Вторая часть помещения представляла собой круглую комнату, выкрашенную черной краской. На деревянном полу была глубоко вырезана пентаграмма вызова демонов. Внутри круга, помимо символов удержания и послушания, выведенных белым, виднелось множество следов от когтей, оставленных адскими тварями.

Достав из поясной сумки зеркало, Элишка угольным карандашом рисовала знаки у себя на лице. Провела линию поперек лба, в которой один над другим расположились два треугольника. Вторая полоса шла поперек носа. Ведьма сначала чуть слышно, а потом громче проговаривала заклинания, обращаясь к земле и предкам, моля дать ей внутреннее зрение, чтобы увидеть определенного человека. Закончив роспись на лице двумя перевернутыми треугольниками под глазами, она сбросила легкую шубку и потянулась, чтобы снять свитер.

Фил закашлялся, отворачиваясь, на что ведьма насмешливо хмыкнула. Быстро раздевшись, Элишка натянула хлопковую белую рубашку, извлеченную из той же сумки. Русые волосы, до этого заплетенные в косу, она распустила, рассыпав по спине.

– Подайте черные свечи, – попросила она.

Не сговариваясь, Ниотинский и Фил завернули в лабораторию в поисках огарков. Грегор обнаружил их первым, сообразив, что они должны находиться возле импровизированного алтаря, который неприметно высился за шкафом со склянками.

Расставив свечи по периметру пентаграммы, Элишка ступила босыми ногами в круг. Ниотинский, глядя на спину ведьмы, почувствовал ком в горле и громко сглотнул. В мешковатой рубашке, босая, с распущенными волосами, она была такой же беззащитной и хрупкой, как когда-то дочка бургомистра, посетившая его спальню. Элишка повернулась лицом. Увидев черные символы, упрямый взгляд и лукавую улыбку, кардинал вспомнил, что и Лилит уже тогда была демоном, а не невинной девушкой, которой пыталась притворяться.

– Фил?

Парень подал ей папиросу, набитую травами. Ведьма подкурила и обошла весь периметр круга, зажигая свечи.

– Ни слова, пока я не закончу. Вытаскивайте меня только в том случае, если пойдет кровь из носа.

Девушка, раскуривая травы, опустилась на колени. Судя по уверенным и правильным приготовлениям, Грегор удовлетворенно отметил, что ведьму и правда научили основам всех ритуалов. Она умело обращалась со знаками, разбиралась в травах и знала, как обезопасить себя от последствий. Для Ниотинского это означало выгоду в будущем. Кардинал мог бы держать под рукой молодую ведунью, которую можно обратить в веру и использовать для служения *Contra Malum*.

Элишка курила, глубоко затягиваясь папиросой и пуская кольца дыма изо рта, открытого буквой «О». По комнате поплыл горький и пряный аромат марихуаны, смешанный с запахами хвои от плауна и плесенью от мухомора.

Фил и Ниотинский замерли за чертой круга. Наступила тишина, нарушаемая лишь глубокими вдохами ведьмы. Когда папироса почти закончилась, Элишку будто толкнула невидимая сила. Окурок полетел на пол из разжатых пальцев. Голова ведьмы запрокинулась назад, а глаза заволокло серой, словно сигаретный дым, пеленой. Девушка всхлипнула и рухнула на пол, выгнувшись дугой. Пальцы на руках почернели и уродливо скрючились, словно разбитые параличом. Ноги медленно елозили по полу, царапаясь об глубокие щербины, оставленные демоническими когтями. Ее тело сотрясали конвульсии. Пентаграмму окутал черный дым, просачивающийся из вырезанного контура. Элишка замерла в неестественной позе.

– Я вижу холод. Много снега.

Высокий голос ведьмы резал накалившийся воздух в комнате, словно скальпель. Ниотинский жадно подался вперед, опасаясь, что может пропустить малейшее слово. Фил, напротив, отступил на полшага. Грегор мельком взглянул на парня, чтобы убедиться, что тот не даст деру. Однако Митсон и не думал уходить. Только зрачки у него расширились больше, чем у обычного человека, а поза стала затравленной.

– Холод. Он везде. Камень... Много белого с зелеными прожилками камня. Это... это горы.

Изо рта ведьмы пошла кровавая пена. Элишка закашлялась. Филипп дернулся, но Ниотинский успел схватить его за плечо, заставляя остаться на месте. Грегор пытался взглядом убедить Фила не двигаться, но в ответ тот отрицательно покачал головой, упрямо сжав губы.

– Горы и холод... Дом с деревом на фасаде...

Ведьма зашлась в натужном кашле и промычала:

– Нет! Я не хочу смотреть! Не заставляйте...

Грегора так и подмывало спросить, что она увидела. Дэна? Лилит? Или, может быть, врата в Ад?

– О, предки! Нет!

Знаки на лице девушки начали исчезать, словно впитываясь в кожу. Из глаз и носа потекли дорожки крови.

«Все. Больше она ничего не скажет».

Ниотинский вошел в круг и, подняв ведьму на руки, вынес из черной комнаты. Фил, стараясь не наступать на очертания круга, принялся гасить свечи.

Грегор спустился на второй этаж и толкнул дверь в спальню. Старинная кровать возле окна белела огромным пятном в сумраке комнаты. Включился свет. Фил Митсон шел следом. Он достал из рюкзака платок и бутылку минералки. Глаза Черновой прояснились, но выглядели сонными. Фил приподнял ей голову и напоил.

– Дэн в горах. Где-то рядом, – прохрипела девушка.

Грегор ощутил, что все его инстинкты охотника пришли в движение, запуская механизм погони. Он сдержался, чтобы не схватить ведьму за воротник рубашки и не вытрясти всю информацию до последнего слова.

– Что ты видела последним? На что не хотела смотреть?

Чернова сжалась на кровати. У нее тряслись губы и подбородок, а на коже подсыхали кровавые дорожки. Она зажмурилась на мгновение, снова вызывая в памяти увиденное.

– Я увидела, как Дэн убивает.

– Подробности, Элишка! – прикрикнул Грегор. – Мне нужны подробности.

– Дайте ей время до утра, – вступился Фил, выпятив подбородок. Он готов был хоть сейчас выставить Ниотинского за дверь.

– Не забывайся, – отрезал Грегор. – Ты не сидишь в лаборатории Ордена и не подвергаешься пристальному изучению только потому, что ты друг Дэниэля!

– Он точно демон, – охрипшим голосом прервала их ссору ведьма, – Я присутствовала в спальне. Было темно. Думаю, что я попала в настоящее, ощущаю так. Дэниэль стоял там. Его глаза тлели в полумраке комнаты, а на губах играла злая улыбка. Он душил человека, подняв того над полом одной рукой.

Ниотинский опустил плечи и сгорбился, тяжело дыша. Вцепился рукой в изголовье, словно не мог устоять на месте. Фил закашлялся, отступив на шаг от кровати, словно не хотел слышать такого о лучшем друге.

– Филипп, бери Элишку, и выметайтесь оба из дома. Завтра я с вами свяжусь, – приказал Ниотинский резким тоном.

– Что? – возмутился парень, покраснев от злости.

– Мне нужно, чтобы вы сейчас же ушли.

Митсон хотел взять девушку на руки, но она, отмахнувшись, сама сползла с кровати. Взяла парня под локоть и, выходя из комнаты, пробурчала:

– Простого «спасибо, Элишка, что увидела драгоценного потомка» было бы достаточно.

Через время стукнула входная дверь внизу, дав Ниотинскому сигнал действовать. Эмоции притупили рациональное, и сейчас Грегор думал только о том, как будет орать на одну рыжеволосую бестию, если у него выйдет с ней связаться.

Кардинал поднялся обратно в лабораторию. Зажег свечи на столах и под потолком, так как на третьем этаже свет не проводили. Среди истлевшей бумаги, колб и покрытых ржавчиной инструментов он искал их тонких сородичей. Ниотинский, читавший чернокнижия не только Фауста, но и других мастеров, знал, что тонкие свечи они хранили отдельно. Такие огарки воровали или тайно покупали только после того, как они побывали в сложенных руках покойников.

На самом деле для призыва, который Грегор никогда не осуществлял в одиночестве, необходимо очень долго готовиться. И дело здесь не в редких ингредиентах. Нужно было трижды

исповедаться, поститься, читать святые мессы. Иметь хотя бы малый запас настоящей святой воды. Под «настоящей» подразумевалась вода, освященная самим Папой.

Все условия призыва сокращались примерно втрое ввиду высокого сана Ниотинского. Он не далее как днем исповедался Папе, а значит, главное условие призыва соблюдено. Последние девять дней кардинал практически не ел и не спал. Святые мессы он регулярно проводил в *Contra Malum*. Вот только за водой пришлось бы спуститься в кухню и набрать в ведро, а потом раскупорить пузырек и размешать святую воду с обычной. Это сработало бы только в том случае, если бы демоном, которого вызывал глава Ордена, была не Лилит. Так что кардиналу пришлось довольствоваться тем количеством, которое оказалось во внутреннем кармане пальто.

Грегор взял пять тонких свечей. Четыре он разместил по сторонам света, а пятую закрепил на металлической подставке и оставил в левой руке. В правую легла карманная Библия, которую Ниотинский всегда носил с собой. Он встал возле границы круга и трижды окропил его святой водой.

– Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога святого Духа.

Ниотинский не стал рисовать вокруг себя защитный круг, который требовался на случай, если демон вырвется. Кардинал видел мощную пентаграмму и знал, что тому, кого он призовет, точно оттуда не выйти.

– Во имя Того, кто сотворил небо и землю, а также все видимое и невидимое. Я обращаюсь сегодня, в этот день и час к милости Божией, к моему святому крещению, и всем совершенным исповедям, и всем съеденным причастиям – будьте вы, вместе со всеми лежащими вокруг меня словами, моей защитой, как только я вас ясно и четко произнес^[47]. *Tanno Jehova. Coelum. Et Firmament. Et Planetarum. Et Terra. Qui Filii. Sancta. Ego Filius. Deus. Amen!*

Кардинал осенял себя крестом после каждого слова защиты, а затем, ощущая, что сердце забилося где-то в горле от волнения, начал главный заговор.

– Именем Бога всемогущего Отца, и именем Иисуса Христа, Бога Сына, нашего Господа, и силою Бога святого Духа я заклинаю вас, четырех королей сторон света: тебя, король Восхода, Уриеус; тебя, король Заката, Паймон; тебя, король Полуночи, Эгин; тебя, король Полудня, Амаймон. Заклинаю также всех, которые сделаны из четырех

стихий и в них и ими живут, и благодаря им постоянно пребывают: тебя, князь огня, Самуэль; тебя, князь воздуха, Азаэль; тебя, князь воды, Азаэль; тебя, князь земли, Маазаэль. Заклинаю помочь мне в призыве «демона без Ада».

Вызываю тебя, Lilit Igneus^[48], чтобы ты тотчас же, смиренно и кротко, в дружественном облике явилась в этом круге. Искренне отвечала на все, что я попрошу и потребую, безо всякой лжи и обмана. И не причинила бы мне вред. Ни душе, ни телу моему. Посему приди, Лилит, будь мне послушна. Силою и властью Бога во имя Иисуса. Аминь.

Кардинал откашлялся, ощущая, как к лицу прилила кровь, и оно полыхает жаром. Он чувствовал, что вспотели ладони, а пальцы, держащие свечку, нервно подрагивали в такт сердцу, стучащему паровым молотом.

Грегор не был уверен, что призыв сработает на Лилит, прежде всего потому, что она не являлась демоном Ада. Луцие из Блатце лично избрал и искусил Фер Люций. Ниотинский подозревал, что девушка и сама не знает о том, насколько могущественна, вынужденная жить в тени своего Господина. Как вызывать подобных ей, глава Ордена не знал. Вернее, не хотел знать, справедливо рассудив, что демонов, обращенных на Земле, единицы, и тягаться с ними себе дороже.

Кардинал-епископ ждал. Тишина давила, воздух будто стал густым илом – ни выдохнуть, ни вдохнуть. В кругу маленькой точкой появилась тьма, раскручиваясь по спирали, она увеличилась, заполнив пространство до контуров. Женская фигура появилась в вихре, который осел к ее ногам. Девушка, стоящая напротив, выглядела чертовски притягательно, облаченная в толстовку, кожаные лосины и высокие ботинки на шнуровке.

Ниотинский с гордостью заметил, что призыв сработал и круг держит демона, но вот «смиренно и кротко» – это было точно не про Лилит.

– Самая большая опасность в поиске Дьявола, Грегор, в том, что ты действительно можешь его найти, – Лилит лениво растягивала слова.

Она скрестила руки на груди и вперила взгляд в кардинала. Ее глаза отливали красновато-медным, ноздри раздулись, а из

презрительно кривившихся губ доносилось утробное рычание.

– Здравствуй, Лилит.

– Да пошел ты!

– Похоже, это первый раз, когда ты абсолютно искренне говоришь мне что-либо, – сыронизировал кардинал.

– Отпусти меня. Сейчас же, сраный святоша!

Глаза Лилит сверкали, как оборванный высоковольтный кабель. Она зло заметалась по кругу, натываясь на невидимый барьер там, где проходила линия пентаграммы. Лилит показала зубы. Из горла доносился яростный рык, означавший, что она в бешенстве.

– Дэн – демон? Я знаю, что он начал убивать. Как ты... – он судорожно вздохнул и продолжил: – Ты хоть понимаешь, что будет, когда врата снова распахнутся?

– Вы должны были их запечатать вместе с Фером Люцием внутри! – голос Лилит звенел, она, не сдерживаясь, почти кричала. – А что вместо этого? Это как запирать конюшню, когда лошадь уже убежала.

Кардинал пораженно замер. Значит, она знала о первоначальном плане Фауста – запечатать вход в Ад с Дьяволом внутри. Печати сдерживали бы зло и сохраняли равновесие.

– Все пошло не так из-за того, что сделал Фауст в прошлом. Слишком многим он был обязан Феру Люцию, поэтому и придумал лазейку с потомком.

«Святые! Я что, оправдываюсь?» – Грегор перекрестился, шепча слова покаяния.

– Тебе не надоело быть занудным сраным святошей? – неожиданно елевым голосом протянула Лилит.

Рыжеволосая девушка остановилась. Глубоко вздохнула, будто возвращая утраченный контроль. Потопталась на месте, а потом снова двинулась вдоль границ круга, заставляя Ниотинского нервно сжимать в руке том со Святым Писанием.

– Надоело, честно. Вот если б ты сказала, где Дэн и где сейчас находятся врата, я смог бы уйти на покой.

Она фыркнула, наклонив голову и рассматривая его сквозь густые ресницы:

– Рано тебе на покой, – прозвучало внезапно почти по-дружески.

Ниотинский взглянул на Лилит со щемящей нежностью.

– Прах тебя возьми! Твоя любовь меня ранит, – прорычала она.

Лицо демоницы покраснело и начало отекать. На щеках стали появляться волдыри от ожога.

– Знаю. Прости, это сильнее меня. Лилит, я найду тебя рано или поздно.

– Сомневаюсь, – огрызнулась она и пошла в наступление. – Почему ты постарел, Грегор? Неужели твой Бог разочаровался в тебе? Не он ли подарил жизнь вечную?

– Он.

– Ах да. Ты полюбил демона. И как? Стоила эта любовь твоей жизни?

Лилит кусала губы и смотрела на Грегора, как никто никогда не смотрел. Кардинал видел, что она желала коснуться его, зная, что нельзя этого делать.

– Стоила! Ты стоила. Подойди, Лилит.

Он отложил Библию и шагнул к черте пентаграммы, демон сделала то же самое, оскалившись оттого, что кардинал принудил ее. Знакомый аромат жженой карамели ударил Ниотинского под дых. Глаза в глаза. Синий и медный. Грегор потянулся к ней, дрожащими пальцами невесомо обрисовал скулы, будто бы она была недосягаемым божеством. Кардинал прикоснулся губами к ее губам, на секунду закрыв глаза, чтобы тут же отстраниться. Кожа на лице Лилит пошла мелкими пузырями, вероятно, доставляя боль, но она никак не показала этого.

– Моя любовь к тебе со вкусом пепла на губах, – печально заметил Ниотинский.

Лилит отступила от границ круга, остановившись в центре. Кожа постепенно возвращалась к здоровому состоянию. Она подняла подбородок, глядя на него сверху вниз. Глаза ярко светились, обещая Грегору все муки Ада.

– Каждый из нас предан кому-то или кем-то, Грегор. Хватит мечтать о том, чего не может быть. Хватит рыться в моем прошлом.

– Лилит! – слетело надрывное с его губ.

Сколько столетий охоты и ненависти. Ниотинский испытывал чувства не к демону, а к той девушке: умной, свободной, прекрасной. Он знал, что Лилит именно такая, когда не носит уродливую маску, сотканную Сатаной.

– Мальчик еще жив? – о сколько надежды было в его вопросе.

– До своего следующего дня рождения точно будет. Носитесь с ним, как со вторым Христом, – вспыхнула девушка. – На Дэне прям свет клином сошелся.

– Ревнуешь? – усмехнулся он, увидев злость. – Лилит, если себе не хочешь помочь, прошу, помоги мальчику! У него есть потенциал.

Она прищурила глаза, процедив:

– Замену себе готовишь?

– Если он сможет жить с чувством вины – да! – глаза Ниотинского цепко следили за выражением лица демона. Не желая разочаровывать кардинала, Лилит только злорадно улыбнулась.

– Верни меня обратно, пока никто не заметил.

– Надеюсь, ты меня услышала. Я отпускаю тебя, Lilit Igneus.

Ниотинский задул свечу, что все это время держал в левой руке. Поднявшаяся из ниоткуда тьма поглотила девушку. Кардинал без сил опустился на деревянный пол. Теперь Грегор был уверен в том, что найдет Дэна, но не раньше чем через месяц. Он должен позволить потомку открыть врата, чтобы снова попытаться запереть их уже с Фером Люцием внутри. Когда Ниотинский запечатывал вход, он предполагал, как совместно с помощниками и Орденом найдет способ убить Дьявола, пока он слаб, но правда в том, что тогда равновесие все равно нарушится. Единственное, что глава Ордена может сделать, – запереть Фера Люция в Аду, как и должно быть. Что сотворит с ним Дьявол, когда кардинал умрет и войдет в геенну огненную, он не знал. Ниотинский предпочитал думать лишь о том, что тогда сможет быть возле Лилит, не принося ей боль.

Утром случилась досадная радость. Грегор встретился с Филом и Элишкой, которые ждали его в кофейне напротив Дома Фауста. Они не спросили, чем он там занимался всю ночь, а Ниотинский и не собирался посвящать их в тайну разговора с демоном.

– Я сделал несколько звонков.

Кардинал достал телефон, открывая файлы, которые накопили цифровые кудесники из Ордена. В них был перечень рейсов вылета из аэропорта Вацлава Гавела в тот день, когда пропал Дэн.

Чернова и Митсон придвинулись ближе, чтобы видеть экран.

– Из восьмидесяти рейсов вылета, совершенных в тот день, нам подходят три: Рейкьявик, Мюнхен и Зальцбург.

– В Мюнхене нет гор, – посмотрев на Грегора, пожала плечами ведьма.

– Зато есть горнолыжный курорт неподалеку, – возразил Ниотинский, хмуро разглядывая пару ФилЭлишка.

– В Австрии пропала актриса, взамен которой тебя взяли, – осенило Фила, и он возбужденно заерзал на стуле. – Нам нужно в Зальцбург.

– В смысле пропала?

– Схождение лавины.

– Не подходит, – отрезал Ниотинский, но увидев вопросительные взгляды, пояснил: – Нынешняя зима принесла всей Европе резкие перепады температур с сильными ветрами, поэтому лавины в Альпах сходят постоянно.

– Я чувствую, что это Австрия! – настойчиво и упрямо возразил Филипп, взглядом умоляя Элишку поддержать его.

– Тогда мы с Филом едем в Зальцбург, а вы можете проверить другие страны, – отрезала Элишка, хлопнув ладонью по столу.

Глава 17

Atabilis insania.

Приятное безумие.

Через два дня Филипп с Элишкой покинули Прагу, вылетев в Зальцбург. Ниотинский тайно послал с ними служителей Ордена с целью проследить, чтобы эти двое не натворили бед. Грегор хотел немного затормозить поиск потомка, да и открытые врата быстрее бы обнаружили его местонахождение. Однако самой большой проблемой оставалось то, что ведьма, помогавшая запечатать адские двери, –

умерла, а ее единственная преемница лежала в психиатрической лечебнице Богнице, куда кардинал и собирался отправиться.

Подъехав к потрепанному временем белому зданию, Грегор припарковал авто. Богнице, основанная в тысяча девятьсот шестом году, до сих пор функционировала и принимала пациентов. Корпус лечебницы напоминал княжескую усадьбу, построенную изломанным полукругом. Неяркий белый цвет фасада перетекал в рыжие крыши, неизменно украшающие Прагу. Напротив главного входа высился костел святого Вацлава, а за ним притаилось кладбище. На заборе, отделявшем тысячи надгробий от парковой зоны, уселись вороны, истошно каркая и разбавляя густую тишину места.

Ниотинского удивляло, что на территории лечебницы до сих пор несколько раз в год проводились шумные музыкальные фестивали. Кардинал размышлял, был ли это способ показать больным, что за оградой есть жизнь и, выздоровев, они вернутся в нее? Или же какой-то трюк, намеренно унижающий психически нестабильных постояльцев? Ведь именно из Богнице постоянно удирали больные. Как минимум раз в месяц в новостях объявляли о розыске беглеца.

На стойке регистрации Ниотинский вписал свою фамилию в бланк посещений. По пути к палате Грегор миновал общий зал, рассматривая пациентов, но Джены среди них не увидел, поэтому продолжал идти за провожатым. В нос ударил запах лекарств и хлорки. Девушка сидела в кресле у окна, уставившись прямо перед собой. Яркие змеиные глаза потускнели, словно в них вставили матовую пленку. Оливковая кожа отдавала желтизной. Грегор ощутил несвойственный ему укол вины. Наверное, он просто привык к язвительной и горделивой ведьме. Однако в кресле перед ним сидела лишь тень прошлой Хокс.

– Здравствуй, Джена.

Она не ответила, даже не повернулась в сторону Грегора. Оглянувшись на скудную обстановку и обнаружив стул возле стены, кардинал проталил и поставил тот рядом с ее креслом. Присев, Ниотинский долго вглядывался в девичье лицо, пытаясь найти признаки притворства. Увы, в глазах ведьмы не было и проблеска прежнего огня, как и ясного сознания.

– Джена, мне жаль видеть тебя такой. Я хочу помочь вернуть тебе рассудок.

Глава Ордена достал из кармана камень размером с ладонь. Смолянисто-черный, необработанный турмалин или «ведьмин камень», он носил еще одно название – шерл. Грегор положил его Джене на колени и, подцепив тонкую кисть девушки с подлокотника, переместил на турмалин.

– Шерл поможет тебе. Я буду приходить каждый день. Не знаю, слышишь ли ты, но мне нужна твоя помощь, как и твоей протеже, Элишке. – Немного помолчав, он добавил сварливо: – Слышишь? Давай, выбирайся из кокона и по возможности перестань пить лекарства.

Неожиданно рука ведьмы любовно обвила камень, словно он был самым дорогим ей существом, однако взгляд так и остался мутным и отсутствующим. Кардинал перед уходом спокойным тоном поведал, что произошло за время ее болезни, зная, что Джена, скорее всего, не слышит и не понимает его. Возможно, Грегору просто хотелось выговориться. Впервые за столько лет.

Зальцбург, Австрия

Аэропорт Моцарта встретил Митсона и Чернову шумом туристов, приехавших на горнолыжный отпуск. Люди толкались лыжами и досками для сноуборда в чехлах, смеялись и возбужденно переговаривались, обсуждая предстоящие съезды. Вокруг слышалось приветственное «Хале!»^[49], которым обменивались австрийцы.

– По-моему, мы слишком выделяемся, – заметила Элишка, показывая на свое строгое пальто и ботинки на шпильке. Да и Фил не отставал: дубленка, накинутая на плечи, брюки в клетку выдавали в нем скорее ярого горожанина, а не любителя гор.

– Да уж. Нужно будет заехать переодеться после того, как возьмем машину напрокат.

Поиск авто прошел быстро, за исключением спора о марке и модели. Арендовав новый универсал Ауди, они устроили шопинг в торговом центре, а после зашли поесть.

– Откуда начнем?

Элишка сидела в бистро, постукивая ногой о стол и листая на смартфоне сайт по поиску жилья.

– Это ты мне скажи. Ты видела Дэна. Помещение, где он убивал, было квартирой или, скорее, номером в отеле?

Ведьма наморщила гладкий лоб и поежилась, очевидно, вспоминая сумрак комнаты и Дэна. Прикрыла глаза цвета кофе.

– Обстановка не напоминала отель. Просторное помещение, блестящий паркетом пол, белая постель. Скорее, комната в квартире, но дизайн гостиниц невозможно предугадать. Апартаменты могут выглядеть как полноценное съемное жилище. И постель была белой.

– Ну и что? – не понял Фил.

– Обычно в таком цвете заправляют постели в отелях. Не помню ни одних знакомых, кто бы любил белое белье.

– Если отталкиваться от отеля, то, скорее всего, он бы стоял где-то далеко в горах, – заметил Митсон.

– Да. С другой стороны, отель в Зальцбурге тоже неплохо. Толпы людей и туристов. Легко затеряться.

Филип вытащил из бумажника монету в два евро.

– Орел – едем дальше в горы, решка – остаемся в Зальцбурге.

Подкинув евро, Митсон словил ее на правую ладонь и, сжав руку, перевернул, хлопнув на левую. Выпала решка. Элишка насмешливо улыбнулась и разблокировала телефон, чтобы определиться с районом.

– Видение указало на высокие горы. Гугл выдает район Зальцкаммергут. Возможно, он где-то рядом с ледником Дахштайн, ведь именно там самые высокие пики. Хотя я могу ошибаться, видения – штука ненадежная.

– Давай тогда искать жилье в пределах этого района.

Пока они смотрели номера, стало ясно, что пансионаты и отели от четырех звезд как раз и были сделаны в стиле дорогих квартир.

Остановив выбор на отеле «Гастхаус Империял» в городке Гозау с полупансионом и видом на одноименное озеро, они забронировали его на трое суток, чтобы потом переместиться в другой, если поиски в округе не дадут результата.

Пока они ехали, каждый был погружен в свои мысли. Фил тревожно сжимал пальцы на руле, а Элишка кусала нижнюю губу, отвернувшись к окну, за которым виднелся укрытый туманом лес. Горные пики, облаченные в белые накидки, изредка выныривали из тяжелых серых облаков. Добравшись на авто до Гозау, они забросили вещи в семейный полулюкс и спустились к ужину. Большинство сидящих в зале оказались людьми приехавшими на горнолыжный

сезон. Возле входных дверей отеля на специальных полках висели оставленные жильцами лыжи и сноуборды, с которых стекала вода.

Уточнив у владельца, все ли спустились к ужину, Элишка, попросив минуточку внимания, обратилась к ним:

– Мы ищем парня, пропавшего в горах несколько недель назад. Он уехал один кататься на сноуборде. Мы его семья и потеряли с ним связь. Жил в Праге и работал на киностудии помощником режиссера. Если кто-то из вас видел человека, похожего на него, или знает о местонахождении нашего Дэна, очень просим сообщить нам в номер десять или оставить сообщение на ресепшене. Спасибо за внимание.

Фил достал пачку отпечатанных заранее фотографий потомка Фауста и обошел все столы, показывая их. Опущенные плечи и устремленный вглубь себя взгляд Митсона выдавали его чувства и заставляли Чернову хмуриться. Фил скорбел по другу, словно тот уже умер.

Поднявшись в номер на второй этаж, Митсон ощутил неловкость от необходимости ночевать с Элишкой в одном помещении. Взглянув на огромную двуспальную кровать, ведьма сморщила нос.

– Ну, извини, номера с отдельными кроватями не было. Все забито.

Он почувствовал, как жар прилил к щекам, и скрестил руки на груди, что совсем не вязалось с его привычным поведением. Не так давно Митсон желал видеть ведьму в своей постели, а сейчас смутился, словно никогда не спал с девушкой. Элишка упала на кровать, раскинув руки.

– Не представляю, как искать потомка Фауста среди тысячи подобных гостиниц. Вдруг он вообще не в Австрии? Или здесь, но в совершенно другой стороне, например, возле Инсбрука?

– Есть у меня одно предположение.

Она перевернулась на живот, поерзала, устраиваясь поудобнее, и подперла голову ладонью.

– Слушай, я понимаю, что ты весь такой загадочный и не говоришь о себе. Но давай начистоту! Кто ты?

– Я связан обетом.

Чернова села на кровати, поджав ноги. Карие глаза сощурились, точно препарируя Митсона.

– Чушь полная! Ниотинскому ты, конечно, мог соврать, но не мне.

Фил молчал, крепко сжимая губы, словно боясь, что слова изо рта вылетят самовольно. Он сделал маленький шагок назад, желая избежать неудобных вопросов. Брови его сошлись на переносице, а лицо напряглось. Элишка попыталась еще раз:

– Тебе напомнить, что мы ищем демонское логово и врата в Ад? Трое слугителей Ордена, посланные за нами, не сильно меня успокаивают. Ты сам видел, что их машина застряла где-то возле Гальштата. Я должна доверять тебе, Фил. Пришло время открыться.

Митсон беспокойно растер шею и пожал плечами, словно вел дискуссию с самим собой. Он открыто встретился взглядом с ведьмой, которая, склонив голову, с интересом следила за ним.

– Тебе-то какая выгода? Зачем влезла во все это? Могла бы сбежать.

Элишка отвела взгляд, тяжело вздохнув. Уголки рта опустились, придав лицу страдальческое выражение. Морщась, она потеряла место над грудью, словно там болело.

– Джена у кардинала, я должна ей помочь. Дэна я использовала, чем не горжусь. Хочу поступить правильно и выручить его, если это еще возможно.

Фил искал хоть какой-то признак неискренности, но, удовлетворившись ее ответом, решил, что Элишка сказала правду.

– Поговорим утром, когда будем обходить другие пансионаты поблизости, – ответил он, раздеваясь и залезая под толстое одеяло.

* * *

В ста километрах от них по горной дороге стремительно несся черный «Форд-Мустанг».

* * *

Утро на Гозау наступило неслышно, затянув плотным туманом горы и даже лес. Все потому, что к Альпам добрался теплый циклон, принесший дождь вместо снега. Фил практически не спал,

всматриваясь в темноту за окном и слушая мерное сопение соседки по кровати. Митсон разбудил ведьму.

Позавтракав, они двинулись по узкой пешеходной дорожке к ближайшему пансионату. Дождь закончился, оставив после себя пробирающую до мурашек сырость. Митсон отвернулся от Черновой, рассматривая пейзаж. Так ему было легче вспоминать.

– Я появился в доме Фауста еще при его жизни. В той самой пентаграмме на третьем этаже.

Элишка взяла Фила за руку и ободряюще сжала, побуждая рассказывать дальше.

– Я жил во времена Карла IV, умер от заражения крови. Попав в Преисподнюю через какое-то время, стал демоном, но страстно жаждал вернуться на Землю. Не знаю, кому может нравиться сидеть там. – При мысли, каково было в аду, Митсона передернуло. – Поэтому, когда я услышал призыв, стоя рядом с князем огня Самуэлем, ударил его в спину коротким клинком, выкованным в адских печах, и прыгнул в круг портала вместо него. Так я оказался у чернокнижника Фауста. – Фил замолчал, шумно сглатывая. Нахмурился и заставил себя продолжать: – Впервые от меня ничего не потребовали. Он только спросил, чего я желаю. Доктор наложил на меня шесть печатей, думая, что я – князь огня Самуэль. Нашим уговором стало следующее: я служу ему, а через тринадцать поколений он вернет меня на Землю на одну людскую жизнь, но в качестве защитника его потомка.

– Что сделал с тобой Самуэль по возвращении в Ад?

– Я скрывался в адских трущобах, иногда выполнял поручения доктора Иоганна. После смерти Фауста затаился, ожидая появления на свет Дэниэля. Печати перенесли меня из Ада в тело младенца. Моя душа вытеснила другую, заняв ее место. Где-то лет в восемь ко мне вернулась память о демоническом прошлом, однако рос обычным ребенком. Я изменился, тело Филиппа, мое тело – в нем нет ничего сверхъестественного, лишь знания.

Фил низко натянул бейсболку, стараясь спрятать глаза, влажные от слез. Он непроизвольно сильно стиснул ладонь Элишки, лежащую в его руке.

– Я должен был присматривать за ним. Защищать. Правда в том, что я постепенно забыл об этом, махнув рукой. Наслаждался своей молодостью и новой жизнью.

Элишка сочувственно хмыкнула и заступила Филу дорогу, всматриваясь в его лицо.

– Перестань себя винить. Что сделано, то сделано. Давай постараемся все исправить. Не ради мрачного кардинала, а ради Дэна.

Чернова ободряюще улыбнулась и, отпустив руку Филиппа, быстро зашагала по пешеходной тропе. Они добрались до пансиона под названием «Хаус Лизенфельд», и Митсон остановился.

– Я не знаю, как именно найти Дэна, но могу обнаружить место, где находятся врата. Демоны почти не оставляют после себя видимых следов, поэтому попробуем так.

Элишка нахмурилась.

– Что это может быть? Необычная погода?

– Почти. Знаменья или аномалии, которые буквально указывают на нечто противоестественное. Аномальное количество гроз, которое бывает только на небольшом участке. Падеж скота, редкие болезни местных жителей. Самое заметное – выжженная земля. Возле врат ничего не сможет расти.

Ведьма махнула рукой в сторону двухэтажного дома с выступающими деревянными балконами.

– Возле этого пансиона расчищенный от снега зеленый газон и высокие ели. Значит, это не то место?

– Сейчас зима. Возможно, явных знаков мы сразу и не увидим. Будем заходить во все, на сколько хватит сил. Владельцы могут что-то знать.

Фил стиснул зубы от отчаяния. Дэн для него как младший брат. Митсону казалось невыносимой мысль, что его тихоня-мечтатель Дэн убил человека. Как он допустил подобное?

За несколько дней Фил с Элишкой обошли и объехали практически все горные отели в районе Гозау. Не заметили и следа Дэна, поэтому решили переместиться ближе к леднику Дахштайн. Забронировали пансион в городке Понгау, а спустя еще пять дней перебрались выше, в Шладминг.

Фил нутром чуял, что друг где-то рядом, но ничего не указывало на адские врата поблизости. Он ощущал Дэна, словно тот был магнитом, к которому его неизбежно тянуло. Только вот полюсом служила не какая-то точка на карте, а вся местность вокруг ледника

Дахштайн. Присутствие потомка Фауста было разлито в воздухе, словно вирус.

Три дня в Шладминге не дали результата: никто не видел парня, похожего на Дэна Чейза, никто из местных не замечал каких-то странностей, вроде аномалий, которые так отчаянно искал Фил. Ребята предприняли еще одну попытку – забронировали номер в отеле близлежащего городка Рамзау-ам-Дахштайн.

Заезд был назначен после шести вечера. Чертыхаясь от начавшегося снегопада и плохой видимости, Фил медленно рулил по горному серпантину, поднимаясь выше и выше. Чернова тихо материлась, вцепившись руками в сиденье кресла, иногда прикрывая глаза на особо опасных поворотах. Узкая дорога и впрямь была тем еще смертельным аттракционом, и Митсон несколько раз вытирал вспотевшие ладони о штаны.

Наконец огни отеля показались по левую сторону. Ауди въехала на парковку. Элишка облегченно выдохнула и первой вышла из авто, разминая затекшие ноги. Отель высился целым комплексом, состоящим из нескольких зданий, которые соединялись между собой стеклянными коридорами.

– Guten Abend^[50].

К ним поспешила моложавая фрау, озабоченно хмуря брови и здороваясь издали.

– Добрый вечер. Мы бронировали семейный полулюкс сегодня.

Элишка стряхнула с куртки налипший снег и достала мобильный, чтобы показать бронь. Ведьма открыла рот, но не издала ни звука. Она оглянулась на Фила, словно моля о помощи, а затем снова уткнулась в экран мобильного, быстро пролистывая открытые окна браузера. Лицо Черновой побледнело и застыло, она будто задыхалась. Женщина из отеля отошла от них на пару шагов и молча ждала, постукивая костяшками пальцев о входные ворота.

– Что там? – Митсон подошел, заглядывая в экран ее телефона.

– Его нет, – упавшим тоном прошептала она.

– Кого? – не сразу понял Фил.

– Бронирование. Исчезло! Я точно бронировала номер на ночь сегодня за двести евро!

Фрау переводила взгляд с Фила на Элишку, а затем, кивнув каким-то своим мыслям, удалилась. Через минуту она вышла с планшетом.

– Извините, но сегодня брони не могло быть, так как номера у нас заняты на несколько месяцев вперед, и новый заказ, увы, был бы просто невозможен.

– Как же так? Бронь точно была! Да и что нам делать? Уже темно и ничего не видно из-за снега, – огорчилась ведьма.

Фрау сдержанно пожала плечами, показывая, что это не ее проблемы. Она вежливо улыбнулась и мягко заметила:

– Могу лишь посоветовать найти ночлег в одном из ближайших отелей. Возможно, у наших соседей окажется свободный номер. Всего доброго.

Фил досадливо поморщился и, попрощавшись, сел в машину. Сайт по аренде жилья теперь не выдал ни одного результата в городе Рамзау, а чтобы добраться до другого поселка, нужно спуститься по проклятому узкому серпантину, который успело занести снегом.

Элишка, не выпуская телефон из рук, все пролистывала окна.

– Как могла бронь быть, а потом исчезнуть? – возмущалась она. – Давай заедем в парочку отелей рядом, вдруг кто-то не откажется нас приютить хотя бы на эту ночь? Я вниз сейчас ни за что не поеду. Когда поднимались, меня чуть инфаркт не хватил! – Чернова пристегнулась и вопросительно уставилась на Митсона.

Вздыхнув, он завел мотор. В следующий час они заезжали в четыре пансиона, и везде им отказали, пока, завернув за горный выступ, луч фар автомобиля не захватил красивое здание, спрятанное с одной стороны горой, с другой – лесом и крутым обрывом. Навстречу им приветливо светили огни над входной дверью. Фил заехал на парковку отеля. На фасаде была подсвечена табличка с надписью «Дахштайн».

Дэн

После утренней поездки с Лилит мы вернулись, и я подписал еще один документ. Договор о принятии на работу в отель. Естественно, своей кровью – почему бы и нет? Возможно, служение в «Дахштайне» позволит окончательно перевоплотиться в демона. Мне нравился еще один плюс в договоре. Лилит платила жалованье, которое я исправно тратил на еду, подъемники и бензин для форда.

В первую неделю пребывания в Альпах я менялся на физическом уровне. Возросла скорость и выносливость. Когда я был наедине с

жертвой – ногтевые пластины на пальцах сменялись острыми черными когтями. Я практически не спал, и мне начала нравиться другая еда. Как объяснила Лилит, демоны нуждались хотя бы в нескольких часах сна, но пару раз провалившись в дремоту, я решил не смыкать глаз, потому что в те короткие, неконтролируемые отрезки времени мне снилась прежняя жизнь. С едой все было намного проще. Я завтракал вместе с гостями отеля. Антрекот в состоянии «экста-рэйр»^[51] был любимым. Обедал я в местных ресторанах карпаччо, тартаром или севиче, а ужинал в отеле теми, на кого указывала Лилит. Она объяснила, что демоны питаются мясом, в основном сырым, а постояльцев кормят всевозможными его видами для лучшего вкуса, естественно.

Так я начал замечать, что могу видеть не только гниль людей, поселившихся у нас. Однако то, что узрел, мне не понравилось. Съев шестую по счету пару глаз, всем телом рухнул в яму. Я очутился в просторной кладовке, рядом с умершим минуту назад парнем. Он был жив и в этот момент наносил удары по голому телу девушки, которая, рыдая, пыталась закрыть грудь и живот от беспощадных ног. Через несколько секунд я вновь очнулся в отеле. На седьмой паре глаз понял, что вижу самый тяжелый грех того, кого только что убил. В памяти всплыли строчки из «Божественной комедии» Данте, которые точно описывали произошедшее: «Истину можно увидеть только глазами смерти». Я так и не решился обсудить новую способность с Лилит.

Потянулись мои новые будни. Помня про месяц, отмеренный Фером Люцием, я полностью отдался исполнению обязанностей. Между тесным общением с постояльцами, традиционным завтраком, уборкой номеров, у меня оставалось довольно много личного времени. Лилит не возражала, и я ежедневно брал ее черную стрелу на вылазки в горы.

Печать за ухом я каждый день наводил ножницами. Я не был человеком, но и в демоны, похоже, не переходил. Это перестало меня волновать после того, как понял, что Лилит, скорее всего, тоже единственная в своем роде. Рыжая ни разу не заговаривала о жизни до превращения и о том, как стала служить хозяину Ада. Лишь обмолвилась, что принесла жертву, отдав то, что любила. Очевидно, тем самым совершив непростительный поступок для души. Плюс она охотно делилась тем, каковы демоны в Аду, но ни разу не упоминала о

встрече с себе подобными, обращенными на Земле самим Дьяволом, которого она почитала и боялась. Что заставляло меня думать о ней как о возможном союзнике в будущем. Нужно лишь открыть ворота, а после за мной не будут столь пристально следить.

На утро второй недели, возбужденный расправой с одинокой гостьей отеля, которая пробыла у нас почти двое суток, я зашел к рыжей. Во мне поселилось зудящее желание узнать, как она проводит время, когда не исполняет приказы Фера Люция.

На стук в дверь никто не ответил, но я все равно вошел, применив знания по отпираанию чужих замков, полученные от мистера Рота. Номер рыжей представлял собой целые апартаменты: просторные и элегантно старомодные, исключением были огромные окна в пол, заменяющие наружные стены. Взгляд упал на укрытые белой тканью треноги в одной из спален. Вспомнил, что так и не спросил ее о рисовании. Я снял ткань, рассматривая холсты. В большинстве картин присутствовала рыжеволосая девочка лет одиннадцати, очень похожая на Лилит. А потом взгляд зацепился за завешенный мольберт в самом углу, до которого я пока не добрался. Кого она рисовала? Девочка на холсте – это Лилит в детстве? Вполне возможно. Или у нее была дочь?

– Что ты здесь делаешь? – голосом, которым можно было заморозить тропики, спросила демоница, появившись на пороге апартаментов.

– Тебя искал, – не растерялся я, порочно улыбнувшись.

Приблизившись, решительно притянул ее к себе, давая понять свое желание. Пальцами заскользил по телу, поглаживая и пощипывая каждый изгиб.

– Не сейчас, – она отстранилась, бросив взгляд на часы.

– Забывал спросить. Кого ты рисуешь?

Казалось, я тут же ощутил укол яростного взгляда Лилит.

– Не твое дело.

– Это ты? – меня возбуждало, когда рыжая злилась по-настоящему, и, скорее всего, я нащупал болезную язву в ее броне, поэтому продолжил давить.

Лилит заскрежетала зубами. Руки сжались в кулаки, а на лбу появилась испарина. Желтые с карими крапинками глаза обещали мучительную смерть, если я сейчас же не заткнусь.

– Nein! – когда Лилит теряла самообладание, она переходила на немецкий.

– Твоя дочь?

Снова мимо, она лишь еще больше разозлилась. Отлично.

Вена у нее на лбу под бледной кожей пульсировала и извивалась, словно червь. Она распрямила ладони, из пальцев показались чернильные когти. Я ощущал исходящие от нее волны жара.

Меня в этот момент осенило. Рыжая ведь сказала, что принесла жертву.

– Кого ты убила, чтобы стать демоном, Лилит? – Я глумился, ничуть не жалея девушку. – Сестру, да?

Лицо Лилит, и прежде не носившее красок, побледнело еще сильнее, став мраморным. Я не знал, чего в тот момент желал больше: впиться поцелуем в бледно-розовые губы или причинить ей еще больше боли.

– Младшую сестренку? – продолжая спрашивать, приблизился к ней. – Наверное, она доверчиво обнимала тебя, когда ты решилась забрать ее жизнь?

Лилит говорила, что у демонов нет чувств. Врала. Есть! Да еще какие! Она гортанно зарычала, заставляя меня опасно поморщиться. Ее тело дрожало, словно рыжая готовилась отбросить контроль и разорвать меня в своем истинном обличье. Но вместо этого она провела языком по выступившим клыкам, заставляя те спрятаться, и проскрежетала:

– Ты думаешь, что мне есть дело до тебя и твоих ничтожных предположений, Дэниэль? Не смей больше заходить сюда! Воображаешь, я твой союзник? Подруга? Нет, очнись уже.

Лилит обошла меня по кругу, будто прикидывая, с какой стороны лучше наброситься. Почти касаясь губами моего уха, она прошептала:

– То, что раньше было для тебя покоем. То, о чем ты мечтал, в чем был смысл жизни. Все это мелькнуло перед тобой на мгновение и уничтожилось. И знаешь кем? Мной!

Игра «дерни Лилит за хвост» вдруг перестала меня забавлять. В горле пересохло, и я попытался незаметно сглотнуть. Я попытался и, не удержавшись, спросил:

– Почему ты служишь Феру Люцию? Разве ты не хочешь свободы?

Лилит задрала подбородок и слегка надменно протянула:

– Лучше стоять рядом с Дьяволом, чем на его пути.

– Даже если стоишь на коленях? – я издевательски рассмеялся, чувствуя, как мой рот кривится от презрения к рыжей.

– Ты жалок в своих попытках отыскать мои слабости! Вон! – проорала Лилит.

Покраснев, она мотнула головой. Двери ее комнат широко распахнулись, и меня вышвырнуло за порог, приложив о стену коридора.

Так я понял, что у демонов всегда есть причины на то или иное действие, и все они коварны. Учащенное дыхание и адреналин подняли настроение, но словами Лилит умела бить больнее, чем все дьяволы вместе взятые. Ее шепот еще отдавался в ушах, пока я поднимался с пола.

Чтобы получить личное время и поехать в горы, полагалось принять новых постояльцев, поэтому, одернув форму и кинув на прощанье злой взгляд на двери в апартаменты Лилит, я спустился в холл. Единственным, кто относился ко мне одинаково равнодушно на протяжении всего времени в отеле и ничего не хотел, оставался мистер Рот. Когда я подошел, он как раз раскладывал на стойке какие-то брошюры.

– Что это?

Я потянулся и взял верхнюю из них. Лист глянцевого плотной бумаги, сложенный книжечкой, рекламировал наш отель. Фото интерьера номеров и террас выглядело довольно привлекательно. Из контактов значился номер телефона и электронный адрес.

– Лилит договорилась с владельцами и решила оставлять такие в других отелях и пансионах Зальцкаммергута, чтобы те предлагали «Дахштайн» в качестве альтернативы.

– Маркетинговый ход? – удивился я.

– Скорее, паника, – Вильгельм пожал плечами. – Она думает, чем больше ты убьешь, тем более будешь годен для того, чтобы сорвать печать. Она жаждет, чтобы Его Мрачность похвалил ее за службу.

– А ты? Что будешь делать, когда врата откроются? Отель ведь все равно продолжит функционировать. Или вампиры могут жить в Аду?

Мистер Рот рассмеялся, показывая клыки.

– Вампиры не стремятся туда, и они не совсем его создания, Дэниэль, хоть признают его силу. Мой вид – просто легенда, воспеваемая в песнях, возносимая в культ в сериалах и фильмах. В Средние века в Европе проживали сотни моих сородичей. Подозреваю, что сейчас их единицы.

В двери отеля вошли две довольно упитанные женщины примерно лет сорока. Вильгельм наклонился ко мне, договорив:

– Возможно, я побуду здесь еще какое-то время. Знаешь ли, меня в той или иной степени не хотят видеть в Богемии и Швейцарии. Можно сказать, я изгнан.

Я был заинтригован. Истории о вампирах всегда будоражили мой ум. Но на этом пришлось отвлечься и оформить новых гостей отеля. Очевидно, Вильгельм не слишком хотел рассказывать, от кого скрывался в горах, так как быстро ушел вместе с двумя фрау показывать им номера.

Я привычно сел в черного монстра и завел мотор. Уже неделю как моим убежищем стал пик горы, на котором находилась разрекламированная смотровая площадка «Пять пальцев». От небольшого городка Обертраун тянулась канатная дорога до станции Криппенштайн, стоящая на высоте двух километров. От станции до смотровой я неспешно прогуливался около двадцати минут. Свое название выступающая над пропастью площадка получила благодаря специфической форме смотровых мостков, в совокупности напоминающих ладонь человека.

Каждый перст удивлял путешественников. На первом пальце была предусмотрена рамка, чтобы посетители могли сделать фото на память. У второго пальца был стеклянный пол, из-за чего человек мог буквально «зависнуть над пропастью». Третий – короче остальных и закрыт для посещений, что, как объяснил мне гид, водивший туда группы туристов, символизировало неприступность и свободу гор. У четвертого в полу проделали отверстие, через которое можно наблюдать обрыв под собой, а на пятом установили бесплатный телескоп.

Обычно я прогуливался до смотровой, а потом садился смотреть на панораму. Ощущение одиночества и красота природы вокруг одурманивали. С вершины было лучше видно, как незначительно все, что внизу. Победы и печали казались не настолько важными. То, чего я

добился или потерял, лежало там, далеко под ногами. С высоты горы видел, как необъятен мир и как широки горизонты. Я не знал, почему каменные гиганты, которые когда-то были океаническим дном, заворачивали меня. Возможно, стоя на вершине, я очищался от того, что делал внизу.

Воздух опьянял морозным вкусом и щипал кожу. Снежные Альпы хаотично расчерчивались изумрудными елями, растущими у подножий, словно кто-то хотел натянуть на горы шаль из хвои. Это ему почти удалось, но ткань порвалась ближе к вершинам, зацепившись за острые пики.

Несмотря на раздражающие толпы туристов, вид – это то, что приводило меня сюда, словно привязанного. Однако сегодняшний день прошел не как обычно. По дороге между подъемником и смотровой стояла церковь Хайльбронн. Я туда не совался и каждый раз обходил по широкой дуге.

Устроившись на скамейке недалеко от обрыва и смотровой, я медленно скользил взглядом по долине вниз. Ко мне подсел мужчина. Вперив тяжелый взгляд, он так и застыл. Я неохотно оторвался от вида на Гальштат и озера, хотя в теперешнем состоянии мне очень не нравилось отрываться от того, чем занимался.

– Guten Tag, падре! – я насмешливо склонил голову, рассматривая его одеяние.

– Как смеешь ты приходить сюда, мерзость?! – прошипел мужчина в рясе.

Гнев и сила заворочались во мне и осели тяжестью в груди.

– Я никого не трогаю, просто сижу, – спокойно ответил ему, пожав плечами. Страх я не испытывал, хотя близость церковника настораживала.

– Сегодня последний раз, когда я тебя вижу, – отрезал падре.

Мне до зуда в пальцах захотелось провести измененным черным ногтем по кадыку, выпирающему над белой колораткой^[52], чтобы он заткнулся. Представил, как кровь хлынет и зальет рясу, как падре выпучит глаза и хватится руками за горло.

– Я буду приходить, когда захочу, и лучше вам, падре, меня не злить!

– Демоническим прихвостням здесь не место! Первое и последнее предупреждение.

Я порывисто повернулся к нему, низко зарычав. Святой отец довольно резво для своего возраста вскочил со скамьи, будто она была раскаленной плитой. Кутаясь в рясу, он поспешил оставить меня.

– Хорошего дня, падре! – крикнул я, забавляясь его бегством.

Затем как ни в чем не бывало кивнул проходящим мимо прихожанам, которые гуляли по склону после мессы. Закинув руки на спинку скамьи и вытянув ноги, я просидел так до заката.

На следующий день снова пришел к лавке, которую уже считал своей. Вот только насладиться местом уже не смог. Падре освятил скамью. Подозреваю, он проделал это со всеми деревянными изделиями на пике. Правильно освятил, и теперь скамья жгла меня. Не больно, но достаточно ощутимо.

Я сжал кулаки так, что они побелели. Я не собирался спускаться святому отцу наглуую выходку. На меня накатывали волны гнева, грозя затопить. Перед глазами поплыли цветные круги, а из фаланг пальцев показались когти.

Я размял плечи и шею. Засунув руки в карманы, буквально заставил себя уйти, потому что у меня появился план. Возвратившись в отель, прошелся по холлу и коридорам. Лилит снова закрылась у себя в апартаментах, чтобы скользить по зеркалам, поэтому у меня появился запас времени, когда моего отсутствия никто бы не хватился.

Я влетел на парковку и завел еще не успевший остыть мотор «Мустанга». Открыл окна в салоне, впуская свежий воздух, и понесся. Мороз приятно охлаждал кожу, а предвкушение заставляло ускоряться. Да-да, я отступил, чтобы вернуться в Хайльбронн ночью.

Шаг. Еще один. Я легко толкнул ладонью дверь, переступая порог. Тело слегка обожгло, но боль оказалась терпима и придавала еще большей злости. Я ощущал прилив бурлящей силы, которая бежала по венам жидким огнем.

Церквушка была небольшой настолько, что сделай я двадцать шагов в одну сторону – уперся бы в противоположную стену, учитывая, что это большая прямоугольная часть. Где-то за одной из низких дверей, ведущих из главного зала, должен был спать святой отец.

Я приблизился к купели возле входа. Опустил пальцы в святую воду, чувствуя легкое покалывание, словно от тока, и приложил ко лбу, затем к правому и левому плечу. Взгляд упал на крест в человеческий

рост, который висел на стене за алтарем. Скорбное выражение на лице Христа позабавило, и я встал прямо, раскинул руки ладонями к залу, копируя распятого, склонил голову и злорадно улыбнулся.

Святоши! Бесят. Где их Бог, когда их убивают? На облачках спит? Кожа на руках покраснела и покрылась мелкими язвами. Я почувствовал зуд под одеждой и взбесился еще больше. Первую из трех маленьких дверей выбил ногой. За ней оказалась хозяйственная утварь. Вторая служила уборной. А третья отворилась сама, из темного проема выступил падре в ночном колпаке и клетчатой флисовой пижаме.

– Exorcizo te, immundissime spiritus, omnis incursio adversarii, omne phantasma, omnis legio, in nomine Domini nostri Jesu Christi eradicare^[53]... – голос святого отца дрожал то ли от гнева, то ли от страха.

– Довольно! – я искренне смеялся.

– Что забыл ты в храме Божьем?

– Здесь Бога нет. По крайней мере, в данный момент, – я запрыгнул на алтарь и, поерзав, почти лег на него, облокотившись на деревянную подставку для Святого Писания.

Падре, трясась, взял в руки крест, висевший на шее, и снова начал шептать на латыни формулу изгнания, которую учили на кафедре экзорцизма при Ватикане.

– Не утруждайтесь. Это так не работает, – махнул я рукой и доверительно добавил: – Я не совсем демон.

– Кресты дрожат, когда ты проходишь мимо церкви, а значит – демон! – крестясь, выпалил падре.

– Как мало вы знаете о демонах, падре, а еще учите других. Нехорошо, – издевательски поцокал языком.

Адреналин переполнял вены, грохот в ушах заглушал все остальные звуки. Я чувствовал напряжение и боль в мышцах.

– Восстановите скамью, на которой сижу каждый день, и забудем о вашей выходке.

Я поднялся с алтаря и мгновенно подлетел к священнику. Нужно было заканчивать, тело горело и жгло невыносимо, мне хотелось завывать. Я схватил падре рукой за горло, ладонь обожгло, будто сунул руку в костер и тут же отдернул.

– Я никогда не потерплю такую мерзость, как ты, рядом с домом божьим! – выплюнул мне в лицо пожилой священник.

Это стало последними словами падре. Зарычав, как бешеный пес, я схватил его за голову и поставил большие пальцы на глаза. Падре трепыхался, как антилопа, когда ей вцепился в горло ягуар: зная, что умрет, и ведомая животным ужасом. Он бил руками по моим плечам и лицу, но что мог сделать старик против такого существа, как я? Мои пальцы давили и давили, пока в глазницах уже мертвого священника не осталось ничего. Бросив того на пол, пошатываясь от боли, я кое-как вышел из церкви. Напоследок кинул взгляд в зал: ничто там не указывало на мое присутствие. Лишь легкий едва заметный грязновато-желтый осадок на гладком дереве пола. Сера. Ну и черт с ней. Оставлю дверь открытой, ветер унесет все за ночь.

Я встал недалеко от порога и задрал голову, глубоко вдыхая морозный альпийский воздух. Звезды мерцали на ясном небе, и на эту красоту, казалось, я мог смотреть вечность. Тело приходило в норму после церкви, язвы на руках понемногу затягивались.

– Ну и где твой Бог, а? – зло спросил я мертвого падре, обернувшись в сторону церкви, но никто мне не ответил.

Убийство не принесло экстаза, как это бывало в отеле. Святоша уничтожил для меня этот пик. Теперь я не смогу здесь появляться, потому что нового падре, присланного на место покойного, также заинтересует моя не совсем человеческая сущность.

Я запрокинул голову и смотрел в бесконечное звездное небо, думая о том, что хотел бы быть свободным. Свободным от Лилит и Фера Люция. Рыжая хороша, очень, и то, что мы делали с постояльцами, было сладким десертом, но, кажется, я уже большой мальчик и способен самостоятельно выбирать блюда.

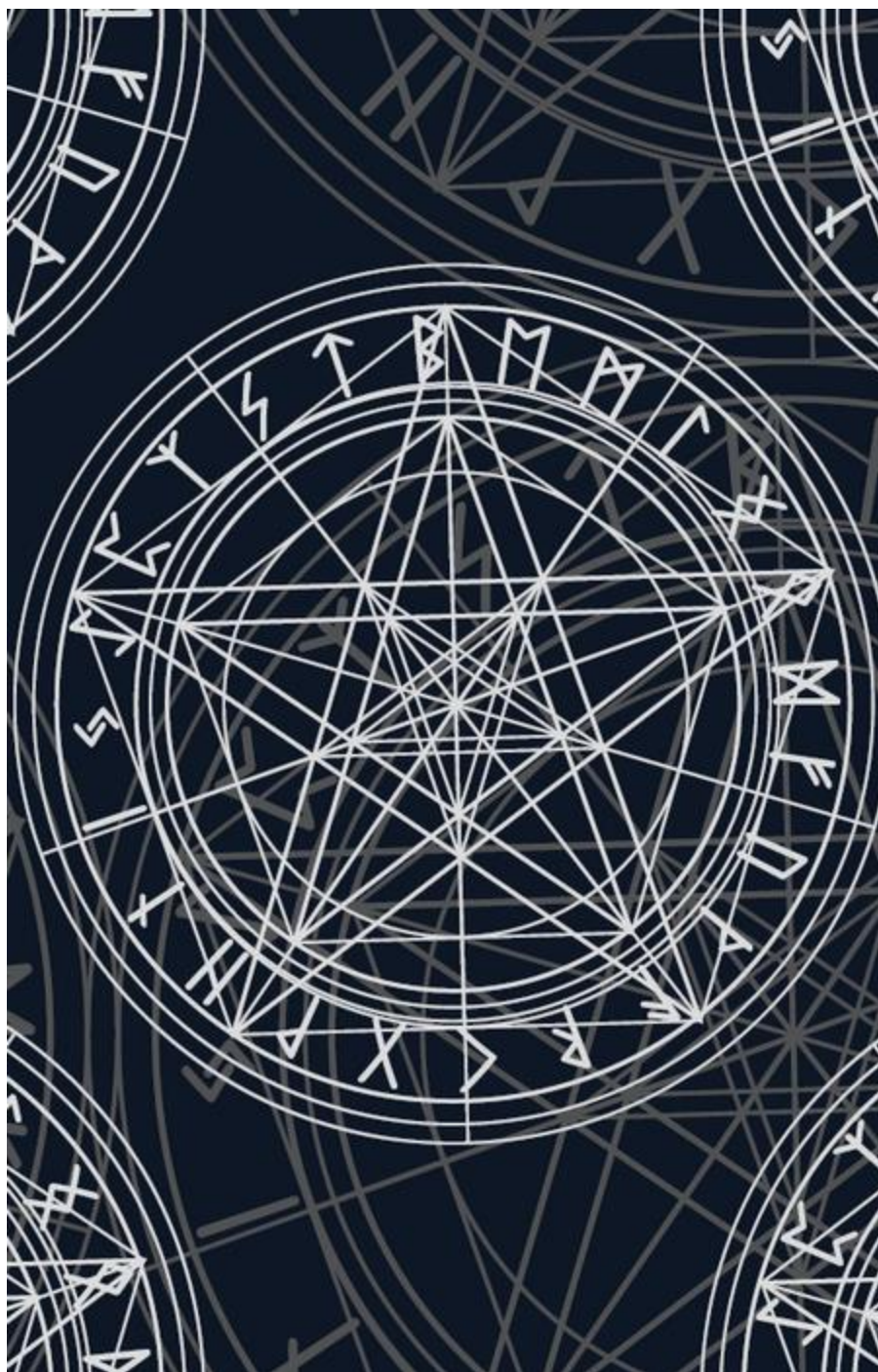
Я поднял руку, чтобы почесать место за ухом, и нащупал демоническую печать. Она вернулась.

Глава 18

Debes, ergo potes.

Ты должен, значит, можешь.

За пять дней до этого. Лилит

Отель «Дахштайн» изначально торчал из-под земли заброшенной хижиной шахтеров, которые добывали белый кристаллический минерал. Обросший мхом, заваленный на одну сторону, он напоминал клык доисторического монстра. Спустя одну жизнь местного распорядителя земель он стал моим. Отстроенный и идеально

зловещий. Весь фокус был в соли. Открыв врата, Повелитель мог сколько угодно держать их таковыми, никто бы не обнаружил внешних проявлений. Соль впитывала влияние сверхъестественных существ, не давая аномалиям выйти на поверхность. Святоши пытались нас найти, но дорогу к отелю мог увидеть только грешник. Не знаю, как Фер Люций провернул это, но после постройки здания вымерла целая горная деревня.

«Дахштайн» многие века являлся моей гордостью, моим детищем. С развитием человеческих технологий поток постояльцев не иссякал. Я довольствовалась тем, что имею, ровно до появления в отеле Дэна.

Тощее недоразумение, в котором текла капля алхимической крови Фауста, даже после обращения не становился полноценным демоном. Нет, внешне парень все делал как надо, даже сверх того. Однако иногда в глазах цвета горного озера отражался прежний Дэн, и мне с трудом удавалось держать его под контролем. Я стала демоном добровольно после того, как отняла жизнь у сестры, с потомком Фауста ситуация была совершенно другой. Он согласился на перевоплощение, душой уже готовый к нему, но лишь после этого начал забирать жизни.

Люций вышел из двери, ведущей на минус второй этаж, вытирая руки белым полотенцем в багровых разводах. В последние дни он практически не разговаривал со мной, почти все время проводя внизу. Повелитель остановился, кинул полотенце на стойку регистрации. Я быстро смахнула тряпку в урну и внутренне подобралась, пытаюсь угадать его настроение.

– Он сдался? – злобно протянул Повелитель.

В голосе Фера Люция я расслышала интерес и нетерпение. Плохо дело, в таком состоянии он особенно кровожаден.

– Не полностью, но идет к этому, – выдохнула я, чувствуя, как и всегда, страх перед этим мужчиной. Соврать Дьяволу – все равно что броситься со скалы.

Однако я вспомнила, как Дэн плелся по дорожке из местного магазина, и вид имел весьма потерянный. Когда не было необходимости «держать лицо», он становился задумчиво-печальным. Мальчишка очень изменился внешне. Обращение расширило грудную клетку, худощавое тело налилось мышцами, делая Дэниэля дьявольски привлекательным образцом мужского пола. Я тогда наблюдала, сидя на

ступеньках перед входом. Фауст остановился, что-то рассматривая под ногами. Я ждала. Мальчишка колебался с минуту. Упрямо нахмурившись, наклонился и аккуратно перенес ежа с дороги в лесополосу. Тогда и поняла: Грегор был прав, Дэн еще может спастись.

Я несмело подняла голову и встретила взгляд Повелителя. Услышанное обрадовало его, в разноцветных глазах зажглись красные искры:

– Хорошо. Личные привязанности?

– Нет, – буркнула я.

Бросила на Фера Люция взгляд исподлобья, заглушая тихое рычание. Ревновала, видя его одержимость мальчишкой.

– Друзья? – деловито листая книгу регистрации, выпытывал он.

– Один, лучший.

– Приведи его сюда. Пусть мальчишка приготовит его как очередного постояльца, а затем спусти поводок.

Я содрогнулась, зная по себе, как это больно.

– Повелитель? Друг Дэна чист душой, я не увидела и следа чего-то грязного. Потребуется время.

– Сыграй не по правилам! Тебе не привыкать.

Я невольно ахнула. Привести неискушенного! Все в мире подчиняется установленному порядку. Даже я. Заманить в отель я могла лишь человека с гнильцой. Дэн исключение. Сейчас мне нужно снова отойти от правил. Правда, я умолчала, что Филипп не совсем человек. По крайней мере, он не демон, а значит, искушение могло бы сработать.

– Можно сделать по-другому... – начала я.

Повелитель оскалил зубы. Его тень разрослась по стене, словно ядовитый плющ, заполняя весь холл.

– Нет! Ты, кажется, забыла, что в Аду нет правильной и неправильной стороны. Есть лишь одна – моя. Думаю, после открытия врат отправлю тебя туда в продолжительный «отпуск».

Я застыла, чувствуя себя прикованной к месту. Провела дрожащей рукой по лбу, вытирая внезапно выступивший пот. Казалось, я потеряла способность контролировать эмоции. В голове проносились страшные картины возможного будущего, уготованного для меня Повелителем.

– Вот так, моя милая Лилит. Бойся и делай, как велено.

Я кивнула, растягивая губы в бесцветной улыбке, которую уважал Фер Люций. Тени исчезли. Он развернулся и расслабленно пошел к своему такси. Я не понимала пристрастия возить смертных. Хозяин Ада не должен прислуживать гнилым людишкам, которые только и годятся, что на корм для демонов. Но Фер Люций отвечал, что так лучше понимает их теперешние ценности.

Я отправилась исполнять приказ, но вместо обычной преданности во мне пульсировали страх и ненависть. Зашла в свою комнату и, сосредоточившись, отразилась в экране телефона Филиппа. Смартфон, очевидно, стоял на подставке в авто, потому что я увидела салон и одну неприятную пассажирку рядом с ним. Ведьма Элишка. Друг Дэна хмурился и кусал нижнюю губу. Машину заносило на поворотах, и когда я посмотрела в окно, поняла, что они совсем рядом с отелем.

Значит, Ниотинский послал ведьму и какую-то сверхъестественную тварь на поиски. Даже направление определил верное. Кажется, я недооценила способности юной ведьмы и дружескую верность Филиппа. Что ж, время поработать моему хакеру и привести их прямо ко мне в «Дахштайн».

Дэн

Я, не сдерживаясь, смеялся, постоянно трогая печать за ухом. Грудь распирало и кружилась голова. Ощущал мороз на языке, чувствовал пряный запах хвои под снегом. Казалось, даже звезды начали светить ярче.

Спускался с пяти пальцев я туристическими тропами. Торопился вернуться в отель, поэтому не обращал внимания на луну, которая была на три четверти полной. Лишь повторял вслух демонические заповеди, которые каждый день вбивала мне в голову Лилит:

– Не делай добра ближнему твоему, чтобы это добро не обернулось против тебя. Кради. Прелюбодействуй. Убивай. Лги. Не служи никому, кроме Фера Люция. Предавай. Завидуй. Желай жену ближнего твоего.

Теперь я в полной мере мог насладиться жизнью демона. Добравшись до машины, завел мотор и рванул по пустынному серпантину. «Форд» слегка заносило на поворотах, но меня захлестнули мысли, поэтому я не обращал внимания.

Фары выхватили какое-то движение в темноте дороги. Я затормозил. На асфальте стояла лиса, ее глаза блестели, словно в них застыло отражение луны. Она совершенно не опасалась машины или быть задавленной. Лиса виделась моим воплощением. Я тоже не ощущал страха, но мог умереть за мгновение по чужой прихоти.

Рыжий зверь неотрывно смотрел на меня. Нога дернулась, всего секунду я хотел нажать газ и переехать наглое животное, но не стал. Обнюхав колеса, лиса обогнула «Форд» и скрылась в снегу, убежав с дороги. Оставшийся путь до отеля я проделал в задумчивости.

Пока отсутствовал, в гараже кое-что изменилось. Чужая «Ауди универсал» с австрийскими номерами соседствовала с «Коброй» Вильгельма. Выбравшись из салона, я наткнулся на Лилит. Она стояла, скрестив руки на груди. Глаза ничего не выражали, будто вместо них в глазницах стояло цветное стекло.

– Отгони машину на стоянку возле подъемника на «Дахштайн Скайволк». Протри за собой руль и ручки. Вернешься пешком, – она бросила мне ключи.

Я поймал и молча забрался в «Ауди», исполняя приказ. Уже отъехав, обдумал задание, которое выглядело странно. Вильгельм мог бы забрать меня от въезда на серпантин, это куда быстрее. Или она нарочно удалила меня из «Дахштайна» до утра? Размышляя, я пожал плечами. Плевать. Возможно, Лилит тоже умела обижаться на мои слова, сказанные ранее у нее в апартаментах.

Вернувшись утром к завтраку, я снова встретил рыжую возле входа. Это уже становилось интересно.

– Поднимись к себе и поспи. Потом тебя ждет работа.

Лилит, как всегда, выглядела безупречно: форма ладно облегла тело. Красновато-медные волнистые пряди обрамляли длинную белую шею и точеный овал лица. Интересно, осознавала ли она, насколько притягательна? Скорее всего, да, но создавалось ощущение, что ей безразлично чужое восхищение.

– Я не устал. Переоденусь и пойду на задний двор, – возразил ей и тут же был схвачен за руку.

Лилит дернула за плечо и, откинув мои волосы, взглянула на печать демона. Она потрогала ту пальцами, отчего у меня побежали мурашки. Сладкий запах карамели заполнил легкие. Я повернул к ней голову, оказавшись очень близко. Рыжая побледнела. Отняла руку с

шеи. Закашлялась, громко сглатывая. Я не понимал, почему она не рада.

– Когда она появилась?

– Сегодня ночью.

– Прах тебя возьми! Что ты сделал, Дэн?

Я опустил взгляд на ботинки. Мысли скакали. Я не придумал, что ответить, а рассказывать про падре не собирался, зная, что она не одобрит убийство вне стен отеля.

– Какая разница? Главное, что через пару дней смогу открыть адские ворота. Вы ведь этого хотите?

– *Fallaces sunt rerum species*^[54], Дэн, – произнесла она на латыни.

– *De omnibus dubito*^[55], – ответил я, поражаясь тому, что могу свободно говорить на другом языке.

Лилит, заметив мое удивление, пояснила:

– Латинский – родной язык демонов. Так пожелал Фер Люций.

Я высвободил руку, которую все еще держала рыжая, и удалился с ее глаз. Забежав на минуту к себе в комнату, отправился на задний двор. На улице лопатками почувствовал, что Лилит наблюдает за мной из окна своего номера, и повел плечами. Тоже мне, нянька. Чувствовал, как дергается мышца на щеке и непроизвольно кривятся губы. Я презирал ее за лицемерие. Девушка преданно служила Феру Люцию и так же сильно его ненавидела. Отсутствие чувства вины и переживаний сделало меня очень наблюдательным. Я подмечал, как часто она отлучается, прыгая по своим зеркалам, и как подолгу следит за мной, думая, что не вижу.

Мне нравилось убираться на заднем дворе «Дахштайна». Я часто застывал над чужими вещами, придумывая истории их прошлых владельцев, не те, что видел, когда съедал глаза. Более нормальные. Сейчас я делал то же самое.

Рассматривая чей-то бумажник из потертой кожи, краем глаза уловил, как в смятой траве что-то блеснуло. Я наклонился, разгреб пальцами мерзлую землю. В руку лег кулон на длинной цепочке в виде птицы, с гравировкой на обороте: «Любимой дочке». Где-то глубоко в душе дала трещину мраморная скорлупа, окутавшая сердце. Дыхание сбилось, задний двор расплывался перед глазами. Я зажмурился и потер веки, потом посмотрел на пальцы. Они были мокрые.

Я знал, чье это украшение. Миры, актрисы главной роли, которая пропала, уехав кататься на лыжах. Она носила его не снимая. Памятный подарок от родителей. Я засунул кулон в карман, воровато оглянувшись – не наблюдает ли за мной рыжая? Справившись с обязанностью, посмотрел на часы. Обед.

Открыл дверь комнаты для отдыха и попал в холл. За ресепшеном стояла Лилит с кем-то. Мужчина обладал высоким ростом и широкими плечами. Положив руки на стойку, он что-то шептал рыжей, поэтому я не видел его лица. Захотев рассмотреть нового постояльца, я приблизился к ним. Незнакомец обернулся на звук шагов.

– Дэн! – заорал Фил, покраснев от эмоций.

Фил, мой лучший друг. Митсон налетел, крепко обнял меня, чуть не задушив. А после вlepил подзатыльник.

– Какого черта ты здесь делаешь? А? Я тебя с полицией ищу, мать твою! – тормозил он меня, раздражая своей радостью.

Горло пересохло и свело спазмом. Некоторое время я просто позволял Филу дергать меня, не в силах сбросить сковавшую тело оторопь. Я перевел взгляд на Лилит и увидел в нем злое предвкушение. Рыжая провела рукой по горлу, кивнув на Фила. Дождавшись утвердительного кивка в ответ, она влезла между нами.

– Мистер Митсон, Дэниэль находится на рабочем месте, – включилась Лилит в свою любимую смертельную игру, – как раз сможет помочь вам расписаться в книге регистрации. Вы ночью казались слишком уставшими и замерзшими, поэтому наш администратор не стал настаивать на заполнении бумаг.

– Можно он не будет расписываться? – невольно вырвалось у меня. Почему я это сказал? Мне ведь все равно.

Лилит неодобрительно покачала головой.

– Такие правила. Дэниэль, сделай, как заведено в «Дахштайне», – ответила демоница и с волнующей грацией дикой кошки вошла в лифт.

Фил смотрел ей вслед, как привязанный, многозначительно поднимая брови в адрес девушки и показывая большой палец, что означало «высший класс» по его личной шкале. Что-то в поведении друга казалось странным. Излишняя наигранность? Он разговаривал привычно, но глаза не лучились улыбкой и обычной безбашенностью. На переносице залегли хмурые складки, будто он морщился даже во

сне. Митсон сделал все в точности как я, когда приехал сюда. Капля его крови впиталась в книгу, делая очередной жертвой «Дахштайна».

– Какая, к черту, работа в отеле? – зашипел он. – Дэн, у тебя есть работа, и она куда круче этой.

Н-да. Я не стал отвечать Филу, что он очень ошибается насчет «крутости» работы в «Дахштайне».

– Зайдешь ко мне в номер? Не хочу здесь закидывать тебя вопросами.

Я кивнул. Что-то происходило со мной, когда мы поднимались в его номер. Мраморная холодная скорлупа дала вторую трещину, выпуская задушенные эмоции. Новому мне хотелось закрыть эти разрывы, сохраняя тот воображаемый монолит, что питался только убийствами и похотью.

– Почему ты не дал знать, где ты? – Фил не выдержал и выпалил вопрос прямо в лифте.

Я подыгрывал другу и самозабвенно врал, что поехал подлечить нервы в горы.

– На месяц? – вопил он. – А позвонить не судьба была? Или хотя бы одно сообщение оставить? Что я должен думать после той передраги с Орденом? Ты исчез, ничего не объяснив. Я даже влез в твой жуткий Дом Фауста, сломав замок!

Я похолодел, вспомнив о трупе в гостиной.

– Ты нашел ее? – вглядываясь в его лицо, спросил я.

Друг непонимающе захлопал ресницами.

– Кого? Кто-то был в доме? Вроде, там пусто. Кстати, он довольно жуткий.

– Кто?

– Дом Фауста. На твоём месте я бы продал его, – жаловался парень.

– На софе никого не было? – начиная чувствовать себя глупо, уточнил я.

– На софе валялась твоя майка, но точно больше никого. Дэн, ты странно себя ведешь. Обдышался горного воздуха? Хотя он здесь и правда вкуснейший.

Он глубоко вдохнул и выдохнул. Я замолчал, обдумывая его слова. Возможно, Орден убрал труп и зачистил следы или же явились ведьмы и забрали мертвую Чернову из моего дома.

Фил остановился перед седьмым номером, ища ключи, потом хлопнул себя по лбу и просто толкнул дверь. Он прошелся по номеру, потрогал занавески, открыл окно, словно что-то его беспокоило.

– Фил, что ты ищешь? – не выдержав его метаний, спросил я.

Не отвечая, он кинулся к закрытой двери в спальню, но не достиг порога, как створка распахнулась. Прежде чем я увидел говорящего, голос нарочито медленно произнес:

– Дэниэль, свяжи своего обаятельного друга.

Мистер Рот показался из спальни, демонстративно вытирая капельку крови с нижней губы. Фил бросился к нему, но Вильгельм был быстрее. Он легко прижал к себе Митсона и провел носом по его шее. Мне захотелось отвести взгляд, так интимно это выглядело. Однако Рот тут же откинул от себя Фила и тот рухнул на пол, проехавшись на спине прямо мне под ноги.

Я словно раздвоился. Одна моя сторона слышала дыхание жертвы внизу, желая забить ту до смерти, а вторая видела родные с детства глаза, слышала знакомый, хоть и раздражающий аромат парфюма «Босс».

– Дэниэль, не заставляй меня делать твоему вкусному другу больно, – повторил вампир, облизывая губы.

Мистер Рот излучал неприкрытое любопытство. Его глаза хищно щурились, хотя в номере царил полумрак.

– Что ты с ней сделал? – бешено прорычал Фил, пытаюсь подняться.

Я простер руку и силой удерживал его, прижав к полу. Это вышло интуитивно. Впервые у меня получилось воспользоваться демонической силой воли.

– Кто с тобой приехал?

Моим голосом можно было заморозить воду в озере, но я блефовал. Я чувствовал, будто съел всю гниль, которую видел на людях. Тошнило.

– Элишка, – прохрипел друг.

Элишка Чернова здесь, в отеле. Этот факт заставил меня застыть, ощущая напряжение в каждой мышце. Я облизал губы и шумно задышал. Неуверенно шагнул в сторону Вильгельма.

– Ты? – посмотрел я на молчащего вампира.

Он покачал головой, дергая ртом.

– Не убил, только надкусил.

Я обошел Рота и шагнул в спальню. На белых простынях лежала Чернова. Тонкая струйка крови тянулась через весь номер от ее шеи к дверям.

Зарычал, словно она априори значилась моей добычей, на которую покусился вампир. И в то же время было нечто неправильное в том, что она находилась здесь. Руки выпрямились, а появившиеся когти вонзились в ладони. Я злился. Нет, не так. Я ЗЛИЛСЯ! Подлая Лилит внушила мне убийство и труп. Сучка демоническая! Она привела меня в отель обманом. Я не был убийцей.

– Спокойно. Она без сознания.

Вампир по-своему расценил мой гнев.

– Уйди! – сдерживаясь, чтобы не наброситься на него, попросил я, поравнявшись с ним.

– Я должен присмотреть, – Рот так и не сдвинулся с места.

Простер руку, собираясь вышвырнуть его из номера. Но демоническая сила не сработала, при этом я все еще удерживал затихшего Фила на полу.

– Нет, малыш. Ты еще не настолько крут, чтобы свалить с ног старого вампира.

Вильгельм хмыкнул, засовывая руки в карманы брюк и приваливаясь к косяку.

– Свяжи их. У тебя есть время, можешь поговорить. Через час под дверями появится Лилит.

Собственное дыхание громко отдавалось в ушах. Кожа горела. Я стискивал зубы так сильно, что заболела челюсть. Хотелось сорвать двери с петель и обрушить их на голову Рота. Что со мной?

Я ушел в потайной коридор за всем необходимым. Вернулся. Вампир ждал, очевидно, желая убедиться в том, что все сделаю как велено. Смотал руки и ноги друга веревкой, рот заклеил скотчем и отпустил силу. Фил задергался всем телом, яростно что-то мыча сквозь залепленный рот.

Зайдя в спальню, подтянул Элишку к краю постели. Услышал знакомый вишневый запах ее шампуня и передернулся. В груди давило, словно кто-то наступил на ребра ногой в тяжелом ботинке. Я чертыхнулся, пытаясь думать о ней как об очередной жертве «Дахштайна». Связал девушке руки и ноги. Заклеил рот. Элишка

выглядела невинной и беззащитной, на коже я, как ни старался, не обнаружил пятен гнили. Стиснув зубы, вспомнил, как ведьма заманила меня на корабль и хотела убить вместе с безумной Дженой Хокс. Она не так уж и невинна. Попятился от кровати и почти выбежал из спальни.

«Я не убивал Элишку Чернову», – мысль маленьким молотком стучала в висках.

Проследив за моими действиями, Вильгельм приблизился к потайной двери в стене спальни. Открыл ее, но остановился. Нехотя, словно не собирался говорить, но вдруг надумал:

– Спроси своего друга, кто он. Ты удивишься.

Я резко выпрямился, словно проглотил черенок от лопаты. Хрипло спросил:

– Он не тот, за кого себя выдает?

– Человек не может хранить тайну вечно. Если его губы неподвижны, то слова слетают с кончиков пальцев. Запах предательства сочится из всех пор его тела^[56].

Вампиру нравилось говорить полунамеками, а меня это всегда бесило. Мистер Рот удалился. За дверью, ведущей в коридор, послышался шум, постояльцы возвращались в номера после катания на лыжах. Один из них жаловался на начавшуюся метель, испортившую отличную погоду для отпуска.

Что вампир имел в виду? Фил, которого я знаю даже лучше, чем себя, не человек? За все годы, что мы провели вместе, он не открылся мне? Не может быть.

Я потер подбородок, смотря на стену тайного входа, словно на классную доску, где могли быть написаны ответы на вопросы. Прикоснулся к печати, ища успокоения, но не получив его, решил все же поговорить с Митсоном.

Вернувшись к Филу, присел на корточки перед ним. Он мычал, делая знаки глазами, чтобы его освободили. Я поднес указательный палец к губам, показывая, чтобы он не шумел. Дождавшись кивка, сорвал кусок скотча и услышал болезненный возглас пленника.

– Мы искали тебя несколько недель, – охрипшим голосом возмутился Фил.

– Кто еще знает, что я здесь? Орден?

– Ниотинский все время на связи. Он найдет тебя.

Я с силой впился когтями в его плечо, с удовольствием наблюдая, как его лицо исказилось от боли. Волны жара накатывали на меня, мешая ясно мыслить.

– Спелся с кардиналом? – скривив губы, я зло хмыкнул.

Фил ответил мне таким же злым взглядом.

– А ты теперь с демонами? Твои измененные глаза тлеют желтым.

Я кивнул, разглядывая друга. Гниль не тронула его лицо. Почему-то это обстоятельство меня радовало. Но все же он изменился, да и я тоже.

– Откуда ты знаешь про демонов? Ниотинский наплел или Чернова?

Фил отвел взгляд. Он весь съежился, лицо исказилось мукой, что выглядело странно. Когда Митсон ответил, голос его дрожал, а глаза блестели непролитыми слезами.

– Разве это важно? Дэн, посмотри, в кого ты превратился. Это не ты! Мы с детства дружим. Я знаю тебя. Вспомни, как детьми мы клялись защищать друг друга, что бы ни случилось. Я приехал, следуя клятве.

– Заткнись!

Я помотал головой, не желая слышать его.

– Вы с Черновой зря притащились сюда, «друг»! Я не хочу помогать вам, а если бы и хотел – то не смог!

– Дэн, послушай! Ты не обязан открывать врата. Это не твоя судьба. Ты совершенно не похож на своего предка, который играл жизнями поколений, будто был вправе распоряжаться их душами, – гнул свое Фил.

Я вздрогнул. Сел на диван рядом. Откуда Филиппу было знать о докторе Фаусте? Склонив голову набок, одарил его пристальным взглядом, хотя ужасно хотел ударить, выбить правду силой.

– Кто ты, Фил? Ты не человек, да? – мой голос скрипел, словно ветер между оконными створками.

Фил отвернулся от меня, пытаюсь откатиться по полу как можно дальше. Я подошел, присел и за подбородок повернул его лицо к себе.

– Не лги мне!

– Я расскажу тебе, когда мы выберемся отсюда.

Знакомая категоричность убедила меня, что выпрашивать бесполезно. Таким же тоном он в универе сказал, что остается в

бейсбольной команде, пока не доиграет сезон, хотя врач запретила ему из-за травмы кисти. С тяжелым вздохом я наклонился и заклеил ему рот.

– Я уже не тот Дэн, которого ты знал. Для меня нет пути обратно. Уже нет.

Фил громко замычал в ответ, но я не мог слушать даже его голос. Не хотел сомневаться.

Снова услышав шаги за дверью, я узнал по стуку каблучков, кто это. Быстро вышел из номера и тут же наткнулся на рыжую.

– Ты! Ты внушила мне убийство Элишки! – кинулся я на нее, пытаюсь схватить за воротник-стойку.

Лилит отступила на шаг, схватила меня за кисть и по-демонически сильно вывернула руку, прижав к полу коленом.

– Дэниэль, не зли меня. Да, мисс Чернову ты не убивал, зато всех остальных – очень даже. Так что оставь свою праведную злость и до заката не заходи в номер друга, – прошипела она, нежно касаясь губами моего уха.

– Да пошла ты! – тяжело дыша, выплюнул я.

Хотелось разорвать ее лживое лицо. Жар, бегущий по венам, еще сильнее распалял злость. Рыжая крепче придавила меня к полу, по ощущениям ломая кости.

– Когда часы пробьют двенадцать, сладкий, ты зайдешь к ним и приготовишь, как готовил других постояльцев. Сейчас я навеяла твоим друзьям сон, чтобы они не шумели, пытаюсь выбраться. Я и так дала вам время поговорить. Цени! – девушка отпустила меня и не оборачиваясь ушла в свои покои.

Я готов был кинуться и ударить ее в спину, но сполз по стене. Лилит лишь выполняла приказ Фера Люция, играя с моим сознанием.

Собираясь зайти в номер к Филу и Элишке, но, постояв под дверью, не стал этого делать. Мне должно быть все равно. Я выбрал сторону, оставшись с Лилит. До ночи просидел в своих апартаментах под дверью. Сжимал кулаки, рая когтями ладони.

Пора.

Я чувствовал это, словно в меня вживили дьявольский таймер для отсчета времени жизни постояльцев. Звуки в отеле стихли. Метель раненым зверем билась в окна, словно знала, что здесь происходит.

Я вошел в номер семь через тайный вход. В сумраке увидел Филадельфия, по-прежнему лежащего на полу. Заглянул в спальню – ведьма спала на кровати. Решил, что сначала разберусь с Филадельфием. Вернувшись обратно в гостиную, метнулся к другу, но его на полу не оказалось.

Митсон навалился сзади, выкручивая мне руки. Он не учел лишь того, что демоническая печать за ухом давала силу, десятикратно превосходящую его мускулы. Возможно, так даже лучше. Интереснее будет играть с ним. Я вывернулся из кольца рук, ударив Филадельфия кулаком в челюсть. Он пошатнулся, но устоял на ногах, лишь встряхнув головой.

– Дэн, не надо, – попросил он.

– Я не в силах послушаться их приказа, – солгал, глядя ему в глаза.

Конечно, я мог хотя бы попытаться увести их из отеля. Просто не хотел. Тогда бы Фер Люций точно не выпустил бы меня, а открытием врат я надеялся выторговать себе свободу.

Бросился на Филадельфия, сшибая с ног. Падая на пол, оказался сверху. Его беспорядочные удары не наносили мне никакого вреда. Мы катались по полу, сцепившись, как дворовые псы. Филадельфия тяжело дышал, я слышал, как бешено стучит его сердце. Мои ответные удары были куда точнее. Одним я разбил ему нос, хлынула кровь. В воздухе разлился металлический солоноватый аромат. Вторым ударом попал в челюсть, и его разбитые губы окрасились в красный. Все последующие движения я направил на то, чтобы расквасить физиономию Филадельфия в фарш. Не хотел видеть знакомое лицо, когда буду забирать его жизнь. Митсон уже не бил в ответ и даже не пробовал закрыться руками. Он вздрагивал всем телом после каждого удара и лишь повторял:

– Не надо, Дэн. Остановись, умоляю.

Глаза Филадельфия заплыли, разбитый нос распух. На лице не осталось живого места. Теперь он не напоминал мне красавчика-друга с квадратной челюстью, гладкой кожей и улыбкой плейбоя. Вроде достаточно.

Пора заканчивать.

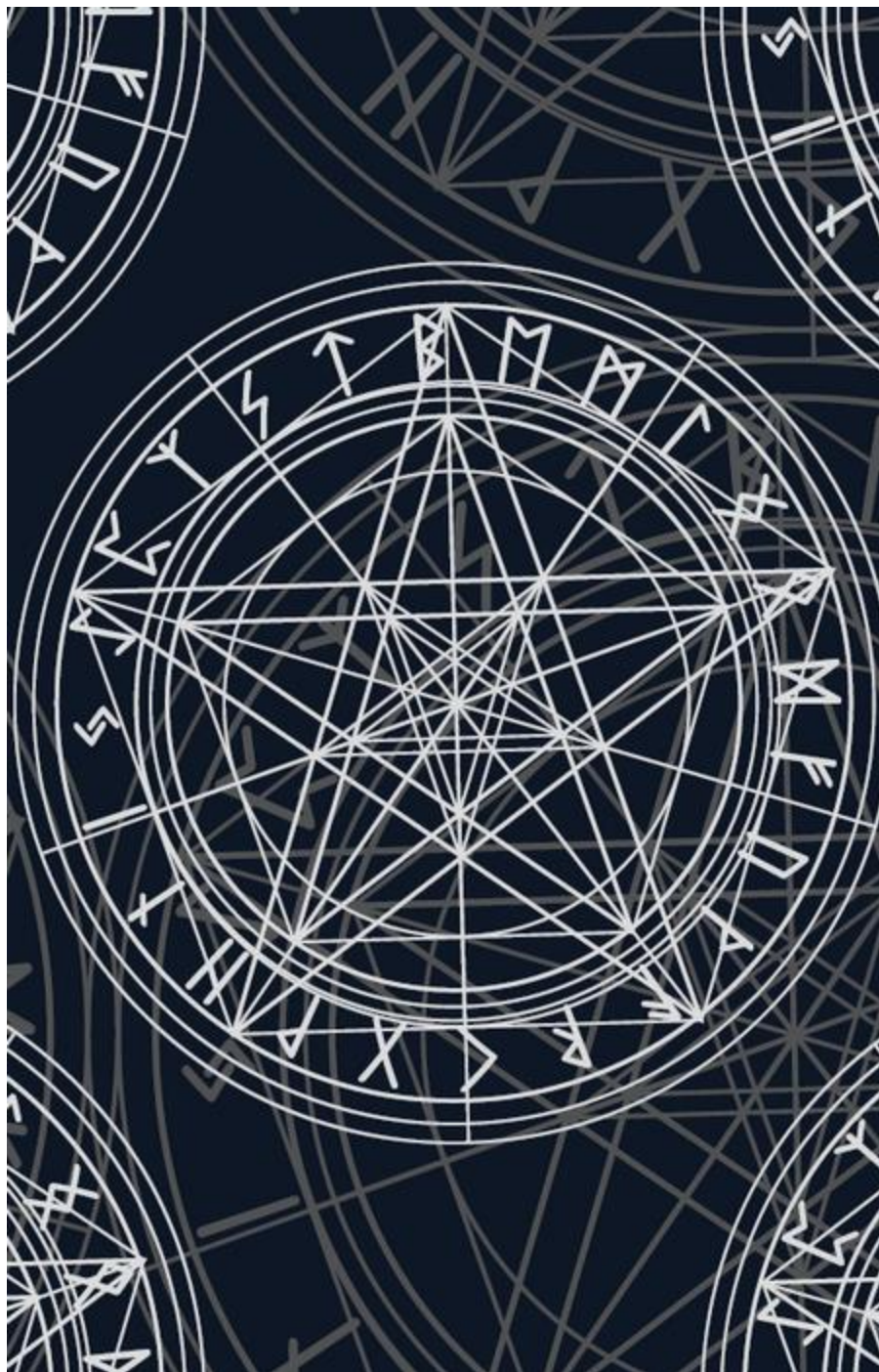
Выпустив демонические когти, вогнал их в шею Филадельфия, навалившись на него всем телом.

Глава 19

Capienda rebus in malis praecipua via est.

В беде следует принимать опасные решения.

Прага. Ниотинский

Грегор нервно мерил шагами пространство своего кабинета.

«Еще бы немного времени, чтобы я смог привести Джону в чувство, а Фауст – открыть врата», – думал Ниотинский, возвращаясь за стол с документами.

– Ваше Преосвященство, – в двери кабинета постучали, скорее, из вежливости и, не дождавшись ответа, вошли.

Наглецом оказался один из служителей Ордена. Молодой и слишком амбициозный священник. Ниотинский даже какое-то время видел в нем преемника на пост главы Ордена. Ровно до того момента, пока не познакомился с потомком Фауста.

– Ваше Преосвященство, – повторил он, – нашли демоническое присутствие.

Помощник положил на стол планшет со страницей из газеты. Заголовок гласил: «Жестокое убийство падре в церкви Хайльбронн, Австрия, потрясло католический мир».

Глаза Грегора расширились, а тело мгновенно застыло. Он на время лишился дара речи. Делая неглубокие вдохи, он мысленно возвращался к последнему разговору с потомком. Почему он не предвидел такого развития событий? Пощипывая себя за кадык, Грегор думал о том, что на такой промах способен только молодой демон.

– Это Фауст. Значит, врата сокрыты там.

– Ваше Преосвященство, еще я разузнал кое-что про ведьму в Богнице.

Ниотинский нахмурился и, тяжело встав с кресла, вышел из-за стола, подхватив планшет двумя пальцами, словно он отравлен. Хотя так и было. Убийство человека являлось смертным грехом, а лишение жизни священника отравляло душу настолько, что уже не отмыться. Юному Фаусту потребуется несколько человеческих жизней, чтобы искупить все, что он успел натворить. Стоило признать, что Священное Писание трактовали как угодно, коверкая первоначальный смысл. Например, то, что убийство врага на поле боя не считалось грехом. В каком-то смысле для Дэна священник был врагом.

– Слушаю.

– Джелу Хокс буквально кормят психотропными препаратами. Наш человек уверен, если убрать лекарства, она придет в себя.

– Чернова и Митсон появились в поле зрения? – спросил Ниотинский, рассматривая члена Ордена.

– Служители потеряли их из виду во время сильной метели в городке Рамзау-ам-Дахштайн. Они не выходят на связь уже сутки. Местоположение телефонов мне не удалось отследить.

Грегор развернулся и снова сел в кресло, открывая карту на ноутбуке. Молодой служитель почтительно стоял рядом, но глазами следил за каждым движением кардинала. Ниотинский подумал, что так выглядят гиены, следуя за старым львом. Грегор еле заметно усмехнулся. Долго служителю придется ждать смерти кардинала, ведь его еще не посвятили в секрет продолжительной жизни главы Ордена.

– Что прикажете? – за подобострастием в голосе молодого служителя слышалось нетерпение ринуться в бой.

Мальчик не понимал, почему кардинал медлит. Грегор сплел пальцы рук и подарил подчиненному жесткую улыбку.

– Я поеду в Богнице, навещу Джону Хокс. Готовьте отряд и выезжайте в район ледника Дахштайн. Ищите аномалии, я прибуду следом с хранителями.

– Как прикажете, сир.

Служитель поклонился и ушел исполнять.

Грегор барабанил узловатыми пальцами по столу, поглядывая на кольцо, украшенное папскими ключами, оплетенными змеями, и думал о том, что если они найдут адские врата раньше, чем Дэниэль их откроет, то возможности восстановить баланс уже не будет. Фер Люций останется на Земле и станет снова искать, кто бы мог сорвать печати. Этого нельзя допустить. Кардинал громко вздохнул и, ссутулившись, направился в гардеробную.

В зимней Праге «пршело»^[57]. Чувствуя, как сырость забирается под кожу, Грегор поежился и поспешил укрыться в машине. Включил дворники, смахивая воду с лобового стекла. Дорога до лечебницы прошла в напряженной тишине, вместо радио слышался мелкий стук дождя. Задуманное кардиналом требовало сноровки и везения. Ниотинский бросал частые взгляды на зеркало заднего вида, надеясь, что обнаружит ее присутствие, но, похоже, Лилит сейчас была очень занята, где бы она ни находилась.

В старых записях приходского священника в Гоуске кардинал прочел о том, что церковник видел чертовщину в лесу. Так Грегор узнал о существовании демонов, обращенных самим Дьяволом. Зная, о чем спрашивать, он подверг пыткам демона перекрестка, а тот привел к нему рыбку покрупнее. Один из демонических князей напел, что Люцифер создал Лилит еще в начале времен. Его первый демон, первое творение. Она восстала против создателя, устроила бунт в Аду

и чуть не свергла законного правителя. Дьявол не смог ее убить, но забрал все воспоминания и вышвырнул душу обратно на Землю, где она вселилась в новорожденную девочку из Богемии. Грегор надеялся, что она никогда не узнает, кем была до земной жизни. Он верил, что, подарив Лилит замок и родные земли, сможет смягчить ее сердце. Хотя не был уверен, что у нее оно вообще есть. Сие обстоятельство не сломало решимости кардинала найти Лилит. Разве любви прикажешь? Она словно болезнь, от которой не существовало лекарства.

Ниотинский добрался до Богнице и запарковал машину так, чтобы иметь возможность быстро выехать, не лавируя между рядами.

Джена Хокс проводила все дни в одиночной палате, двери которой запирались на несколько электронных замков. Оказалось, мисс Хокс по ночам становилась буйной и могла шататься по корпусам, кидаясь на пациентов. Она бормотала обрывки фраз на латыни, а наутро у пациентов появлялись симптомы то отравления, то аллергии. У одного так вообще отмерло причинное место. Неудивительно, что ее стали бояться и нарекли местной ведьмой.

Поблагодарив медбрата, Грегор ступил в тесное помещение.

– Джена, здравствуй!

Девушка не повернула головы, все так же уставившись в окно с металлической решеткой. С уголка ее рта стекала слюна, волосы не расчесывали, наверное, с момента оформления Хокс в больницу. Кожа на лице обтянула череп, словно ведьму совсем не кормили. Она сидела в инвалидном кресле, с привязанными к подлокотникам руками. Бежевая сорочка длиной почти до щиколоток висела на Джене пыльным мешком.

Черный камень пропал из виду. Хотя... Ниотинский поднял одеяло на кровати, а затем и подушку. Именно под головой и лежал турмалин.

– У... вези меня от... сюда, – раздался прерывающийся, еле слышный шепот Джены. Скрюченными пальцами она цеплялась за подлокотники.

– Я рад, что ты начала приходить в себя.

Ниотинский быстро осмотрелся. Камер наблюдения в палате не установили, что облегчало его задачу. Грегор выглянул в коридор. Подошло время обеда, и основная часть персонала собралась в просторной столовой. Путь на выход из лечебницы лежал как раз через

нее. Единственный черный ход строго охранялся двумя сторожами, которые сидели рядом в будке из гипсокартона. Поэтому Грегор планировал нагло вывезти ведьму через главный.

Взявшись за ручки кресла, Ниотинский покатил его в коридор. Со стороны столовой доносился запах еды и крики пациентов, перемежаемые стуком ложек.

– Пан Джонсон? Куда вы везете пациентку?

Грегор обернулся, сильно стиснув ручки кресла-каталки. Улыбнулся и как можно спокойнее ответил:

– Я хотел прогуляться по парку, чтобы Джена подышала свежим воздухом. Она слишком бледна в последнее время. Свежий воздух ведь не помешает?

Ниотинский чувствовал, как пот скользит меж лопаток. В помещении стояла духота, а если прибавить к ней еще и амбре из лекарств, хлорки и невымытых тел, получалась дикая тошнотворная смесь.

Медбрат почесал шею и нахмурил брови, выдавая тяжелый мыслительный процесс.

– Я узнаю у доктора, можно ли ей выходить, – с сомнением в голосе протянул парень.

«Вот этого нам и не нужно», – подумал Грегор.

– Полно вам. Не беспокойте доктора по пустякам. Мы выйдем на десять минут, а затем я верну ее в палату. Мы будем на виду, прямо напротив главного входа. Вы сможете видеть нас из окон столовой.

– Ну, да. Идите. Свежий воздух еще никому не мешал. А возят ее на прогулки очень редко. Она сразу кусается и бьется в истерике.

Кардинал понимающе улыбнулся и покатил кресло с Дженой Хокс дальше по коридору. Сердце Грегора гулко билось о ребра. Выходя из лифта на первом этаже, он увидел идущего впереди лечащего врача Джены и стремительно завернул за угол, чтобы избежать встречи. Когда полы белого халата скрылись из виду, Ниотинский вырuling из укрытия и снова двинулся на выход.

Миновав главные двери, они вышли в туманную серость. Столбы деревьев в идеальном порядке возвышались по обе стороны центральной дорожки парка перед зданием. Больничная вонь и запах влажной земли смешались в свежем воздухе. Грегору стало легче

дышать. Кардинал отвлекся на замычавшую Джелу, но потом повернулся туда, куда она указывала острым худым подбородком.

Со стороны выезда к ним спешил санитар, что-то крича в рацию. Грегор развернул кресло, на колеса которого уже успела налипнуть грязь. Из главного входа уже бежали медбрат, тот самый, что остановил их в коридоре, и лечащий врач мисс Хокс. Два главных пути: вперед и назад отрезаны.

«Что же делать?»

– Забери меня отсюда. Пожалуйста, – донесся до кардинала шепот ведьмы.

Времени на раздумья у Грегора не осталось. Он расстегнул ремни и подхватил Хокс под колени, беря на руки. Затем Ниотинский припустил по скошенной вечнозеленой траве в сторону машины. Наперерез ему кинулся санитар с рацией, а в спину уже дышали врач и медбрат, которые громко требовали его остановиться.

Столкновение с санитаром казалось неизбежным. Грегор закинул Джелу на одно плечо, освобождая правую руку, и бросился прямо на преследователя, ударив его ребром ладони по шее, отчего тот, задыхаясь, осел на землю. Кардинал продолжил бег с ведьмой на плече, однако, почувствовав, что ее сотрясают судороги, вновь взял на руки. В ста метрах за ними неслись охрана и медбрат из блока лечебницы. Джелу на руках начала хрипеть, судорожно хватая воздух ртом, словно выброшенная на берег форель.

До авто оставалось несколько сотен метров. Ниотинский рванул со всех ног, мысленно проклиная себя за то, что отдал Джелу в Богницу. Он же вечно продумывал события на десять шагов вперед. Почему сейчас допускал один промах за другим? Знал ведь, как здесь любили «лечить», и никакие связи не помогли бы ее вытянуть отсюда легально. Вдалеке слышался вой полицейской сирены. Бросив ведьму на заднее сиденье, Грегор заскочил в машину. На ходу застегнул ремни безопасности. Ниотинский понимал, что нужно сменить транспорт и незамедлительно выдвигаться в Австрию. Его настоящее имя в Богнице не знали, но могли по номерным знакам вычислить коттедж в Трое.

Грегор снова кидал долгие взгляды в зеркало заднего вида, но Лилит там не появилась, как бы он того ни желал. Заехав на подземную парковку ближайшего торгового центра, он повернулся к

Джене. Выглядела та скверно. Некогда оливковая кожа отливала желтизной. Глаза были закрыты, руки скрючены.

– Джена? – он положил руку ей на костлявое плечо и слегка потряс, пытаясь привести в сознание.

Ведьма открыла глаза и резко наклонилась в пространство между задним сиденьем и передним пассажирским. Ее стошнило. По салону поплыл сладковато-химический запах медикаментозной рвоты. Грегор протянул ей бутылку с минеральной водой. Взяв ту трясущимися руками, она сделала пару жадных глотков.

– Со мной все в порядке... Будет... Когда эта гадость выйдет полностью, – она вернула бутылку и тыльной стороной руки вытерла рот.

– Хорошо. Сиди здесь, я быстро куплю нам одежду и вернусь.

– Потомок превратился, да?

На лице Грегора появилась болезненная гримаса. Горло сдавил спазм. Он отвернулся от Джены, собираясь выйти из машины.

– Скорее всего.

– Может, нужно было дать мне закончить ритуал крови? Все равно ничего путного из Дэниэля не вышло.

Ниотинский повернулся, с трудом подавив желание наорать на ведьму.

– Нет! Джена, правда в том, что вы бы не вернули себе силы. Его кровь предназначена для другого, и в глубине души ты это понимала, но отчаянно хотела попробовать.

Джена съежилась, обняла себя трясущимися руками и втянула голову в плечи. Ее знобило.

– Возможно, ты прав. Какой план? У тебя ведь он есть?

– Сменим одежду, машину и сразу же выезжаем в Австрию. Строгой границы между ней и Чехией нет, так что должно получиться.

– Вы нашли их логово?

– Почти. Нашли городок, в котором пропали Элишка и Филипп, лучший друг Дэниэля. Мы отправимся туда вместе с членами Ордена.

Ведьма прижала кулак ко лбу. Она моргала, пытаясь подавить выступившие слезы. Подбородок Хокс задрожал, голос сорвался на высокие ноты.

– Элишка? Ты послал неопытную девочку в логово Сатаны? Ты в своем уме, святоша?

Слезы потекли из ярко-зеленых глаз. Не сдержавшись, она разрыдалась.

– Элишка, скорее всего, уже мертва!

Ниотинский поджал губы и вновь открыл дверь машины, выбираясь. Чувствуя противно колющую внутри вину, он взглянул на Хокс.

– Мне жаль. Полежи, я скоро.

Дэн

– М-м-м-м-м, – мычал Фил, удивленно тараща на меня глаза.

Да, удивленно, а не испытывая страх.

– Вот зачем ты приехал? Я не могу отступить! – с горечью рычал я, сдавливая его шею.

Внутри разлилось знакомое хищное предвкушение, смешанное с досадой. Что я делаю? В памяти, как назло, всплыли детские воспоминания о том, как мы с Филом на мизинчиках клялись друг другу дружить вечно. Взгляд зацепился за дурацкую родинку у Митсона над губой, которую он мальчишкой всегда раздирал до крови, чтобы казаться более мужественным. И как мы с ним потом смеялись над этим.

Я почувствовал, как глаза наполнились влагой, и сжал зубы до скрежета. По моим щекам пробежали две слезы, возле сердца по воображаемой мраморной скорлупе зазмеилась третья трещина. Фил задергался, и я с рычанием отнял руки с его шеи, осознав, что не могу. Не могу лишить его жизни!

Стоя перед Митсоном на коленях, я зло запустил когти в ковер из шкуры, на котором лежал Фил, разрывая в клочья. Хотелось кричать, но я лишь рычал, слушая, как истошно быстро стучит сердце друга. Скотч на его губах натягивался полумесяцем и опадал, Фил хватал воздух ртом.

– Слабак! – раздалось за спиной.

Чертова Лилит. Не оборачиваясь, я прорычал:

– Ну да, это же так легко. Особенно с близкими, да? Помнишь, ты мне сказала, что первое убийство, как первый раз? Я уверен, что твой первый раз был чудовищным, так что учитель из тебя не важный.

Она прожгла меня взглядом, задрав подбородок. Резко засмеялась, но кивнула, будто соглашаясь с моими словами.

– Я сама это сделаю. Убирайся!

Моя новая сторона личности извращенно думала, каковы на вкус глаза Фила и что я увижу, когда съем их. Даже представил, что кофейные радужки Элишки могут отдавать моим любимым напитком. Друг смотрел на меня не отрываясь. В его взгляде я прочитал понимание, и это меня убило. Сухой ком в горле мешал дышать, раздражая.

– Я останусь, – ответил упрямо, сжав челюсти до боли.

– Дэн, выметайся!

Нужно встать с колен и шагнуть за порог. Я знал это, как и то, что, войдя в двери «Дахштайна», Фил и Элишка подписали себе смертный приговор.

– Прости меня, – кинув последний взгляд на друга, я открыл дверь и обернулся.

Лилит шла следом. Она кивнула, холодно растянув губы в ухмылке, подождала, пока переступлю порог, и закрылась на замок. Кусая в отчаянии кулак, я сполз по стене, прислушиваясь к тому, что происходило в комнате. Сначала там было тихо, но спустя пару минут раздались отчаянные крики и глухие удары. За окнами отеля бушевала метель, воя и дергая ставни.

Оскалившиеся человеческие лица показались на стене возле номера, который сняли Фил с Элишкой. Они разевали рты, будто крича мне что-то, бились в стену, натягивая ее, словно младенцы кожу на материнском животе. Я давно понял, что лица в стенах – это души, которые Фер Люций особо выделял. Не пожирал их, а мучил, не даруя желанного забвения. Что, если Фил с Элишкой пополнят их ряды? Будут точно так же пытаться выбраться из стен?

Мне ведь все равно. Но так ли это? Должно быть все равно, но нет. Я поднялся и, пошатываясь, ушел вниз, за стойку регистрации. Хотелось умереть, боль и вина начали прорываться сквозь демонические заслоны нового «я».

И пяти минут не постояв за стойкой, рванул обратно по лестнице, потому что лифт был занят. Я понесся по ступенькам, но словно бежал на месте и, наконец, преодолев ее, снова выходил к проклятой стойке в холле. Намотал кругов пятьдесят, прежде чем выдохся и отступил. Она уже их убила. Рыжая действовала очень быстро.

Как птицу в воздухе кидало среди урагана, так мои эмоции швыряло то в одну, то в другую сторону. Я ходил взад-вперед возле ресепшена. Дергал себя за волосы. Останавливался и раскачивался на месте, до боли стискивая свои плечи.

Пока я ждал, когда Лилит спустится, прошел где-то час. Я выходил в гостиную, а затем на террасу и тер лицо снегом до онемения. Вернулся за стойку, где в кресле уже успел растянуться мистер Рот.

– Дэниэль. Ты справился? Лучшие друзья, как заноза в заднице. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Его сочувствующая улыбка не выражала насмешки или подтекста, поэтому я уже открыл рот, чтобы сказать, что нет, не справился, как меня опередили.

– Естественно, он справился. Как и подобает демону на службе у Фера Люция.

Голос Лилит лучился гордостью, словно я был учеником, оправдавшим ее надежды. Сам на секунду поверил, что сделал это. Вильгельм удовлетворенно кивнул и, похлопав меня по плечу, вышел из-за стойки.

– Раз вы здесь, пойду прокачусь по ночному серпантину.

Мистер Рот, очевидно, давал нам возможность поговорить, а может, его не интересовали подробности того, что же я сделал с лучшим другом.

– Так метель же, – вяло заметил я.

Мне было холодно. Внутренности застыли, слипшись в ледяную глыбу. Я зачихнул все переживания туда, ощущая лишь пустоту.

– Да, самое оно для охоты. Надену цепи на колеса, чтобы машину не повредить.

Когда он скрылся за створками лифта, я вопросительно посмотрел на рыжую. Лилит хищно улыбнулась и вполголоса проговорила:

– То, что происходит в отеле Дахштайн, здесь же и остается. Это будет нашей тайной.

– Понял.

Я хотел... Не знаю. Умереть и попасть в Ад? Нет. Исчезнуть или забыть? Да. Я хотел забыть.

– Завтра ты откроешь врата. Другого варианта нет. Поэтому пойди в номер десять и покончи с его жильцами. Поутру, после завтрака

отправишься на настоящую охоту на склон.

Ничего не ответив, я ушел исполнять приказ. Поднимался по тайной лестнице, но вместо номера десять остановился перед седьмым. За скрытой дверью было тихо. Я прислушался. Ни биения сердец, ни всхлипов. Из щели под полом еле слышно тянуло ароматом свежей крови. Лилит не соврала. Она действительно убила их и убрала за собой. Я не стал заходить, иначе это к чертям снесло бы самообладание, а я малодушно боялся утратить его.

«Дэн! Помнишь, как мы клялись друг другу, что всегда будем дружить?»

Одни из последних слов Филадельфии неоновой вывеской сверкали перед глазами, снова и снова слышался его голос. Я растер лицо, потом запястья и грудь. Пытался унять боль в теле, но на самом деле болела душа.

Стряхнув оцепенение, я вернул на лицо бесстрастное выражение и тихо приблизился к номеру десять. После того как их глаза стали моим десертом, я отволокнул тело в адскую прихожую, уложив в ниши. Филадельфия и Элишки там не оказалось, но впереди в коридорах шахты слышались тяжелые шаги Фера Люция, который, похоже, забрал их себе. Хорошо, что мы разминулись, я бы не смог соврать Дьяволу о том, как прикончил лучшего друга.

Утром, традиционно накрыв завтрак, мистер Рот оставил меня за ресепшеном. Я часто ощущал на себе его задумчивый взгляд, но, честно, плевать, что он там обо мне думает. Я стал куском льда. Периодически мои пальцы дотрагивались до печати за ухом, которая и не думала пропадать. Тогда успокаивался и снова погружался в тупое созерцание. Я словно умер, и существование влачила лишь моя оболочка, а сам скрючился глубоко внутри.

Стоял и смотрел на гостиную и постояльцев. В громадных окнах ели царапали небо острыми верхушками. Все дома пахли по-разному. «Дахштайн» благоухал костром, солью и немного карамелью. Дом Фауста – пылью, бергамотом. А дом моей ба, где я вырос, – свежим бельем, тонкими духами и хвоей. Я помотал головой. Нет. Не нужно об этом думать.

Лилит вышла к стойке регистрации в неизменных лодочках, но так тихо, словно подкрадывалась на мягких лапах, а не на шпильках. Я заполнял бланки для новых постояльцев, зная, что рыжая любила

идеальный порядок в документах. Делал это, скорее, машинально, желая занять время. Демоница какое-то время наблюдала за моей работой. Я думал, она посмотрит и вернется к своим старинным зеркалам, однако Лилит приблизилась и резко схватила меня за подбородок.

– Дэниэль! Ты правда ничего не чувствуешь или пытаешься меня обмануть?

Я скинул ее руки, сохранив на лице то же отсутствующее выражение, что приклеилось к нему за последние сутки. Самым презрительным тоном, на который был способен, ответил:

– Это что, забота? Я начинаю думать, что ты не такая уж и равнодушная, какой хочешь казаться. Осторожно, а то можно предположить, что эмоции испытываешь ты.

Она хотела ответить, но входные двери открылись, впуская холод и молодую семейную пару с чемоданами.

– Собирайся на склон.

Черта с два я уйду перед важной ночью. Скрестил руки на груди и ухмыльнулся, даже не думая двинуться с места. Впервые я послушался прямого приказа. Поле зрения сузилось до ее силуэта, я приготовился к обороне.

– Нет. Останусь и помогу тебе принять гостей.

Лилит наступила острой шпилькой мне на ногу, при этом растягивая губы в милой улыбке, адресованной подошедшей паре. Боль сейчас была для меня очень кстати, поэтому я только тихо хмыкнул, бросая взгляд на ее профиль.

Часы ритмично отбивали секунды, сливаясь в унисон с бьющимися сердцами новых постояльцев отеля. Лилит что-то говорила гостям. Вверху, под самой крышей слышался вой ветра, который вновь разбушевался, гоня тучи по небу, разрывая их и оставляя клочья на острых пиках гор.

– Подпиши эти бумаги.

На стойку шлепнулась увесистая папка. Новые жильцы ушли.

– Что это?

Я и не думал ее открывать.

На щеках Лилит появились два красных пятна, она, словно принуждая себя, откашлялась и выпалила на одном дыхании:

– Дарственная на отель «Дахштайн», выписанная на твое имя.

Я недоверчиво покачал головой, делая короткий выдох через нос, который вышел громким фырканием.

– Зачем он мне?

– Если со мной что-то случится, обустроишься здесь, переделаешь под свой вкус.

Что за бред? Мне Дома Фауста хватило. Интересно, что мне отпишут в следующий раз? Адскую прихожую?

– Ну уж нет. Спасибо. Подари его Вильгельму, если хочешь. Врата откроются, и здесь, очевидно, появится прорва демонов.

Я поежился, представляя с десяток таких, как Лилит, под одной крышей.

– Вильгельм здесь не задержится. Про Дахштайн уже знает Орден. Поэтому врата нужны лишь для того, чтобы Фер Люций смог зайти домой.

– Почему тогда думаешь, что с тобой что-то случится?

Рыжая побарабанила пальцами по столешнице, потом по бумагам. Она замялась, поджимая губы. Хотела соврать, но подняла взгляд с бумаг, посмотрев открыто глаза в глаза.

– Чувствую. Во имя всего грешного, да подпиши уже.

За ее равнодушным тоном я расслышал просьбу. Лилит волновала судьба отеля. Надо же. Скривившись, будто делаю ей одолжение, я открыл папку и оставил подпись там, где она показала. «Дахштайн» и местность, в которой он стоит, – прекрасны. Я вдруг осознал, что хотел бы владеть подобным местом, правда, без входа в Ад и соляных шахт в его недрах.

Наступил вечер. Пришло время сделать то единственное, для чего меня сюда привели. Было плевать, что случится, когда Ад распахнется. Я лишь хотел отворить врата и свалить, хотя в Альпах мне нравилось. Не думаю, что от сего действия Лилит откинет рога и когти, а значит, дарственная на отель – просто подстраховка. Пусть останется ей для спокойствия. Рыжая меня выручила, избавив от обязанности убивать Фила и ведьму, пусть подпись на документах останется в благодарность.

Сидя на кровати в обволакивающей темноте, я слушал, как бьются сердца гостей отеля, ощущал запах крови, который тянулся из-за двери. Казалось, еле слышный металлический аромат уже давно пропитал весь «Дахштайн», словно губку. Я распахнул окна, вдыхая

свежий морозный воздух. Метель улеглась на время, и вокруг царила приятная тишина, будто здание отеля существовало одиноким призраком в безлюдном и беззвучном мире. Полная оранжевая луна выглянула из-за редких облаков. Пора.

Я взял небольшой охотничий нож из стола, так, на всякий случай. Поправил форму, вышел и направился к лифту, но нажал кнопку холла, а не минус второго этажа. Я не знал, пойдет ли со мной Лилит, решил зайти и спросить. На самом деле малодушно оттягивал момент встречи с хозяином Ада.

За ресепшеном рыжей не было. Едва я приблизился, как раздался стук. Стучали во входные двери отеля. Я застыл, прислушиваясь и мысленно моля глупых туристов уходить. Кого могло принести в такое время?

Настойчивый стук повторился. Лилит тронула за плечо, заставив меня отшатнуться от неожиданности.

– Пойди открой, – коротко бросила она как ни в чем не бывало, занимая свое место за стойкой.

За дверью в снегу стояли мужчина и женщина, сзади мигала машина, и из нее выглядывала девчужка лет пяти.

– Герр, просим прощения, – умоляюще начал мужчина. – Наша машина заглохла по дороге, дозвониться в эвакуаторную не можем. Пожалуйста, пустите нас на ночь, заплатим любые деньги!

Черт, это не по правилам. Я молча распахнул проем, давая Лилит посмотреть на замерзших людей.

– Спускайся, я разберусь, – шепнула она, выходя навстречу гостям.

Я еще раз кинул взгляд на девочку в авто, но промолчал. Когда вошел в лифт, палец потянулся к кнопке минус второго. Да пошло оно все. Что-то внутри меня яростно желало сбежать. Я не хотел подчиняться Феру Люцию, мне была нужна свобода, поэтому стоило попытаться оставить это место.

Я нажал на номер этажа. Вышел в гараже. Угольные бока «Мустанга» приглашающе переливались в свете ламп. Место «Кобры» мистера Рота пустовало. Я сорвал ключи и завел форд.

– Ты... – раздалось за моей спиной.

Я повернулся к Лилит, стоявшей в створках лифта. Ее грудь быстро вздымалась. Похоже, рыжая бежала за мной, видно, что-то в

моем поведении сказало ей больше слов.

– Ты ошибся этажом.

Чертова Лилит! Я зло оскалился.

– Ты прекрасно знаешь, что нет.

Демоница на секунду прикрыла янтарные глаза, словно успокаиваясь. Открывая, она облизнула губы и прорычала:

– Мне нужно, чтобы ты открыл врата. Сейчас! Я приказываю тебе!

Я склонил голову набок и потряс ключами от ее «Мустанга» так, чтобы она видела.

– Плевал я на твои приказы!

– Я могу зашвырнуть тебя в лифт силой, – угрожающе прорычала Лилит.

Ее слова являлись жестокой правдой: мне не уйти, пока она не захочет отпустить. Засунув руки в карманы, прошел мимо, специально задев ее плечом. Один пролет вниз, и вот я уже выходил в прихожей Ада, где меня ждали.

Нетерпение Фера Люция разлилось в воздухе серой пеленой. Он раздувал ноздри и скалил зубы, то и дело проходясь по ним раздвоенным языком, что вызывало во мне не ужас, а омерзение.

– Подойди!

Хозяин Ада дернул меня за волосы и осмотрел печать.

– Идеально, – он цокнул языком от удовольствия. – Поспешим.

Я снова брел по полу, усеянному костями, снова вдыхал трупный смрад, пропитавший стены. Фер Люций шествовал впереди, помахивая тростью. Я ступал следом, сверля глазами его спину. Жаль, что демоны не могли убивать взглядом, тогда я бы попытался. Нащупав в кармане охотничий нож, размышлял, что будет, если я успею метнуться и перерезать ему горло. Умрет ли Фер Люций или тогда долго и мучительно буду умирать я?

Моя рука, сжатая в кулак, мелко подрагивала. Я опустил голову, смотря под ноги. В той же степени, в какой питал ненависть к Феру Люцию, я испытывал нечто похожее и к себе.

– Дэниэль, я чувствую твое состояние, – протянул хозяин Ада, но в его голосе не было ярости, скорее, удовольствие. – Демоническая ненависть. Именно то, что нужно для такого события.

Мы приблизились к воротам. К смраду примешивался запах розовой соли, влажно блестящей на стенах грота. Лица на каменных дверях переместились, и в этот раз расположились совершенно в ином порядке. Темная дымка подобралась к щиколоткам, снова заставляя неметь ступни.

– Надеюсь, тьма исправила то, что не смог исправить свет, – торжественно проговорил Фер Люций.

Его глаза сверкали, словно я смотрел на яркое ночное небо в калейдоскопе. Он оперся о трость, с интересом наблюдая за мной. Я принял это за знак начать. Отросшим когтем рассек кожу на ладони и, став вплотную к дверям, положил правую руку на стык между створками возле костяных ручек.

В шахте установилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь шумом моего дыхания. У меня ничего не осталось, даже душе уготована участь пострашнее нынешней. Так почему я не сопротивлялся? Я дернул окровавленной рукой, словно ее свело судорогой. Ладонь прочертила багровую дугу и перечеркнула несколько выступающих лиц.

Ничего не произошло. Врата не открылись. Пальцами левой руки я обхватил короткую рукоять ножа, резко вытаскивая тот из кармана и с силой запуская в сторону украшенного тонким платком горла хозяина Ада.

Глава 20

Aut vin cere, aut mori.

Или победить, или умереть.

Охотничий нож воткнулся в горло Фера Люция, словно в кору дерева. Он медленно вытащил его, даже не поморщившись. Лезвие ножа было покрыто серым прахом. Не кровью или другой жидкостью. Пеплом. По скрежету зубов Фера Люция и дикой ярости в глазах я понял, что сейчас умру.

– Ты оправдал свою подлую фамилию, Фауст.

Меняхватило лишь на короткий судорожный вздох. Я не ощущал страха смерти. Однако мышцы были напряжены и готовы к обороне.

Только я моргнул, как Фер Люций очутился совсем близко. Он выбросил руку вперед, она прошла сквозь одежду, кожу и мышцы, разрывая их. Я не мог пошевелиться, скованный его силой. Если с Лилит мы были лишь крепко связаны, то хозяин Ада был моим Богом, которому я обязан поклоняться.

Он ломал мне ребра по одному. Обездвиженный, я кричал от боли. Фер Люций просунул пальцы дальше и вонзил их в мое сердце, подойдя настолько близко, что запах Дьявола ударил в ноздри. Чем благоухал тот, кто пожрал тысячи душ? Смесью гнили и порока. Не скажу, что аромат был мне противен, скорее, вызывал желание вдохнуть его глубже. А может, я просто бредил от шока?

Острая боль стала нестерпимой, перед глазами поплыли цветные круги. Сердце с усилием билось, даже пронзенное дьявольскими пальцами. Я чувствовал, как немеют затылок и руки, предвещая обморок.

Что-то начало происходить за моей спиной. Послышался скрип. Врата дрогнули. Раздался грохот, соляные внутренности пещеры содрогнулись. Чернильная дымка поднялась с пола и устремилась ко мне за спину. Натужный скрип прошелся по нервам.

Голубой и бордовый глаза хозяина Ада распахнулись шире, угольный зрачок раздулся и вытеснил цвет, сделав их непроницаемо темными. Уголки губ мужчины разъехались почти до ушей, демонстрируя острые клыки вместо зубов. Седые волосы стали свинцово-черными. Пальцы Дьявола задрожали в моей груди. Фер Люций резко убрал из меня руку, отшвыривая взглядом от врат. Упав, я проехался по ковру из костей до стены грота.

– У тебя получилось, Дэниэль, – он с удовольствием слизал мою кровь с пальцев, по-звериному урча от удовольствия.

Его походка, осанка – все поменялось, придавая ему вид короля, восходящего на законный трон. Я прижал одну сторону форменного пиджака к ране на груди. Боль из острой перешла в тупую, пульсирующую. С трудом поднялся на ноги. Я делал неглубокие частые вдохи, глотая воздух ртом. Кровь не лилась потоком, значит, печать в какой-то мере позволяла демоническому телу регенерировать, жаль, что не полностью.

Лица на дверях пришли в движение, хаотично перемещаясь по поверхности. Каменные створки медленно и нехотя, словно на них давил невидимый великан, открывались. В грот ворвался раскаленный воздух и пряный запах жженого дерева. Дохнуло серой, словно из пасти огромного монстра, питающегося падалью. Прямо за воротами чернел вулканический песок, слышалось рычание и чавкающие звуки. На той стороне падал пепел. Рассмотреть что-либо там, впереди, не представлялось возможным. Совсем рядом раздался собачий лай. Тут я вспомнил про упоминаемых в библии адских псов, и мне стало еще хуже.

– Дом, милый дом, – пропел Фер Люций не оборачиваясь.

Я прижимал руки к раскученной груди, не понимая, как еще стою на ногах. Пошатнулся. Боль туманила демонический разум, но именно из боли вышел прежний я. Дэн Чейз. Бабушка, проклятье, Дом Фауста. Воспоминания прорвали дамбу и понесли меня по бурной реке. Фил, Элишка, священник на горе, все люди, которых я убил.

– Сходи за Лилит, – вырвал меня из воспоминаний приказ Фера Люция. – Мерзавка не отвечает на мой зов. И быстро! Останешься у стойки регистрации, пока мы будем отсутствовать.

Он преобразился: кожа стала черной, словно вымоченная в мазуте, одежда исчезала на глазах, перекраиваясь в металлическую чешую, покрывающую все его тело доспехом. Фер Люций, поигрывая, подкинул трость, которая, крутанувшись в воздухе, легла в его руку длинной косой. Он прошел врата, глубоко вдыхая запах Ада.

Я молча склонил голову и развернулся на выход из грота.

– Дэниэль!

Я обернулся.

– Я тобой доволен, но наказание за порчу шейного платка неминуемо последует. Позже.

К лифту я бежал так быстро, точно за мной гналась свора адских гончих. Печать демона горела за ухом, будто ее контуры снова выводили невидимой кочергой. Однако мне казалось, что наносят ее совсем иначе.

– Лилит? – крикнул я, спеша к ресепшену, но там оказалась лишь маленькая девочка.

Быстро, насколько позволяла боль в груди, я протиснулся в комнату за стойкой и схватил новый пиджак с вешалки, где таких

висело с десяток. Все-таки работа в таком отеле вынуждала часто менять форму на чистую. Долго застегивал, не попадая дрожащими пальцами по крохотным пуговицам. Взглянул в зеркало и помотал головой, избавляясь от пепла, осевшего на волосах.

Где Лилит? Где вампир, ведь он должен был давно вернуться? Едва я вышел к стойке, как входные двери открылись, и показалась рыжая с парой, попавшей к нам случайно. Ни на мужчине, ни на женщине я не увидел гнили. Мужчина вкатил чемодан и отряхнул с себя налипший снег. На пол медленно натекала лужа.

– На улице настоящий ад, – со смешком заметил он, обращаясь ко мне.

Я лишь выдавил нервную улыбку и, извинившись, направился к управляющей.

– Лилит! – прошипел я, пока она заполняла книгу.

– Тсс! – девушка приложила указательный палец к губам, призывая молчать. Впервые я увидел в янтарных глазах проблеск настоящих эмоций.

– Вот наши паспорта, зарегистрируйте нас, пожалуйста! – мужчина с малышкой на руках протянул документы и обернулся к жене: – Милая, иди сюда. Возьми Марго, я вернусь за ее игрушкой в машину.

С натянутой улыбкой я схватил Лилит за руку под стойкой и вывернул кисть. Она вздрогнула, но не сделала ни малейшего движения, чтобы освободиться, будто получала удовольствие от боли.

– Так нельзя. Они с ребенком и пришли сюда из-за непогоды, – не размыкая губ, прошипел я.

У Лилит раздулись ноздри, словно она принюхивалась ко мне. Потом ехидно улыбнулась и ответила вполголоса:

– Я смотрю, кто-то сумел сорвать печати не только с врат, но и с себя? Как раз вовремя.

Я отпустил ее кисть, отстраняясь от рыжей. Мой взгляд метался между гостьей с ребенком и закрытыми входными дверьми. Я раскачивался на месте, все еще прижимая одну руку к груди. Чувствовал, как сильно потею, будто в горячке. Во мне скручивался клубок совершенно противоположных эмоций, который раздирал нутро похлеще дьявольских пальцев.

– Он зовет тебя с собой, – выдавил чуть слышно, когда женщина с девочкой отошла к гостевому дивану напротив ресепшена.

Лилит стиснула челюсти и убрала руки со стойки, пряча от случайных взглядов гостей. Из фаланг ее пальцев вылезли когти. Она сделала вид, что зарегистрировала новых постояльцев, но на деле, лишь постучала по клавиатуре да протянула руку за ключом от номера.

– Знаю, но еще не время. Ты ранен?

Я вытер потный лоб.

– Да. Кажется, я скоро уйду в Ад не по своей воле.

Пока молодая женщина развлекала продрогшую девочку, Лилит вцепилась в мое плечо и процедила:

– Подыграй, если хочешь, чтобы они остались живы.

– Я тебе не верю, – отрезал я, отцепляя от себя ее пальцы, что напоминали птичьи когти. – Ты демон, не способный на жалость.

Она сверкнула глазами, недобро улыбнувшись:

– У тебя есть выбор: послушаться меня, спасти этих людей и спастись самому или остаться здесь навсегда. И когда я говорю навсегда – это не до старости, нет. Это навечно, Фауст.

Затем повернулась к госте, но перед тем обеспокоенно посмотрела на входную дверь, словно ждала кого-то еще.

– Мэм, можете пройти со мной, я покажу вам номер. За девочкой присмотрит наш второй администратор, – указала Лилит на меня. – Дэниэль позже послушает ваше авто, он у нас на все руки мастер.

Они поднялись по лестнице, оставив меня с синеглазой малышкой. Что же задумала чертова Лилит?

– Мистер, – протянула девчушка, подойдя и дергая меня за штанину, – ты плохой, да?

Грудная клетка болела, мешая сосредоточиться. Я присел на корточки перед малышкой:

– Почему ты так решила?

Детские глаза смотрели на меня с интересом.

– У тебя глаза светятся красным! – просто ответила малышка.

– Красным? – уточнил я, поднимаясь и шагая к зеркалу.

– Да! Ты злой? Хочешь, я тебя ласколдую, и ты снова будешь доблым? – великодушно предложила девочка, не выговаривая «р».

Я всмотрелся в свое далекое отражение на хромированных дверях лифта. Мои зрачки действительно горели алым потусторонним светом.

В кого я превратился? Малышка подошла ко мне и доверчиво взяла за руку:

– Возьми. Это селдечко из голы Дахштайн. Сегодня купили там.

Она показала мне минерал. Синий с белыми пятнами. Мое собственное каменное сердце могло треснуть в этот момент и осыпаться в маленькую ладошку. Я перевел взгляд на ее зимние ботинки: на правом развязался шнурок. Машинально присел, подобрал их и закрутил в красивый бант.

– Они всегда лавязываются! – доверчиво пожаловалась девочка.

Тут моя мраморная скорлупа внутри пошла трещинами, словно паутиной, рассыпаясь, причиняя физическую боль и принося облегчение. Быть собой настоящим лучше, чем злым подобием.

– Папа пливедет помощь! – между прочим добавила она.

– Какую помощь? – я растерялся.

Все это время мы стояли напротив лифта. Табло загорелось, металлическая коробка поползла вверх с минус второго этажа.

Я встал к лифту чуть боком, напрягшись и ощущая бешеный стук сердца, которое грозило выскочить через незатянувшуюся дыру в груди. Створки медленно разошлись в стороны. Я заслони́л девочку, мысленно молясь, чтобы Лилит быстрее вернулась в холл. Из лифта вышли трое. Мужчины. Я понял, кто они, едва взглянув.

– Не смотри, – строго сказал я, закрывая рукой глаза любопытному ребенку, который высунулся из-за моей спины.

Демоны. Их волосы и одежда были присыпаны слоем пепла. Двое по бокам были под два метра ростом, одеты в кожаные жилетки и юбки до колен. Ноги запакованы в грубые сапоги. Напоминали охранников для того, кто стоял посередине. Худой, в старинном фраке. На вид лет семнадцать и кошачьи глаза.

– Faust? – с трудом прорычал один из охранников, будто бы ему сложно было говорить из-за обилия клыков во рту.

– Да.

Второй охранник шумно втянул воздух широкими ноздрями.

– Sancti hic sunt^[58].

Наверху раздался грохот, который сменился глухими звуками. Послышался крик.

– Лилит, – произвольно прошептали мои губы.

– Adjuva eam, et adduc eam ad Dominum. Nos te agere cum ordine^[59], – приказным высоким тоном распорядился молодой во фраке.

Они прошли мимо нас к входной двери. Более странных демонов я не встречал. Возможно, они все такие, просто после интеллектуалки Лилит казались дикарями. Я слышал нетерпеливое сопение девочки у себя за спиной. Прикусил губу, не зная, куда спрятать малышку, чтобы ее не нашли выходцы с минус второго этажа. Нужно было действовать быстро.

– Милая, давай сыграем в прятки.

Спеша, я завел ее в комнату за ресепшеном и указал на шкаф-купе в одной из стен.

– Прячься, а я пойду за твоими родителями.

Девочка кивнула и залезла туда, задвигая дверь. В этот момент отель буквально сотряс крик, который грозил разбудить всех постояльцев.

– Дэн!

В холле послышался топот ног. Я метнулся к тайному входу, взлетая по ступенькам, спеша найти Лилит. В коридоре второго этажа на ковре лежали двое. Молодая женщина со свернутой шеей и рыжеволосая с кинжалом в боку.

– Дэн, это Орден. Они нашли нас, – выплевывая кровь из разбитого рта, пояснила она.

Мертвенно-бледное лицо Лилит покрылось испариной, глаза лихорадочно сияли самоцветами. Я присел, отвел ее руку от кинжала и рывком вытащил. Из раны хлынула бурая кровь. Лилит промычала ругательство, заметив на ручке символ папских ключей, перевитых змеями. Я оторвал кусок от своей рубашки под пиджаком и, свернув в несколько раз, приложил к глубокой колотой ране.

– Почему не затягивается?

– Кинжал особый. Сделанный специально для охоты на демонов, – хрипло ответила Лилит. – Помоги подняться.

Я осторожно поставил ее на ноги и перетянул рубашкой рану. Рыжая отмахнулась, взяла меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза. Она собиралась что-то сказать, но перевела взгляд за мою спину.

– У нас гости!

В коридоре показались двое тонких жилистых парней с серебристыми крестами, нашитыми на куртках. Лилит как-то предупредила, чтобы я держался подальше от костелов и церквей, а также от истинно верующих, потому что они могут обжечь. По мере того как служители приближались, понял, что она имела в виду. Кожу припекало, словно я стоял возле костра, и языки пламени лизали тело. Странно, что падре такого эффекта на меня не оказал, лишь его церковь.

В руках членов Contra Malum блестели короткие ножи с широкими ручками, по лезвиям вились письма. На поясе у каждого висели пистолеты фирмы «Глок»^[60] с глушителем.

Я взмахнул рукой, но сила на них не подействовала. Лилит закашлялась и, морщась, вытерла пот со лба.

– Служители, – выдохнула она, вцепившись в мою руку.

Нападавшие были в нескольких шагах, когда бежавший последним истошно заорал. Если сейчас проснутся все постояльцы и выйдут из номеров на шум, начнется паника. Первый обернулся и замешкался, очевидно, потрясенный зрелищем. Мистер Рот, появившийся словно из ниоткуда, клыками раздирал горло служителя, жадно лакая кровь из сонной артерии. Стены коридора и он сам окрасились в ярко-красный, разливая солоноватый запах. За доли секунды отель впитал кровь, не оставив и следа.

Мои губы подергивались от удовольствия, когда я смотрел на то, как вампир рвет шею одному из Ордена. Ни с чем не сравнимый тягучий аромат крови приятно возбуждал естество, и я хотел поддаться этой эмоции. Однако прежний я представил на месте выпитого Фила. Возбуждение схлынуло, оставив только инстинкт защищаться.

Все же мне ни капли не было жаль служителей Ордена. Они были противниками, они заявили в «Дахштайн» без приглашения.

Я отцепил руку Лилит и кинулся на первого. Каждое движение причиняло боль в груди из-за раны, оставленной Фером Люцием. Полоснул отросшими когтями в районе кадыка и, когда он начал заваливаться на пол, прыгнул сверху. Силясь что-то сказать и хрипя, парень отходил в мир иной. Надеюсь, не в тот, где пахло серой и с неба сыпался пепел. Мистер Рот стоял над вторым служителем, вытирая платком лицо от крови.

Отель наполнялся шумом десятка служителей, которые входили в холл внизу. В номерах слышался звон разбитых стекол – Орден пошел на штурм. Благодаря обостренному слуху мы, не стовариваясь, ринулись в ближайший номер, а там собирались юркнуть в потайную дверь.

– Где все постояльцы?

Лилит прижимала руку к боку, морщась и бормоча что-то сквозь зубы. На миг закрыла глаза, словно пережидая приступ боли. На бледном лице выступила испарина. После чего твердо ответила:

– Я навеяла им сон.

– Всему отелю?

– Да! Но лишь на один час.

Номер «эконом» представлял собой просторную гостиную с диваном и телевизором и семейную спальню с огромной кроватью у стеклянной стены; из спальни можно было попасть на широкий балкон-террасу. Шкаф-купе, стоявший в спальне, мог вместить, наверное, еще человек десять. В номере горел единственный светильник, прикрученный у гостевого дивана. Я подвел к нему Лилит и почти насильно усадил. Вильгельм молча осматривался, тяжело втягивая воздух, словно принохиваясь. Вампир подошел к рыжей и заглянул под сложенный кусок рубашки, скривился и метнулся в ванную за мини-аптечкой.

– Ты же знаешь, что это не сильно поможет? – спросила Лилит, наблюдая, как мистер Рот выверенными движениями режет бинт, смачивает его в антибактериальном растворе и прикладывает к ране, заклеивая сверху полосками пластыря.

– По крайней мере, ты не истечешь кровью, как зарезанный поросенок, – пошутил он.

– Послушайте, – прошептал я, приложив палец к губам.

Недалеко раздавались еле различимые звуки. На балкон номера, в который мы вошли, ступили трое.

Все произошло очень быстро. Мужчины в таких же черных куртках с нашитыми серебряными крестами появились из спальни. Еще двое выбили входную дверь. Нас окружили. Ниотинский, скорее всего, тоже здесь, а значит, нас всех ждет бой или смерть, а может, и то и другое.

Служители кинулись на рыжую, посчитав ее самой легкой добычей. Демоница спружинила, отталкиваясь от дивана, и жидким огнем перетекла между двумя противниками, дотрагиваясь когтями до их груди. Послышались судорожные вздохи, и служители осели на пол, словно огромные механические куклы, у которых закончился завод. Лилит, злобно улыбаясь, демонстрировала руки, в которых остались два сердца. В номер ворвались еще трое. Глаза рыжей заволкло тьмой, когда она подносила правую руку ко рту и жадно откусывала от сердца.

На мгновение замешкавшийся Орден резко пришел в движение, будто единый механизм. Кто-то плеснул в нас водой из обычной пластиковой бутылки. Святой водой, которая разъедала кожу мне и Лилит. Я, рыча, отступил на шаг, потом еще на один.

Сумрак комнаты сгустился, тени выростали, закрывая нас от них. Они распылили что-то из баллончика, и мистер Рот, словно подкошенный, упал на колени, хватаясь руками за горло.

– Порошок из освященного серебра, – донесся до меня шепот Лилит.

Отель содрогался от топота ног и звуков ударов, раздавались глухие автоматные очереди, которые производил орден, и крики, полные боли. Демоны, вышедшие из врат, все прибывали, потому что я слышал, как лифт постоянно поднимается с минус второго этажа.

Служители в номере взяли нас в полукольцо, но медлили, не спеша нападать. Мы отступили еще на пару шагов, отслеживая каждое движение противников. Рыжая тяжело сползла по стене. Сидя на полу, она начертила на ней символ печати демона чужой и своей кровью, обмакнув пальцы в рану на боку. Вильгельм встал с колен. Выглядел он скверно, но кривил губы в неизменной ухмылке. Загнанные в угол гостиной, мы приготовились защищаться.

– Главное, сделайте так, чтобы они коснулись стены, – приказала рыжая. – Они всего лишь люди, а вы – нет.

Вампир выпустил черные когти, безумно улыбаясь и демонстрируя рот, полный острых клыков. Я сделал то же самое, приготовившись дорого продать свою жизнь.

– Давайте, святоши! – закричала Лилит и разразилась злым смехом на грани истерики: – Нападайте!

Они не заставили себя ждать. Бросились все как один. В руках у служителей находилось совершенно разное оружие, но огнестрельное они убрали. Наверное, боялись перестрелять друг друга в такой тесноте. Кресты и кинжалы. Кто-то сжимал аэрозоли со святой водой и серебром. Я и мистер Рот приняли первые удары, легко уклоняясь от них. Вильгельм, уйдя от серебряной струи, полоснул напавшего когтями по спине и толкнул на стену возле Лилит. Я не увидел, что произошло после, лишь вскрик, поэтому сделал почти то же самое, ногой отправив служителя на встречу со стеной. Едва тот коснулся ее, на ней показались оскаленные лица. Стена поглотила человека в куртке с крестом. На поверхности остались лишь части руки и лица, вмурованные туда и уже неживые. Орден впечатлился и стал нападать осторожнее, а мы – наоборот.

Налетали на них.

Резко.

Быстро.

Безжалостно.

Двоим удалось выбежать из номера, остальные не успели и остались навечно украшать стену «Дахштайна». Меня бросало в жар, я постоянно сглатывал слюну, взбудораженный схваткой.

– Не прикасайтесь к стенам! – отчаянный крик раздался из коридора.

Пока в номер никто не вошел, я протянул руку и рывком поднял рыжую с пола, обнимая за талию. Грудь нестерпимо ныла, но эта боль приносила удовольствие, я ощущал себя более живым, чем раньше. Лилит молчала, словно, наоборот, спряталась от внешних событий в глубины своего разума, как улитка в дом, что таскала на себе.

Мы поковыляли к потайному входу. Дверь тихо отъехала в сторону. С лестницы тянуло дымом и серой. Я и Лилит переступили полоску тонкой пыли, которая ознаменовала, что мы уже не в номере. За спиной было слишком тихо. Я обернулся, не в силах поверить, что вампир за нами не последовал. Мистер Рот стоял, упираясь руками в проем. Его лицо, подсвеченное полной луной, казалось гротескной посмертной маской.

– Мы в расчете, Лилит.

Рыжая вздрогнула. И я почувствовал, как она напряглась.

– Сбегаешь, как и всегда, – в голосе Лилит слышались издевка и, как ни странно, грусть.

Мистер Рот нервно повел плечами, словно сбрасывая слова демона, как налипшую грязь. Рыжая и вампир несколько мгновений мерились взглядами. В их лицах не осталось привычного мне недовольства друг другом. Так глядят люди, которые прощаются навсегда.

– Будто бы у меня есть выбор, – горько ухмыльнулся Рот.

– Вечно бегать не выйдет, Вильгельм. Однажды тебе придется встретиться с прошлым.

Вампир кивнул и растворился в сумерках комнаты. Я хотел было догнать его и заставить идти с нами, но рыжая покачала головой, останавливая.

– Отведи меня к воротам.

– Почему он сбежал? – злился я, бессильно сжимая руку в кулак.

– У него своя битва, та, что еще предстоит.

Она сняла мою руку с талии и повернулась ко мне лицом.

– Когда мы спустимся, ты должен сделать все, что я прикажу. Не слушай голос Фера Люция, если хочешь сохранить жизнь.

– Снова я слышу заботу? – сыронизировал я, пока она заглянула за ухо, чтобы оценить демоническую печать.

Лилит облизала пересохшие губы и искренне, по-настоящему улыбнулась, полностью преобразившись. Она присела на ступеньку и посмотрела в мои глаза.

– Перед тем как спуститься, я должна кое-что рассказать тебе, Дэн.

За двое суток до этого. Лилит

– Дэн, выметайся, – прорычала я и, проследив, чтобы Дэн покинул номер, захлопнула за ним дверь. Затем вернулась к Филиппу. Разбитое лицо опухло настолько, что я с трудом различала в этом месиве его глаза.

– Ну, давай, Первая. Принять смерть от твоих рук не так уж и плохо, – прошептали его губы в запекшейся крови.

Первая? Он шутит?

– Как ты меня назвал? Первая? Я не та Лилит, о которой ты подумал, – иронично протянула я, еле удержавшись от того, чтобы не

наклониться и не слизнуть кровь с раздувшейся кожи.

Филипп тяжело засмеялся, демонстрируя окровавленные зубы.

– Так ты до сих пор в неведении... Лилит – его первое творение, которое он любил больше всех других демонов, восстала против порядков Ада, за что была наказана.

– Да, я знаю. Он убил ее, – нетерпеливо перебила я.

– Нет, не убил. Фер Люций пытал ее сотни веков в глубоких подвалах своего замка, а потом лишил воспоминаний и вселил в тело младенца. Девочка выросла в Богемии, а потом наступила на те же грабли, искушенная обещанием силы и мести. Это ты, Лилит. Ты – Первая и самая сильная из нас.

Я потеряла дар речи и отошла от Фила на несколько шагов. Внезапный холод разлился по позвоночнику. Я отвернулась и потеряла мгновенно пересохшие глаза. Так же сухо было и во рту.

– Ты ведь не демон, – обескураженно произнесла я, сглатывая комок в горле.

– Я был им, пока не заключил сделку с доктором Фаустом. Он сделал невозможное и алхимическим заклинанием по примеру Фера Люция впечатал мою душу в тело младенца. Со мной осталась только память. Быть Филом Митсоном и дружить с Дэном мне понравилось настолько, что тело приняло душу, и теперь я человек. Демоны меня не чувствуют, как и я их. Я должен был всю жизнь защищать потомка Фауста от уготованной ему судьбы.

Что ж, весьма ожидаемо.

– Занятная история, но времени болтать с тобой у меня нет.

Я приблизилась к нему и выпустила когти. Филипп сжался, приготовившись принять смерть. Я наклонилась, молча разорвала веревки на его руках, а затем и ногах. Чувствуя на себе его изумленный взгляд, процедила:

– Я отпускаю вас при условии, что в полнолуние ты приведешь к отелю Ниотинского! До этого времени Дэн не должен знать о том, что я оставила вас в живых. Уйдете через подземный гараж.

Фил рвано дышал, прижимая руки к животу, словно ему было дурно. Хотя, думаю, так оно и было. Дэниэль хорошо его отделал. Митсон долго всматривался в мое лицо, силясь понять.

– Я принимаю твои условия, – отозвался он, и его глаза засветились надеждой, что слегка раздражало, но тем не менее вселяло

веру, что, возможно, у меня получится задуманное.

Сейчас. Дэн

Моя челюсть буквально отвисла после ее рассказа, а тело застыло, словно стало деревянным. Я тяжело опустился на ступеньки и потер лоб, не в силах поверить, что она не убила Филя и Элишку.

– Я слышал крики в номере и чувствовал кровь.

Лилит издевательски вздернула бровь, и я почувствовал себя идиотом. Конечно, она внушила мне крики, а кровь и так была, я ведь сильно избил Митсона.

– Дэн, слушай внимательно. Мне осталось последнее дело, и ты мне поможешь. Я запечатаю врата с Фером Люцием внутри.

– Ты не сможешь, – возразил я. – Он сильнее. Пусть Орден попробует его убить.

Лилит хохотнула и с гримасой взялась за раненый бок.

– Прах тебя дери! Его нельзя так просто убить, но можно закрыть проход. Пока откроются следующие врата, у тебя будет время подготовиться.

– У меня? Меня, как и тебя, прикончит Орден, если нет – я сам себя убью! – вышло немного пафосно, но воспоминания о том, как я пожирал глаза, били по вернувшемуся чувству вины сильнее кнута. Я был уверен, что вскоре не смогу дышать от воспоминаний о совершенных убийствах.

– Дэн-Дэн. Те грехи, что ты совершил, невозможно исправить, но у тебя впереди долгая жизнь. Путь искупления подходит тебе как нельзя лучше. Ни один демон не щадил ничего живого, ты же до абсурда добрый. Так послужи человечеству!

Неверяще, я глядел на Лилит. Первый демон Ада говорила совершенно не свойственные ей вещи. Я лишь несогласно фыркнул в ответ.

– Фауст, ты понял? Ты сделаешь все, что я тебе скажу.

Нехотя кивнул, поднялся, снова приобнял ее и потащил на минус второй этаж. Я приготовился к тому, что на нас нападут, как только двери лифта поползут в стороны. Но нет – здесь царил красноватый полумрак, смешанный с серым дымом. Даже под отелем слышался грохот: стреляли служителя ордена, кто-то кричал, рычал, пищал. Эти звуки создавали какофонию в голове, мешая сосредоточиться на цели.

Сцепив зубы, я почти потащил Лилит через коридоры шахт. Я целенаправленно шагал по костям, пытаюсь успокоиться, но сердце отчаянно билось о поломанные ребра, и в этом стуке мне чудился похоронный марш.

Добравшись до грота с адскими воротами, мы остановились. Фер Люций нетерпеливо расхаживал, порывывая от злости, отчего был похож на льва перед клеткой с открытой дверью, возле которой стоял укротитель. Рыжая отошла от меня и, не выдав своего плачевного состояния, поклонилась.

– Ты заставила меня ждать!

– Мой Повелитель, отель полон слугителей Contra Malum. Нам пришлось вступить в схватку.

Фер Люций, наконец, обратил внимание на нас, внимательно оглядев с ног до головы разноцветными глазами. Я склонил голову, чтобы скрыть свое презрение к нему.

– Фауст, возвращайся к стойке регистрации и защитой «Дахштайн» вместе с другими подданными ценой своей души.

Он величаво отмахнулся от меня и обратил все внимание на Лилит.

– А ты идешь со мной!

Она сделала вид, что повиновалась, и пошла вслед за темной фигурой. Едва Фер Люций ступил на несколько шагов вглубь врат, демон резко выпростала руку вперед и обрушила потолок перед воротами, засыпав их почти доверху.

– Лилит! – раздалось яростное. – Ты как посмела, мерзавка? Дворняжка безродная!

Она издевательски рассмеялась своим коронным сиплым смехом.

– Ты правда думал, что я не узнаю, кто я? Хозяин Ада тащит свое первое творение домой, потому что боится не справиться с распоясавшимися подчиненными?

Удар, последовавший за ее словами, отбросил камни. Мы увидели перекошенное бешенством лицо Фера Люция и не сговариваясь, попятились.

– Я убью тебя, Лилит! – орал Дьявол.

Рыжая лишь заливисто хохотала в ответ. Мои губы сами собой сложились в улыбку, но я тяжело дышал и морщился от шума в ушах.

– Не хочу больше грязной тряпкой валяться в ногах Повелителя. Столько веков боли, страха, жертв... Я связана с ним навечно, Дэн. Только небытие способно разрушить наши узы. Ты сможешь?

Я не сразу кивнул, шокированный ее признанием и не до конца понимающий, что означало загадочное «небытие»? Какой-то особый район Ада?

Лилит приказала отойти к стене. Демонической силой она сняла слой костей, обнажив влажный, воняющий гнилью песок. На нем рыжая начертила пентаграмму, потом вписала туда защитный круг и встала в центре. Фер Люций тем временем методично разносил завал, камни летели во все стороны.

Поднялся ветер, закрутив длинные пряди Лилит. Янтарные глаза вспыхнули тысячами огней. Она раскинула руки, упав на колени и произнося слова на латыни. Я плюнул на приказ и приблизился к кругу, желая помочь. Лилит мазнула по мне взглядом, чуть качнув головой, давая понять, что справится сама. Сердце тревожно билось, пока я наблюдал за ней. Из глаз девушки потекли кровавые слезы, а вход во владения Фера Люция начал затягиваться прозрачной слизистой пленкой. Пленка высохла и затвердела, превращаясь в белую кожу, которая стеной выростала на моих глазах. Я зачарованно следил за темной фигурой, что едва угадывалась по ту сторону барьера.

В коридорах шахты послышался шум и бег нескольких пар ног.

– Дэн! – нервно орал Фил.

Лилит не обманула. Облегчение оттого, что Фил на самом деле жив, затопило меня. Вместе с этим нахлынуло понимание, что я желал его убить и мог это сделать. Я сгорбился, вонзив ногти себе в ладони и ощутив, как желудок подкатил к горлу.

– Лилит! – звал голос Ниотинского.

Первым показался кардинал и кинулся к демонице, но остановился перед начерченной пентаграммой. Правую часть его лица пересекала глубокая кровоточащая рана. За ним выбежали Элишка и Джена, с разбитыми губами и порванной одеждой. Фила я увидел последним. Ему досталось больше всех. Митсон прихрамывал и зажимал плечо ладонью. Он затормозил рядом и широко распахнутыми глазами уставился на затянутый пленкой вход. Фил замер, будто загипнотизированный. Из пленки вытянулась когтистая

темная рука, натянула ее до предела и прорвалась наружу. Черное на белом. Рыжая закричала от боли, будто это ее плоть только что разорвали. Грегор стоял возле черты пентаграммы, стискивая кулаки и не сводя взгляда с Лилит.

Элишка, не теряя времени, упала на колени, своей кровью выводя еще одну пентаграмму, подобную той, в которой сидела Лилит. Джена судорожно листала ветхую книгу, которую принесла с собой.

– Кардинал! – строго окликнула она его. – Нужно спешить! Закрывать врата можно только в следующие десять минут!

Чернова рассекла ладони Джене и себе, потом то же самое сделали Ниотинский и Фил.

– Дэн, теперь ты. Нужна твоя кровь, – в голосе Хокс слышалось опасение, словно она только и ждала, что я сорвусь и перейду на сторону Фера Люция.

Молча полоснул по коже изменившимися когтями. Мы встали в пентаграмму и взялись за руки, смешивая тем самым кровь на ладонях. Я оглянулся на Лилит. Она наблюдала и лишь кивнула на мой немой вопрос.

Хозяин Ада медленно разрывал белый барьер руками, Лилит вздрагивала, но больше не издавала ни звука. Стиснув челюсти, она прижимала руку к ране от кинжала. Пятно крови на ее форме расплывалось, грозя поглотить весь низ пиджака.

Джена начала читать заклинание.

– Люцифер! Слушай глас уст моих силою земли и властью Бога! Я наступаю ногой на врата Ада. Этим заклинанием я запечатываю врата и засовы Ада, и тебя, Люцифер, вместе с твоей свитой, мучу, пытаю и терзаю, дабы ты ощутил всю муку проклятых и ощущал бы до тех пор, пока будут заперты врата. Силою земли и властью Бога да падет на вас проклятье, силою и властью святых имен Бога да разгорится адский огонь, да сплавит он двери раскрытые в единую твердыню. И всей мукой нашей, и страхом, и страданием – святыми именами Бога: Tetragrammaton, Adonai, Agla, Jesus Christus, Marguel, Eliba, Ai, Palenam. Да будет все это так! Аминь!^[61]

Элишка встробилась и повторяла за ней, потом Ниотинский, Фил и я. Наши голоса слились в один могучий. Самый яркий луч света белой полосой просочился сквозь наши переплетенные руки и поплыл к вратам.

Фер Люций больше не рычал. Лишь неотрывно наблюдал за нашими действиями. За его спиной появлялись все новые фигуры демонов. Они стояли так близко к своему Повелителю и друг к другу, что выглядели единым многоликим чудовищем.

– Когда вы устанете пытаться, я выйду из врат и нет, не разорву вас пополам, хотя мне очень хочется. Нет. Я растяну вас на дыбах и буду медленно пытаться, пока вы не сойдете с ума от боли, – его голос пробирал до костей, заставляя покрываться липкими мурашками.

Когда луч коснулся врат, и они пришли в движение, Фер Люций протянул руку и поймал его. Полоса трепыхалась, словно пойманная змея. Хозяин Ада напрягся, руки у него била крупная дрожь, и, заорав, он разорвал наш луч. Тот сразу померк, растворившись в воздухе.

Я чувствовал, как затряслись ладони Фила и Элишки в моих руках. Их полные ужаса глаза были отражением моих. Мне стало не хватать воздуха, а каменный свод грота, казалось, нависал слишком низко, буквально раздавливая решимость идти до конца. Заслон, который создала Лилит, еще стоял, зарастая, как только Фер Люций его разрывал, но надолго ли? Джена начала снова. Действие повторилось. Поймав вторую белую полосу, Фер Люций расхохотался.

– Забавно. Вы так и не поняли, что сумели запечатать врата, потому что я не стоял тогда рядом и не смог помешать. Сейчас вам это не удастся. Слишком малы силы. Фауст не тот Фауст, да и демон не демон. Да, Филипп?

Фил сглотнул так, что кадык подпрыгнул до подбородка. На лбу у него выступили крупные капли пота, а губы сжались в нитку.

В гроте поднялся ветер, швыряя пепел и дым, которые проходили сквозь барьер из врат нам в лицо. Лилит оперлась на руки и со вздохом выпрямилась. Решительно посмотрела на меня.

– Подойди и встань на одной из линий на песке, – прокричала она. – Я сама не смогу, нужна твоя сила.

Я послушался, отпуская руки Митсона и Черновой.

– Нет, Лилит. Не надо! – закричал кардинал, разрывая руки и кидаясь к рыжей.

Он натыкался на контуры пятиконечной звезды на песке и не мог пробиться к Лилит. Я же стоял беспрепятственно. Никогда не видел столь сильного отчаяния, которое буквально плескалось в воздухе

между кардиналом и демоном. Тогда я осознал, что их связывало в прошлом.

Любовь.

Ниотинскому было плевать на врата, в его глазах светилось обожание. В том, как Грегор смотрел на рыжеволосую, словно только при виде Лилит он мог дышать. Кажется, единственным владыкой для кардинала являлась девушка, сидящая на песке в центре пентаграммы, а не пресловутый Бог.

Фер Люций презрительно смеялся, но сквозь смех мне послышалась настороженность.

– Ты знаешь, что она хочет сделать?

Не обращая внимания на хозяина Ада, рыжая ровным четким голосом произнесла, глядя мне в глаза.

– Ego do tibi fortitudinem, Daniel^[62].

Я гортанно зарычал. Окружающий мир окрасился кроваво-красным. Волны жара от злости накатывали, собираясь поглотить мой разум. Я пытался сойти с линии, но мои ноги словно прибили гвоздями к земле. Что она задумала, дьявол ее задери!

Отвернувшись, Лилит подняла взгляд на заваленные камнями и затянутае тонкой прозрачной пленкой врата. Ее лицо заострилось, побледнело, словно с него стерли все краски.

– Лилит, ты мое самое совершенное творение. Не делай этого! – в голосе Фера Люция слышались мольба и печаль.

Демон лишь ухмыльнулась, припечатывая каждое слово, будто молотом.

– Immortalitatem. Meam. Tibi. Do. Gehenna^[63].

Пентаграмма засветилась. Мое тело, казалось, пронзили сотни ножей. Кровь скрутилась в тонкий жгут, и некто невидимый вытянул этот жгут из моего тела, разрывая вены и артерии. Мышцы, суставы, сухожилия – всё в одночасье разорвалось и срослось заново. Я кричал так, что закладывало уши.

Ветер в гроте выл, кидая соль и кости мне в лицо. Лилит стонала от боли. Из ее рта и ушей струйками текла яркая кровь.

– Нет! – орал Ниотинский, разбивая руки в кровь о невидимый барьер.

Врата со стоном начали смыкаться. Напоследок мелькнуло искаженное бешенством лицо Фера Люция и бросившиеся на штурм

врат, верные ему демоны. Лица на дверях хаотично плавали в камне, то выныривая на поверхность, то снова погружаясь вглубь. Пространство между створками шипело и заполнялось красной вязкой субстанцией. Врата срастались у нас на глазах, превращаясь в монолитную стену с уже бесполезными костяными ручками. Когда печать полностью выросла в них, грот содрогнулся, пол под нами прокатился волной. Послышался глухой хрустящий звук. По потолку зазмеились первые трещины. Это могло означать лишь одно: скоро здесь все обрушится.

Я почувствовал, что снова могу двигаться, и кинулся к Лилит, как и кардинал.

– Лилит! – с мукой в голосе выкрикнул он.

Он опустился на колени возле лежащей на песке рыжей. Ее пряди спутались и потеряли цвет из-за налипшего песка и пепла. Лилит не отрываясь смотрела на кардинала, и впервые я увидел нежность в ее взгляде. Словно им она хотела заменить самые крепкие объятия. Ниотинский, не сдержавшись, обвил девушку руками так осторожно, словно она была фигурой, сотканной из пепла, – прикоснись, и та развеется.

– Грегор, – слабо прошептала она. – Можешь мной гордиться. А еще больше – собой. Ведь у тебя почти получилось перевоспитать демона.

Я стоял рядом, но чувствовал, что сейчас для них никого не существовало. Мои глаза заволкло слезами, которые тщетно пытался сдержать. Понял, что совершенно не знал Лилит, Первую из демонов. Понял, что совершенно не знал мира, в котором близкий друг может оказаться заблудшей душой, приставленной охранять человека.

Кардинал-епископ Ниотинский молча плакал, обнимая и баюкая Лилит. Он случайно прикоснулся к открытому участку кожи на руке, и Лилит слабо дернулась зашипев.

– Прости, – виновато прошептал он, глядя на уродливый ожог, который не заживал.

Рыжая подняла руку и подрагивающими пальцами провела по щеке Грегора, стирая слезу. Пальцы ее тут же покрылись мелкими волдырями.

– Да все равно. Я уйду, наконец-то. Я буду свободна! – Лилит закашлялась, сплевывая кровь. – Дэн. Я отдала тебе силу. Чем она станет для тебя: проклятием или даром – решать тебе.

Она протянула ладонь в мою сторону. Я присел рядом на песок и взял ее за холодную кисть, крепко обхватив пальцами. Кардинал, глядя на наши сплетенные руки, стиснул челюсти и окаменел, но быстро пересилил себя, судорожно выдыхая и снова возвращая внимание на Лилит. Она лишь слабо улыбнулась ему, понимающе сощутив глаза.

Сзади неуверенно переминались Фил и ведьмы. Скорее всего, они не знали, что должны сделать: добить ее или попытаться спасти.

Спасти!

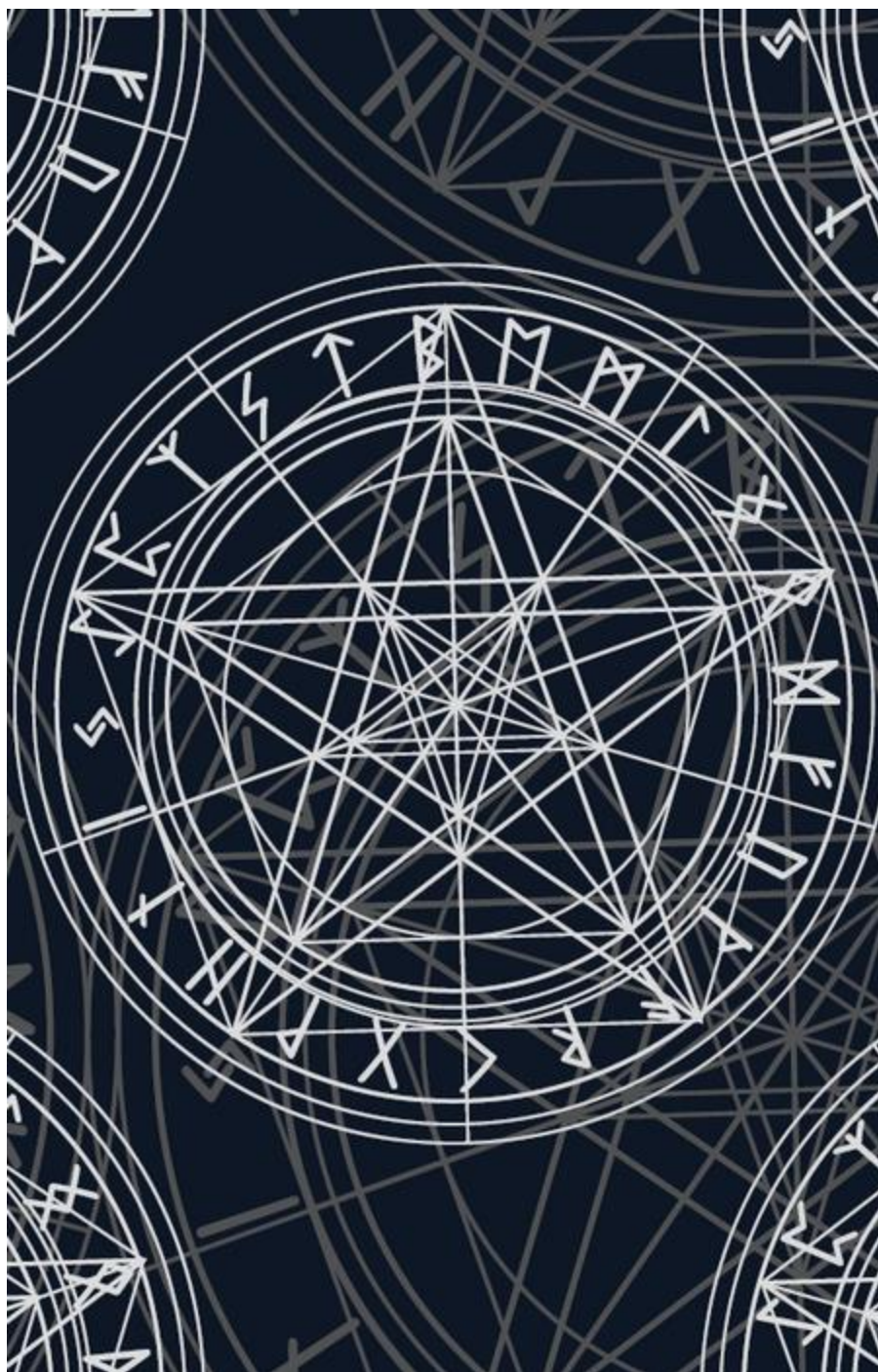
– Джена, вы можете помочь ей не умереть? – хрипло спросил я, молясь, чтобы она ответила «да».

В глазах Ниотинского яростно зажглась надежда. Ведьма подошла к нам, осторожно вытянув руки над Лилит ладонями вниз. Худое болезненное лицо Хокс виновато сморщилось. Еще до того как она открыла рот, я знал ответ.

Глава 21

Cicatrices tantum nos admonent praeteritorum, sed futura non determinant. Vel definire?

Шрамы лишь напоминают нам о прошлом, но не определяют наше будущее. Или определяют?

– Нет. Она отдала всю себя, – покачала головой Хокс.

Я ощущал, как сердце стало чересчур тяжелым. Хотелось вынуть его, чтобы не испытывать боль. Меня потряс поступок Лилит. Да, она желала свободы от Фера Люция и действовала скорее в своих интересах. Но рыжая могла не спасать меня заодно, не говорить того, что произнесли ее губы. Почему она так поступила?

Пальцы Лилит сжали мои. Слезы прочертили две прозрачные линии по уже высохшим красным. Ее губы разомкнулись. Она хотела что-то сказать, но не успела. Золотисто-рыжие глаза застыли, смотря на Ниотинского, а рука бессильно повисла в моей хватке.

Она больше не дышала.

Я отпустил пальцы Лилит и сгорбился, сидя на полу. Поднес руку к носу, вдыхая аромат рыжей, что остался на моей коже. Я почувствовал жжение в груди и резкое оцепенение. Жар бежал по венам, заставляя меня стонать от боли, но все прекратилось так же быстро, как и началось. Дыра в груди, оставленная рукой Фера Люция, больше меня не беспокоила, словно ее там и не было.

– Нам нужно уходить! Сейчас здесь все обрушится! – поторопил Фил.

Кардинал обнял Лилит и прижал к себе, не отрывая взгляда от лица. Он подхватил на руки ее безвольное тело и понес через коридоры к лифту. Мы с Филом двинулись следом за Грегором. Наблюдая, как покачиваются руки Лилит от шагов кардинала, я незаметно смахнул слезы и провел пальцами по коже за ухом. Выпуклых шрамов на шее стало больше. Казалось, печать разрослась во что-то иное. Элишка с Дженой хотели приблизиться к воротам, но друг прикрикнул еще раз, напомнив о скором обвале.

Едва кабина лифта закрылась за нами, подземный этаж сотряс грохот. Стены издали гул, и шахта завибрировала. Грот с воротами обвалился, и, вероятно, коридоры и адская прихожая также оказались погребены под камнем и солью.

«Дахштайн» успокоился и затих. Смолк шорох в стенах, оставив после себя лишь части тел, торчащие наружу. К тому времени, когда мы поднялись в холл, они окаменели. Отель впитал их, создав чудовищный интерьер.

Я метнулся к ресепшену за девочкой, которую спрятал в шкафу. Но малышки там не оказалось.

– Где девочка? – спросил я без объяснений, уверенный в том, что кардинал знает о ней.

– Она сыграла свою роль и возвращена родителям, которые служат в Ордене. Ребенок должен был помочь тебе вернуть себя прежнего. Думаю, что она справилась. Ведь так?

Я не ответил. Двери стеклянной гостиной были распахнуты. Ниотинский прошел туда и уложил Лилит на один из диванов, бережно откинув волосы с ее лица. Фил с ведьмами неслышно следовали за ним и оставались начеку на случай, если демоны, вышедшие из врат, все-таки притаились в отеле. Грегор отошел к шкафу-купе, скрытому в стене. Методично заглянул во все отделения, что-то разыскивая. В нижних ящиках нашлось то, что он высматривал. Сливовица^[64], которую обожал цедить мистер Рот. Кардинал щедро плеснул напиток в стакан для воды, заполнив его наполовину. Отпил несколько глотков и вытер рукой губы:

– Ты любил ее?

Вопрос ударил под дых, но я сумел сохранить лицо.

– Кого? Лилит? Ненавидел.

Он прищурился, наблюдая за моими эмоциями. Его властное лицо осунулось и посерело. Синие глаза с лопнувшими сосудами принадлежали не мужчине, а глубокому старику. От носа к губам залегли складки морщин, словно бы за полчаса он постарел на десятки лет.

– Врешь. Ее нельзя было ненавидеть без любви. Поверь, я пробовал. Не вышло.

Мою грудь сдавило. Стало трудно дышать. Я не знал, куда деть руки. Чтобы как-то занять их, взял кофейную чашку и налил себе сливовицы. Отпил, с трудом проглотив, и сразу же ощутил тошноту.

– Покажи печать, Дэн, – Фил с Дженной и Элишкой добрались до гостиной, остановившись в дверях.

Вздыхнув, я убрал волосы. Фил почти уткнулся носом мне в шею, а после скривился.

– Что? – не выдержал я и пошел к зеркалу.

Вместо одной печати демона у меня стало две. Только вторая красовалась рядом в перевернутом виде. Ощущение пустоты в груди сменилось зародившейся надеждой. Возможно, я все же не стал демоном. Ведь по тому немногому, что я успел прочитать в дневниках предка, одна печать могла отменять действие своей предшественницы.

Я взглядом снова остановился на теле Лилит, лежащем на гостевом диване. Если бы не следы запекшейся крови, можно было бы представить, что она спит. Как же так вышло, что демоница не

оставила себе никакой лазейки, чтобы спастись? Я думал, что знаю ее, но заблуждался.

– Что это значит?

– Не знаю, Дэн. Двух печатей я никогда не видел. Возможно, в дневниках и гримуарах Фауста могут быть ответы.

Мне показалось, что друг попытался на что-то намекнуть. Он бросил взгляд на кардинала, а потом снова на меня. Может, стоило сказать, что я не демон, потому что Ниотинский мог меня убить?

– Джена, вы можете уйти, – отпустил ведьм Грегор, даже не обернувшись на них. Фил тяжело выдохнул и, пробормотав, что проводит девушек до другого отеля, ушел. Тишина тяжелым покрывалом повисла между нами. Опустошив бутылку спиртного, кардинал размахнулся и швырнул ее о стеклянные двери, ведущие на террасу. За ней вечные Альпы обнимали облака, и снег замел весь лес у подножий. Двери выдержали, а бутылка разлетелась мелкими осколками по гостиной. Входные двери хлопнули, и в гостиной появился целый отряд служителей Ордена.

– Сир? Вы в порядке?

Он поднял на них пустой взгляд, на щеках играли желваки. Голосом, в котором слышался скрежет стекла об асфальт, Грегор ответил:

– Да. Врата Дахштайна закрыты навечно. Демоны?

– Убиты пятеро, двоих мы упустили из-за бури.

На меня наставили оружие, словно на бешеного зверя, поведение которого не могли предугадать. Неожиданно появившийся за спинами Фил поднырнул под их руки и шагнул ко мне, закрывая собой от Ордена. Он поднял кулаки, опустил подбородок и подтянул его к шее, заняв оборонительную позицию. Я на мгновение сжал его локоть, испытывая признательность за то, что Фил защищает меня, несмотря на то, сколько всего я натворил. Выступил из-за его спины и приготовился бороться за свою жизнь.

– Фауст. Он демон? – мужчина с кольцом-печаткой, как у Ниотинского, не снимал пальцев со спускового крючка, готовый пристрелить меня прямо на месте.

– И да, и нет. Он человек с демоническими способностями.

Грегор повернулся ко мне, по-птичьи наклонив голову к правому плечу, будто оценивая добычу.

– Выбирай, Дэниэль. Или мы попытаемся тебя убить, или ты присягнешь Ордену, выбрав путь искупления. Не буду отрицать, ты слишком ценен для Contra Malum.

На лице кардинала не отражались эмоции, но в его словах мне слышалась тоска. Ну как же, ведь я стал носителем силы Лилит. Я ощутил пустоту, дыру в груди, которая разъедала мои внутренности, и что есть силы вонзил когти себе в ладони. Разве я смогу жить с чувством вины? Со вкусом множества смертей на языке?

Что бы ни выбрал, Лилит это не вернет, как и жизни тех, кого я убил за время, проведенное в отеле. В голове всплыли слова демона: «Послужи человечеству». Может, в этом я найду свое призвание?

Ниотинский удовлетворенно кивнул, видимо, поняв мой ответ без слов. Фил не двигался, пристально следя за каждым движением служителей.

– Обыскать отель. Все находки должны быть перемещены в тайный архив Ватикана.

Я оскалился, зарывчав. Чувствовал, как сила пульсирует в венах, посылая волны жара. Рот наполнился слюной, и мне до смерти захотелось попробовать на вкус глаза Ниотинского.

– «Дахштайн» принадлежит мне. На ресепшене есть дарственная, подписанная Лилит. Хотите, чтобы я был с Орденом, – оставьте отелю его вещи. Особо ценные книги я скопирую и отдам сам.

Кардинал, не ожидавший такого поворота, застыл, тяжело дыша. Откашлявшись, он растер и без того красную шею и обернулся на диван с телом Лилит, словно она могла подтвердить или опровергнуть мои слова. Пока мы говорили, служители методично вскрывали замки, распотрошив внутренности многочисленных ящичков ресепшена.

– Сир, лежало под крышкой закрытого ноутбука.

Мужчина с кольцом-печаткой протянул кардиналу тонкий конверт, подписанный моим именем. Ниотинский провел пальцами по острым буквам, которые вывела рука рыжей, и неохотно протянул его мне. Затем он, поджав губы, вышел в холл, тихим голосом приказывая сворачивать погром. Руки дрожали, когда я вскрыл конверт.

«Наверное, банально такое писать, но если ты читаешь письмо, то я мертва. Значит, мне удалось обрести свободу от служения и от той жизни, которую я вела.»

Демоническое в тебе, Дэниэль, никогда не уйдет. Придется научиться с этим жить. Храни «Дахштайн», он важен, даже с закрытыми воротами. Книги в библиотеке помогут тебе многое понять.

Ты, скорее всего, сейчас ненавидишь себя за все, что сделал. Ненавидишь меня и весь мир. Это пройдет.

Спроси себя, почему у нас не может быть второго шанса?

Разбитые жизни можно восстановить.

Справедливость может восторжествовать.

Разрушенные отношения могут возобновиться.

Грехи могут быть искуплены, а ошибки исправлены.

Мы все заслуживаем второго шанса. Нужно просто быть достаточно смелым, чтобы воспользоваться им!

Я знаю, что ты именно такой.

Прощай!

P. S. Не прогибайся под Орден, лучше создай свой!

Лилит, Первая из демонов Ада».

Я рассмеялся и вытер потный лоб. Сдерживаясь, чтобы не заорать в голос от злости, скомкал письмо, собираясь выбросить, но в последний момент засунул его в карман брюк.

Три года спустя. Прага. Дэн

Я встречал рассвет в принадлежащей Ордену кофейне на берегу бурлящей Влтавы. Мне нравилась пропитанная запахами дымка утренней Праги, когда готические, острые, как иглы, шпили костелов опутывала паутина тумана.

Очертания улиц, размытые, словно видение, впитывали в себя редкие машины и сонных прохожих. Время на границе двух миров: людского и сверхъестественного. Казалось, что именно сейчас промелькнет еврейский голем или цилиндр столетнего вампира, который возвращается с охоты домой на Ольшанское кладбище.

Закрыв глаза, вспоминая события последних лет. Бессменный глава Contra Malum дал мне многое. Подозреваю, что он ненавидел меня в той же мере, в которой любил Лилит. Причина крылась в том,

что я провел с первым демоном гораздо больше времени, чем он за всю свою долгую жизнь.

Грегор Ниотинский умер ровно через год, уйдя за той, кого любил больше долга, а на меня взвалили целый Орден. Теперь я глава. Кардинал настоял на преемнике, силой одев мне на палец личную регалию. С тех пор на моей руке красовался перстень с папскими ключами, обвитыми змеями. Для меня символ означал, что добро всегда идет рука об руку со злом. Человеку и «энсиа»^[65] довольно легко перепутать сторону в зависимости от обстоятельств и побуждений.

Из Фила Митсона все-таки получился идеальный хранитель, моя правая рука. «Лучше поздно, чем никогда», – шутил он, скрывая горечь от того, кем я стал, за неизменной улыбкой. Благодаря Филиппу пришло понимание и принятие нового «я».

Все это время я посвятил обучению: много истории, языки, древние шифры и легенды, боевые искусства. Все, что могло пригодиться в охоте на мне подобных. В охоте на демонов. Жнецы Фера Люция сеяли зло, баланс которого мой Орден стремился не нарушать. Я последовал совету Лилит. *Contra Malum* сильно поменял вектор, полностью отколовшись от Ватикана, что оказалось довольно болезненно для главы святой церкви. Расстались мы почти врагами. А учитывая то, что большая часть служителей лишилась колец и званий, покинув Орден, недругами сделались и бывшие соратники. На их место пришли преданные мне люди и нелюди. Церковь в лице Папы больше не могла быть в курсе событий сверхъестественного мира, став пережитком веры. Мой Орден занял место третьей власти современного мира, потеснив Ватикан.

Дом Фауста стал моим полноценным жилищем. После реконструкции и капитального ремонта он заблестел новыми стеклами и истинным видом фасада, который имел еще при моем предке. Богемия снова, как и в далеком прошлом, «правила балом» в мире существ.

Я считал, что в каждом из нас притаился монстр. Обычные «хомо сапиенс» иногда гораздо страшнее, чем «энсиа». На примерах Лилит, Фила и на личном я понял, что не все сверхъестественное должно истребляться. Никакой «охоты на ведьм». Мы можем мирно сосуществовать, если установить правила.

Чернова и Хокс, как ни странно, изъявили желание примкнуть к обновленному Ордену, и я не стал им препятствовать. Джена открыла школу травников, пытаясь таким образом найти людей, в жилах которых текла бы ведьмовская кровь. Она не теряла надежды собрать свой ковен. Элишка поселилась у Фила. Кажется, друг впервые в жизни был настроен на серьезные отношения.

«Дахштайн» я сделал пристанищем для тех, кто хотел жить в мире, кто шел против устоявшихся порядков своей стаи, клана или гнезда, приняв решение не вредить людям. Любой «энсиа» мог прийти туда и получить кров, пищу и помощь, если в ней нуждался.

Управляющим отеля я назначил мистера Функа, который, как ни странно, получил обратно свои воспоминания и присягнул мне на верность. «Дахштайн» претерпел некоторые изменения. Возле парадных дверей Функ посадил по австрийской традиции грушу. Дерево обнимало ветвями стены, будто хотело сдержать все то зло, что поселилось внутри здания.

Моя ба объявилась, едва я вернулся в Прагу. Дом Фауста ей не нравился, она захотела осесть в «Дахштайне», чтобы контролировать мистера Функа. Их пара постоянно по-стариковски брюзжащих приятелей вызывала у меня улыбку. Отель оказался в надежных руках. Я жил на две страны, приезжая в Австрию каждые выходные, благо от Праги на машине, на полной скорости мчаться всего пять часов.

Документы на своего черного «Мустанга» Лилит также успела переписать на меня. Я часто думал о ней. Какой она была со мной? Настоящей или полностью подчиненной воле Фера Люция? Самым главным вопросом, который занимал меня: где рыжая сейчас? Точно не в Аду.

Я остался демоном, но в то же время был человеком. Вернее, сила Лилит дала мне бессмертие, неуязвимость, физическую силу. Однако остались и жажда убийств, и голод, когда я смотрел в глаза людей, носивших на себе пятна гнили. Человеческая совесть, воля и чувство вины держали меня на коротком поводке, больше не позволяя сорваться.

– Пан Фауст! – позвал меня помощник, оторвав от воспоминаний. – Машина готова. Можем ехать к замку.

– Говоришь, замок Гоуска? – хмурился я.

Ниотинский все-таки приобрел замок. От имени Ордена я передал Гоуску во владение Чешской Республике. Нам он ни к чему, врата дважды никогда не открывались в одном и том же месте.

Рядом с замком, в поселке Блатце начали пропадать люди. Местные жители были напуганы, а полиция не нашла ни следов преступников, ни тел.

– Да. Там были врата в Средние века. Сам замок построен вокруг глубокой пропасти, – уверенно докладывал парень, думая, что я не знал о Гоуске.

– Сколько там пропало без вести? – уточнил я, на планшете просматривая карту местности.

– Шесть человек за последнюю неделю.

Я рассеянно кивнул. Мне нужно было в замок совсем по другой причине, о которой помощнику не полагалось знать. Именно число шесть указало мне направление.

Приехав к подножию, я отправил парня с бесполезным поручением, а сам остался в машине, вписав ее в пентаграмму и начертив охранный круг. На всякий случай. Если Фил прав, то меня не заставят ждать.

После смерти Лилит друг повинился в краже креста с серьги.

– Он открывает тяжелую старинную шкатулку, которую, я надеюсь, ты нашел вместе с гримурами предка, – сказал мне тогда Фил. – Она не принадлежит Фаусту, Дэн.

– Что в ней?

Я достал из тайника свое наследие, а друг – крест. Он поднес его к шкатулке и сунул в неприметную щель, которая оказалась замочной скважиной. Щелкнул замок, и перед глазами предстала книга с обложкой из вулканического камня и страницами из человеческой кожи.

– Не советую листать ее, Дэн, – предостерег Фил. – Я должен отдать дневник законному владельцу, я у него в долгу и хочу вернуть эту вещь в уплату.

В тот день я узнал о демоне Роули, заключающем сделки по вызову. Демон Перекрестков, который помог другу остаться незамеченным в Аду, пока тот ждал момента моего рождения, чтобы воплотиться на Земле. Я рассчитывал на информацию в обмен на его дневник. Фил не знал, куда попадали демоны после смерти, и о

«небытие», которое упомянула Лилит, за три года я так ничего и не выяснил.

– Я слышал, ты меня искал, Фауст. Желаеть прогуляться в Ад?

Томный голос раздался в двух шагах от меня, отчего я непроизвольно вздрогнул и подобрался. Я ждал гостя, сидя за рулем, с открытой дверью. На подстаканнике лежал заряженный арбалет, на котором были нарисованы демонические печати. Высокий, мускулистый мужчина, явившийся к пентаграмме, был одет в строгий бордовый костюм с галстуком-бабочкой. Его полные губы глумливо кривились, а взгляд желтых глаз похотливо прошелся от моего лица к промежности, заставив на мгновение стушеваться.

– Хочу вернуть тебе дневник.

– Уверен, это не все, чего ты хочешь, – облизнув губы раздвоенным языком, проворковал он.

– Мне нужна информация о «небытии» и можно ли вернуть оттуда демона.

Роули захлопал в ладоши и засмеялся, показывая белые треугольные клыки, словно услышал самую уморительную шутку. Он прикрыл раскосые, как у кошки, глаза с вытянутым вертикальным зрачком.

– Ты сначала с Богемией разберись, – сварливо посоветовал он.

Я вышел из машины, но не из защитного круга. Засунул руки в карманы штанов и открыто встретил его взгляд.

– С Богемией все в порядке, – убежденно отбил я.

– Уверен? Кое-что назревает, и Вильгельм Рот скоро окажется в самой гуще событий. Тебе нужно будет вмешаться.

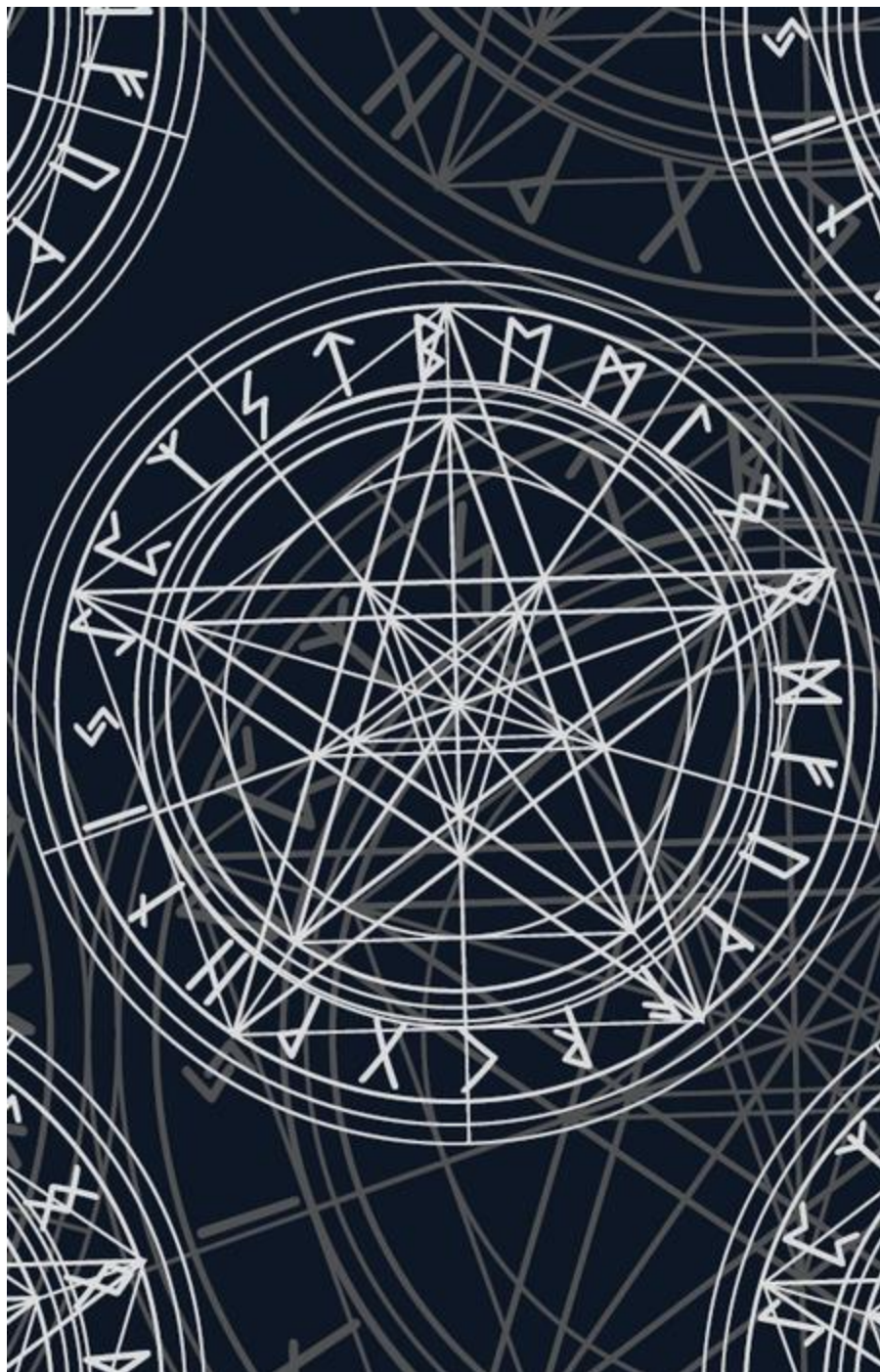
Я потер подбородок, быстро обдумывая его слова. О мистере Роте, как ни искал, я ничего не смог найти. Словно вампиров никогда не существовало. Никаких записей или упоминаний. Я начинал подозревать, что все знания о них специально полностью уничтожили. Ощущая, как сердце стучит где-то в глотке, я облизал пересохшие губы, сделал пару шагов и выбрался за пределы пентаграммы.

– Заключим сделку?

Конец

Музыкальное послесловие от автора

Я выбрала именно эти треки, потому что они заставляли меня ярче чувствовать, видеть сцены, персонажей и атмосферу.

Например, слушая Premonitions – Valtus, я сидела вместе с Дэном на горе Дахштайн. А под Woodkid – Iron писала огненную Лилит.

Уверена, что плейлист создаст глубокую эмоциональную связь между «Дахштайном» и читателем.

Valtus – Premonitions

Vaults – Cry no more

Woodkid – Iron

Woodkid – Goliath

Agnes Obel – The curse

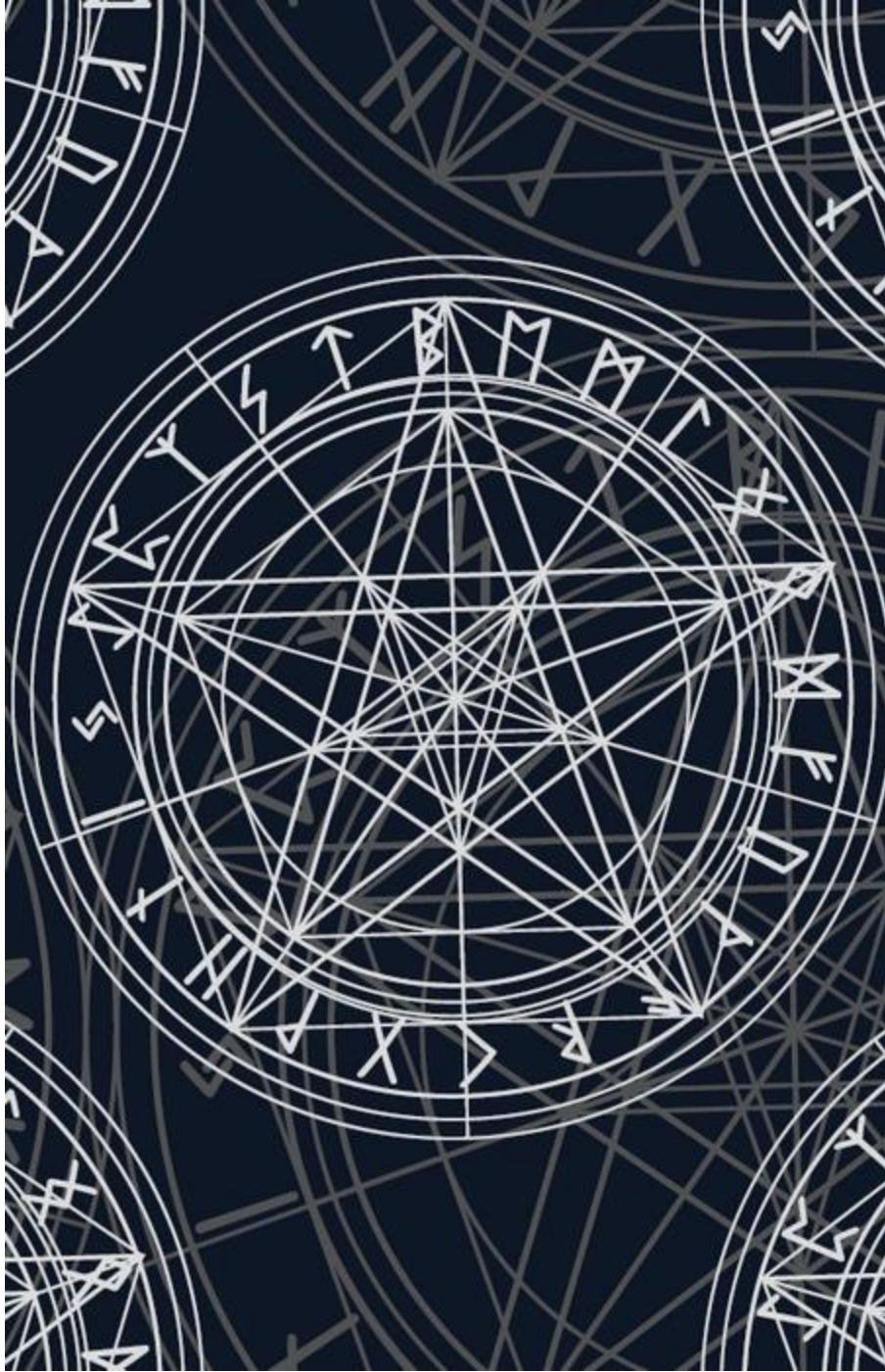
The Irrepressibles – In This Shirt

Young Summer – Will It Ever Be The Same

Pavel Dovgal – Faust

Linkin Park – Lost

Devil Devil – Milck

notes

Примечания

Янтарный цвет глаз, который является разновидностью карего, очень большая редкость. Янтарные глаза обычно яркие, ясные, с очень сильно выраженным золотым тоном всей радужной оболочки. Истинно янтарные глаза, которые могут напоминать глаза волка, практически не встречаются в природе (здесь и далее прим. автора).

2

Byt (чеш. «быт») – квартира.

3

Guten Tag, Frau Faust (нем.) – Добрый день, фрау Фауст.

4

– Venku je hnusně. Takže těšíme se na hezké počasí (чеш.) – на улице дерьмовая погода, так что ждем хорошей.

Костел (от лат. *castellum* «укрепление») – слово в польском, украинском, чешском, словацком и силезском языках, обозначающее католический храм. В чешской культуре слово используется в отношении церквей всех христианских конфессий.

6

Pražský orloj (чеш.) – пражские куранты, или «орлой», средневековые башенные часы, установленные на южной стене башни Староместской ратуши в Праге. Третьи по возрасту астрономические часы в мире и старейшие, которые все еще работают.

Стихотворение Игоря Северянина «Странно».

Staré Město (чеш. «Старэ Мнесто», «Старе-Место») – Старый город – исторический район Праги в районе Прага 1 на правом берегу реки Влтавы.

Фер Люций – Люцифер. Задумка автора для имени дьявола.

⁹ *Pigpen* – шифр масонов или шифр крестики-нолики. Геометрически простой шифр подстановки (метод, в котором элементы исходного текста заменяются зашифрованным текстом в соответствии с некоторым правилом. Элементами текста могут быть отдельные символы, пары букв, тройки букв), в котором каждой букве алфавита ставится в соответствие определенная часть одной из четырех сеток. Вся сложность шифра заключается в том, чтобы определить, по какому закону каждой букве алфавита отводится место в одной из четырех сеток.

Шифр Оттендорфа (один из видов книжных шифров). В качестве ключа берется непосредственно книга. Тогда каждое слово зашифрованного послания отыскивается в этой книге, и ему присваиваются «координаты»: номер страницы, строки и порядковый номер слова. В конечном итоге послание будет представлять из себя некоторый набор чисел, каждая тройка которых – указание на слово.

Prosím, jedno americano. Velké. S sebou. (чеш.) – Пожалуйста, один американо. Большой. С собой.

Имеется в виду охота на ведьм в немецком городке Бамберг, одна из крупнейших европейских охот. Происходила в XVII веке.

14

mito film (чеш.) – снимают фильм.

Divadlo (чеш.) – театр.

«Пурпурными шапочками» в народе называют кардиналов католической церкви. Пурпурный цвет является символом крови и подразумевает то, что кардинал будет отстаивать христианскую веру до последней ее капли.

Отрывок взят из книги «Чернокнижие Йоганна Фауста. Том 1. Магия естественная и противоестественная». Настоящий перевод выполнен по немецкому изданию: Johannes Faust's Magia naturalis et innaturalis. – Stuttgart, 1849. Перевод с немецкого Харун И. В.

Ботель – судно с рестораном, которое служит гостиницей или хостелом. Может быть постоянно пришвартовано в одном месте или совершать водные туры.

Розарий – традиционные католические четки.

Евангелие от Матфея 5:28

Vade retro, Satana (лат. – «Иди прочь, Сатана») – Может использоваться как отказ от соблазна, несогласие с внушениями другого человека.

Доломан – короткая куртка с характерным стоячим воротником, входившая в гусарскую форму.

Guten Morgen. (нем.) – Доброе утро.

Bursche – парень, мальчик, юноша.

Völkischer Beobachter (нем.) – «Фелькишер беобахтер», «Народный обозреватель» – пропагандистское издание нацистов. Последний тираж вышел 30 апреля 1945 года.

Contra Malum (лат.) – против зла.

Князь Церкви – термин, в настоящее время применяющийся исключительно к кардиналам Римско-католической церкви. Однако исторически термин более значим как общее название всех высших священнослужителей.

Согласно Новому Завету. Упоминаются в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки. 30 сребреников отождествляются с тирскими шекелями – серебряными монетами. При достаточно высокой пробе монета весила в разные периоды от 12,9 до 14,4 грамм.

Gore-tex (читается *гортэкс*) – мембранная ткань для изготовления специальной одежды и обуви. Производится из фторопласта (тефлона). Основные свойства: водонепроницаемость и паровыводимость.

Tu ad partem gehennae! Et sicut daemonium oriri! (лат.) – Ты переходишь на сторону ада! Ты восстанешь демоном!

Цель «груши» – попасть в любое из человеческих «провинившихся» отверстий. Потом крутили винт. Лепестки груши раскрывались подобно цветку, разрывая при этом все внутренние органы жертвы и причиняя ей невыносимую боль.

Утробная кошка состояла из острого железного предмета (шила) длиной 30–50 см и деревянной рукоятки. К шилу приделаны несколько крючков, которые при вращении утробной кошки должны наматывать на себя внутренности осужденного.

Zámecká prohlídka (чеш.) – экскурсия по замку.

Postupně a v klidu (чеш.) – постепенно и в покое.

Замок Гоуска (*чеш. Hrad Houska*) – раннеготический замок XIII века в Северной Чехии.

Vánoce (чеш.) – Рождество Христово. В Чехии выпадает на 25.12

Jak se jmenuješ? (чеш.) – Как тебя зовут?

Афоризм означает наличие общих интересов (часто корыстных) между людьми, которые не предают друг друга и действуют заодно.

mein Freund (нем.) – друг мой.

Guten Tag (нем.) – Добрый день.

Willkommen am Dachstein. (нем.) – Добро пожаловать в Дахштайн.

Обои на флизелиновой основе. Флизелин (нем. Vlieseline) – это волокнистый нетканый материал, основу которого составляет целлюлоза в смеси с текстильным волокном и полимерным связующим.

Семь смертных грехов – классификация пороков в христианских учениях. К смертным грехам относятся: гордыня, жадность, гнев, зависть, прелюбодеяние, обжорство и уныние.

Прага-Троя (*чеш. Praha-Troja*) – пригородный район севера Праги на берегу Влтавы. Престижный вилловый район, отдаленный от центра.

Мухомор красный (*лат. Amanita muscaria*) – ядовит, обладает психоактивными свойствами. Мусцил, выделяемый при сушке, обладает седативно-гипнотическим, диссоциативным эффектом. Смертельная доза для человека – примерно 15 шляпок.

Конопля посевная (*лат. Cannabis sativa*). Растение сушат целиком и потом измельчают. Считается «легким наркотиком».

Плаун (*лат. Spinulum*) – растение содержит ликоподий, который ядовит, парализует двигательные нервы.

Атанор – алхимическая печь.

Оригинальный отрывок взят из книги «Чернокнижие Йоганна Фауста».

Igneus (лат.) – огненная.

Hallo! (авст.) – Привет!

Guten Abend. (нем.) – Добрый вечер.

Экстра-рейр/Extra rare (*blue rare, blue*) – прогретый до 46–49 °С стейк, сырой, но не холодный.

Колоратка или римский воротник – элемент облачения клириков и священников в западных церквях и церковных общинах, представляющий собой жесткий белый воротник с подшитой к нему манишкой. Застегивается сзади и надевается под сутану.

Текст на латыни, взят из короткого Романского ритуала экзорцизма (изгнания демона).

Fallaces sunt rerum species (лат.) – Не все то, чем кажется.

De omnibus dubito (лат.) – Во всем сомневаюсь.

Выражение приписывают Зигмунду Фрейду.

Pršelo (чеш.) – шел дождь.

Sancti hic sunt (лат.) – Святоши уже здесь.

Adjuva eam, et adduc eam ad Dominum. Nos te agere cum ordine
(лат.) – Помоги ей и приведи к Повелителю. Мы разберемся с
Орденом.

Glock – австрийская фирма – производитель оружия, основанная в 1963 году в Дойч-Ваграме. Наибольшую популярность приобрела за счет своих пистолетов, однако также производит ножи и пехотные лопатки.

Текст частично взят из книги «Гримуары великого чернокнижника. Великое заклятие ада».

Ego do tibi fortitudinem, Daniel. (лат.) – Я отдаю тебе свою силу,
Дэниэль.

Immortalitatem. Meam. Tibi. Do. Gehenna. (лат.) – Я. Отдаю. Тебе.
Свое. Бессмертие. Ад.

Слиловица (Slivovica) – сливовый дистиллят (бренди), крепостью 40 %, 45 % и 52 %. Хорошую сливовицу обычно выдерживают в дубовых бочках или стеклянных бутылках от 3 до 8 лет.

Entia (лат.) – существа. Новое определение, единое для всех сверхъестественных видов дал Дэниэль Фауст, второй глава ордена Contra Malum.